

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ДРУЖБЫ НАРОДОВ
СЕРИЯ:
СОЦИОЛОГИЯ**

2026 Том 26 № 1

**Научный журнал
Издается с 2001 г.**

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61214 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

**RUDN JOURNAL
OF SOCIOLOGY**

2026 Volume 26 No. 1

**Founded in 2001
by the Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba**

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-1

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: СОЦИОЛОГИЯ

ISSN 2313-2272 (Print); ISSN 2408-8897 (Online)

4 выпуска в год.

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Публикует статьи по научным специальностям согласно номенклатуре ВАК РФ: 22.00.00 — социологические науки и 09.00.11 — социальная философия. Журнал включен в ядро РИНЦ, RSCI, Scopus, ERICH PLUS, Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich's Periodicals Directory, EBSCOhost, Google Scholar, WorldCat, Electronic Journals Library Cyberleninka. Журнал индексируется в базе данных Web of Science — Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics).

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология» — периодическое международное рецензируемое научное издание в области социологических исследований. Журнал является международным как по составу редакционной коллегии и экспертного совета, так и по авторам и тематике публикаций.

Цели журнала: публикация результатов фундаментальных и прикладных научных исследований по актуальным вопросам социологической науки, широкий обмен результатами теоретических и эмпирических исследований между специалистами, работающими в различных областях социально-гуманитарного знания. На страницах журнала публикуются материалы по историографии мировой социальной мысли как классического, так и современного периода; статьи по результатам фундаментальных и прикладных исследований по проблематике специальных социологических теорий, по методологии и методике социологических исследований и др. В журнале выступают специалисты, представляющие ведущие научные социологические центры, институты, организации, а также вузы России и зарубежных стран. Широкая тематика журнала представляет возможность публиковаться в нем представителям смежных специальностей (политологам, историкам, экономистам и т.д.), опирающимся в своих исследованиях на эмпирические социологические данные. Кроме научных статей публикуется хроника научной жизни, включающая рецензии, научные обзоры, информацию о конференциях, научных проектах.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе COPE (*Committee on Publication Ethics*) <http://publicationethics.org>.

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования к подготовке и публикации статей, архив (полнотекстовые выпуски с 2008 года) и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/sociology>.

Электронный адрес: socioj@rudn.ru.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

RUDN JOURNAL OF SOCIOLOGY

ISSN 2313-2272 (Print); ISSN 2408-8897 (Online)

4 issues per year.

Languages: Russian, English.

Indexed/abstracted in RSCI, Scopus, ERICH PLUS, Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich's Periodicals Directory, EBSCOhost, Google Scholar, WorldCat, Electronic Journals Library Cyberleninka. The journal is indexed and abstracted in the Web of Science — Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics).

Aims and Scope

Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia (RUDN Journal of Sociology) is a peer-reviewed international academic journal publishing research in sociology and related fields. It is international with regard to its editorial board, contributing authors and thematic foci of the publications.

The aims of the journal: to publish the results of fundamental and applied research on the topical issues of sociology, and to ensure a broad exchange of the results of theoretical and empirical studies between scientists from different fields of social sciences and humanities. In the journal one can find papers on the historiography of the classical and modern periods of the world social thought; on the results of fundamental and applied research devoted to the problems considered by special sociological theories; on the difficulties in choosing methodological approaches and techniques for the study of complex social phenomena, etc. The journal publishes papers of the authors representing the leading sociological centers, institutes, organizations, and universities in Russia and abroad. The thematic 'repertoire' of the journal presents opportunities for authors from many disciplinary fields (political scientists, historians, economists, etc.) relying on the empirical sociological data in their research. The journal also welcomes book reviews, literature overviews, and conference reports.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (*Committee on Publication Ethics*) <http://publicationethics.org>.

Further information regarding the journal, its editorial board, requirements to articles for contributors, and the journal's archive (full-text issues from 2008) and additional information are available at <http://journals.rudn.ru/sociology>.

E-mail: socioj@rudn.ru.

Подписано в печать 01.03.2026. Выход в свет 10.03.2026. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 28. Тираж 500 экз. Заказ № 8. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН: 115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Нарбут Н.П., доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии Российского университета дружбы народов, Россия. E-mail: narbut-np@rudn.ru

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Троцук И.В., доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии Российского университета дружбы народов, Россия. E-mail: trotsuk-iv@rudn.ru

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

Аль Гарайбе Ф., профессор социальной работы и социальной политики, директор научно-исследовательского Института гуманитарных и социальных наук, Университет Шарджи (ОАЭ); профессор кафедры социальной работы, Университет Иордании

Базаров А.В., доктор исторических наук, профессор, академик РАН, директор Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Гаспаршвили А.Т., кандидат философских наук, доцент, заместитель директора Центра стратегии развития образования МГУ им. М.В. Ломоносова

Голенкова З.Т., доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследований социальной структуры и социального расслоения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

Данилов А.Н., доктор социологических наук, член-корреспондент НАН Беларуси, заведующий кафедрой социологии Белорусского государственного университета (Белоруссия)

Диас Николас Х., доктор политологии, профессор факультета политических наук и социологии Мадридского университета Комплутенсе (Испания)

Иванов В.Н., член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, советник РАН

Ивченко С.Г., доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета Саратовского национально-исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского

Куропятник М.С., доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой культурной антропологии и этнической социологии Санкт-Петербургского государственного университета

Назарова И.Б., доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН

Пан Д., доктор социологических наук, профессор Института социологии Шанхайской академии общественных наук (КНР)

Подвойский Д.Г., кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социальной философии и философии истории философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Пузанова Ж.В., доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии, заведующая лабораторией социологических и фокус-групповых исследований факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов

Тюрин И.О., кандидат социологических наук, доцент, заместитель директора Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН по научно-проектной и организационной деятельности

Хагуров Т.А., доктор социологических наук, профессор, первый проректор Кубанского государственного университета

Чамбаликова М., доктор философии (социология), профессор, научный сотрудник Института социологии Словацкой академии наук, заведующая кафедрой социологии и социальной психологии высшей школы Данубиуса (Словакия)

Чулуун С., доктор истории, академик Монгольской академии наук, Генеральный секретарь Международной ассоциации монголоведческих исследований, директор Национального музея Чингисхана (Монголия)

Шастри С., доктор философии, профессор, вице-канцлер университета Джагран Лейксити (Индия)

Шнайдер С., доктор философии (социология), профессор Федерального университета Рио-Гранде-ду-Сул (Бразилия)

Шубрт И., доктор философии (социология), профессор факультета гуманитарных исследований Карлова университета (Чехия)

Шувакович У., доктор социологических наук, профессор кафедры философии и социальных наук, Белградский университет (Сербия)

Эбзева Ю.Н., доктор социологических наук, первый проректор-проректор по образовательной деятельности Российского университета дружбы народов

Литературный редактор *К.В. Зенкин*

Компьютерная верстка: *И.А. Чернова*

Адрес редакции:

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2

Тел.: +7 (495) 434-20-12, e-mail: socioj@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

EDITOR-IN-CHIEF

Narbut N.P., D.Sc (Sociology), Professor, Head of Sociology Chair, RUDN University, Moscow, Russia.
E-mail: narbut-np@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Trotsuk I.V., D.Sc (Sociology), Professor, Sociology Chair, RUDN University, Moscow, Russia.
E-mail: trotsuk-iv@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

Al Gharaibeh F., Professor of Social Work and Social Policy, Director of the Research Institute of Humanities and Social Sciences, University of Sharjah (United Arab Emirates); Professor, Department of Social Work, University of Jordan

Bazarov A.V., D.Sc (History), Professor, Academician of Russian Academy of Sciences, Head of Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of Siberian Branch of RAS (Russia)

Čambáliková M., PhD (Sociology), Professor, Researcher, Institute of Sociology of Slovak Academy of Sciences; Head of Sociology and Social Psychology Chair, Higher School Danubius (Slovakia)

Chuluun S., PhD (History), Academician of the Mongolian Academy of Sciences, Secretary General of the International Association of Mongolian Studies, Director of the Chinggis Khaan National Museum (Mongolia)

Daniłov A.N., D.Sc. (Sociology), Corresponding Member of National Academy of Sciences of Belarus, Head of Sociology Chair, Belarusian State University (Belarus)

Díez Nicolás J., D.Sc (Political Sciences), Professor, School of Political Sciences and Sociology, Complutense University of Madrid (Spain)

Ebzeeva Yu.N., D.Sc (Sociology), First Vice-Rector for Educational Work, RUDN University (Moscow, Russia)

Gasparishvili A.T., PhD (Philosophy), Associate Professor, Deputy Director, Center for Educational Development, Lomonosov Moscow State University (Russia)

Golenkova Z.T., D.Sc (Philosophy), Professor, Head of Center for Social Structure and Social Differentiation, Federal Sociological Research Center of Russian Academy of Sciences (Russia)

Ivanov V.N., D.Sc (Philosophy), Professor, Corresponding Member and Advisor, Russian Academy of Sciences (Russia)

Ivchenkov S.G., D.Sc (Sociology), Professor, Dean of Faculty of Sociology, Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky (Russia)

Khagurov T.A., D.Sc (Sociology), Professor, First Vice-Rector, Kuban State University, Krasnodar (Russia)

Kurovpatnik M.S., D.Sc (Sociology), Professor, Chair of Cultural Anthropology and Ethnic Sociology, Saint Petersburg State University (Russia)

Nazarova I.B., D.Sc (Economics), Senior Researcher, Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of Russian Academy of Sciences (Russia)

Pan D., D.Sc (Sociology), Professor, Sociology Institute of Shanghai Academy of Social Sciences (China)

Podvoyskiy D.G., PhD (Philosophy), Associate Professor, Chair of Social Philosophy and Philosophy of History, Lomonosov Moscow State University (Russia)

Puzanova Zh.V., D.Sc (Sociology), Professor, Head of Laboratory of Sociological and Focus-Group Research, RUDN University (Russia)

Schneider S., D.Sc (Sociology), Professor of Sociology of Rural Development and Food Studies, Federal University of Rio Grande do Sul (Brazil)

Shastri S., PhD (Philosophy), Professor, Vice Chancellor, Jagran Lakecity University (India)

Šubrt J., PhD (Sociology), Professor, Faculty of Humanities, Charles University (Czech Republic)

Šuvaković U., D.Sc (Sociology), Professor, Department of Philosophy and Social Sciences, University of Belgrade (Serbia)

Tiourina I.O., PhD (Sociology), Deputy Director for Scientific, Project and Organizational Activities of Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of Russian Academy of Sciences

Review Editor *Konstantin V. Zenkin*

Computer design: *Irina A. Chernova*

Editorial office:

Postal Address of the Editorial Board:

10 Miklukho-Maklaya St., bldg. 1, 117198 Moscow, Russian Federation

Ph. +7 (495) 434-20-12; e-mail: socioj@rudn.ru

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University), Moscow, Russian Federation

6 Miklukho-Maklaya St., 117198 Moscow, Russian Federation

Printed at the RUDN Publishing House: 3 Ordzhonikidze St., 115419 Moscow, Russian Federation

Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ «СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ» ВОСЬМОГО ПРОФЕССОРСКОГО ФОРУМА (РУДН, 20 НОЯБРЯ 2025 ГОДА)

Тощенко Ж.Т. Образование и наука: опыт и поиски взаимодействия	9
Иванов В.Н. Идеология и образование.....	24
Черныш М.Ф. «Депопуляционная ловушка» в процессах воспроизводства российской науки	31
Кравченко С.А. Р. Мертон: шаги к инновациям – опыт формирования новаторского дискурса у студентов	49
Данилов А.Н. Синтез традиций и новаций – ответ университетов на вторжение будущего	58
Нарбут Н.П., Ван Бин. Особенности университетского управления в России и Китае (на англ. яз.)	67
Барков С.А., Маркеева А.В., Колодезникова И.В. Институциональное и административное управление в сфере образования: из прошлого в будущее	77
Мамедов А.К. Социологическое образование как поле формирования дивергентного мышления	93
Троцук И.В. Общие и особенные, качественные и количественные, демографические и философские аспекты дискуссий о российском социологическом образовании	98
Мещерякова Н.Н. Социологическое образование в России: методологические вызовы и практические ориентиры реформирования	108
Проказина Н.В. Профессиональная идентичность социолога: роль преподавателя в современных условиях развития высшего образования	118
Носкова А.В. Профессиональное благополучие в науке с позиции эвдемонистического подхода	130
Темнова Л.В., Вербицкая А.К. Имидж преподавателя высшей школы в условиях цифровой трансформации образовательной среды	142
Хагуров Т.А., Медведев М.М. Социология риска и безопасности в системе подготовки социологов: к вопросу о когнитивной безопасности социума и ее гарантиях.....	158
Шарков Ф.И., Силкин В.В., Киреева О.Ф. Социология связей с общественностью в контексте социологического образования	172
Юдина Т.Н., Волкова О.А. Социально-демографическая компетентность как системный элемент подготовки социологов: интегративная модель.....	178
Пузанова Ж.В., Гудкова Я.А. Образовательные практики настоящего и будущего: студенты об использовании ИИ в университете	190
Субботина М.В. Образовательная политика как инструмент формирования идентичности: поиск баланса между традицией и модернизацией.....	204
Бабинцев В.П. Социальные технологии в социологическом и «несоциологическом» измерении	215
Ларина Т.И. Эмоционально-ориентированный подход: как учесть человека за «цифрой»	224

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЛЕКТОРИЙ

- Ростовская Т.К., Кучмаева О.В., Васильева Е.Н.** Институциональные механизмы формирования модели эффективной семейно-демографической политики 234
- Акбар Й.М., Хаяти Н., Музыкант В.Л.** Социологический аспект политической поддержки: влияние инфлюэнсеров на пользователей социальных сетей (на англ. яз.) 249
- Марков А.В., Штайн О.А.** Городские легенды о реке как медиаторы урбанистических практик и нормативных взаимодействий (на англ. яз.) 261

РЕЦЕНЗИИ

- Козырев Г.И.** Типология героев-«оборотней» в первые постсоветские десятилетия 273
- Никулин А.М.** Старые ценности новой сельскости 278
- Ишмухаметов Р.Р.** Самостоятельность и взросление в школьном и социальном контекстах 287
- Поляков Ф.Д.** Переживая пространство ночного города: ночь как источник социологического воображения 295
- Пашигорова Л.В.** Социологические аспекты в истории общественного здравоохранения 303

- НАШИ АВТОРЫ** 310

CONTENTS

SECTION “SOCIOLOGICAL SCIENCES” OF THE EIGHTH PROFESSORIAL FORUM (RUDN UNIVERSITY, NOVEMBER 20, 2025)

Toshchenko Zh.T. Education and science: Experience and search for interaction.....	9
Ivanov V.N. Ideology and education	24
Chernysh M.F. “Depopulation trap” in the reproduction of Russian science.....	31
Kravchenko S.A. R. Merton: steps to innovations – experience of forming innovative discourse among students	49
Danilov A.N. Synthesis of traditions and innovations – universities’ response to the invasion of the future	58
Narbut N.P., Wang Bing. Features of university management in Russia and China.....	67
Barkov S.A., Markeeva A.V., Kolodeznikova I.V. Institutional and administrative management in education: From the past to the future.....	77
Mamedov A.K. Sociological education as a field for developing divergent thinking	93
Trotsuk I.V. General and specific, qualitative and quantitative, demographic and philosophical aspects in discussions about Russian sociological education	98
Meshcheryakova N.N. Sociological education in Russia: Methodological challenges and practical guidelines for reform.....	108
Prokazina N.V. Professional identity of the sociologist: Teacher’s role at the current stage of the higher education development	118
Noskova A.V. Professional well-being in science: An eudaimonic perspective.....	130
Temnova L.V., Verbitskaya A.K. Image of the higher education teacher under digital transformation of educational environment.....	142
Khagurov T.A., Medvedev M.M. Sociology of Risk and Safety in training sociologists: Societal cognitive security and its guarantors.....	158
Sharkov F.I., Silkin V.V., Kireeva O.F. Sociology of public relations in the context of sociological education	172
Yudina T.N., Volkova O.A. Social-demographic competence as a systemic element of sociologists’ training: An integrative model.....	178
Puzanova Zh.V., Gudkova Ya.A. Educational practices of the present time and the future: Students’ opinions on the use of AI at university.....	190
Subbotina M.V. Educational policy as a tool for identity formation: In search of a balance between tradition and modernization.....	204
Babintsev V.P. Social technologies in the sociological and “non-sociological” dimensions	215
Larina T.I. An emotionally oriented approach: How to capture the human behind the numbers.....	224

SOCIOLOGICAL LECTURES

Rostovskaya T.K., Kuchmaeva O.V., Vasileva E.N. Institutional mechanisms for a model of effective family-demographic policy.....	234
Akbar Y.M., Hayati N., Muzykant V.L. Sociological aspects of political support: Influencers' impact on the social media users	249
Markov A.V., Shtayn O.A. Urban river narratives as mediators of urban practices and normative interactions.....	261

REVIEWS

Kozyrev G.I. A typology of “werewolf”-heroes” in the first post-Soviet decades	273
Nikulin A.M. Old values of the new rurality	278
Ishmukhametov R.R. Independence and growing up in school and social contexts.....	287
Polyakov F.D. Experiencing the space of the nocturnal city: Night as a source of sociological imagination	295
Pashigorova L.V. Sociological aspects in the history of public health	303

AUTHORS	310
----------------------	-----

СЕКЦИЯ «СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ» ВОСЬМОГО ПРОФЕССОРСКОГО ФОРУМА (РУДН, 20 ноября 2025 года)

SECTION “SOCIOLOGICAL SCIENCES” OF THE EIGHTH PROFESSORIAL FORUM (RUDN University, November 20, 2025)

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-1-9-23

EDN: RPFHLU

Образование и наука: опыт и поиски взаимодействия*

Ж.Т. Тощенко

Российский государственный гуманитарный университет,
Миусская пл., 6, Москва, 125047, Россия

Институт социологии ФНИСЦ РАН,
ул. Крижановского, 24/35, корп. 5, Москва, 119218, Россия

(e-mail: zhantosch@mail.ru)

Аннотация. В статье описаны состояние и проблемы взаимодействия образования и науки в условиях происходящей научно-технической революции (Индустрия 4.0 и Индустрия 5.0). Показаны условия и факторы, ограничивающие воздействие образования и науки на происходящие в российском обществе процессы, влияющие на достижение как научных, так и учебных целей. Охарактеризована ситуация с влиянием науки на процесс обучения, эффективность и действенность форм и видов этого влияния. На основе статистических и социологических данных объяснено противоречие между целями и назначением образования и науки и их практическим воплощением, что позволяет автору сделать вывод: образование и наука в своем взаимодействии находятся на распутье. Обозначены причины этого состояния, имеющие как опосредованный, так и реально действующий характер. На основе авторского опыта отмечены уже применяемые и возможные меры совершенствования управления образованием и наукой с точки зрения их взаимного обогащения и совершенствования. В заключение охарактеризована специфика взаимодействия социологического образования и социологической науки.

Ключевые слова: российское образование; российская наука; эффективность и результативность взаимодействия образования, науки и производства

*© Тощенко Ж.Т., 2026

Статья поступила в редакцию 01.12.2025. Статья принята к публикации 15.01.2026.

Для цитирования: *Тощенко Ж.Т.* Образование и наука: опыт и поиски взаимодействия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2026. Т. 26. № 1. С. 9–23. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-1-9-23> EDN: RPFHLU

В условиях происходящей научно-технической революции коренным образом изменились требования как к науке, так и к образованию. Они нуждаются в принципиально новых формах и методах повышения их действенности и эффективности, способах решения актуальных естественно-научных, технических и социальных проблем. Хотя имеется некоторый положительный опыт взаимодействия образования и науки, он охватывает незначительное число высших учебных заведений и академических учреждений. Этот разрыв между потребностью в объединении их усилий и масштабами этого объединения во многом объясняется несовершенством образовательной и научной политики, реализуемой в общероссийском масштабе, а также отсутствием ее органической связи с производственными и культурными запросами общества. Анализ этой политики показывает, что ее ограниченность обусловлена просчетами в управлении, неиспользованием и даже отказом от обсуждения намечаемых преобразований с главными субъектами осуществления принимаемых решений — преподавателями и научными работниками, а также со студентами (или в широком смысле со всеми обучающимися). На поиск и внедрение творческих и новаторских предложений по взаимодействию образования и науки серьезно влияет снижение социального престижа науки, образования и субъектов их реализации — ученых и преподавателей, и также заинтересованности молодежи в работе в этих сферах.

Как наука влияет на образование

Воздействие науки на народное просвещение и образование в России/СССР имеет давнюю традицию, но также свои особенности и специфику на разных этапах развития. Коренной поворот к такой деятельности научной общественности начался еще в 1920-е годы и проходил своеобразно. На начальном этапе этот поворот был направлен на обеспечение научно-образовательного просвещения, в котором стали принимать участие многие группы интеллигенции, в том числе ученые Академии наук. Пропаганда среди населения роли науки велась посредством просветительской политики, нацеленной на популяризацию научных знаний среди рабочих и крестьян. Первые шаги пропаганды выразились в том, что в конце 1922 – начале 1923 года на фабриках и заводах появились кинотеатры, которые регулярно демонстрировали научные и производственные ленты, — только в Москве их насчитывалось около 35. Учитывая большой спрос на их показы, при Всероссийской промышленно-показательной выставке был организован отдел производственной пропаганды. Таким мерами решался вопрос не только

научно-технического просвещения народа, но и понимания научными работниками политики советской власти по поддержке научного знания, что убеждало их в действительной заботе государства о науке [14].

В годы индустриализации были сделаны следующие шаги по научному просвещению народа: 3 июня 1932 года Президиум АН СССР создал Комитет научной консультации и пропаганды научных достижений, которому вменялась в обязанность организация массовых лекций и экскурсий, издание научно-популярной литературы, организация выставок и проведение консультаций по внедрению научных достижений. В декабре 1944 года издательство АН СССР начало выпускать серию «Научно-популярная литература». В газете «Известия» 14 декабря 1944 года президент АН СССР С.И. Вавилов опубликовал статью «Долг советской интеллигенции», которая была посвящена научно-просветительной пропаганде. Ученые не заставили себя долго уговаривать: издательство Академии наук СССР оперативно выпустило в серии «Научно-популярная литература» следующие книги: Г.Г. Слюсарева «О возможном и невозможном в оптике»; Н.В. Цицина «Дополнительные ресурсы на службу Родине»; Б.Д. Грекова «Культура Киевской Руси» и «Киевская Русь»; Н.С. Державина «Племенные и культурные связи болгарского и русского народов»; А.Е. Ферсмана «Воспоминания о камне». В 1947 году было создано Всесоюзное общество «Знание», которое стало мощным и действенным инструментом пропаганды научных и политических взглядов. В послевоенные годы страна особенно нуждалась в прорывных решениях в науке и технологиях, в социально-культурной трансформации — распространяемые этим обществом знания показывали населению такую сторону деятельности ученых, которая раскрывала не только ее созидательную сущность, но и возможности ее практической реализации в функционировании экономики и культуры [16. С. 17–33].

Что касается участия ученых в образовательном процессе, то такое выражалось в создании учебников и учебных пособий по естественно-научным и социально-гуманитарным дисциплинам. Эта сфера деятельности ученых постоянно расширялась и постепенно превратилась в профессиональную обязанность по подготовке единых, «стабильных» учебников, особенно после постановления ЦК ВКП(б) «Об учебниках для начальной и средней школы» (1933). В 1930-е годы П.О. Афанасьев составил букварь и уроки письма для третьего и четвертого годов обучения. Е.Б. Бабский подготовил учебник «Физиология», В.Ф. Натали — учебник «Генетика», Н.Ф. Четверухин — «Введение в высшую геометрию». Историки МГПИ под руководством А.В. Шестакова выиграли конкурс на лучший учебник по истории, и их вариант учебника использовался в обучении до середины 1950-х годов. Особенно значимой стала подготовка учебников для высшей школы — многие из них стали классическими и сформировали основу авторитета образования в СССР [см.: 10]. Не менее значимым для просвещения стало издание ряда

таких популярных журналов, как «Знание — сила» и «Наука и жизнь». Для подготовки кадров научных работников и преподавателей вузов в 1934 году была учреждена аспирантура.

В целом в СССР были созданы условия не только для развития науки, но и для ее постоянного и влиятельного участия в совершенствовании образования.

Говоря о современном этапе воздействия науки на образование, можно сказать, что возможности науки значительно сократились, что началось с правительства Е.Т. Гайдара, объявившего, что «науки у нас много» (в смысле затрат на ее содержание и развитие). Последовало сокращение финансирования, уменьшилось количество научных подразделений и, как неминуемое следствие, и число научных работников. В результате наука и ее кадры оказались в достаточно плачевном состоянии: если в конце 1980 года в научных подразделениях трудилось 1373 тысяч сотрудников, то в 2021 году — 340 тысяч, в том числе 24 тысячи (7 %) докторов наук и 73 тысячи (21,6 %) кандидатов наук. Число НИИ заметно сократилось — с 2686 (2000) до 1618 (2019). Что касается проектных и проектно-исследовательских организаций, то их число вследствие не востребоваемости в ходе псевдорыночных реформ сократилась наполовину. Кроме того, произошла «естественная убыль» по причине отсутствия мер по воспроизводству кадров, отсутствия спроса и недостаточного финансирования нового этапа научно-технической революции. В результате по числу занятых в сфере исследований и разработок на 10 тысяч населения Россия занимает 25 место в мире [13].

Переход к рыночным отношениям сопровождался гиперинфляцией, падением производства и дефицитом бюджета, поэтому государственные вложения в исследования резко упали. Если в 1990 году на науку уходило около 2,4 % ВВП, то уже в 1992 — лишь 0,5 %, а к концу десятилетия — менее 1 %, что привело к хроническим задержкам выплат и вынужденному простоя многих лабораторий. Основным каналом поступления денег оставался федеральный бюджет, но его возможности были ограничены: в 1992 году ассигнования на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР) составили лишь треть от уровня 1991 года, а к 1998 году, на фоне дефолта и обвала рубля, ситуация усугубилась инфляцией в 84 %, сделавшей любые средства еще менее эффективными. В дальнейшем поддержка науки колебалась в пределах 1–2 %, и государство незначительно увеличивало финансирование научной сферы. Доля науки от общих расходов федерального бюджета в 2024 года составила 2,38 %, от ВВП — 0,36 %. Главный экономист ВЭБа А. Клепач отметил, что в 2024 году на НИОКР было выделено меньше 1 % ВВП [12].

Такая политика привела к тому, что по объему ВВП на исследования и разработки у России в мировом рейтинге 43 место (затраты в пределах 1 %). Для сравнения: у США 4 место в мире (3,6 % ВВП), у Израиля — более 6 %, у

Южной Кореи — 5,21 %, Германии — 2,7 %. Огромный удар по функционированию науки был нанесен фактической ликвидацией Российской академии наук в 2013 году, что превратило ее в клуб ученых. В результате, по данным «Глобального инновационного индекса-2025» (ГГИ-2025), составленного Всемирной организацией интеллектуальной собственности в партнерстве с Институтом Портуланса, Россия заняла 62 место по показателю «развитие технологий и экономики знаний» и 55 место по «результатам креативной деятельности» среди 132 стран. Для сравнения: в 2012 году по индексу экономики знаний Россия находилась на 55 месте.

Очевидно, что в этой ситуации усилия ученых с выраженной гражданской позицией были сосредоточены на спасении научных заделов, а в плане выживания при резком уменьшении оплаты труда — на поиске дополнительного дохода или уходе в другие сферы. Воздействие науки на образование резко сократилось, так как научные работники в значительной степени сосредоточились на обеспечении соответствующего их представлениям уровня личного благополучия: преподавательская занятость нередко становилась вынужденным решением, а не реализацией потребности развить свой научный потенциал.

Вместе с тем сама наука и люди, ее олицетворяющие, не прекращают участие в совершенствовании путей воздействия на образование, проявляя заботу о будущем. Имеющийся опыт позволяет выделить несколько форм и путей заботы о будущем науки: так, институты Сибирского отделения РАН в Академгородке многие годы плодотворно участвуют в совершенствовании общего образования, работая со школьниками — готовя будущие научные кадры в физматшколе (часть ученых работают учителями). В высшем образовании ряд академических институтов организовали кафедры и не только для чтения лекций: так, Институт проблем химической физики РАН в 2021 году открыл базовую кафедру физико-химической инженерии на факультете химии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; Институт физики Земли РАН в 1993 году в соответствии с договором с МГУ организовал две базовые кафедры — физики Земли на физическом факультете и геофизических методов исследования земной коры на геологическом факультете; Институт Африки РАН в 2013 году создал кафедру африканистики и арабистики на факультете социальных и гуманитарных наук РУДН.

Значительное число научных учреждений организуют практику для студентов соответствующего профиля: так, ученые Института солнечно-земной физики СО РАН проводят практику для студентов физического факультета Иркутского государственного университета в новом формате — не только знакомят со своей работой, но и включают студентов в научные исследования; в Институте научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН студенты не только познакомились с работой института, но на две недели

погружалась в профессию научного сотрудника. Возросли и масштабы вовлечения студентов в проводимые научные исследования: так, в Институте востоковедения РАН (ИВ РАН) приветствуют индивидуальные запросы на прохождение практики в течение всего календарного года при условии, что один из центров или иных подразделений института заинтересован в сотрудничестве со студентом-практикантом. Есть и специфические формы участия в учебном процессе: в настоящее время академические институты включились в организацию 50 ведущих инженерных школ в вузах страны, чтобы решить проблему подготовки высококвалифицированных специалистов для производства и для науки.

Представляет интерес и организация университетов при научных учреждениях, что было сделано лауреатом Нобелевской премии Ж.И. Алферовым, создавшем при своем институте университет, главная цель которого — подготовка кадров для науки. Свою лепту в подготовку кадров для социальных наук внесли и академические институты Отделения общественных наук РАН, организовав Гуманитарный университет по своим специальностям под эгидой РАН.

Особо следует отметить такое направление деятельности науки, как просвещение, т.е. пропаганду научных знаний среди населения. К сожалению, советский опыт работы — через общество «Знание», издание периодических журналов и научно-популярной литературы — значительно померк. Напомню, что всесоюзное, республиканские и областные (краевые) общества «Знание» возглавляли ученые, начиная с Н.И. Вавилова, который, будучи президентом АН СССР, руководил учреждением этого общества и направлял его работу все годы своей жизни. О том, что объемы и качество научного просвещения упали, говорят такие факты: журнал «Наука и жизнь», издававшийся в Советском Союзе тиражом в 3 млн экземпляров, в настоящее время выходит в свет тиражом в 25 тысяч, а журнал «Знание — сила», выпускавшийся прежде в количестве 700 тысяч экземпляров, сегодня имеет 5-тысячный тираж. Если к этому списку добавить такие научно-популярные журналы, как «Техника — молодежи», «Химия и жизнь», «В мире науки», «Наука и техника» и др., то очевидно, что влияние науки на массовое сознание, особенно молодежи, значительно сократилось, в результате чего научное знание агрессивно замещается всякого рода эзотерикой, заведомо ложными сведениями и даже паранаукой (достаточно назвать казус с В.И. Петриком, предлагавшим очищать воду экзотическими методами). В последние годы стало очевидно, что снижение роли науки, обусловленное в том числе официальными мерами на фоне заявлений о ее важности, серьезно сказалось на темпах развития России, и политика в отношении науки, в том числе РАН, стала меняться, чтобы обеспечить ее реальное участие в управлении государством и обществом, о чем как об основополагающей проблеме говорил с большой тревогой нынешний президент РАН Г.Я. Красиков. Этот сдвиг проявил-

ся и в передаче РАН научной экспертизы всех исследований в стране, подготовки учебников для всех уровней образования и участия в программе «Приоритет 2030», которая направлена на поддержку трех траекторий развития университетов — образование, исследования и инновации.

Формы участия образования в научном процессе

Общее образование причастно к науке косвенно, в основном в духе или посредством просвещения. Школа призвана готовить подрастающее поколение к освоению всех имеющихся в стране профессий, в том числе к возможной научной деятельности. В целом авторитет науки достаточно высок: до 80 % россиян говорят о высоком доверии науке, хотя только 5–6 % родителей связывают будущее своего ребенка с работой в сфере науки, а выпускники школ еще реже подтверждают свою ориентацию на науку — только 1–2 % видят в ней жизненную перспективу.

Несомненно, в ориентации школьника на науку огромную роль играет учитель: именно он первый замечает специфические склонности учащегося и способен их направлять, помогая разобраться в жизненных ориентациях. Это особенно ярко проявилась в школах таких выдающихся педагогов, как А.С. Макаренко, В.А. Сухомлинский, А.В. Занков, С.Л. Соловейчик, М.П. Щетинкин и др. (к сожалению, практически все прекратили существование). Идеи этих педагогов состояли в формировании цельной, системно мыслящей, творческой личности в условиях максимума свободы для саморазвития, которое базируется на природных склонностях. В настоящее время таких школ и примеров их организации крайне мало, хотя наблюдаются попытки их создания: так, по инициативе учителей в Якутии были реализованы социокультурные проекты, одна из целей которых — развитие научного мышления у школьников, что привело к победам не только на всероссийских олимпиадах, но и на соревнованиях в Бельгии, Германии и Китае [19].

Олимпиады играют важную роль в ориентации школьников на научную деятельность: так, только в 2024 году свыше 140 тысяч учащихся изъявили желание участвовать в Национальной технологической олимпиаде. Как считает член-корреспондент РАО П.А. Орежковский, участие в олимпиадах — чуть ли не единственный путь развития научного творчества ребенка. Вместе с олимпиадами других уровней и других форм организации такая форма соревнования воспитывает целеустремленность, желание достичь победы, быстрее приобщиться к передовым методам работы, овладеть знаниями, которые в значительной мере только начинают формироваться [6]. Приобщению к науке способствуют и бывшие Дворцы пионеров — ныне Дома детского творчества. Хотя их число значительно уменьшилось, оставшиеся призваны сформировать у посещающих стремление и желание развить творческое мышление, что связано с необходимостью много и долго трудиться. В этой связи уместно напомнить, что Моцарт однажды сказал,

что успех на 95 % состоит из труда, а оставшиеся 5 % — это талант, а Гете считал, что для успеха достаточно лишь 1 % одаренности, а все остальное сделает труд. К этим утверждениям следует добавить еще две составляющие успеха: упорство и веру в свое дело.

На вовлечение студентов в научное творчество повлияли и ущербные предложения таких либералов от образования, как бывший ректор ВШЭ Я.И. Кузьминов, бывший ректор РАГСИНХ В.А. Мау и бывший министр Д.В. Ливанов, — начиная от внедрения эффективного контракта до разделения вузов на три группы «по качеству обучения». В последнюю в этой классификации группу попали многие региональные вузы, которые действительно ограничены в своих возможностях и потенциале, но это значит, что практически всем студентам этих вузов закрыт путь не только к престижным должностям, но и в науку. Данные реформаторы рьяно защищали Болонскую систему, в рамках которой модное зарубежное клише — подготовка узкопрофессиональных навыков человека-функции — обрело гипертрофированные и уродливые черты [1; 8]. Однако Кузьминов отвечал на все возрастающую критику все новыми «изобретениями» вроде «Двенадцати решений для нового образования», перехода от обучения по системе «3+1» к «2+2», с возможностью смены образовательной траектории, превращения учебного процесса в «свободный бакалавриат» или в «школу свободных искусств», вместо того чтобы сосредоточить усилия на развитии творческого мышления [3; 4].

Тем не менее, российская школа в той или иной мере включена в процесс ориентации выпускников на возможную работу в сфере науки: некоторые выберут научную биографию, прежде всего те, кто показывает отличные успехи в учебе, причем школа, ученики и их родители ревниво относятся к такому показателю, как награждение золотыми и серебряными медалями, — они были отменены в 2014 году и возрождены в 2023 году под несколько иным названием — золотые и серебряные медали «За особые успехи в учении» I и II степеней. Правда, и здесь не все благополучно. По данным Минобрнауки, в Москве золотые медали получили менее 9 % выпускников, в Санкт-Петербурге — немного более 7 %, а в Кабардино-Балкарии, Адыгее, Карачаево-Черкесии, Мордовии и Ставропольском крае — от 17 % до 20 % [6]. Получившие медали в большинстве своем стремятся получить образование в таких наукоёмких университетах, как МГУ, ВШЭ, Бауманский университет, МФТИ, РУДН, а также в ведущих вузах основных научно-образовательных центров в Санкт-Петербурге, Новосибирске, Екатеринбурге и др. Однако реальная жизнь показала, что награждение медалями часто не соответствует качеству подготовки — часть медалистов не смогли освоить учебу и были отчислены из университетов. Характерен курьезный случай: в 2024 году на проверочном диктанте на факультете журналистики МГУ более 70 % первокурсников-медалистов допустили от 8 до 16 ошибок.

Говоря о нацеленности школьников на те или иные профессии, надо иметь в виду, что вследствие отсутствия налаженной системы профессиональной ориентации и редкого применения социально-психологических тестов для определения способностей у выпускников школ происходят серьезные ошибки и просчеты в выборе жизненного пути. По данным международного исследования PISA, в России насчитывается около 6 % одаренных детей, и только 20 % школьников могут успешно овладеть физико-математическими знаниями. Исходя из этого, неудивительно, что, по данным Минобрнауки, примерно 20 % студентов (а в некоторых вузах от 40 % до 60 %) не доходят до защиты дипломных (выпускных) работ [15].

Что касается высшего образования, то при характеристике университетов следует помнить, что вузы готовят специалистов для всех отраслей экономики и культуры, поэтому ориентация на науку не предполагает всеобщего охвата студентов. В тех вузах, которые преследуют эту задачу, нацеленность на будущую научную работу формируется и поддерживается специфическими формами учебного процесса — спецкурсами и спецсеминарами, на которых студент получает углубленную информацию по интересующим его вопросам. Это широко распространенная форма, которая в ведущих университетах обеспечивается возможностью предложить студенту на выбор значительное число таких спецпрограмм. Ориентация на научную деятельность закрепляется посредством проведения научных конференций и других форм обсуждения научных проблем (круглые столы, встречи с учеными, посещение научных институтов), но таковые привлекают, как показывают опросы, не более 2–3 % студентов, причем не все они пойдут в науку. Поскольку сегодня растет значимость прикладного научно-технического творчества, если практическая деятельность переплетается с элементами как исследовательской, так и возможной практической работы, то это может стать причиной (мотивом) выбора этой специфической подготовки. Поиск методов привлечения студентов к научной работе приводит и к оригинальным решениям: так, на факультете психологии МГУ студенты участвуют в написании статей в русскоязычную «Википедию», понимая, какую ответственность несут перед читателями [7]; в РУДН и Белгородском научно-исследовательском университете для научно-исследовательских работ и прохождения углубленной практики студентам передали больницы, что является одним из эффективных способов развития ответственности, профессиональных компетенций и научного мышления [18. С. 28–42].

Закрепление стремления посвятить себя науке предполагает и участие в научных проектах, выполняемых по заказу или в рамках грантов молодежными коллективами или через включение студентов в научную работу кафедр и групп исследователей. Через эту форму комплектуются как многие научные учреждения, так и вузовские преподавательские коллективы. В последнее время стала развиваться и такая форма, как одновременная совмест-

ная работа — различные состязания для получения научно-прикладного знания, когда организаторами выступают производственные объединения совместно с университетами и научными учреждениями. Например, «Роснефть» с 2019 года проводит высокотехнологичные IT-марафоны, что позволяет находить и поддерживать талантливых специалистов, внедрять в производственные процессы инновационные решения и укреплять партнерство между наукой, образованием и производством [2].

Ряд исследований показывает, что в выборе научного пути огромную роль играют авторитеты не вообще, а работавшие (или работающие) в конкретном университете. Так, опрос студентов РГГУ показал, что в определении своего будущего они ссылаются на таких ученых, причастных к судьбе университета, как С. Шмидт, Л. Выготский, М. Гаспаров, М. Кронгауз и др. [9].

Исторически значимую роль в повышении качества образования играет аспирантура. В настоящее время, несмотря на все предпринимаемые государством меры, приток молодых исследователей в научную сферу колеблется на уровне 1%. Снижаются показатели защиты диссертаций (в 2023 году численность принятых в аспирантуру составила 35 тысяч человек, из них закончили аспирантуру менее 12 тысяч, а защитили диссертацию — 1334, т.е. менее 4% поступивших). В результате даже по сравнению с 2015 годом наблюдается снижение численности имеющих ученую степень — с 111,5 до 92,5 тысяч. При дефиците молодых специалистов сохраняются давние проблемы — старение кадров, «утечка мозгов», уход в другие сферы деятельности — и появляются новые — гендерная асимметрия, малый приток молодежи, решившей связать свою жизнь с наукой.

Специфические особенности взаимодействия социологии как науки и социологического образования

Что касается социологии, то в структуре наук наблюдается противоречивая ситуация. С одной стороны, социология достаточно прочно вошла в жизнь общества и государства: существует сеть академических учреждений, университетских лабораторий, исследовательских центров при министерствах и ведомствах, подобные или специфические подразделения при крупных организациях во многих сферах экономики и культуры, их дополняет разветвленная сеть частных объединений и компаний, выполняющих маркетинговые и смежные функции по самой разнообразной тематике. Ни один день не проходит без того, чтобы социологических данные не появлялись на страницах СМИ всех уровней и в социальных сетях. О значимости социологической информации говорит и тот факт, что по рекомендации Президента России в оценке деятельности губернаторов и глав республик обязательно учитывается общественное мнение в отношении экономической и социальной политики в подведомственных им регионах. С другой сторо-

ны, специфика взаимодействия образования и науки в социологии проявляется главным образом в том, что социологическое образование достаточно специфично в сравнении с другими социальными науками, поскольку изначально предполагает сочетание знания научных принципов и их применения на практике. Особые коррективы вносит тот факт, что при проведении эмпирических исследований объектом выступает человек, от которого исследователь получает информацию. Но человек — особый объект изучения, который, в отличие от природы и техники, архивов и литературных текстов, обладает социально-психологическими характеристиками и вариативным поведением — в зависимости от обстоятельств, что социолог обязательно должен учитывать в исследованиях.

Социолог изучает реальные проблемы во всем многообразии их проявления, призван со знанием дела ориентироваться в них, чтобы не допустить некомпетентных суждений и поверхностных выводов. Не менее важно адекватное восприятие всевозможных вариантов поведения людей, умение убедить их в искренности своих намерений во имя общественной или научной пользы. Поэтому обучение социологии предполагает сочетание теоретических знаний со знанием тех сторон жизненного мира, которые социолог предполагает изучать. В этой ситуации важна роль преподавателей, призванных обучить молодого человека алгоритму становления его как специалиста, что требует множества умений и навыков — от лаборантской работы по сбору данных до обработки полученной или заимствованной информации, от описания данных до объяснения природы социальных феноменов. И — что особенно важно — социолог должен уметь разговаривать «языком» научных рекомендаций, даже если исследование выполняется только с прикладными целями. Делая выводы, необходимо владеть и «языком» заказчика, который обычно отражает поле специфической информации, круг особых понятий, используемых в исследуемой организации.

Несомненно, огромное значение имеет научная формулировка проблемы, цели и задач исследования, умение анализировать документы, данные статистических и социологических исследований, опыт и выводы предшественников. Даже такой прием, как формулировка вопроса для анкеты, предполагает глубокое знание предмета, чтоб не допустить элементов примитивизма и верхоглядства, не оттолкнуть ни заказчика, ни потребителя полученной информации.

Говоря о социологическом образовании, можно утверждать, что оно связано с воспитанием человека, с его возможностью достойно построить свою жизнь, ориентируясь не только на профессиональные качества, но и на гуманистические черты жизнеустройства. Интересно соображение литератора Ю. Юдина, полагающего, что такие сочинения-документы, как древнекитайский трактат «Лунь Юй», запечатлевший суждения легендарного Конфуция, английская Хартия вольностей (1215), американская Декларация независи-

мости (1776) и «Моральный кодекс строителя коммунизма», утвержденный на XXI съезде КПСС (1961), отражают величественные идеалы человечества, ориентироваться на которые должен всякий профессионал, будь то писатель, ученый или любой специалист [20].

Вместо заключения

Взаимодействие образования и науки в условиях происходящей научно-технической революции приобрело характер не просто пожелания и возможности, а острой необходимости, что возможно только в результате целенаправленной деятельности всех участников. Образование на всех его уровнях и во всех его модификациях нуждается в максимальном приближении к научным данным, в постоянной ориентации на научные достижения и на побуждение учащихся к приобретению новых знаний, формируя у них установку, что успех в жизни и в профессии может быть достигнут в результате упорного труда.

Заинтересованность науки в участии в образовании связана с подготовкой будущих кадров, высокий уровень которой позволяет с большей уверенностью рассчитывать на получение принципиально новых знаний, разработку новых технологий и обогащение духовной жизни общества. Следует отметить, что к двусторонней связи образования и науки мощно подключилось производство, что привело к появлению такого феномена, как Университет 3.0, где к традиционным миссиям вузов — образовательной и научно-исследовательской — добавилась коммерциализация знаний и технологий. Главной отличительной чертой Университета 3.0 становится развитие предпринимательской культуры у студентов, стимулирование и помощь студентам в том, чтобы параллельно с образованием заниматься наукой и развивать собственные бизнес-проекты, а потом реализовывать их на предприятиях и в других сферах жизни общества. Новый союз — образования, науки и производства — становится одним из востребованных изменений, способных не только решать задачи научно-технической революции, но и активно способствовать укреплению общественного договора [см.: 17].

Библиографический список

1. *Аглицкий И.* Из болонской системы нужно не просто выйти, а выбежать // *Независимая газета*. 2022. 24 марта.
2. *Астафьева Т.* Марафон IT-соревнований нефтяников побил сразу несколько рекордов // *Независимая газета*. 2025. 19 декабря.
3. *Булгакова Н.* Форматы свободы // *Поиск*. 2021. 23 апреля.
4. *Возовикова Т.* Смета на мечты // *Поиск*. 2018. 20 апреля.
5. *Герасимова Е.* Участие в олимпиадах не всегда благо // *Независимая газета*. 2024. 22 февраля.
6. *Герасимова Е.* Школьное «золото» вызывает вопросы // *Независимая газета*, 2024. 1 февраля.
7. *Гордеева Т.* Между «хочу» и «надо» // *Поиск*. 2020. 25 декабря.

8. Елецкий Н. Бакалавриат как иллюзия высшего образования // Независимая газета. 2020. 16 июля.
9. Зайцева А.А., Тарасова К.И., Токмаков А.А. Локальная идентичность РГГУ: оценки экспертов // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2025. № 4.
10. Ильин С.В., Лубков А.В. и др. Наука в Московском педагогическом государственном университете. Основные направления и научные школы. М., 2002.
11. Ирсетская Е.А., Китайцева О.В. Основные стратегии выбора вуза студентами в современной России // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2023. № 3.
12. Клепач А. Российская наука: вызов брошен // Монокль. 2025. № 49.
13. Мартынова С.В., Ратай Т.В., Тарасенко И.И. Российская наука в 2024 году: рост ключевых показателей. М., 2025.
14. Новости 100-летней давности // Поиск. 2023. 17 февраля.
15. Савицкая Н. Поступление в вуз не гарантирует абсолютного счастья // Независимая газета. 2025. 13 марта.
16. Селезнев А.В. Периодизация истории Всесоюзного общества «Знание» на основе сравнительного и функционального анализа эволюции его целевых установок, организационных основ и структуры // Человек и культура. 2018. № 1.
17. Тощенко Ж.Т. Судьбы общественного договора в России: эволюция идей и уроки реализации. М., 2025.
18. Тощенко Ж.Т. Формы участия высшего образования в решении проблем производительности труда // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2024. № 1.
19. Цирульников А. Как преодолеть школьное неравенство // Независимая газета. 2020. 3 сентября.
20. Юдин Ю. Призраки коммунизма в цикле новелл братьев Стругацких «Полдень, XXII век» // Независимая газета. 2025. 27 ноября.

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-1-9-23

EDN: RPFHLU

Education and science: Experience and search for interaction*

Zh.T. Toshchenko

Russian State University for the Humanities,
Miuskaya Sq., 6, Moscow, 125047, Russia

Institute of Sociology of FCTAS,
Krizhanovskogo St., 24/35–5, Moscow, 119218, Russia

(e-mail: zhantosch@mail.ru)

Abstract. This article describes the current state and challenges of interaction between education and science in the context of the ongoing scientific-technological revolution (Industry 4.0 and Industry 5.0). The author identifies the conditions and factors limiting the impact of education and science on those processes in the Russian society that influence the achievement of both scientific

*© Zh.T. Toshchenko, 2026

The article was submitted on 01.12.2025. The article was accepted on 15.01.2026.

and educational goals; characterizes the impact of science on the learning process, efficiency of this impact forms and types; refers to statistical and sociological data to explain the contradiction between goals and purposes of education and science and their practical implementation; makes the conclusion that education and science are at a crossroads in their interaction due to both indirect and real reasons. Based on his own experience, the author mentions current and potential measures for improving the management of education and science in terms of their mutual enrichment and improvement. Finally, the author describes the specific interaction between sociological education and sociological science.

Key words: Russian education; Russian science; efficiency of interaction between education, science, and industry

For citation: Toshchenko Zh.T. Education and science: Experience and search for interaction. *RUDN Journal of Sociology*. 2026; 26 (1): 9–23. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-1-9-23> EDN: RPFHLU

References

1. Aglitsky I. Iz bolonskoy sistemy nuzhno ne prosto vyyti, a vybezhat [You need to not just exit the Bologna system but to run away]. *Nezavisimaya Gazeta*. March 24, 2022. (In Russ.).
2. Astafyeva T. Marafon IT-sorevnovaniy neftyanikov pobil srazu neskolko rekordov [The oil-workers IT-competition marathon broke several records]. *Nezavisimaya Gazeta*. December 19, 2025. (In Russ.).
3. Bulgakova N. Formaty svobody [Formats of freedom]. *Poisk*. April 23, 2021. (In Russ.).
4. Vozovikova T. Smeta na mechty [Estimate for dreams]. *Poisk*. April 20, 2018. (In Russ.).
5. Gerasimova E. Uchastie v olimpiadah ne vseгда blago [Participation in olympiads isn't always a blessing]. *Nezavisimaya Gazeta*. February 22, 2024. (In Russ.).
6. Gerasimova E. Shkolnoe “zoloto” vyzivaet voprosy [School “gold” raises questions]. *Nezavisimaya Gazeta*. February 1, 2024. (In Russ.).
7. Gordeeva T. Mezhdru “khochu” i “nado” [Between “want” and “need”]. *Poisk*. December 25, 2020. (In Russ.).
8. Eletsy N. Bakalavriat kak illyuziya vysshego obrazovaniya [Bachelor's programs as an illusion of the higher education]. *Nezavisimaya Gazeta*. July 16, 2020. (In Russ.).
9. Zaytseva A.A., Tarasova K.I., Tokmakov A.A. Lokalnaya identichnost RGGU: otsenki ekspertov [Local identity of the Russian State University for the Humanities: Expert assessments]. *Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie*. 2025; 4. (In Russ.).
10. Ilyin S.V., Lubkov A.V. i dr. *Nauka v Moskovskom pedagogicheskom gosudarstvennom universitete. Osnovnye napravleniya i nauchnye shkoly* [Science at the Moscow State Pedagogical University. Main Directions and Scientific Schools]. Moscow; 2002. (In Russ.).
11. Irsetskaya E.A., Kitaytseva O.V. Osnovnye strategii vybora vuza studentami v sovremennoy Rossii [Main student strategies for choosing a university in today's Russia]. *Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie*. 2023; 3. (In Russ.).
12. Klepach A. Rossiyskaya nauka: vyzov broshen [Russian science: A new challenge]. *Monocle*. 2025; 49. (In Russ.).
13. Martynova S.V., Ratay T.V., Tarasenko I.I. *Rossiyskaya nauka v 2024 godu: rost klyuchevykh pokazateley* [Russian Science in 2024: Growth of Key Indicators]. Moscow; 2025. (In Russ.).
14. Novosti 100-letney davnosti [News from 100 years ago]. *Poisk*. February 17, 2023. (In Russ.).
15. Savitskaya N. Postuplenie v vuz ne garantiruet absolyutnogo schastiya [Entering a university does not guarantee absolute happiness]. *Nezavisimaya Gazeta*. March 13, 2025. (In Russ.).
16. Seleznev A.V. Periodizatsiya istorii Vsesoyuznogo obshchestva “Znanie” na osnove sravnitel'nogo i funktsional'nogo analiza evolyutsii ego tselevykh ustanovok, organizatsionnykh osnov i struktury [Periodization of the history of the All-Union Society “Knowledge” based on a comparative and functional analysis of the evolution of its goals, organizational foundations, and structure]. *Chelovek i Kultura*. 2018; 1. (In Russ.).

17. Toshchenko Zh.T. *Sudby obshchestvennogo dogovora v Rossii: evolyutsiya idey i uroki realizatsii* [Fates of Social Contract in Russia: Evolution of Ideas and Lessons from Implementation]. Moscow; 2025. (In Russ.).
18. Toshchenko Zh.T. Formy uchastiya vysshego obrazovaniya v reshenii problem proizvoditelnosti truda [Forms of the higher education participation in ensuring labor productivity]. *RUDN Journal of Sociology*. 2024; 1. (In Russ.).
19. Tsurulnikov A. Kak preodolet shkolnoe neravenstvo [How to overcome the school inequality]. *Nezavisimaya Gazeta*. September 3, 2020. (In Russ.).
20. Yudin Yu. Prizraki kommunizma v tsikle novell bratyevev Strugatskikh “Polden, XXII vek” [Ghosts of Communism in the Strugatsky brothers’ cycle of short stories *Noon, 22nd Century*]. *Nezavisimaya Gazeta*. November 27, 2025. (In Russ.).

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-1-24-30

EDN: RPCBWJ

Идеология и образование*

В.Н. Иванов

Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН,
ул. Фотиевой, 6, к. 1, Москва, 119333, Россия

Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

(e-mail: vilen_ivanov@bk.ru)

Аннотация. В тезисах выступления охарактеризована дихотомия «идеология и образование» в контексте нынешних тенденций развития российской системы образования. Автор считает образование отражением идеологии и стабилизирующим фактором общественного сознания, поскольку образование обеспечивает воспроизводство социального опыта, закрепляет в сознании молодых людей адекватные представления о новых реалиях и ориентирах общественного развития, способствует формированию гражданской и культурной идентичности. Также отмечены те сложности общественной жизни, что препятствуют выполнению образованием своих функций (идеологическое многообразие и слабая позиция государства в ценностном многоголосии, чрезмерная бюрократизация и бездумное заимствование унифицированных западных образцов), и возможные пути поиска инструментов преодоления этих сложностей на пути возвращения системе образования его ценностной функции.

Ключевые слова: идеология; образование; общественное сознание; социальные представления; ценностная функция; гражданская и культурная идентичность

Для цитирования: Иванов В.Н. Идеология и образование // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2026. Т. 26. № 1. С. 24–30. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-1-24-30> EDN: RPCBWJ

В дихотомии «идеология и образование» первой принадлежит задающая роль: именно идеология, будучи формой власти и самосознания нации, определяет основные цели и систему ценностей, а также инструменты их трансляции, основным из которых выступает образование во всех его ипостасях. Образование — всегда отражение идеологии и способ ее укрепления и поддержки, стабилизирующий фактор связи между новыми социальными представлениями и идеалами предшествующих поколений, находящими свое воплощение в исторических традициях. Образование обеспечивает

*© Иванов В.Н., 2026

Статья поступила в редакцию 10.12.2025. Статья принята к публикации 15.01.2026.

воспроизводство в необходимых масштабах социального опыта и одновременно закрепляет в сознании молодых людей адекватные представления о новых политических и экономических реалиях, новых целях и ориентирах общественного развития. «Образование как важнейший фактор, как условие формирования культурной идентичности необходимо рассматривать с учетом всех сложностей общественной жизни» [6. С. 55]. Одна из таких сложностей — конституционный отказ от государственной идеологии и утверждение идеологического многообразия (13 Статья Конституции Российской Федерации), что реально приводит к идейно-нравственному «разнобою», к усилению социальной разобщенности и в конечном счете не может не сказаться на содержании образовательного процесса и его результатах. В идеологическом многоголосье голос государства должен звучать громче других голосов.

На вопросы о состоянии образования, характере его взаимодействия с идеологией и актуальных проблемах, вызывающих озабоченность российского социума, дают ответы многочисленные эксперты — ученые, представляющие социальное и гуманитарное знание (социологи, политологи, психологи в первую очередь), педагоги, писатели и публицисты, а в последнее время проявляют заметную активность в этом качестве и священнослужители. Характеризуя состояние базового уровня образования (школьное), «Литературная газета», подводя первые итоги начавшегося учебного года, опубликовала статью писателя и публициста П. Беседина, в которой, в частности, отмечается: «Педагоги завалены бюрократическими отчетами и страдают от низких зарплат и хамства детей. Начальство думает о карьере и докладах наверх. А сами дети буквально не понимают, для чего изучать пестики и тычинки, если это никак в жизни не пригодится... Теперь у современного выпускника, окончившего школу при помощи ИИ, есть верный помощник — гаджет. Там человек, как ему кажется, способен отыскать ответы на все вопросы». Автор делает вывод, что не решается главная проблема современного образования, имеющая явный идеологический смысл, — «для чего учиться» [2].

В своих оценках и суждениях ряд экспертов обращает внимание на тот вред, который нанесла отечественному образованию так называемая Болонская система. Так, в одной из своих публикаций в социальных сетях известный историк и публицист Е. Спицын отметил, что «мы являемся свидетелями целенаправленной политики, озвученной еще на рубеже 1980-х — 1990-х годов прошлого столетия, причем не где-нибудь, а в Организации Объединенных Наций. Небезызвестный Жак Аттали, которого считают одним из главных организаторов цветных революций, в том числе на Украине, тогда занимал пост замгенсека ООН и курировал вопросы образования. Именно он стал инициатором создания так называемой Болонской системы, написал много разной литературы, в том числе

небезызвестный бестселлер “Кочующая элита”. Главный посыл его работы: “нам не нужно возвращать национальную элиту, в условиях глобализации нам нужна элита, которая может управлять в любой точке мира — сегодня в Китае, завтра в России, послезавтра в США и т.д. А для этого нужно унифицировать и максимально упростить всю систему образования в мире» [3].

Очевидно, что, включившись в эту «унифицированную» систему, мы нанесли значительный вред своей системе образования. Проведенные в недавнее время социологические исследования, представленные в средствах массовой информации, красноречиво об этом свидетельствуют. Так, организаторы фестиваля «Герои большой страны» совместно с проектом «Мотивирующие цифровые уроки» опросили 6 тысяч школьников разных классов, выясняя, кого школьники считают своими героями. Несомненно, в стадии социального становления для подростков исключительно важны образцы для подражания — не просто кем, а еще и каким юному человеку хочется быть. Значительная часть респондентов (26 %) считают героями своих мам, пап, дедушек и бабушек, второе место в рейтинге школьников заняли персонажи кино и мультфильмов — 10 % назвали Железного человека, Человека-паука и Наруто; в первую тройку по популярности вошли участники Великой Отечественной войны и современные военные — героями их считают 5,4 % опрошенных; Ю. Гагарина назвали 3 %, В. Путина — 2,6 %, врачей — 2 %, сотрудников МЧС и полиции — 2,1 %, спортсменов и зарубежных актеров — 2 %, Жукова, Кутузова, Ленина — по 1 %, Зою Космодемьянскую — 0,7 %; 23,4 % опрошенных подростков не смогли назвать своих героев [9].

Исследование, проведенное сотрудниками центра «Диалог» в октябре 2025 года и получившее широкую огласку, зафиксировало в качестве ключевой жизненной ориентации поколения Альфа стремление к богатству: 37 % опрошенных отметили, что их основная жизненная цель — стать богатыми [5. С. 4]. Надо ли говорить, что это весьма отличается от целей, провозглашенных руководством страны, — обеспечить примат духовного начала над материальным (например, согласно Указу Президента России от 9 ноября 2022 года «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»).

Многие эксперты сетуют, что ценностная функция системы образования в настоящее время не реализуется должным образом, что идеология безнравственного потребления («диктатура денег») не обошла стороной систему образования, что многие традиционные ценности остаются невосстребованными. «На сегодняшний день ситуация нередко выглядит следующим образом — первокурсник представляет собой человека, воспитанного в полном отсутствии уважения к труду, более того, в непонимании,

что учебный процесс представляет собой именно каждодневный труд, а не обмен определенной денежной суммы на диплом о высшем образовании... Показательно, что 76 % опрошенных из 300 студентов челябинских вузов, обучающихся на коммерческой основе, отмечают, что связывают свою карьеру с материальным положением своей семьи и личными связями родителей. Это характеризует не только этический компонент, который имеет огромное значение, но и крайнюю степень несамостоятельности молодых людей, привычку возлагать свои надежды на других, а не на свои собственные навыки и знания. Именно этот аспект проблемы превращает высшее образование в процедуру формальную, безынициативную, в процедуру получения свидетельства об окончании высшего учебного заведения — диплома» [8].

Качество вузовского образования, в первую очередь, определяют преподаватели, их профессионализм и гражданская позиция, их идеологическая ориентация и политические предпочтения. Как верно отмечает В.А. Лапшов, «преподаватель вуза — не только профессия, суть которой передавать знания, но и высокая миссия сотворения личности, утверждение человека в человеке» [4. С. 8]. До 2015 года в Современной гуманитарной академии проводились социологические исследования образа преподавателя как основной фигуры в реализации инновационной системы отечественного высшего образования в начале XXI века — было опрошено 1258 преподавателей из 67 вузов страны. Исследование показало, что преподаватели все чаще встречаются с такими негативными явлениями, как ослабление у студентов интереса к учебе (70 %), невысокий интерес к многолетним фундаментальным исследованиям (50 %), неопределенность в отношении перспектив развития кафедры (30 %), снижение требовательности к студентам со стороны преподавателей (25 %) [4. С. 10].

Свою озабоченность состоянием и результатами отечественного образования высказывают и религиозные деятели. Так, архимандрит Георгий (Шестун) полагает, что «мы воспитываем людей, которые не могут жить в России, им привычнее, приятнее жить в западном мире. Мы, по сути, сейчас питаем западный мир не только природными ресурсами, но и людьми достаточно высокого уровня образования, которое формируется за наш счет. Но даже те, кто остается в России, становятся своеобразными “внутренними эмигрантами”» [1].

Несомненно, образование должно готовить учащуюся молодежь не к вчерашнему, а к завтрашнему дню, сочетая в себе уважение к собственному культурному наследию с открытостью миру, стремлением к технологическому прорыву, способностью сочетать личный успех с общественным благом. Выглядит парадоксальным повышенный интерес общества в целом и молодежи в частности, к сверхъестественному: сегодня 37 % россиян смо-

трят телепередачи или видео в интернете о сверхъестественных способностях, колдунах, магах, выступления астрологов; только 11 % считают гороскопы антинаучными и вредными, 97 % знают свой знак Зодиака, а 42 % с разной периодичностью читают астрологические прогнозы. Наблюдается рост веры в паранормальное среди молодежи 18–24 лет — вера в предсказания и колдовство в этой группе выросла на 4–5 % в 2024 году по сравнению с 2023 годом [7. С. 446].

Активно обсуждаемые в настоящее время предстоящие реформы, отвечая на вопрос, какой тип личности требуется создать и какие социальные силы внутри страны в этом заинтересованы, должны учесть и это обстоятельство, а не только задачу преодоления ориентации на однократное получение высшего образования. В полной мере должна быть осознана роль академической составляющей образования, развивающего личность и делающего ее способной адекватно воспринимать и реагировать на происходящие в мире изменения. Нельзя не учитывать наличие внешних угроз отечественному образованию — распространение деструктивной идеологии, чуждых российскому менталитету ценностей. Содержание учебного процесса должно быть построено таким образом, чтобы возможность их негативного влияния на сознание учащихся была эффективно и своевременно нейтрализована. К счастью, общество и государство заинтересованы в повышении качества образования всех видов и уровней, видя в этом важнейшее условие развития интеллектуального и духовно-нравственного потенциала страны, роста ее экономического, культурного и оборонного могущества.

Библиографический список

1. *Архимандрит Георгий (Шестун)*. Традиция и идеология: основная проблема современного образования. URL: <https://portal-slovo.ru/pedagogy/39537.php>.
2. *Беседин П.* Знания для конца мира. Зачем учиться, если есть ИИ и гаджет? // Литературная газета. 2025. № 38.
3. Историк Евгений Спицын о деградации образования в России и в мире. URL: https://vk.com/wall-171868288_220923?ysclid=mlu2nrkcr7658028574.
4. *Латинов В.А.* Социально-типический портрет преподавателя отечественного вуза // Социология образования. 2016. № 4.
5. *Льянова М.* Богато жить не запретишь // Вечерняя Москва. 2025. № 44.
6. *Маршак А.Л.* Образование — потенциал культурной идентичности в российском обществе. М., 2016.
7. *Нестик Т.А.* Коллективный образ будущего. Социально-психологический анализ. М., 2025.
8. *Пробст Л.Э.* Идеология российского образования в современных условиях // XV Международная конференция памяти проф. Л.Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования». Екатеринбург, 2012.
9. Специалисты выяснили, кого российские школьники считают своими героями. URL: <https://biwork.ru/news/specialisty-vyasnili-kogo-rossijskie-skolniki-scitaut-svoimi-georoami?ysclid=mlu2tgfc8l343628539>.

Ideology and education*

V.N. Ivanov

Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS,
Fotieva St., 6–1, Moscow, 119333, Russia

RUDN University,
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

(e-mail: vilen_ivanov@bk.ru)

Abstract. The article considers the dichotomy of “ideology and education” in the context of current trends in the development of the Russian education system. The author defines education as a reflection of ideology and a stabilizing factor for public consciousness, since education ensures the reproduction of social experience, an adequate understanding of new realities and directions for social development by younger generations, contributes to the formation of civil and cultural identity. The author also notes those complexities of social life that prevent education from fulfilling its functions (ideological diversity and the state’s weak position in the value polyphony, excessive bureaucratization, and the mindless adoption of standardized Western models) and mentions possible ways to overcome these challenges and to return education system to its core value function.

Key words: ideology; education; public consciousness; social representations; value function; civic and cultural identity

For citation: Ivanov V.N. Ideology and education. *RUDN Journal of Sociology*. 2026; 26 (1): 24–30. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-1-24-30> EDN: RPCBWJ

References

1. Arkhimandrit Georgiy (Shestun). Traditsiya i ideologiya: osnovnaya problema sovremennogo obrazovaniya [Tradition and ideology: The main problem of today’s education]. URL: <https://portal-slovo.ru/pedagogiy/39537.php>. (In Russ.).
2. Besedin P. Znaniya dlya kontsa mira. Zachem uchitsya, esli est II i gadzhet? [Knowledge for the end of the world. Why study if you have AI and gadgets?]. *Literaturnaya Gazeta*. 2025; 38. (In Russ.).
3. Istorik Evgeniy Spitsyn o degradatsii obrazovaniya v Rossii i v mire [Historian Evgeny Spitsyn on the degradation of education in Russia and the world]. URL: https://vk.com/wall-171868288_220923?ysclid=m1u2nrkcr7658028574. (In Russ.).
4. Lapshov V.A. Sotsialno-tipichesky portret prepodavatelya otechestvennogo vuza [Socially typical portrait of the Russian university teacher]. *Sotsiologiya Obrazovaniya*. 2016; 4. (In Russ.).
5. Lyanova M. Bogato zhit ne zapretish [There is no law against living richly]. *Vechernyaya Moskva*. 2025; 44. (In Russ.).

*© V.N. Ivanov, 2026

The article was submitted on 10.12.2025. The article was accepted on 15.01.2026.

6. Marshak A.L. *Obrazovanie — potentsial kulturnoy identichnosti v rossiyskom obshchestve* [Education as the Potential of Cultural Identity in the Russian Society]. Moscow; 2016. (In Russ.).
7. Nestik T.A. *Kollektivny obraz budushchego. Sotsialno-psikhologichesky analiz* [Collective Image of the Future. A Social-Psychological Analysis]. Moscow; 2025. (In Russ.).
8. Probst L.E. Ideologiya rossiyskogo obrazovaniya v sovremennykh usloviyakh [Ideology of Russian education in contemporary conditions]. *XV Mezhdunarodnaya konferentsiya pamyati prof. L.N. Kogana "Kultura, lichnost, obshchestvo v sovremennom mire: metodologiya, opyt empiricheskogo issledovaniya"*. Yekaterinburg; 2012. (In Russ.).
9. Spetsialisty vyyasnili, kogo rossiyskie shkolniki schitayut svoimi geroyami [Experts found out whom Russian schoolchildren consider their heroes]. URL: <https://biwork.ru/news/specialisty-vyasnili-kogo-rossijskie-skolniki-schitaut-svoimi-geroami?ysclid=mlu2tgfc8l343628539>. (In Russ.).

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-1-31-48

EDN: RFNAQG

«Депопуляционная ловушка» в процессах воспроизводства российской науки*

М.Ф. Черныш

Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН,
ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5, Москва, 117218, Россия

(e-mail: mfche@yandex.ru)

Аннотация. Российская наука переживает сложный период, подпадающий под определение «депопуляционная ловушка»: численность ученых-исследователей сокращается, а каждое новое поколение ученых меньше предыдущего. В демографии подобное явление характеризуется как переход — качественное преобразование условий жизни, способствующее сокращению рождаемости. Аналогом перехода в науке является сокращение «аватаров» — ученых высокой квалификации, играющих роль «проводников» в науку для выпускников вузов. Число ученых, обладающих степенями — кандидатскими, а особенно докторскими — ежегодно сокращается. Средний возраст кандидатов наук превышает 50 лет, а докторов — 64 года. Если эта тенденция сохранится, то уже через десять лет сформировать диссертационные и ученые советы по многим научным профилям будет затруднительно, что еще более осложнит процесс воспроизводства в науке. В настоящее время аспирантура не справляется с функцией воспроизводства научных кадров высокой квалификации: только один из десяти выпускников аспирантуры завершает обучение защитой диссертации, только один из двадцати планирует после защиты продолжить работу в науке. Необходимы срочные изменения в научной политике, в области поддержки аспирантуры и научной молодежи, чтобы ситуация изменилась к лучшему.

Ключевые слова: социология науки; демографический переход; научные кадры; воспроизводство кадров; аспирантура; научная квалификация

Для цитирования: Черныш М.Ф. «Депопуляционная ловушка» в процессах воспроизводства российской науки // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2026. Т. 26. № 1. С. 31–48. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-1-31-48>
EDN: RFNAQG

От европейской науки к науке национальной

Демография — наука о народонаселении — как правило, фокусирует внимание на фундаментальных структурных характеристиках общества. Она опирается на показатели, которым соответствует четкая количествен-

*© Черныш М.Ф., 2026

Статья поступила в редакцию 26.12.2025. Статья принята к публикации 15.01.2026.

ная характеристика — рождаемость, продолжительность жизни, смертность, миграция [2]. В отличие от многих социологических понятий эти показатели фактически никем не оспариваются: в обществе на одну женщину приходится ровно то количество детей, которое измерено статистически. Разумеется, возможны значимые нюансы: можно использовать в измерении глобальные коэффициенты, а можно суммарные, вычисляемые как сумма рождений в течение жизни [3]. Однако и первый, и второй показатели будут достаточно убедительными, демонстрируя со всей определенностью, каков уровень популяционного воспроизводства в стране — низкий или высокий, выше уровня естественного воспроизводства или ниже.

В том, что касается состояния науки, такой определенности добиться непросто, поскольку таковое имеет не только количественные характеристики, но качественную составляющую. Например, в дореволюционный период российская наука с точки зрения численности ученых была явно на периферии прогресса: в стране насчитывалось всего 11,6 тысяч ученых (максимальная цифра), по другим оценкам — всего 4500 [1]. Однако то небольшое число ученых, которые работали в России, в творческом плане находилось по меньшей мере на том же или даже более высоком уровне, чем европейские коллеги. Вряд ли кто-либо возьмется оспаривать тот вклад, который внесли в математику неожиданные, во многом парадоксальные подходы Н.И. Лобачевского лишь на том основании, что численность математиков в дореволюционной России была невелика — значительно меньше, чем в развитых европейских странах. Вряд ли найдутся желающие подвергнуть сомнению открытия выдающегося физиолога И.П. Павлова только потому, что сообщество ученых, занимающихся данной тематикой, исчислялось не сотнями, а десятками. Парадоксальная креативность российской науки того периода отчасти объяснялась тем, что она сочетала уже оформившиеся к тому времени отечественные традиции научного поиска с высоким уровнем включенности в европейские исследовательские практики. Вплоть до Второй мировой войны европейская наука сформировала поверх государственных границ единое сообщество ученых, активно взаимодействовавших друг с другом. Тогда не имело значения, что Э. Ферми — итальянец, Э. Резефорд — новозеландец, а Н. Бор — датчанин, они сами и их работы пересекались в Республике научного поиска — в одних лабораториях или опосредованно, через научные публикации, суммирующие результаты теоретических изысканий и экспериментов.

Это уникальное сообщество преданных своему делу людей сохранялось благодаря особому статусу ученого, признававшегося идеологией Просвещения носителем универсальных истин, значимых для прогресса человечества и его движения вперед к счастливому будущему. В некотором смысле сообщество ученых являло пример той сбывшей мечты, которая некогда не была полностью изжита, в европейском общественном сознании —

республики, в которой свободный труд и творческий поиск служат общему делу, преумножая благо.

Когда в научном сообществе движение в сторону обособления стало набирать силу? Мощный импульс ему дали мировые войны. Первая мировая война объективировала силу произведенных наукой знаний и технологий: пригождалось все — от достижений материаловедения до прорывных технологий в биологии и медицине. Вторая мировая война и порожденные ею противостояния дали обособлению новый импульс. В 1942 году молодой советский физик Г.Н. Флеров обратил внимание на то, что из оборота научных журналов и других публикаций ушла тема расщепления атома. Он написал письмо И.В. Сталину, считая закрытие этой области исследований не случайным, полагая, что атомная тематика цензурируется, потому что идет полным ходом разработка основанных на энергии атома вооружений [6].

Национализация научных комплексов под влиянием политики и войны имела противоречивый характер. Были те, кто приветствовал использование науки и ее феноменальных достижений для получения преимуществ одной страной. В число ястребов от науки вошел, например, Э. Теллер, разработчик американской водородной бомбы, поддерживающий ее возможное применение против главного геополитического конкурента США, которым по итогам Второй мировой войны стал СССР. Но были и те, кто испытывал глубокие сомнения в том, что использование науки для производства все более разрушительных вооружений имеет моральное оправдание. К таковым, по воспоминаниям коллег, относился Р. Оппенгеймер, отвергавший идею использовать ядерное оружие как средство давления и шантажа в отношениях между странами и выступавший за сохранение единого пространства науки, работающей во благо человечества.

Процесс фрагментации поля науки, запущенный политическими противостояниями, создал предпосылки для формирования ключевых центров «большой науки», способных не только использовать, но и производить новое научное знание. Изучение страновой принадлежности лауреатов Нобелевской премии по физике позволяет определить сегментацию поля научных исследований: с 1901 года премию по физике получили 85 американцев (еще 8 ученых имели иное гражданство, но работали в США), 23 гражданина Германии, 22 — Великобритании, 15 — Франции, 13 — России и СССР, 8 — Нидерландов. Все остальные страны в сумме были представлены всего 28 лауреатами, причем в большинстве случаев они работали не в тех странах, гражданами которых были, а в развитых западных научных центрах. Если резюмировать, то к началу 1990-х годов сложились шесть центров «большой науки», и Советский Союз был в их числе. Есть основания полагать, что российские достижения в области естественных наук в приведенной выше «иерархии» награжденных Нобелевской премией представлены не в полной мере, поскольку к тому

времени наука стала областью геополитической конкуренции, и многие научные достижения рассматривались властями соответствующих стран как важнейший инструмент, дающий преимущество своему обладателю. В СССР многие исследования, имевшие отношение к производству оружия, велись в закрытых учреждениях, так называемых «почтовых ящиках», а работавшие в них ученые имели жесткие ограничения по выезду за рубеж и публикации работ в зарубежных изданиях.

Национализация и денационализация института науки

По мере того, как наука переселялась в «национальные квартиры», целый ряд вопросов, относящихся к этому институту, обрел новую значимость. В частности, стала актуальной «демография» науки — воспроизводство («рождаемости» и «продолжительности активной жизни» ученых) и миграция — выезд ученых за рубеж. В СССР наука была организована иначе, чем на Западе, где фундаментальная наука концентрировалась в университетах, а прикладная — в частных корпорациях, получавших финансирование от государства: в СССР фундаментальные, а иногда и прикладные научные исследования выполнялись, прежде всего, в учреждениях Академии наук. Такой принцип организации имел объяснение: в условиях ограниченности ресурсов их распыление по университетам, при всех преимуществах подобного варианта, серьезно ослабляло возможности научного комплекса. Концентрация исследований в институтах Академии наук давала несомненные выгоды: ученые освобождались от непрофильных занятий и могли, не отвлекаясь, заниматься исследованиями; был отлажен процесс воспроизводства научных кадров и упорядочены ступени научной карьеры. В СССР быть ученым было престижно, а поступить в аспирантуру Академии — сложно. Защитивший кандидатскую, а тем более докторскую диссертацию ученый был материально обеспечен. Академия, как многие советские метаорганизации, обеспечивала сотрудникам научных учреждений не только относительно высокий уровень доходов, но и нематериальные льготы — строилось жилье, функционировали ведомственные поликлиники и клиники, базы отдыха и пансионаты.

В то же время мобилизационный принцип организации науки имел и существенные недостатки, связанные с существованием протяженных иерархий [7]. Советская наука находилась под контролем советского руководства, а господствующая идеология рассматривалась как непререкаемая основа любой научной деятельности. Наибольшие ограничения в этой связи налагались на деятельность ученых, работавших в общественных и гуманитарных науках: естественные науки обладали немалой степенью автономии и влияния на советское руководство. К мнению ученых советское руководство прислушивалось, понимая ту роль, которую наука должна сыграть в развитии страны и укреплении ее оборонной мощи.

В советской науке наивысший уровень свободы и влияния имела академическая элита — руководители научных учреждений, члены Академии, доктора наук. Молодые ученые, как правило, работали по направлениям, которые определялись старшими коллегами. Широкое распространение получила практика, когда молодые ученые должны были ставить старших по научному статусу коллег в соавторы подготовленных публикаций — книг и статей. Так было легче «протолкнуть» статью или книгу в печать — имя маститого ученого работало как ключ, открывающий двери издательств. Схожие злоупотребления имели место и в западных университетах, и там было легче опубликоваться, если на обложке книги или в заголовке статьи стояло имя известного ученого, но все же масштаб порочных практик присвоения научных достижений был ниже, чем внутри жесткой управленческой иерархии, характерной для российской науки. Было бы неправильно бросать тень на всех советских ученых, многие из которых вносили вклад в подготовку значимых публикаций, причем даже больший, чем молодые ученые: в значительной степени решение о добавлении своего имени в авторы научной публикации зависело от моральных качеств ученого, его представлений о научной автономии и порядочности.

Итак, на рубеже 1990-х годов, накануне радикальных реформ институт российской науки обладал всеми признаками демографической состоятельности. Механизмы, работавшие в Академии, позволяли воспроизводить сообщество ученых по критериям количества и качества. Транснациональная миграция ученых сводилась к единичным случаям, и лишь один из них можно квалифицировать как массовый — так называемая «еврейская эмиграция» в 1970-е годы, когда советское руководство уступило требованиям США и других стран Запада предоставить возможность выезда из СССР лицам еврейской национальности, пожелавшим эмигрировать в Израиль. На деле большинство эмигрантов, оказавшись в Австрии или Италии, в эмиграционных центрах, меняли направление движения в сторону США и других развитых стран Запада. Таким образом, некоторая часть советских ученых оказалась на Западе, прежде всего в США, улучшив показатели этой страны в некоторых областях научного знания, например, в математике.

Идеология и практики реформ российской науки

Комплекс российской науки нуждался в модернизации, прежде всего организационной и технологической, однако то, что произошло в 1990-е годы, напоминало не столько «модернизацию», сколько масштабную программу разрушения. В основу научной политики правительство реформаторов положило идею вхождения страны в сообщество развитых государств посредством радикальных преобразований во всех областях жизни. Если резюмировать, в основу научной политики были положены четыре идеи:

1. *Радикальная реформа системы управления, отказ от мобилизационного принципа в организации науки и переход к тем формам, которые оправдали себя в развитых западных странах.* Эта реформа предусматривала разрушение Академии, ее превращение в «клуб пожилых ученых», отошедших от активной работы, капитализирующих в высоком символическом статусе результаты предшествующей деятельности. Справедливости ради следует признать, что реализовать эту цель одномоментно не удалось: в руководстве страны имелись разные мнения, и ситуация побуждала скорее к медленному удушению ненавистной реформаторам Академии, чем к ее разовой ликвидации. И все же не сразу, а постепенно была подготовлена почва для решений, принятых и документально оформленных в 2013 году. Статус РАН был понижен, ей оставили экспертную функцию, а учреждения науки — институты и центры РАН — были переданы в ведение государственной бюрократии — в управление ФАНО, а затем и Минобрнауки. В результате «третичной социализации» [7] российская наука потеряла даже ту автономию, которую имела в советское время.

2. *Переход российской науки на самофинансирование.* Речь идет о коммерциализации научной деятельности, побуждении ученых к тому, чтобы самостоятельно искать источники доходов. В стране, находящейся в глубоком кризисе, найти такие источники было сложно, поэтому ученое сообщество тяготело к коллаборативным проектам с участием зарубежных ученых, что неминуемо приводило к оттоку из страны наиболее перспективных молодых ученых, с одной стороны, и общей деградации научного комплекса — с другой. Происходила масштабная «утечка мозгов», принесшая огромную пользу зарубежным научным центрам и непоправимый вред российской науке. Считалось, что уехавшие могут в перспективе вернуться в Россию, обогащенные новыми знаниями и перенося прогрессивный опыт на российскую почву. Однако эти надежды не подтвердились: эмигрировавшие ученые, как правило, в Россию не возвращались, а в тех учреждениях, где они работали, возникали «пустоты», которые невозможно было восполнить в короткие сроки. Отъезд российских ученых имел целый ряд негативных последствий, и главным стало нарушение принципов воспроизводства научных кадров — «утекали» творчески активные молодые ученые, которые должны были нести на себе основную нагрузку по подготовке следующего поколения ученых. Некритичное отношение к идее «самофинансирования» свидетельствовало о несогласованности реформы с интересами общества и ее очевидной логической несостоятельности. Никто из тех, кто отвечал за реформу, не взял на себя труд объяснить ученым и обществу, а, возможно, и самому себе, как возможно самофинансирование таких, например, отраслей науки, как астрофизика или лингвистика, или как могут найти источник дохода археологи, если не планируют превращаться в «черных копателей», поставляющих на рынок древние артефакты по доступным ценам.

3. *Интеграция российской науки в европейский научный проект.*

Реформаторы полагали, что чем плотнее российские ученые будут сотрудничать с учеными из стран Европы и Северной Америки, тем быстрее они избавятся от пагубных советских традиций и обретут правильные навыки лабораторной и публикационной деятельности. Не имея собственных идей по поводу оценки качества исследований, чиновники навязали российской науке в качестве обязательных критериев оценки научной деятельности показатели, которые в развитых странах имели и имеют факультативный характер. Например, индекс Хирша — вспомогательный, неточный, не восприимчивый к поколенческим и статусным различиям в науке — получил статус ключевого критерия для репутации ученых и получения грантов. Другой пример — административный прессинг для размещения публикаций в изданиях, зарегистрированных в известных реферативных базах данных Scopus или Web of Science: первая принадлежит издательству Elsevier, которое осуществляет надзор за научными журналами и по совместительству продает доступ к научным публикациям в них; вторая находится в собственности частной компании Clarivate и работает как коммерческий проект, приносящий прибыль ее владельцам.

4. *Перемещение научной деятельности в университеты.* И здесь за основу институциональной реформы были взяты западные образцы: если в развитых странах фундаментальными исследованиями занимаются университеты, то и в России следовало делать то же самое. Но если в западных странах базирование науки в университетах имело естественный характер (на протяжении многих сотен лет), то в России перемещение научного комплекса в университеты планировалось осуществить революционным образом, уменьшая финансирование Академии, поощряя университетских преподавателей активнее публиковаться, активнее заниматься научными исследованиями. Был упущен из виду тот очевидный факт, что в СССР институциональное устройство не только науки, но и образования существенно отличалось от западного: российские, а прежде советские университеты в большинстве своем занимались подготовкой квалифицированных кадров для народного хозяйства и не имели возможностей развертывать масштабную научную деятельность. Для перемещения науки в университеты нужен был не только слом традиций, но и колоссальное финансирование, кратно увеличенное по отношению к существующему. Ясно было и то, что административно осуществляемый транзит науки в университеты привел бы к колоссальным кадровым потерям в обескровленном научном комплексе. Логическая ошибка реформаторов заключалась в том, что они возводили один признак в абсолют, в сингулярность, порождающую все остальные признаки. Наука базируется в университетах не только Запада, но и в большинстве развивающихся стран, но ни в одной из них это не привело к «большой науке», конкурентоспособной по отношению к западным научным комплексам. Было ошибкой выво-

дить из уравнения успеха такие переменные, как образованность населения, преобладание рациональных практик не только в науке, но и в повседневной жизни, сила национальных рынков, предъявляющих научным изысканиями высокие требования и, наконец, обильное финансирование научных исследований как государством, так и частным сектором.

Справедливости ради надо признать, что ни одну из указанных «сакральных» идей реформирования российской науки не удалось реализовать в полной мере. Можно назвать несколько возможных причин, которые нарушили процесс реформирования: внутренние противоречия проекта реформ, недостаток финансирования, геополитические конфликты, приведшие к тому, что «вассализация» российской науки оказалась невозможной, осознание частью элиты, что национальные интересы России, ее суверенность в текущей ситуации может быть обеспечена, только если страна сохранит за наукой способность к самостоятельному производству знания. Однако даже частичное насаждение названных выше идей привело к слому механизмов воспроизводства российской науки, создав для нее «ловушку депопуляции». В демографии эта ловушка выглядит следующим образом: чем ниже рождаемость, тем меньше женщин в детородном возрасте, с каждым поколением численность женщин, способных иметь детей, становится меньше, и население убывает в линейной прогрессии. В науке аналогом матерей детородного возраста выступают ученые, имеющие научные степени, осуществляющие руководство молодыми учеными, открывающими для них перспективы участия в научных проектах. Чем меньше защит кандидатских и докторских диссертаций, тем меньше ученых, имеющих квалификацию для руководства научными изысканиями молодых. Чем меньше ученых с учеными степенями, тем беднее база, из которой рекрутируются члены диссертационных советов, беднее тематические профили, по которым возможна подготовка диссертационных исследований.

И без того неблагоприятную ситуацию существенно усугубила реформа аспирантуры, сделавшая ее очередной ступенью обучения. Сейчас можно только гадать, в чем был конечный смысл реформы, какие цели она преследовала. Аспирантам предлагалось вместо защиты диссертации, имеющей полноценный научный статус, защитить квалификационную работу, по объему и содержанию равную магистерской. Закончив курс аспирантуры, молодой ученый получал свидетельство, не имеющее значения на рынке труда и бесполезное для планирующих продолжать научную карьеру. Все это привело к тому, что молодые ученые перестали рассматривать аспирантуру как серьезный этап научной биографии, а доля аспирантов, защищающихся по ее окончании, упала на порядок. В 2024 году было принято решение о возвращении научной аспирантуре прежней функции, соответствующие изменения были внесены в регламенты обучения и защиты, но это не может компенсировать выпадавшие пять лет, в течение которых число выпускни-

ков научной аспирантуры, выходящих на защиту, упало до абсолютного минимума, а кадровое воспроизводство не только ученых, но и преподавателей высокой квалификации фактически остановилось.

«Депопуляционная ловушка» в зеркале статистики

Изменение численности ученых: в условиях, когда геополитические конфликты обостряются, а научные центры все больше полагаются на собственный кадровый и технологический потенциал, число специалистов, занятых научными исследованиями, имеет значение. Современное научное знание производится коллективно, и чем больше исследователей, тем шире тематическое поле исследований, тем устойчивее научный процесс и надежнее механизмы воспроизводства кадров высокой квалификации.

Начиная с 2000 годов численность ученых в России имеет тенденцию к сокращению, например, число исследователей снизилось на 20%. В целом плавный процесс сокращения имел две точки ускорения: первая пришлась на 2009–2010 годы, с 2010 по 2015 годы численность исследователей стабилизировалась, но с 2015 года снова пошла вниз (рис. 1).

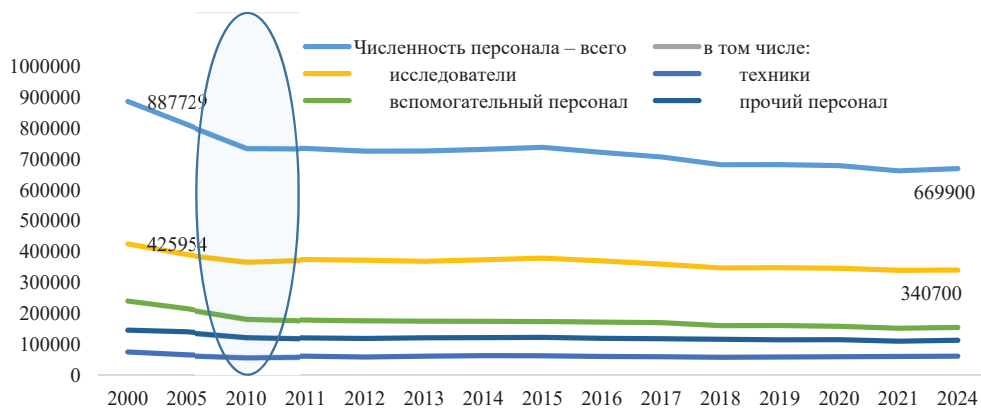

Рис. 1. Численность ученых-исследователей [4. С. 166]

Статистические данные позволяют предположить, что в первом случае сыграло свою роль падение курса рубля, существенно сократившее и без того низкие доходы специалистов, занятых научными исследованиями (в результате кризиса 2008 года рубль подешевел примерно вдвое, соответственно снизилась и покупательная способность заработных плат ученых). Во втором случае на численности исследователей сказалась реформа РАН и все порожденные ею негативные эффекты (в частности, реформа нанесла удар по престижу науки и сделала эту сферу менее привлекательной для молодежи).

Возрастная структура социальной группы исследователей: считается, что наилучшая возрастная структура обладает свойством сбалансированности — ни одна из когорт не имеет весовых преимуществ. Уменьшение одной возрастной когорты на фоне других позволяет уверенно предполагать присутствие сильных социальных влияний, сказавшихся либо на поколении отцов и матерей, либо на самой когорте. Такими «сокращающими» факторами могут быть войны или природные катаклизмы, а также «смутные времена», когда государство и его институты находятся в кризисе и будущее не определено. Возрастная структура общности специалистов-исследователей говорит о том, что в последние тридцать лет она подвергалась серьезным внешним влияниям (рис. 2).

Рис. 2. Средний возраст исследователей по категориям [4. С. 54]

По данным статистики, с 2000 по 2022 годы средний возраст ученых постепенно снижался — с 49 по 46 лет. Если вычлнить из общего числа занятых в науке кандидатов наук, то здесь тоже наблюдается снижение среднего возраста, но не такое плавное: средний возраст кандидатов наук заметно снизился в 2014 году, а далее фактически не менялся (рис. 3). Что касается докторов наук, то здесь прослеживается плавное, постепенное повышение среднего возраста — с 60 лет в 2000 году до 64 лет в 2022. Помимо наблюдаемых тенденций имеет значение и сам фиксируемый возраст: повышение среднего возраста в группе докторов наук свидетельствует о ее старении и в итоге сокращении. Если число защищаемых докторских диссертаций невелико, то группа ученых наивысшей квалификации будет не только стареть, но и уменьшаться по естественным причинам.

Имеющиеся данные говорят о том, что численность кандидатов наук имеет тенденцию к сокращению. На первый взгляд, это парадоксальное утверждение — ведь средний возраст кандидатов практически не меняется. Понять наблюдаемые тенденции можно, если принять за исходный

пункт предположение, что из группы выбывают ученые старших возрастов, которых замещают, хотя и не полностью, кандидаты в молодом и среднем возрасте, т.е. возраст группы сохраняется, а состав меняется. Это подтверждают данные о возрастной структуре группы: на рис. 4 присутствуют два модальных значения — в категории 35–39 лет и старше 70 лет. Наибольший провал фиксируется в интервале от 50 до 65 лет, т.е. в тех возрастных когортах, приход которых в науку совпал с разгаром радикальных реформ в 1990-е — начале 2000-х. Есть основания полагать, что за десятилетие эта «впадина» переместится в сторону старших возрастов, что ускорит сокращение числа кандидатов наук, занятых научными исследованиями. Изменить ситуацию может лишь радикальный позитивный поворот в отношении молодежи к научной карьере, но сегодня социальные условия для такого поворота отсутствуют.

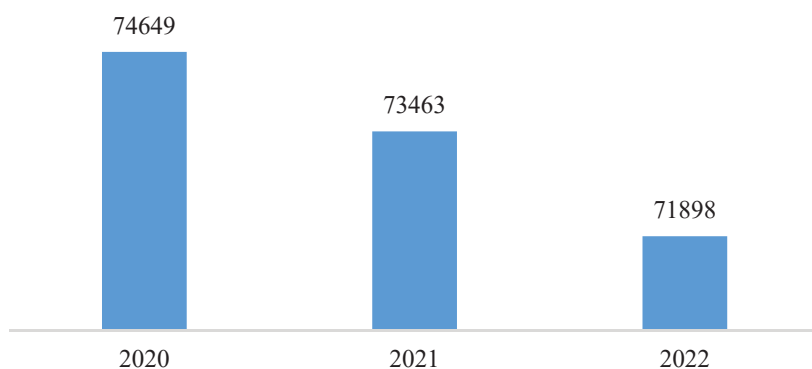

Рис. 3. Численность кандидатов наук [4. С. 55]

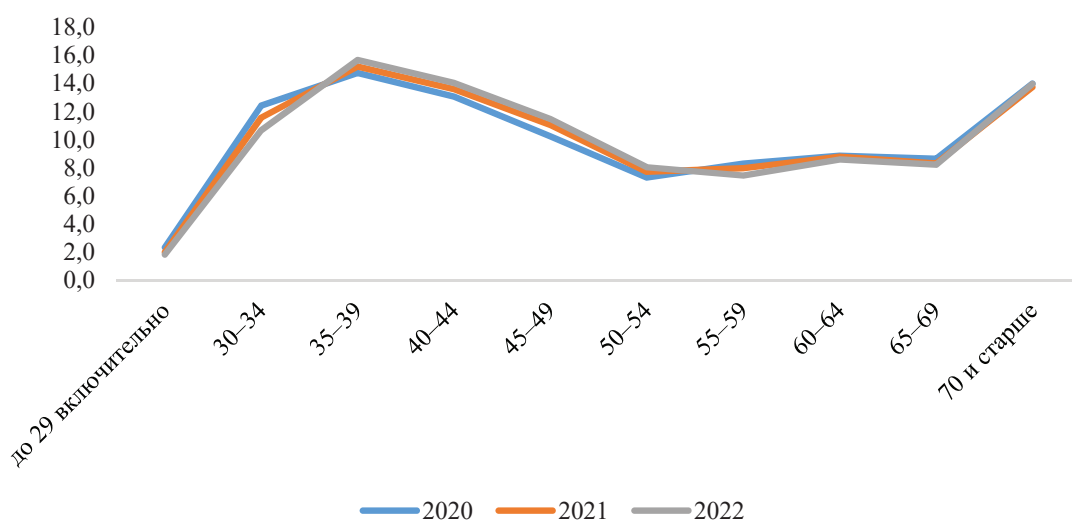

Рис. 4. Возрастная структура группы кандидатов наук [4. С. 53]

Аналогичные сократительные тенденции просматриваются и для группы докторов наук — их число тоже сокращается (рис. 5): всего за два года численность докторов наук, занятых научными исследованиями, уменьшилась примерно на 5%. При таких темпах число докторов наук в российской науке сократится в течение ближайшего десятилетия более, чем вдвое.

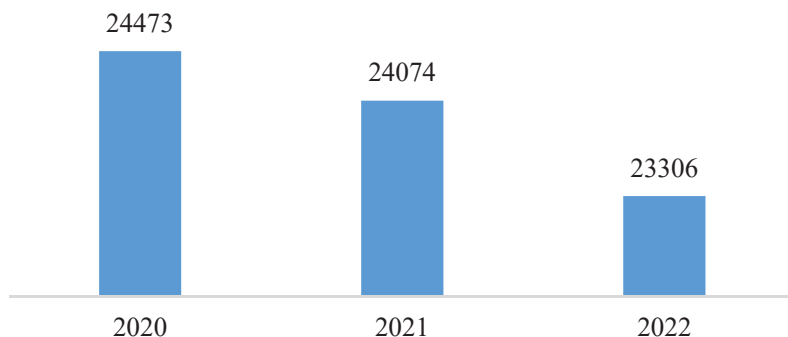

Рис. 5. Численность докторов наук [4. С. 53]

Возрастная структура группы докторов делает такой прогноз более, чем реальным: семеро из десяти старше 60 лет, а наиболее весомая группа среди них — когорта старше 70 лет (рис. 6), и она формирует квалификационные коллегии — диссертационные, ученые и экспертные советы, обеспечивающие присуждение научных степеней и соблюдение качества выносимых на суд научной общественности результатов.

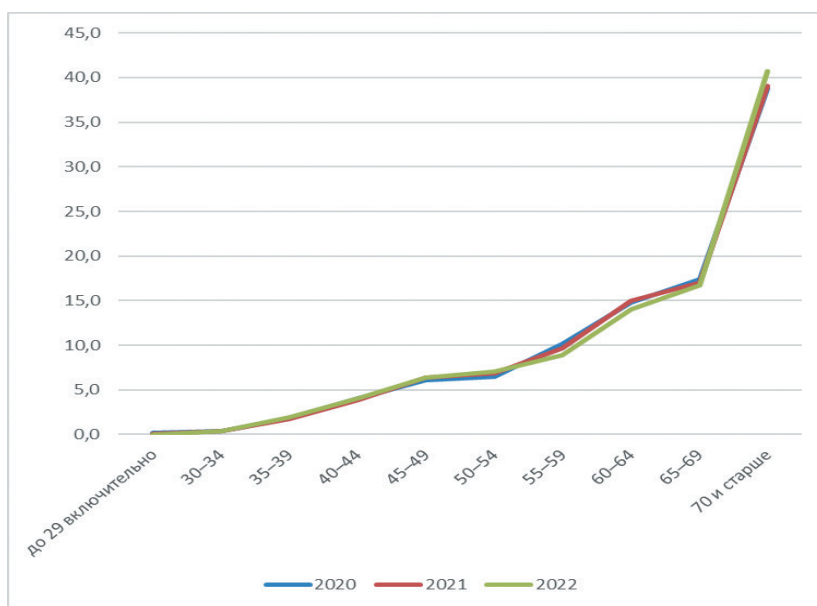

Рис. 6. Возрастная структура группы докторов наук [4. С. 53]

Возникает закономерный вопрос: как будет функционировать российская наука, если эта ключевая для нее квалификационная категория сойдет на нет. Два решения проблемы представляются наиболее вероятными: первый заключается в радикальных изменениях научной политики, прежде всего, в создании реальных стимулов для защищающих кандидатские и особенно докторские диссертации. Напомним, что такие стимулы существовали в советское время — доплаты за ученую степень, повышение в должности после защиты, что также приводило к повышению доходов. Чтобы подобные меры были эффективны, они должны быть чувствительны: в текущей ситуации пяти или даже десятипроцентные надбавки к зарплате за ученую степень не будут иметь необходимого эффекта — действительно стимульной будет увеличение заработной платы в полтора раза для обладателей кандидатской степени, и в два раза — для обладателей докторской.

Второе решение состоит в том, чтобы упразднить докторские и кандидатские степени, включив тех, кто уже имеет степень, и тех, кто только планирует ее получить, в общую категорию обладателей PhD. В короткой перспективе это может решить проблему заполнения вакансий в диссертационных и экспертных советах, но в долгосрочной перспективе нанесет удар по всему зданию российской науки, существенно понизив порог вхождения в научные и профессорско-преподавательские коллективы. В кризисные переходные годы не все, кто получал кандидатские степени, соответствовали критерию научной самостоятельности и добросовестности. Упразднение докторских степеней приведет к тому, что в институциональном плане эти лица будут иметь такой же статус, как и те, кто кропотливо работал над кандидатской, а затем докторской, добываясь более высокой квалификации. Ступени научной карьеры выстроены по принципу «креденциальности», обеспечивающему относительную закрытость высшей квалификационной группы от случайных людей и одновременно гарантирующему ее относительную автономию. Ученая степень, как любое институциональное ограничение, не идеальна и не дает полную гарантию качества защищаемых диссертаций, но в целом необходимую функцию поддержания квалификационного стандарта выполняет. Возможная реформа ступенчатости научной карьеры ввергнет весь комплекс российской науки в еще один период деорганизации и дезориентации — выпускникам вузов будет не просто понять, зачем вообще идти в науку, какие преимущества дает эта стезя помимо возможности, получив заветный PhD, искать работу за рубежом.

В настоящее время доля выпускников вузов, желающих работать в науке, невелика — примерно 1 %, или только один выпускник вуза из ста (рис. 7).

Рис. 7. Доля выпускников, выбирающих карьеру в науке [4. С. 62]

Аспирантура. Институт научной инициации имеет разные названия: в США и некоторых странах Европы на подготовку к научной деятельности закладывается примерно два года — за это время выпускник должен подготовить объемный научный труд, а затем защитить его под градом вопросов, которые задает совет квалифицированных ученых. В России эта процедура проработана не менее основательно, чем в других странах: обучение в аспирантуре длится три года, за это время аспирант должен сдать квалификационные экзамены и подготовить диссертацию соответствующего научного уровня и объема. Основное назначение аспирантуры состоит в том, чтобы производить кадры для науки и образования. Однако в разгар 1990-х кандидатская и докторская степени стали рассматриваться частью элиты как статусная характеристика, наделяющая ее обладателя экспертным знанием. Диссертации были превращены в товар, а их изготовлением занялись «предприятия», создаваемые беспринципными дельцами в образовании и науке. Получатели подобных степеней не собирались работать в науке, они добавляли научные регалии к уже имеющимся, рассчитывая, что ученая степень поможет в карьере (чиновники) или даст преимущество в бизнесе. Диссертационная «индустрия» нанесла огромный ущерб науке, прежде всего общественных наукам, в которых злоупотребления были особенно масштабны.

Пореформенный опыт убедительно продемонстрировал, что не всякая свобода есть благо и не всякое регулирование есть абсолютное зло, с которым следует бороться. По мере того, как в науке и образовании в сфере кадрового воспроизводства восстанавливался порядок, предполагавший жесткие правила и проверки, привлекательность ученой степени для чиновников и бизнесменов снизилась и стало очевидно, что число молодых людей, готовых идти в науку, поступать в аспирантуру и защищать диссертации невелико, намного меньше, чем необходимо для нормального воспроизводства кадров в науке и образовании. Одна из причин заключалась в том, что процесс вхождения в науку был чрезмерно растянут: выпускнику вуза, получившему степень бакалавра, научный статус не полагался, и ему нужно было провести два года в магистратуре, защитить магистерскую диссертацию, а затем поступить в аспирантуру еще на три года. Таким образом, общий стаж обучения для соискателя научной карьеры оказался равен девяти годам. Пройдя весь этот путь, молодой ученый мог

рассчитывать на должность научного сотрудника (с перспективой быстрого повышения до старшего) и заработную плату в 35 тысяч рублей. Существуют, разумеется, стимулирующие надбавки, отражающие публикационную активность и иные достижения, но и они не меняют общее соотношение доходов между учеными и, например, сотрудниками частных компаний — примерно 1:3. Разговоры о том, что наука — это не только доходы, а призвание, и что в науку должны идти увлеченные молодые люди, не представляющие себе жизнь без научного поиска, звучат, мягко говоря, неубедительно. Научное поприще не стоит путать с монастырем, а ученых приравнять к инокам, отрекшимся от мира. Перед молодым ученым стоят те же жизненные задачи, что и перед другими молодыми людьми его поколения — создание семьи, рождение детей, приобретение жилья, обеспечение себе и родственникам приемлемых, а желательно и комфортных условий жизни.

Для сравнения: в советское время выпускник вуза, имевший статус специалиста, мог начать работать в научном учреждении в должности младшего научного сотрудника, поступить в аспирантуру или готовить диссертацию, работая в научном учреждении. В той системе, частью которой он становился, ученая степень была необходимым условием продолжения карьеры и получения должности с более высоким уровнем научной автономии и заработной платой, причем заработная плата у защитившего кандидатскую диссертацию была существенно выше средней заработной платы в народном хозяйстве.

Данные статистики говорят о том, что с 2005 по 2020 годы численность аспирантов и поступающих в аспирантуру последовательно снижалась (рис. 8). Заметный всплеск интереса к аспирантуре наблюдался в 2022 году, совпав по времени с началом специальной военной операции. Снижение численности аспирантов не имело следствием более тщательный кадровый отбор претендентов на ученую степень и более высокую эффективность самой подготовки кадров.

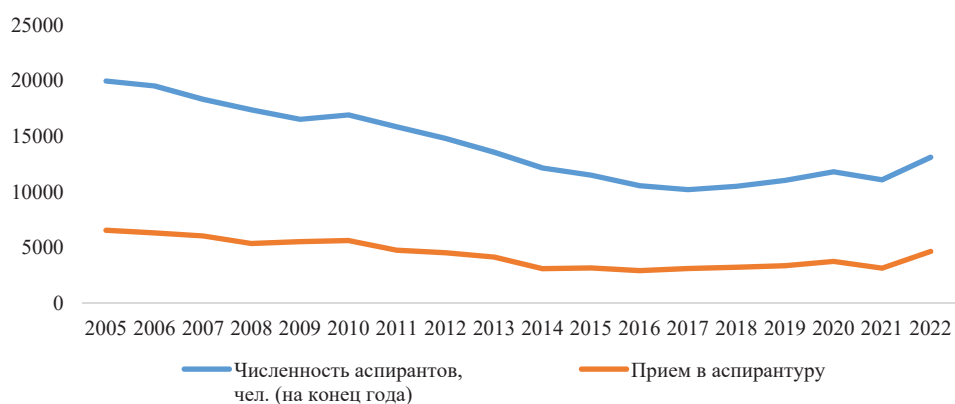

Рис. 8. Численность аспирантов и поступающих в аспирантуру [4. С. 64]

Также с 2005 года снижается и доля защищающих диссертации по окончании аспирантуры (рис. 9): доля защищающихся упала до минимальных значений в 2021 году, зафиксировав последствия принятого 2020 году закона о превращении аспирантуры в еще одну ступень образования. Некоторое увеличение доля выходящих на защиту наблюдается в 2022 году, что, по-видимому, связано с началом специальной военной операции и ее непредсказанными эффектами. Можно констатировать, что в настоящее время институт аспирантуры не выполняет функцию подготовки квалифицированных кадров для науки и образования. За время непрерывного реформирования, постоянной перетряски науки «с песочком» латентные функции аспирантуры стали превалировать над явными, заявленными: научных степеней последовательно добиваются те, кто не планирует работать в науке или образовании, а те, кто действительно работает в научных или образовательных учреждениях, часто выходят из аспирантуры без защиты, на годы откладывая подготовку диссертаций и получение ученых степеней.

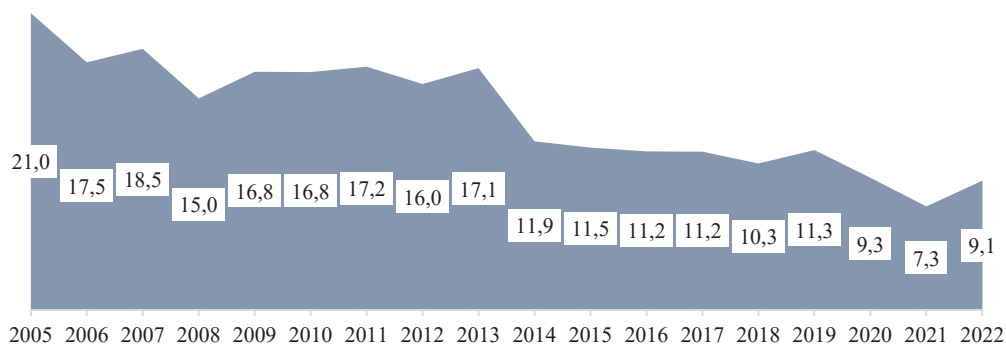

Рис. 9. Доля выходящих из аспирантуры с защитой (в процентах от общей численности выпускников) [4. С. 63–65]

В настоящее время российская наука и система образования находятся в сложном положении. Уровень финансирования науки — 0,4% от ВВП — недостаточен, чтобы она могла в обозримом будущем сохранять статус одного из ведущих центров производства знаний. В этой связи не избежать ряда непростых, болезненных вопросов: а нужна ли России большая наука? Страна располагает богатыми природными ресурсами и может еще очень долго наполнять бюджет за счет их продажи зарубежным потребителям. И все же, несмотря на природные богатства, ответ на поставленный вопрос может быть только положительным. Во-первых, сложно представить, как страна, претендующая на статус государства-цивилизации, может выжить,

не имея собственных достижений в области интеллекта и духа. Вряд россияне смогут понять и принять идею возвращения в «Россию, которую мы потеряли», — страну сословной спеси, соломенных крыш и запредельной детской смертности. Да и возможно ли такое возвращение, даже если кому-то оно представляется желательной альтернативой?

Во-вторых, очевидно, что мечта молодых реформаторов о том, что обменивать сырье на технологически совершенные продукты, покупать у «Лондона щепетильного» необходимое за «лес и сало», можно только при отказе России от политического суверенитета — полном или частичном.

В-третьих, текущих обстоятельств достаточно, чтобы понять: Россия может сохранить за собой необъятные территории Евразии только в том случае, если будет обладать мощным оборонным потенциалом. Можно, разумеется, считать, что стране необходима не вся наука, а только те ее части, что связаны с оборонными отраслями. Однако так устроено научное знание и институт науки в целом, что невозможно точно предугадать, какие из научных достижений обернутся в перспективе оборонной пользой, какие знания из тех, что добываются наукой, помогут сохранить обороноспособность, гарантировать безопасность и внутреннюю стабильность в обозримой и длительной перспективе. Одна из особенностей науки в том, что каждый ее этап открывает новое качество окружающего мира, противореча при этом знаниям прошлого. В этом плане важны не только естественные, но и общественные науки, изучающие состояние общества, акцентирующие и выносящие в сферу принятия решений его наиболее острые проблемы. Да и можно ли всерьез принимать идею «узкой специализации», идею отказа от «непрактичных» дисциплин (астрофизика, география, история, археология, психология и др.)? «Великая наука» сохраняется лишь в тех странах, где культивируются и взаимодействуют разные дисциплины, формирующие принципы и особую среду обитания, поощряющую поиск и новации. В России должна быть большая наука, и будем надеяться, что она сможет преодолеть пагубный тренд депопуляции, найдя пути для поступательного кадрового усиления.

Библиографический список

1. Андреев А.Ю. Статистическое исследование университетской профессуры в Российской империи // Вестник СПбГУ. История. 2021. Т. 66. № 1.
2. Борисов В.А. Демография. М., 1999.
3. Демография и статистика населения / под ред. И.И. Елисеевой, М.А. Клупта. М., 2025.
4. Индикаторы науки: статистический сборник. М., 2024.
5. Наука большой страны: советский опыт управления / под ред. Е.А. Долговой. М., 2023.
6. Письмо Г. Флерова И. Сталину. URL: https://elbib.biblioatom.ru/text/kiae-istoriya-atomnogo-proekta_v13_1998/p59.
7. Юдин Б.Г. История советской науки как процесс вторичной институционализации // Философские исследования. 1993. № 3.

“Depopulation trap” in the reproduction of Russian science*

M.F. Chernysh

Federal Center of Theoretical and Applied Sociology RAS,
Krzhizhanovskogo St., 24/35–5, Moscow, 117218, Russia

(e-mail: mfcche@yandex.ru)

Abstract. Russian science is going through a difficult period that can be described as a “depopulation trap”: the number of research scientists has declined, and each new generation of scientists is smaller than the previous one. In demography, this phenomenon is characterized as a transition — a qualitative transformation of living conditions that contributes to a decline in the birth rate. A similar phenomenon in science is the decline in the number of “avatars” — highly qualified scientists who act as “guides” into science for university graduates. The number of scientists with degrees — PhD and DSc — declines annually. The average age of scientists with PhD degrees exceeds 50 years, and with DSc degrees — 64 years. If this trend continues, within ten years, it will be difficult to form dissertation and academic councils in many scientific fields, which would further complicate reproduction of personnel in science. Currently, postgraduate education fails to produce highly qualified scientific personnel: only one in ten completes studies with the thesis defense, and only one in twenty plans to continue working in science after the defense. The author insists on urgent changes in scientific policy to support postgraduate education and young scientists and to improve the situation in science.

Key words: sociology of science; demographic transition; scientific personnel; personnel reproduction; postgraduate education; scientific qualification

For citation: Chernysh M.F. “Depopulation trap” in the reproduction of Russian science. *RUDN Journal of Sociology*. 2026; 26 (1): 31–48. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-1-31-48> EDN: RFNAQG

References

1. Andreev A.Yu. Statisticheskoe issledovanie universitetskoy professury v Rossiyskoy imperii [A statistical study of university professors in the Russian Empire]. *Vestnik SPbGU. Istoriya*. 2021; 66 (1). (In Russ.).
2. Borisov V.A. *Demografiya* [Demography]. Moscow; 1999. (In Russ.).
3. *Demografiya i statistika naseleniya* [Demography and Population Statistics]. Ed. by I.I. Eliseeva, M.A. Klupt. Moscow; 2025. (In Russ.).
4. *Indikator nauki* [Science Indicators]. Moscow; 2024. (In Russ.).
5. *Nauka bolshoy strany: sovetsky opyt upravleniya* [Science of the Big Country: Soviet Management Experience]. Ed. by E.A. Dolgova. Moscow; 2023. (In Russ.).
6. Pismo G. Flerova I. Stalinu [Letter from G. Flerov to I. Stalin]. URL: https://elib.biblioatom.ru/text/kiae-istoriya-atomnogo-proekta_v13_1998/p59. (In Russ.).
7. Yudin B.G. Istoriya sovetskoy nauki kak protsess vtorichnoy institutsionalizatsii [History of Soviet science as a process of secondary institutionalization]. *Filosofskie Issledovaniya*. 1993; 3. (In Russ.).

*© M.F. Chernysh, 2026

The article was submitted on 26.12.2025. The article was accepted on 15.01.2026.

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-1-49-57

EDN: RBERGC

Р. Мертон: шаги к инновациям — опыт формирования новаторского дискурса у студентов*

С.А. Кравченко

МГИМО-Университет МИД РФ,
просп. Вернадского, 76, Москва, 119454, Россия

(e-mail: sociol7@yandex.ru)

Аннотация. В статье представлен вариант осовременивания успешного опыта Р. Мертона по обретению новаторского дискурса, позволившего создать суверенную теорию с оригинальным теоретико-методологическим инструментарием. Автор считает ценным подобный опыт, поскольку в нем отражены конкретные научно-образовательные практики, использование которых сегодня позволит сформировать у студентов-социологов профессиональные компетенции экспертов-инноваторов, решающих задачи диагностики усложняющихся для страны вызовов. Этот опыт особенно важен для выработки оптимального пути перехода от абсолютизации принципов Болонской системы к суверенному образованию, сохраняющему в себе принципиальные достижения мировой науки.

Ключевые слова: социология образования; научные инновации; новаторский дискурс; профессиональные компетенции; суверенное образование

Для цитирования: *Кравченко С.А.* Р. Мертон: шаги к инновациям — опыт формирования новаторского дискурса у студентов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2026. Т. 26. № 1. С. 49–57. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-1-49-57> EDN: RBERGC

Р. Мертон (1910–2003) родился в Филадельфии в рабочей семье эмигрантов из Восточной Европы. Как отмечает его биограф М.М. Хунт, он начинал свою образовательную карьеру «почти с самого дна социальной структуры» [16. С. 39]. Чтобы подняться со «дна», как вспоминал Мертон в автобиографии, первым шагом стала мотивация к достойно оплачиваемой работе, что породила волю к «жизни, полной обучения»: он читал книги, занимался музыкой с преподавателем, посещал выставки в Музее искусства [17. С. 16]. Одним из главных современных вызовов для России является отсутствие мотивации у ряда студентов к работе в научной сфе-

*© Кравченко С.А., 2026

Статья поступила в редакцию 05.12.2025. Статья принята к публикации 15.01.2026.

ре и получению отечественного образования — это последствия внедрения Болонской системы. Как отмечает Ж.Т. Тощенко, имело место утверждение чуждых нашей культуре постулатов, что «образование — это услуга», а первостепенное значение имеет «умение зарабатывать деньги», поэтому университеты оказались «ввергнуты в пучину квази-рыночных отношений» [13. С. 209, 211].

Очевидно, что на государственном уровне необходим комплекс мероприятий, нацеленных на то, чтобы наука и образование стали факторами суверенного развития страны и сферой обретения молодыми людьми весомого человеческого капитала, необходимого для полноценной жизни. В этой работе многое зависит от преподавателей высших учебных заведений: судя по моему преподавательскому опыту, волю к интеллектуальному творчеству можно формировать с помощью довольно простых операций — дайте задание к семинару по своим ранним публикациям, предложив студентам подойти к ним с позиций мертоновского принципа «организованного скептицизма»; сориентируйте студентов на возможность осовременивания положений и выводов, содержащихся в них, с учетом новых реалий, а лучшим выступающим презентуйте свою публикацию с автографом.

Второй шаг Мертона к будущим всемирно признанным успехам — «магический момент» встречи с П.А. Сорокиным, с которым судьба свела 19-летнего студента провинциального колледжа на годовом собрании Американской социологической ассоциации. Хотя беседа прошла накоротке, Сорокин разглядел в молодом человеке предрасположенность к креативности и, к его удивлению, «пригласил продолжить социологическое обучение в Гарвардском университете» [18. С. 36]. Сегодня такого рода встречи можно организовывать не только в Дни открытых дверей, например, на научные конференции, подобные симпозиуму «Социологическое образование: вызовы современности», прошедшему в РУДН 20 ноября 2025 года, следует приглашать студентов и аспирантов. Для повышения интереса молодежи к образованию «магические моменты» встречи с авторитетными российскими учеными нужно планировать: их цель — активировать горизонтальную мобильность студентов, что, по Сорокину, способствует и восходящей мобильности.

Третий шаг Мертона — парадоксальная серия «сюрпризов», сформировавших предрасположенности к новаторству, например, получение письма от Сорокина с рекомендацией поступать в Гарвардский университет: как вспоминал Мертон, «в итоге, нервничая, я подал заявление, получил стипендию и вскоре оказался в благоприятной обстановке, полной новых сюрпризов. Следующим весьма значимым из них стало приглашение Сорокина стать его ассистентом по научным исследованиям уже на первом году обучения, а позже ассистентом по учебной работе» [18. С. 36, 37]. Сегодня организованные

«сюрпризы» карьерного роста могут стать ответом на вызовы цифровизации, в частности, выражающиеся в трендах «инфантилизации молодежи» [9]. Необходимо начать поиск инструментов «очеловечивания» образовательных технологий. Минимизировать негативные эффекты цифровизации может возрождение советской практики свободных ответов у доски, разумеется, без использования гаджетов. Также симпатии студентов вызывает игровой дискурс в духе практикуемых Сорокиным по отношению к Мертону-студенту образовательных практик «если бы профессором был я» — их можно организовать на семинарах по конкретному дискуссионному вопросу.

Четвертый шаг — серьезная научно-исследовательская работа студента с первых дней обучения. Как вспоминал Мертон, для Сорокина он сразу стал «мастером на все руки, а также, по случаю, и заместителем». Однажды «он спросил, мог бы я достаточно хорошо подготовиться, чтобы вместо него представить статью по современной французской социологии. Забросив все, я проводил дни и ночи, изучая огромное количество произведений, вышедших в свет, как самого Дюркгейма, так менее значимых представителей дюркгеймианской школы, таких как Хальбвакс, Леви-Брюль, Мосс, Бугле (мое внимание к ним было обусловлено наставничеством Сорокина). Так, благодаря Сорокину на втором году обучения я стал студентом-исследователем с публикациями, что затем привело к тому, что я был приглашен сделать первую американскую рецензию на перевод работы Дюркгейма “Разделение общественного труда”» [18. С. 37–38]. Сегодня по инициативе Президента России утверждена грантовая поддержка научного сотворчества аспирантов и их руководителей. Полагаю, нужно возродить советскую практику научных студенческих сообществ, предполагавшую содоклады студентов и преподавателей по инициативным проектам.

Пятый «непредсказуемый» шаг: «ненамеренным последствием интенсивной работы над двумя статьями стало то, что я временно стал трансатлантическим дюркгеймианцем, — был заложен фундамент того, что в итоге станет моей собственной моделью структурно-функционального анализа» [18. С. 38]. Иными словами, формирование новаторского дискурса Мертона вплоть до создания им оригинальных теорий и концепций базировалось на понимании того, что не существует валидных теорий на все времена.

Один из сегодняшних вызовов — актуализация положения о временных рамках валидности теоретико-методологического инструментария. Под воздействием эффектов «стрелы времени» (обоснованы лауреатом Нобелевской премии И.Р. Пригожиным), имеет место ускоряющаяся и — главное — усложняющаяся динамика материи и человеческих сообществ, в силу чего происходит перманентное усложнение социологического дискурса. В свое время Сорокин отмечал «недолговечность» теоретического инструментария социологической науки: «За семьдесят лет, прошедших после смерти О. Конта,

в области социологии промелькнули десятки и сотни разных теорий и подходов; все они пережили свой расцвет, а затем сошли на нет. Еще сегодня общепризнанная теория завтра всеми отвергается» [11. С. 471]. В ходе становления индустриального модерна зародился сам социологический дискурс, в частности, описывающий социальное неравенство, классы, определяемые по экономическим критериям, и их противоборство. Одновременно возник дискурс рационализации и бюрократизации. Для их интерпретации в науке и образовании формируется дискурс монодисциплинарных подходов. Сообразно реалиям рефлексивного модерна возник более сложный социологический дискурс, где социальная дифференциация определяется множеством критериев с доминированием культурных, обретает значимость дискурс социологической амбивалентности, функциональности и дисфункциональности институциональных систем, усложняющихся рисков и уязвимостей — возник запрос на полипарадигмальный подход в социологии. В России его инициатором был В.А. Ядов, отмечавший востребованность взаимной дополнительности теоретических подходов [15]. В конце прошлого — начале нынешнего века возникли и немислимые прежде дискурсы: «смерть социального» как вызов социальной эпистемологии (Ж. Бодрийяр); «нечеловеческие актанты» (Б. Латур); «мобильность мест», гибриды социума, природы и технологий (Дж. Урри); «конец природы» и включение в социологическую повестку климатических изменений (Э. Гидденс); «научное не-знание» и «метаморфизация мира» (У. Бек).

Особо отмечу новаторский дискурс российских социологов, который необходимо включать в обучение студентов. Согласно Н.И. Лапину суть новой России образуют «синергийные сложности», для работы с которыми «неприемлемы простые решения» [7. С. 12, 53]. Эти синергийные сложности обусловлены «генотипом» российской культуры, выраженным, как считал М.К. Горшков, в «корневой системе нравственных ценностей и жизненных смыслов, вкусов и норм, критериев оценки человеком себя и окружающего мира» [8. С. 10], и этот новаторский дискурс потребовал перехода от социологии как науки об обществе к социологии как науки для общества [1. С. 21–34]. А.В. Тихонов полагал, что для управления объектами в виде «человекообразных» систем с качествами «спонтанности, саморегуляции и самоорганизации природных процессов и процессов производственной и общественной жизни» необходима «синергетическая парадигма управления», в которой особенно значима гуманистическая функция [12. С. 162, 128]. В духе практик формирования новаторского дискурса Мертона необходимо подойти и к инновациям отечественных социологов, в которых содержатся ответы на вызовы современности, — они должны стать основой научно-образовательной подготовки студентов, предполагающей формирование способности вести исследовательский поиск и критически анализировать теории, которые еще недавно абсолютизировались.

Шестой шаг Мертона — соавторство профессора и студента: «Сорокин продолжал продвигать мои интеллектуальные интересы... Когда Сорокин узнал о моем новом интересе к истории науки и социологии, он решил включить меня в одну из частей своего исследования. Я был приглашен в соавторы двух разделов по социологическим аспектам инноваций, открытий и теорий в его четырехтомном шедевре 1930-х годов “Социальная и культурная динамика”» [18. С. 38]. Также в соавторстве с Сорокиным юный Мертон опубликовал инновационное исследование, содержащее методологический и функциональный анализ социального времени [21]. Начать внедрять практики соавторства профессора и студента в образовательный процесс можно в относительно простой форме — подключая студентов к систематизации новейшей социологической лексики в трудах социологов, чье творчество изучается. Результаты могут быть представлены как в виде отдельных статей [4; 5; 6], так и словаря [10] с авторством студентов и профессора.

Седьмой шаг — от абсолютизации теории мастера-наставника к созданию собственной теории, основанной на уникальных принципах научных инноваций: «организованный скептицизм», «социологическая амбивалентность» и «специфическое невежество», которое Мертон характеризует как предрасположенность к тому, «что еще не известно, но должно быть известно, чтобы заложить основу для большего знания» [20. С. 112]. Эти принципы молодой Мертон воплощал не только в публикациях, но и в своих взаимоотношениях с Сорокиным, которые становились амбивалентными — конфликтно-доброжелательными, что, по мнению Мертона, проявлялось со стороны Сорокина в «пламенных и безжалостных атаках», а с его стороны — в активной защите своего новаторского дискурса. «Сорокинская критика была направлена на рукопись, которую я написал в качестве предварительного этапа планируемой диссертации» [18. С. 39].

Вопреки взглядам М. Вебера на роль протестантской этики в становлении капитализма, которые в то время «универсализировались», юный Мертон в итоговом варианте диссертации пришел к иному выводу — что фактором развития капитализма в Англии XVII столетия стал устойчивый интерес к научным открытиям, который и привел к взрывному росту технических инноваций и их внедрению в повседневную жизнь. В результате институты общества становились качественно иными, амбивалентными — функциональными, нефункциональными и дисфункциональными, что создавало предпосылки для обострения социальных противоречий и конфликтов. [19. С. 362–632]. Но главное — Мертон, интернационализовав новаторский дискурс, проявил «специфическое невежество» в отношении своего наставника: не стал его последователем, продолжая считать его «гигантом социологической мысли XX века» [18], а создав собственную научную школу и предложив научную новацию в виде структурно-функционалистской теории среднего уровня. «Влияние мастеров на подмастерьев не всегда пред-

сказуемо... Двадцать лет спустя я получил подписанный экземпляр недавно изданной однотомной версии четырехтомника “Социальной и культурной динамики”. Подпись содержит, как я думаю, любовную амбивалентность. Ее первая составляющая указывает на мою неудачную попытку адаптировать сорокинскую теорию к диссертации и, соответственно, стать сорокинским учеником; второй компонент касается наших сложных отношений в те дни, когда я был его ассистентом по науке и обучению студентов, юным сотрудником, ценителем (хотя и критиком) его творчества. Воспроизвожу подпись дословно: “Моему заклятому врагу и дорогому другу Роберту от Питирима”» [18. С. 38, 45–46].

Воспоминания Мертона о пути к собственным научным инновациям в социологической науке сегодня актуальны в контексте подготовки студентов-социологов к профессиональной деятельности в условиях вызовов суверенному развитию страны, отечественной науке и образованию. В последнее время актуализировался дискурс деболонизации: как отмечает М.Ф. Черныш, «крайне неудачным стало введение колониальной Болонской системы, основная цель которой заключалась в том, чтобы привязать российское образование к западным рынкам труда. Отток кадров шел в известном направлении и никак не в обратном, надежды на то, что наши выпускники обучатся всему и вернуться, был наивен, а, возможно, и злонамерен» [14. С. 24]. В противовес вызовам «универсальной» англо-саксонской социологии, возник запрос на дискурс суверенизации отечественной социологии [2], основанной на постдисциплинарном подходе с сохранением культурного, цивилизационного стержня, что, разумеется, не отрицает достижений мировой социологической мысли [3]. Суверенное развитие страны могут обеспечить социологии-эксперты по синергично сложным реалиям, обладающие компетенциями новаторского дискурса, творческой смелости и изобретательства, что поможет им обосновать эффективные рекомендации для решения задач национальных проектов, включая обеспечение лидерских позиций российского образования в мире.

Библиографический список

1. Горшков М.К. Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики). Т.1. М., 2016.
2. Кравченко С.А. Синергия в социальных процессах: постдисциплинарный подход. М., 2025.
3. Кравченко С.А. Тернистый путь суверенизации отечественной социологии: история, современность, перспективы // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 2.
4. Кравченко С.А., Голоухова Д.В., Бузыкина Е.А., Бабичев М.А. Новейшая социологическая терминология в работах З. Баумана // ПОИСК. 2018. № 3.
5. Кравченко С.А., Капитоненкова Т.Д. Новейшая социологическая терминология Дж. Урри в работе «Что есть будущее?» // ПОИСК. 2017. № 6.
6. Кравченко С.А., Капитоненкова Т.Д., Мороз А.С. Новейшая социологическая терминология в работах З. Баумана и Дж. Урри // Социология образования. 2018. № 5.

7. Латин Н.И. Сложность становления новой России. Антропосоциокультурный подход. М., 2021.
8. На переломе веков: социодинамика российской культуры / М.К. Горшков, С.Н. Комиссаров, О.И. Карпухин. М., 2022.
9. Пузанова Ж.В., Ларина Т.И., Тертышников А.Г. Инфантилизация молодежи: методологический подход к измерению // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 3.
10. Словарь новейшей социологической лексики с английскими эквивалентами / под общ. ред. С.А. Кравченко. М., 2019.
11. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика: исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб., 2000.
12. Тихонов А.В. Социология управления. М., 2007.
13. Тоценко Ж.Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). М., 2020.
14. Черныш М.Ф. О проблеме воспроизводства кадров в российской науке и вузах (введение в дискуссию) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2024. Т. 24. № 1.
15. Ядов В.А. Возможность совмещения теоретических подходов // Социологический журнал. 2003. № 3.
16. Hunt M.M. How does it come to be so? Profile of Robert K. Merton // New Yorker. 1961. No. 36
17. Merton R.K. A Life of Learning. New York, 1994.
18. Merton R.K. Pitirim Alexandrovich Sorokin: A Giant of the 20th-Century Sociological Thought. Moscow, 2001.
19. Merton R.K. Science, Technology and Society in Seventieth Century England. Osiris, 1938.
20. Merton R.K. Sociological Ambivalence and Other Essays. New York, 1976.
21. Sorokin P.A, Merton R.K. Social time: A methodological and functional analysis // American Journal of Sociology. 1937. Vol. 42. No. 5.

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-1-49-57

EDN: RBEPGC

R. Merton: steps to innovations —experience of forming innovative discourse among students*

S.A. Kravchenko

Moscow State University of International Relations,
Prosp. Vernadskogo., 76, Moscow, 119454, Russia

(e-mail: sociol7@yandex.ru)

Abstract. The article presents an attempt at modernization of R. Merton's successful experience in developing innovative discourse for creating a sovereign theory with original theoretical-methodological tools. The author considers this experience valuable, because it reflects specific scientific-educational practices, the use of which can help sociology students develop their professional competencies of innovative experts, addressing the increasingly complex challenges our country faces today. This experience is particularly

*© S.A. Kravchenko, 2026

The article was submitted on 05.12.2025. The article was accepted on 15.01.2026.

important for developing an optimal path of transition from absolutization of the Bologna principles to a sovereign educational system that preserves the fundamental achievements of global science.

Key words: sociology of education; scientific innovations; innovative discourse; professional competencies; sovereign education

For citation: Kravchenko S.A. R. Merton: steps to innovations — experience of forming innovative discourse among students. *RUDN Journal of Sociology*. 2026; 26 (1): 49–57. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-1-49-57> EDN: RBEPGC

References

1. Gorshkov M.K. *Rossiyskoe obshchestvo kak ono est (opyt sotsiologicheskoy diagnostiki)* [Russian Society as It Is (Sociological Diagnostics)]. Vol. I. Moscow; 2016. (In Russ.).
2. Kravchenko S.A. *Sinergiya v sotsialnyh protsessah: postdistsiplinarny podkhod* [Synergy in Social Processes: A Post-Disciplinary Approach]. Moscow; 2025. (In Russ.).
3. Kravchenko S.A. Ternisty put suverenizatsii otechestvennoy sotsiologii: istoriya, sovremennost, perspektivy [The thorny path of the Russian sociology sovereignty: History, the present time, prospects]. *RUDN Journal of Sociology*. 2025; 25 (2). (In Russ.).
4. Kravchenko S.A., Goloukhova D.V., Buzykina E.A., Babichev M.A. Noveyshaya sotsiologicheskaya terminologiya v rabotah Z. Baumana [Latest sociological terms in Z. Bauman's works]. *POISK*. 2018; 3. (In Russ.).
5. Kravchenko S.A., Kapitonenkova T.D. Noveyshaya sotsiologicheskaya terminologiya J. Urri v rabote "Chto est budushchee?" [Latest sociological terms in J. Urri's *What is the Future?*]. *POISK*. 2017; 6. (In Russ.).
6. Kravchenko S.A., Kapitonenkova T.D., Moroz A.S. Noveyshaya sotsiologicheskaya terminologiya v rabotah Z. Baumana i J. Urri [Latest sociological terms in Z. Bauman's and J. Urry's works]. *Sotsiologiya Obrazovaniya*. 2018; 5. (In Russ.).
7. Lapin N.I. *Slozhnost stanovleniya novoy Rossii. Antroposotsiokulturny podkhod* [Difficult Formation of New Russia. An Anthropological-Social-Cultural Approach]. Moscow; 2021. (In Russ.).
8. *Na perelome vekov: sotsiodinamika rossiyskoy kultury* [At the Turn of the Century: Social Dynamics of Russian Culture]. M.K. Gorshkov, S.N. Komissarov, O.I. Karpukhin. Moscow; 2022. (In Russ.).
9. Puzanova Zh.V., Larina T.I., Tertyshnikova A.G. Infanzilizatsiya molodezhi: metodologicheskyy podkhod k izmereniyu [Infantilization of the youth: A methodological approach to measurement]. *RUDN Journal of Sociology*. 2021; 21 (3). (In Russ.).
10. Slovar noveyshey sotsiologicheskoy leksiki s angliyskimi ekvivalentami [Dictionary of the Latest Sociological Terms with English Equivalents]. Ed. by S.A. Kravchenko. Moscow; 2019. (In Russ.).
11. Sorokin P.A. *Sotsialnaya i kulturnaya dinamika: issledovanie izmeneniy v bolshih sistemah iskusstva, istiny, etiki, prava i obshchestvennyh otnosheniy* [Social and Cultural Dynamics: A Study of Change in Major Systems of Art, Truth, Ethics, Law and Social Relationships]. Saint Petersburg; 2000. (In Russ.).
12. Tikhonov A.V. *Sotsiologiya upravleniya* [Sociology of Management]. Moscow; 2007. (In Russ.).
13. Toshchenko Zh.T. *Obshchestvo travmy: mezhdru evolyutsiy i revolyutsiy (opyt teoreticheskogo i empiricheskogo analiza)* [Society of Trauma: Between Evolution and Revolution (Theoretical and Empirical Analysis)]. Moscow; 2020. (In Russ.).
14. Chernysh M.F. O probleme vosproizvodstva kadrov v rossiyskoy nauke i vuzah (vvedenie v diskussiyu) [On the problem of personnel reproduction in Russian science and universities (introduction to the discussion)]. *RUDN Journal of Sociology*. 2024; 24 (1). (In Russ.).

15. Yadov V.A. Vozmozhnost sovmeshcheniya teoreticheskikh podkhodov [The possibility of combining theoretical approaches]. *Sotsiologichesky Zhurnal*. 2003; 3. (In Russ.).
16. Hunt M.M. How does it come to be so? Profile of Robert K. Merton. *New Yorker*. 1961; 36
17. Merton R.K. *A Life of Learning*. New York; 1994.
18. Merton R.K. *Pitirim Alexandrovich Sorokin: A Giant of the 20th-Century Sociological Thought*. Moscow; 2001.
19. Merton R.K. *Science, Technology and Society in Seventieth Century England*. Osiris; 1938.
20. Merton R.K. *Sociological Ambivalence and Other Essays*. New York; 1976.
21. Sorokin P.A, Merton R.K. Social time: A methodological and functional analysis. *American Journal of Sociology*. 1937; 42 (5).

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-1-58-66

EDN: RBCKDC

Синтез традиций и новаций — ответ университетов на вторжение будущего*

А.Н. Данилов

Белорусский государственный университет,
просп. Независимости, 4, Минск, 220030, Республика Беларусь

(e-mail: a.danilov@tut.by)

Аннотация. В статье рассмотрены вызовы современному университетскому образованию, проблемы подготовки высококвалифицированных специалистов для всех сфер жизнедеятельности современного общества. Отмечена высокая миссия университетов, обладающих самым большим потенциалом воздействия на будущее. В свою очередь экономические и политические институты формируют заказ на специалистов, задают приоритеты государственной поддержки, определяют ситуацию на рынке труда. Нынешняя система высшего образования — симбиоз советской и национальной моделей, выстроенный с учетом государственных потребностей и культурных традиций, и потому мощный драйвер социального развития. Главный вызов постсоветской системы высшего образования — уход от национальных традиций, апробированного десятилетиями опыта подготовки специалистов, где учитывались традиции и новации, потребности национальной экономики; некритический перенос чужого опыта на национальную почву без должной экспертизы и адаптации. Поспешность и некритичность, отсутствие системности, монетизация, формализм и бюрократизация нанесли серьезный вред системе высшего образования — она потеряла авторитет в глазах общественности, как и профессор, преподаватель высшей школы. Предстоит большая работа по реализации «дорожной карты» развития образования как части национальной культуры, центра формирования ценностной матрицы будущего, института, который будет максимально соответствовать социальному запросу времени, эффективно использовать современные технологии, сочетать традиции и новации.

Ключевые слова: система образования; Республика Беларусь; Белорусский государственный университет; социологическая наука и образование; институционализация; уроки прошлого; проблемы настоящего; новые вызовы и риски

Для цитирования: Данилов А.Н. Синтез традиций и новаций — ответ университетов на вторжение будущего // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2026. Т. 26. № 1. С. 58–66. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-1-58-66>
EDN: RBCKDC

*© Данилов А.Н., 2026

Статья поступила в редакцию 22.11.2025. Статья принята к публикации 15.01.2026.

Велика роль образования в процессе формирования точек роста — здесь обновляются и формируются ценности, осовременивается их содержание, утверждается или отвергается современный социокультурный опыт. Сегодня очень важно попробовать заглянуть в будущее и увидеть следующий уровень, виток социальной эволюции. Образование как часть культуры выступает в качестве центра, наполняющего содержанием происходящие перемены, становится ценностной матрицей будущего. Именно от образования зависит устойчивость и развитие цивилизации, а также внедрение инноваций. Главный вызов для образовательной системы как пространства воспроизводства смыслов и создания новых — мотивировать молодых людей учиться. Неудовлетворенность образованием тормозит духовное развитие человека, порождает некий комплекс неполноценности, неуверенность в завтрашнем дне, углубляет неуверенность в выборе жизненного пути. Образование не может не отвечать на запросы научно-технического прогресса, экономического и социального развития. Ведущую роль в поиске этих ответов призвана сыграть наука, образование и технологии. Как утверждал Ли Куан Ю, «надо принимать мир таким, какой он есть, и искать путь, который позволит обществу уверенно развиваться и идти в ногу со стремительно меняющимся временем. Помните: Земля не перестанет вращаться ради вас» [1. С. 362].

Университетское образование — драйвер социального развития

Университетское образование напрямую связано со всеми событиями, которые происходят в обществе, и в какой-то степени даже порождает их, мотивируя, ускоряя или замедляя бег истории, поэтому не может рассматриваться вне связи с политическими, социальными и экономическими сферами современного общества. Система высшего образования формирует идеалы будущего, создавая интеллектуальную элиту, развивая человеческий капитал нового поколения, транслируя ценности и расширяя индивидуальные возможности. В свою очередь экономические и политические институты формируют заказ на специалистов, задают приоритеты государственной поддержки, определяют ситуацию на рынке труда.

Если посмотреть на нашу систему высшего образования в историческом ракурсе, то она представляет собой симбиоз советской модели и заимствованного у более зрелых университетов мира, в основном европейских, опыта, а также включает в себя национальный компонент, обусловленный государственными потребностями и культурными традициями. Очевидно, что высшее образование было и остается мощным драйвером социального развития: по сформированным высшим образованием образцам жило и развивалось общество, статус и авторитет специалиста-интеллекта был всегда высок. «За годы советской власти у людей сформировался устойчивый стереотип: “наличие высшего образования — путь к лучшей карьере и лучшему

качеству жизни”, и в широких слоях сложился запрос на высшее образование для своих детей» [2. С. 15].

Практически все реформы высшего образования в постсоветский период осуществлялись без сколь-нибудь серьезного научного обоснования: не задумываясь о будущем, реформаторы перенимали неадаптированные к постсоветской действительности западные учебные программы и наспех переводили учебники, так и не ответив на главный вопрос: «Чему учить и как учить, чтобы обеспечить достойную жизнь будущим поколениям, какие навыки им понадобятся, чтобы быть счастливыми?». Как показал опыт прожитых лет, учить молодых людей можно только при условии видения пути, по которому им предстоит пройти, и умении встраивать этот путь в целостную картину мира, отвечающую сложившимся в обществе ценностным приоритетам.

Сегодня, более трех десятилетий спустя, наметились «точки роста» новых правил игры для системы образования, но пока этот процесс идет стихийно, ситуационно, зачастую «без руля и ветрил», хотя будущее вполне конкретно обрисовало профиль новых вызовов и угроз для системы образования. Глобализация не обеспечила равенство образования, соизмеримость национальных образовательных систем, но разрушила образцы универсального опыта, традиции, модели для развития национальных школ; глобальная цифровизация, развитие социальных сетей и телекоммуникационных систем революционизировали систему обучения, усвоения знаний и формирования навыков; появились новые виды обучения — в процессе работы в научном проекте, который реализуется в виде стартапов; жизнь становится такой быстрой, что ведет к постоянной смене технологий, повышает уровень экономической неопределенности, обновляет спрос на новые возможности специалистов и формы их подготовки; меняющийся рынок труда требует от образовательной системы новый тип «человеческого материала», адекватный изменению ценностей и предпочтений в современных обществах.

Осознание этих вызовов требует совершенствования модели образования — чтобы она максимально эффективно использовала современные технологии и платформы, продуктивно отвечала на запросы экономики и общества, обеспечивала синтез традиции и новаций. Необходимо вернуть университет в центр формирования ценностной матрицы будущего, иначе ускоренное обновление базовых ценностей без должного историко-социального отбора может создать иллюзию прогресса, направив его по ложному пути и сформировав искаженную реальность. В этой ситуации повышенное внимание к системе образования и культуре в целом вполне оправдано — именно здесь формируются жизненные смыслы и ценности, позволяющие молодому человеку адаптироваться к современному миру.

Недооценка стратегической роли образования как системообразующего основания социума, его значимости для успешной модернизации и экономи-

ческого роста со стороны властных элит — главная причина, препятствующая развитию. Высокая миссия образования как важнейшей составляющей прогресса состоит в том, что в «условиях отсутствия официальной идеологии система образования должна выполнять роль духовно-ценностного “поля” утверждения новой общегражданской культурной идентичности россиян как духовного стержня всех народов и социальных слоев страны; взять на себя функции социокультурной и гражданской консолидации общества, укрепления социальной и межнациональной солидарности, сохранения духовной общности и целостности российского социума; стать общей духовно-ценностной платформой для формирования образа будущего страны, стратегической перспективы его развития в XXI веке, т.е. фактически для выработки национальной идеи» [3. С. 121–122]. В то же время «хорошей следует считать ту сферу образования, которая соответствует целенаправленно сформированному и правдивому социальному запросу. Работы по его формированию и по модернизации сферы образования должны вестись параллельно. В условиях стихийного социального запроса хорошей сфера образования не будет никогда. В условиях порочного социального запроса сфера образования будет только усугублять проблемы общества. Если человечество не ответит на этот вызов, бесполезно рассчитывать на модернизацию и цифровую трансформацию сферы образования. Эти меры не спасут ее от деградации, а человечество — от цивилизационного апокалипсиса по одному из многочисленных сценариев» [4. С. 202].

Современное образование и судьба социологии

Очевидна потребность в разработке национальной «дорожной карты» будущего образования, и здесь только бы вновь не наломать дров. Все понимают, что без сильных мотивационных основ и новой образовательной стратегии общество обречено на постоянное отставание. Построение новой модели образования состоит не в том, чтобы «снести» предшествующие практики, но в том, чтобы вдохнуть в них новую жизнь, найдя здоровое зерно и переосмыслив существующие подходы. Прорыв к новому должен быть сопряжен с обновлением ценностных оснований цивилизационного развития, сохраняющих человечество.

В.В. Миронов был последовательным критиком поспешных и не до конца продуманных реформ образования. С его точки зрения наукометрические методы необходимы для помощи ученому, но в современных условиях превратились в «разновидность безумия» — единственную систему оценки деятельности ученого. Миронов также поднимал вопрос о мотивации педагогического труда, отмечая, что «разрушение мотивации — одна из самых больших бед и следствий реформы образования. Сегодня поступление регулирует не содержательная мотивация при выборе профессии, а рейтинговая позиция по результатам ЕГЭ. Это неизбежно повлияет и на качество

образования, ибо гораздо больше тратится времени на пролонгирование того, что не было получено в школе. Школа перестроилась. Она стала не системой, дающей или продуцирующей знания, а системой, натаскивающей на ЕГЭ» [5. С. 433]. Особенно чувствительна эта проблема для гуманитарных наук, «в центре которых уже по этимологии слова стоит Человек» [5. С. 394].

Нельзя не замечать бюрократизацию университетской жизни: «Пока еще у нас в университете атмосфера неприятия менеджеров от науки: если декан или заведующий кафедрой не будет заниматься наукой и преподаванием, его никто не будет воспринимать всерьез» [5. С. 451]. «Инновация и консерватизм в образовании вовсе не противоречат друг другу. Консервативность фиксирует важность образования как системообразующего фундамента культуры, его связь с историей данной культуры, что должно определять и конкретные модели развития образования в той или иной стране. Инновация — момент общего процесса развития, будь то наука или образование, и ее абсолютизация, так называемые инновации ради инноваций, могут нанести скорее вред, чем пользу, так как ведут к разрывам в целостном процессе развития системы» [5. С. 471].

В центр гуманитарного дискурса сегодня выдвигаются вопросы, прямо или косвенно связанные с судьбами современной цивилизации, возможными сценариями будущего человечества, которое не задано однозначно. Вот почему такое внимание уделяется последствиям очередного поворота в системе образования — наряду с опытом предшествующих лет должна получить должное развитие национальная культура: в недрах университетской жизни, в процессе приобщения к культурным ценностям формируются новые жизненные смыслы и ценности, позволяющие человеку адаптироваться к новым вызовам времени и ориентироваться в современных жизненных условиях.

У основоположника социологии О. Конта есть такое выражение: «Знать — чтобы предвидеть, предвидеть — чтобы регулировать». Трудно представить более важную жизненную потребность для любого общества, заботящегося о будущем. Как много можно было бы упредить катастроф, бед и несчастий, если «знать и предвидеть». Мир сегодня переживает не лучшие времена: конфликты и кризисы, войны за влияние и территории, ресурсы и рынки, очевидная слабость международных организаций, глобальная нестабильность и миграции, которые порождают все новые противостояния и вызовы, на многие из которых наука еще не нашла ответы.

В силу особого фундаментально-прикладного характера социология как никакая другая наука об обществе и человеке сопряжена с преобразующей функцией. Она дает крайне необходимые современному гражданину знания об обществе, его структуре, организации, направлениях социального развития, возможностях человека и его духовном мире, т.е. предмет социологии — системные параметры социума, обеспечивающие самое главное — его жизнеспособность и жизнестойкость в конкретных условиях. Конечно, сегодня

меняется проблемное поле науки и тематика исследований, что предполагает возможность выхода на новые теоретические обобщения и методологические принципы. Как отмечал М.К. Горшков, «история возникновения, развития и конституирования отечественной социологии — далеко не линейный процесс, наполненный многими противоречиями, конфликтами и даже острой идейно-мировоззренческой и политической борьбой. Без преувеличения можно сказать: вряд ли какая из отраслей общественного знания испытала подобные “хождения по мукам”, завоевывая устойчивый авторитет и самостоятельное место в системе социальных и гуманитарных наук» [6. С. 12].

Возрождение социологии в России было неизбежно, поскольку в мире она уже заняла достойное место среди классических социальных дисциплин. Согласно А.С. Капто, «отношения власти и социологии в период ее возрождения — одна из актуальных историко-познавательных и острейших общественно-политических проблем... Насколько продуктивным является тотальный крен под знаком отречения от прошлого? Не попадаем ли мы в результате безоглядного беспамятства в объятия самообмана?» [7. С. 6]. Фактически возрождение социологии в СССР начиналось как «политическая витрина» [8] и пришлось на начало «хрущевской оттепели», а ее «официально провозглашенная функция сводилась к информационному обеспечению проводимых в стране в ту пору реформ; при этом основной акцент был сделан на прикладные задачи социологической науки и обоснование значимости эмпирических методов познания социума» [6. С. 24].

Ж.Т. Тощенко в своем интервью Б.З. Докторову в 2007 году на вопрос о притеснениях со стороны партийных органов (ограничениях в тематике исследований, несправедливой критике) ответил: «В истории нашей социологии были позорные страницы: расправа над Ю.А. Левадой, различные санкции против В.А. Ядова, запреты проводить те или иные исследования, распространять анкеты в Москве, Минске, Киеве и других городах. Немало было выговоров, замечаний практически у каждого из нас. Но в то же время я не согласен с заявлениями о “репрессиях против социологов”, особенно часто звучавшими в начале 1990-х годов» [8. С. 156–157]. Г.С. Батыгин отмечал, что, «вероятно, ни одна социология в мире не обладала и не обладает таким влиянием на жизнь общества, каким обладала советская социология... социология *par excellence* — она создавала картины мира и транслировала их на многомиллионную аудиторию, используя для этого массовую печать, радио, телевидение, систему партийно-политической учебы, и — самое главное — разрабатывала проект практического переустройства общества. Вряд ли будет преувеличением сказать, что советская социология осуществляла власть над умами и — в той степени, в какой обществоведы участвовали в легитимации социальных порядков, — власть над властью. Идея светлого будущего открывала перед общественной мыслью мир неограниченных возможностей. Смысл социологической работы заключался, собственно говоря,

в рационализации и развертывании будущего посредством критики настоящего» [9. С. 11]. И все же слова Ю.В. Андропова о том, что мы плохо знаем общество, в котором живем, подтверждают ненадлежащее использование интеллектуального потенциала социологической науки.

Как мы используем этот потенциал: во-первых, три последних десятилетия подтвердили, что социология — одна из тех наук, без которых современное общество не может развиваться успешно. Социология прочно вошла в нашу повседневность, ей по праву принадлежит ведущая роль в изучении социума, выводы и обобщения социологов опираются, как правило, на значительную эмпирическую базу, что делает их доказательными и превращает в реальный инструмент управления.

Во-вторых, угрозы и вызовы, с которыми столкнулся современный мир, определяют необходимость существенного обновления теоретико-методологической базы социологии как науки о жизнеспособности социума, направленной на своевременное выявление латентных отклонений и разработку способов упреждающего восстановления системного равновесия, выполняющей высокую общественную миссию по выработке и реализации стратегий безопасного будущего.

В-третьих, учитывая все возрастающую скорость глубоких социальных перемен, можно утверждать, что они неизбежно будут актуализировать вопросы фундаментальных смыслов и ценностных ориентиров человеческой жизни. Техногенная цивилизация вместе с большими достижениями и прорывами во всех сферах породила глобальные экологические и антропологические кризисы, множество проблем, природа которых остается не до конца проясненной.

В-четвертых, неустойчивость мировой экономической системы, не прекращающиеся конфликты и военные столкновения, борьба за ресурсы и духовное оскудение стали своего рода индикаторами неизбежности перемен. Новые вызовы, с которыми столкнулся мир, требуют существенного обновления в том числе теоретико-методологической базы социальных и гуманитарных наук, что в полной мере касается социологии.

В-пятых, недооценка властными элитами стратегической роли социологии в системообразующем обновлении социума, ее стратегической значимости для успешной модернизации общества и экономического роста — одна из причин торможения развития современного общества. Именно образование должно взять на себя функции гражданской консолидации, укрепления социальной и межнациональной солидарности, сохранения духовной общности и целостности социума, выступая общей духовно-ценностной платформой для формирования образа будущего страны.

В разные времена кадры социологов были востребованы по-разному, но всегда востребован высокий профессионализм — качество знаний и навыков. Профессия социолога открывает перед молодыми людьми широкую до-

рогу к признанию: социология сегодня стала одним из главных источников знаний о современном обществе и протекающих в нем процессах, о человеке и его социальном самочувствии. Социологи активно включились в решение социально-экономических и социально-политических проблем суверенной Республики Беларусь, научно обосновывая ее национальные приоритеты и интересы. Однако предстоит еще большая работа по изменению миссии социологического образования как центра формирования ценностной матрицы будущего.

Библиографический список

1. Ли Куан Ю. Мой взгляд на будущее мира. М., 2017.
2. Кузьминов Я.И., Юдкевич М.М. Университеты в России: как это работает. М., 2021.
3. Горшков М.К., Комиссаров С.Н., Карпунин О.И. На переломе веков: социодинамика российской культуры. М., 2022.
4. Курбацкий А.Н., Зеков М.Г. Цифра и будущее: 50 историй о цивилизационном апокалипсисе. Мн., 2025.
5. Миронов В.В. Метафизика не умирает: избранные статьи, выступления и интервью. М., 2020.
6. Горшков, М.К. «Есть такая профессия — общество изучать». Избранные статьи, интервью, биографические открытия. М., 2020.
7. Капто А.С. Социологический ренессанс: о том, как на самом деле это было и как не было. М., 2018.
8. Тощенко Ж.Т. «Социология возродилась в нашей стране сначала как политическая витрина». Интервью Б.З. Докторову // Социологический журнал. 2007. № 4.
9. Батыгин Г.С. Предисловие // Российская социология 60-х годов в воспоминаниях и документах. М., 1999.

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-1-58-66

EDN: RBCKDC

Synthesis of traditions and innovations — universities' response to the invasion of the future*

A.N. Danilov

Belarusian State University,
Nezavisimosti Prosp., 4, Minsk, 220030, Republic of Belarus

(e-mail: a.danilov@tut.by)

Abstract. The article considers the challenges of contemporary university education and the problems in training highly qualified specialists for all spheres of today's society. The author mentions the high mission of universities as possessing the greatest potential to influence the future. In turn, economic and political institutions affect the demand for specialists, set priorities for state

*© A.N. Danilov, 2026

The article was submitted on 22.11.2025. The article was accepted on 15.01.2026.

support and determine the situation on the labor market. The current system of higher education is a symbiosis of the Soviet and national models, taking into account state needs and cultural traditions, which makes it a powerful driver of social development. The main challenge of the post-Soviet higher education system is its abandonment of national traditions and the decades-tested experience of training specialists, combining traditions and innovations and focusing on the needs of the national economy, and also the uncritical transfer of foreign experience to the national education system without due examination and adaptation. Haste and uncritical thinking, the lack of a system, monetization, formalism and bureaucratization have seriously harmed the higher education system which lost its credibility in the public opinion, just as professors and university teachers. Much work remains to be done to implement the “roadmap” for the development of education as part of national culture, a center for the formation of the value matrix of the future, an institution that will best meet the social demands of the time, based on the efficient use of technologies and a combination of traditions and innovations.

Key words: Republic of Belarus; Belarusian State University; sociological science and education; institutionalization; lessons of the past; problems of the present time; new challenges and risks

For citation: Danilov A.N. Synthesis of traditions and innovations — universities’ response to the invasion of the future. *RUDN Journal of Sociology*. 2026; 26 (1): 58–66. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-1-58-66> EDN: RBCKDC

References

1. Lee Kuan Yew. *Moy vzglyad na budushchee mira* [My View of the Future of the World]. Moscow; 2017. (In Russ.).
2. Kuzminov Ya.I., Yudkevich M.M. *Universitety v Rossii: kak eto rabotaet* [Universities in Russia: How They Work]. Moscow; 2021. (In Russ.).
3. Gorshkov M.K., Komissarov S.N., Karpukhin O.I. *Na perelome vekov: sotsiodinamika rossiyskoy kultury* [At the Turn of the Century: Social Dynamics of Russian Culture]. Moscow; 2022. (In Russ.).
4. Kurbatsky A.N., Zekov M.G. *Tsifra i budushchee: 50 istoriy o tsivilizatsionnom apo-kalipsise* [Digital and the Future: 50 Stories about Civilizational Apocalypse]. Minsk; 2025. (In Russ.).
5. Mironov V.V. *Metafizika ne umiraet: izbrannye statyi, vystupleniya i interviyu* [Metaphysics Never Dies: Selected Articles, Speeches and Interviews]. Moscow; 2020. (In Russ.).
6. Gorshkov M.K. *“Est takaya professiya — obshchestvo izuchat”*. *Izbrannyye statyi, interviyu, biograficheskie otkrytiya* [“There is Such a Profession — to Study Society”. Selected Articles, Interviews, Biographical Discoveries]. Moscow; 2020. (In Russ.).
7. Kapto A.S. *Sotsiologichesky renessans: o tom, kak na samom dele eto bylo i kak ne bylo* [Sociological Renaissance: How it Really Happen and Did Not Happen]. Moscow; 2018. (In Russ.).
8. Toshchenko Zh.T. “Sotsiologiya vozrodilas v nashey strane snachala kak politicheskaya vitrina”. *Interviyu B.Z. Doktorovu* [“In our country, sociology was revived first as a political showcase”. Interview with B.Z. Doktorov]. *Sotsiologichesky Zhurnal*. 2007; 4. (In Russ.).
9. Batygin G.S. *Predislovie* [Foreword]. *Rossiyskaya sotsiologiya 60-h godov v vospominaniyah i dokumentah*. Moscow; 1999. (In Russ.).

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-1-67-76

EDN: RAQZCZ

Features of university management in Russia and China*

N.P. Narbut¹, Bing Wang^{1,2}

¹RUDN University,
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

²Jilin International Studies University,
Jingyue Road, 3658, Changchun, 130117, China
(e-mail: narbut-np@rudn.ru; 1321666299@qq.com)

Abstract. The article presents a short overview of the key features of university management in the Chinese and Russian higher education systems. First, the authors conduct a brief comparative analysis of the historical trends in the development of higher education, focusing on the idea and model of classical university, which varied significantly depending on the cultural and educational traditions of different countries and over time produced many other types of higher education institutions. Then the article provides short, generalized descriptions of the Russian and Chinese higher education systems, emphasizing differences in their structure as based on the nature of institutions and their functional priorities. Finally, the authors suggest an explanation of the features (advantages and shortcomings) of the Chinese and Russian approaches and models of university management as determined by the scale of state control and centralization, integration with national development plans and economic strategy, research and academic autonomy, and by the balance between the legacy of the past and the demands of (regional and national) labor market and global competition. Since the article is rather a reflection on the topic, the authors deliberately abandoned the use of footnotes and presented the reader only a small part of references used.

Key words: Russian universities; Chinese universities; higher education system; university management model; state control; centralization; national development plans; national economic strategy; academic autonomy; market demands; global competition

For citation: Narbut N.P., Wang Bing. Features of university management in Russia and China. *RUDN Journal of Sociology*. 2026; 26 (1): 67–76. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-1-67-76> EDN: RAQZCZ

Today's university is a higher education institution combining educational activities with scientific research and social-cultural development. Historically, universities were originally classical (typically including departments of philosophy, theology, medicine, and law), but their models varied significantly depending on the cultural and educational traditions of different countries. First classical universities

*© N.P. Narbut, Bing Wang, 2026

The article was submitted on 10.11.2025. The article was accepted on 15.01.2026.

were established in Europe during the Middle Ages and became the foundation for higher education in many countries. The most well-known are the German, British, and French models. The German model is characterized by an emphasis on scientific research and teaching, today such universities are global centers of scientific thought, maintaining academic freedoms and research autonomy. In the UK, classical universities have strong traditions of individualized study and academic mentoring, emphasizing liberal education and the development of well-rounded individuals. In France, the most well-known universities retain features of the classical European university model, but with greater state control, focus on training specialists in specific fields and a strict hierarchy of curricula. The American model of the classical university places significant emphasis on the humanities. In general, today's classical universities are characterized by a broader range of faculties and specialties, but, as in past centuries, they still play a key role in society by training highly qualified specialists who contribute to scientific progress and cultural development. Thus, universities are the foundation of the educational system in any country, regardless of its level of economic development, as they form the main intellectual and research resources of the state.

In addition to classical universities, there are other types of higher education institutions, such as entrepreneurial universities, online universities and universities focused on training highly specialized professionals. Entrepreneurial universities focus on innovation, startups, and development of new technologies, often closely linked to industry and practical training. Online universities provide educational opportunities online, making learning accessible to people around the world. In recent years, hybrid university models have also developed, combining traditional forms of education with online courses. While new university models develop, classical universities remain the primary types of educational institutions in most countries. The presence of other types of universities depends on the higher education development goals of each country and government programs. For example, some governments support the development of online universities or universities focused on practical training, which align with the state economic needs and strategic priorities. Therefore, the contemporary university management system is based on the classical university model which includes several interconnected subsystems performing academic, scientific, financial, administrative, and other functions. The unified university management model is adapted to the specific requirements of the university type and the national educational system, which determines many university management models that share common features with other countries but also have specific characteristics related to the history of education, economic situation, cultural and social factors.

Russia has a diverse higher education system with many educational institutions. In its three-level system based on the nature of institutions and their functional focus, the top level is constituted by leading national universities; the second level — by federal universities of strategic importance divided into three

categories — federal research universities, federal industry-specific technological universities and federal regional universities; the third level — by regional applied institutions, including regional classical universities, regional specialized institutes and private higher education institutions. Based on specialization fields, six main categories of universities can be distinguished: classical universities, engineering technical, pedagogical, medical, arts and culture, military universities. The university management system has several key features: universities can be state and private, thus reporting to different levels of governance (state universities — to the Ministry of Science and Higher Education). Key elements of management in the typical Russian university include: rector — the head of the university, responsible for strategic management and development; university (supervisory) board — the main body overseeing the university's activities (representatives of the academic and scientific community, external partners, for instance employers); academic Council — the body responsible for the development of scientific activity, research projects and studies.

Private universities enjoy greater flexibility in terms of educational programs and financial management but also adhere to the basic legal and regulatory requirements established by the Ministry of Education and Science. Private universities often focus on narrower fields of study related to economics, management and other in-demand professions. At private universities, rector is also the primary governing body, but founders or investors often participate in decision-making. Regional universities report to local authorities, have more freedom to address local issues but also adhere to federal standards in education and science. In Russia, a centralized model of university management predominates — universities are significantly overseen by the Ministry of Science and Higher Education, but large universities enjoy a higher degree of academic autonomy.

In China, modernization of the higher education system began relatively late compared to Russia, where it developed over centuries. Despite this late start, China has achieved enormous success in higher education by combining international experience with local innovation. As of 2024, China has 3,119 universities, and its student population exceeds 48.46 million, making the Chinese higher education system the largest in the world. Having absorbed the experience of European and American research universities, Russian traditions of academic autonomy and East Asian approaches to applied technical education, China has gradually formed a diverse higher education system combining state, private and joint (with foreign participation) universities, each operating within a unique governance logic — from administrative coordination in state universities to market orientation in private ones and transnational synergy in joint ones.

The Chinese approach to university management is characterized by strong state control and integration with national development plans and economic strategy. Chinese higher education institutions are classified according to various criteria. The most common is the nature of their founding and funding: state,

private, and joint universities. State universities are established and funded primarily through budgetary allocations (national or regional), form the backbone of the higher education system. Private universities are established and funded through private investment, donations and tuition fees, and play an increasingly significant role in expanding access to higher education. Their curricula are distinguished by a pronounced focus on the labor market needs. The number of private universities reached 803 as of 2024, accounting for 25.75% of the country's total. Joint universities are Chinese partnerships with foreign universities aimed at integrating international educational standards and training personnel with globally in-demand competences. These universities are characterized by the widespread use of bilingual (Chinese English) or entirely English-language instruction, but there are also examples of the successful Chinese Russian cooperation in the form of joint educational institutions.

The university management system in China has traditionally been characterized by a high level of state control, but in recent years, there is a trend toward de-centralization. The state exerts significant influence on university management, particularly at institutions under the control of the Ministry of Education or local governments. Specifically, the state sets key educational priorities, such as research focus, educational programs, and even faculty salaries. A unique feature of China is the direct influence of the Chinese Communist Party on universities, particularly the large ones. Each university has a party organization that coordinates political education and enforces party discipline, can also influence research directions and personnel decisions.

In China, universities often have a traditional hierarchical model: Party Committee — a body with significant influence on decision-making, particularly in the areas of personnel matters and political oversight; rector is appointed by a government agency, including through approval by the Ministry of Education or local authorities; board of directors in large universities — consists of representatives of government, industry, and faculty, makes strategic decisions on funding, development, and changes to curricula; deans are responsible for the management of academic programs and research in their fields. State universities are governed by the rector's responsibility system under the leadership of the Communist Party Primary Committee; rector is the main representative of the university's executive power, directs its development and is responsible for its day-to-day management. In private universities, the internal management system consists of a supreme governing body (board of directors), an executive administration led by rector, and a party committee as a mandatory element of management. Joint universities also have a system of rectoral responsibility under the leadership of the board of directors (joint management committee) and a party committee, whose functions are similar to those in private universities.

Certainly, university management has its unique characteristics determined by the political, economic and educational contexts of each country. In China,

a centralized university management system with limited autonomy prevails, with the state and the Communist Party playing a key role. Each educational institution has a party organization that oversees all aspects of university life. The Chinese higher education system presents a unique model of public administration, combining centralized strategic leadership with flexible research autonomy. This system is based on three key elements: clear guidelines and targeted funding for leading universities; a standardized centralized management model that ensures optimal resource allocation through a hierarchical system; a focus on national development priorities, which creates synergies between education, science and technological sovereignty, and ensures 98% employment rate for graduates from elite universities in key economic sectors.

At the same time, such a centralized management system has several shortcomings. First, most universities operate within a strict state framework which limits their ability to make independent decisions: the Ministry of Education regulates funding, curricula, and personnel policies, which is why many universities, especially private and small ones, face difficulties in implementing innovative initiatives and adapting to rapidly changing labor market demands. Second, there is a significant funding gap between elite and regional universities: larger and more prominent universities receive greater government support, which allows them to develop programs and infrastructure, while lesser-known institutions remain at a disadvantage. Furthermore, approximately 40% of graduates experience a mismatch between the skills they acquire and employer requirements — this proves the need for greater flexibility and adaptability in educational programs, which is also hampered by the centralized management system. All these factors confirm that the centralized management system significantly limits the autonomy of universities in China, hindering their development and adaptation to contemporary challenges.

In Russia, the centralized management model also predominates — universities, particularly state ones, operate under significant control of the Ministry of Science and Higher Education. However, many universities, particularly large classical and technical ones, possess a high degree of academic and research autonomy. Universities with applied and industry-focused approaches actively collaborate with external partners from various sectors, adding an element of management flexibility.

From a historical perspective, the Chinese university management system clearly demonstrates a development trajectory determined from above — by state priorities. Three key stages in the development of today's university management model can be identified: adoption of the Soviet model immediately after the founding of the People's Republic of China (1949–1977), market transformation during the reform and opening-up period (1978–1998), and intensive development in the new millennium (1999–present). These stages not only consistently transformed the management system but also rapidly expanded the scale of higher education and its reach among

the Chinese population. The divergent vectors of the higher education evolution are determined by three key factors: the specifics of the historical past (Soviet legacy, post-socialist transformations, market orientation, etc.), degree of government intervention (strict centralization), and resource availability (government investments, reliance on regional businesses and local communities).

China demonstrates that successful modernization of the higher education system is possible through a synthesis of global practices and national specifics, taking into account the common challenge of post-socialist countries to find a balance between the legacy of the past and the demands of global competition, and also the need to overcome systemic limitations hindering the integration of Chinese universities into the global educational space. In terms of organizational management structure, Chinese universities implement a unique national model — responsibility of the rector under the leadership of the Party committee. Although this model has significant advantages in ensuring sustainable development and political stability, in practice it faces systemic contradictions caused by the imbalance between the academic and administrative branches of management.

In the post-Soviet period, the Russian higher education system has implemented a more differentiated reform strategy. For example, the “Priority 2030” program follows a multi-level funding model, dividing universities into three categories — research universities, regional flagship and universities of applied technology — and plans to restore the 5–6-year specialist degree system already in 2026. This path to the higher education reform contrasts with China’s national strategy focused on global breakthroughs in the project “Two First Class Universities” but simultaneously outlines opportunities for cooperation between China and Russia in higher education. The contemporary Chinese higher education system is based on a unique combination of institutional diversity and a clear hierarchical structure with state universities playing a leading role and their activities complemented by private universities. National-level universities receive priority funding and enjoy special status, ultimately creating a strictly stratified higher education system. In terms of training profiles, the Chinese higher education system is formed by multidisciplinary research universities, industry-specific universities, and applied technical institutes. This differentiation allows the country to effectively meet the diverse needs of the national economy for qualified personnel in various fields.

At the same time, a distinctive feature of the Chinese higher education system is its ability to combine centralized strategic planning with the flexibility to respond to regional demands. Essentially, this is a model of “regulated diversity” which is particularly important for countries with significant territorial differences and social-economic disparities. Therefore, unlike in Russia, where universities gained significant autonomy in choosing specializations after the 1990s, in China, the distribution of educational institutions by type and level of training is closely linked to state planning for the national economy needs. China’s model of higher education, on the one hand, ensures training of specialists in line with national

development priorities, on the other hand, offers students broad opportunities for educational choice, albeit within strictly defined boundaries.

The stratification of higher education in Russia has similar characteristics with China but develops in a different institutional context. Elite Russian universities are similar in their role and model of targeted state funding to Chinese universities included in the “Two First Class Universities” Project. However, the scale of investment and degree of administrative control from the center are incomparably greater in China. Federal and national research universities in Russia are similar to Chinese regional flagships but often have a more diffuse strategy and face greater difficulties integrating with the regional economy. Large-scale regional and flagship universities in Russia, like in China, struggle to balance survival and fulfilling their social mission under chronic underfunding. A key difference between the two systems lies in the role of the private sector: in China, private universities and independent colleges are a mass phenomenon with millions of students, while in Russia, private higher education remains marginal, lacking public trust and playing no significant role in fulfilling state objectives. Another important difference between the two university systems is the stratification mechanism: in China, it is more formalized, transparent and determined by state “projects”, thus creating a rigid yet predictable structure; in Russia, gradation is more fluid and often depends on dynamic competition for status and resources, thus creating specific features of university management and evaluation.

Thus, the strengths and limitations of the Chinese higher education management system are interrelated and stem from the “dual track” model, in which state universities focus on strategic national development objectives, while private universities respond quickly to market demand. This dualism creates an institutionally flexible and adaptive system capable of meeting the changing needs of key stakeholders. In this sense, the Chinese model of university management differs fundamentally from the Russian model, which retains a traditional focus on “academic elitism” (historically dominant position of state universities shape the entire higher education system). The Russian model of university management occupies a kind of intermediate position between the Chinese model and the European and American models characterized by a framework of state regulation and a combination of the principles of academic autonomy in decision-making with a market orientation in competition for students, faculty, and research grants.

On the one hand, Russian higher education retains strong state regulation manifested in the system of per capita funding and state assignments; on the other hand, there are attempts to introduce elements of university autonomy through programs such as “Priority 2030”. However, unlike China, where the level of academic autonomy is clearly linked to national priorities, in Russia their relationship is less systemic. In general, the Chinese and Russian models of university management reflect the specifics of national educational traditions and political systems: the Chinese model emphasizes a combination of party leadership with targeted support for leading

universities, while the Russian model still struggles to find a balance between market mechanisms and academic freedom, state regulation and university autonomy. Today, both systems require transformation, but their promising directions differ significantly: in China, the primary objective is to further improve interaction between different segments of the educational system, particularly through the development of academic mobility mechanisms; in Russia, the primary objective is to overcome the existing monopoly of state academic education. China's two-level system — state universities receive significantly more funding, while private universities compensate for this limitation with their market flexibility — maintains a significant imbalance in resource allocation and infrastructure. Like the Chinese model, the Russian university management system is characterized by a high concentration of resources in state universities but demonstrates relatively low efficiency in their use, particularly in terms of commercialization of research, while private universities face serious limitations in terms of scale and a lack of public recognition.

China's experience may be interesting and important for Russia, since it demonstrates effective mechanisms for combining national strategic priorities with the goal of integrating into the global educational space; China's "controlled autonomy" model could serve as a benchmark for creating key universities and research-educational centers in Russia. Certainly, the differences between two countries in their choice of reform trajectories cannot be overlooked: China adheres to a consistent linear strategy, while Russia pursues more cyclical models of transformation. In today's geopolitical context, Russian researchers and administrators can study and apply China's experience in scientific and technological self-sufficiency and the "dual governance" model as a successful approach to the organic combination of state regulation and academic autonomy. The higher education management systems of China and Russia represent two distinct paths of institutional transformation, reflecting their historical trajectories and contemporary challenges in educational policy. The Chinese reform model is characterized by gradual systemic improvement while preserving its fundamental principles and core; the higher education management system in Russia underwent a systemic overhaul after the collapse of the Soviet Union, with reforms primarily focused on decentralizing governance, expanding stakeholder participation, and transitioning to legal regulation of university activities. Russian universities gained significant autonomy but faced new challenges, such as coordination between different levels, stable funding, and ensuring uniform educational quality standards. Both systems strive to find a balance between administrative efficiency and democratic principles: the Chinese model emphasizes systemic management and strategic coordination ensured by party leadership, while the Russian model emphasizes pluralism and stakeholder engagement. It is noteworthy that Chinese universities with relatively limited formal autonomy demonstrate high adaptability to the demands of the time, while the Russian system with broader legislatively ensured autonomy faces problems of strategic coordination.

References

1. Altbach P.G. Global Perspectives on Higher Education. 2016. URL: https://doi.org/10.1163/9789087907563_025.
2. Altbach P.G. The coming China crisis in global higher education. URL: <https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20190403104242366>.
3. Barkov S.A., Markeeva A.V., Gavrilenko O.V. Innovation bureaucracy in the higher education management. *RUDN Journal of Sociology*. 2024; 24 (1).
4. Collini S. *What are Universities for?*. Moscow; 2016. (In Russ.).
5. Donetskaya S.S., Bing W. Higher education in China: Features of management in leading universities. *RUDN Journal of Sociology*. 2022; 22 (1). (In Russ.).
6. Ebzeeva Yu.N., Gishkaeva L.N. Prospects for the promotion of Russian universities in the international academic ranking ARWU. *RUDN Journal of Sociology*. 2022; 22 (2).
7. Gao S. Analysis of major changes in Chinese higher education in past thirty years. *World Journal of Educational Research*. 2023; 10 (3).
8. Guruleva T.L., Wang B. Higher education in China: Institutions and mechanisms of the state and party management. *RUDN Journal of Sociology*. 2020; 20 (7). (In Russ.).
9. Hawkins J. Centralization, decentralization, recentralization: Educational reform in China. *Journal of Educational Administration*. 2000; 38 (5).
10. Kuzminov Ya., Yudkevich M. *Universities in Russia: How They Work*. Moscow; 2021. (In Russ.).
11. Mainardes E.W., Alves H., Raposo M. The process of change in university management: From the “ivory tower” to entrepreneurialism. *Transylvanian Review of Administrative Sciences*. 2011; 33.
12. Painsi P., Leitner K., Rybnicek R. The impact of institutional autonomy on higher education institutions in Europe. *Science and Public Policy*. 2024; 2.
13. Tomilin O.B. A critical review of the evolution of university management practices. *University Management: Practice and Analysis*. 2023; 27 (3). (In Russ.).
14. Toshchenko Z.T. Forms of the higher education participation in ensuring labor productivity. *RUDN Journal of Sociology*. 2024; 24 (1).

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-1-67-76

EDN: RAQZCZ

Особенности университетского управления в России и Китае *

Нарбут Н.П.¹, Ван Бин^{1,2}

¹Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

²Цзилинский университет иностранных языков,
ул. Цзинюе, 3658, Чанчунь 130117, Китай

(e-mail: narbut-np@rudn.ru; 1321666299@qq.com)

Аннотация. В статье представлен краткий обзор ключевых особенностей управления университетами в китайской и российской системах высшего образования. Сначала авторы проводят краткий сравнительный анализ исторических тенденций развития высшего обра-

*© Нарбут Н.П., Ван Бин, 2026

Статья поступила в редакцию 10.11.2025. Статья принята к публикации 15.01.2026.

зования, сосредоточившись на идее и модели классического университета, которые значительно варьировали в зависимости от культурных и образовательных традиций разных стран и со временем породили множество других типов высших учебных заведений. Затем в статье представлены краткие обобщенные описания российской и китайской систем высшего образования и подчеркнуты различия в их структуре, обусловленные национальными типологиями вузов и их функциональными приоритетами. Наконец, авторы предлагают объяснение особенностей (преимуществ и недостатков) китайского и российского подходов и моделей управления университетами как детерминированных масштабами государственного контроля и централизации, интеграции с национальными планами развития и экономической стратегией, научно-исследовательской и академической автономии, а также балансом между наследием прошлого и требованиями (регионального и национального) рынка труда и глобальной конкуренции. Поскольку статья представляет собой размышления на тему, авторы целенаправленно отказались от сносок и предлагают читателю лишь небольшую часть использованного в подготовке статьи библиографического аппарата.

Ключевые слова: российские университеты; китайские университеты; система высшего образования; модель университетского управления; государственный контроль; централизация; национальные планы развития; национальная экономическая стратегия; академическая автономия; рыночные требования; глобальная конкуренция

Для цитирования: *Нарбут Н.П., Ван Бин.* Особенности университетского управления в России и Китае // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2026. Т. 26. № 1. С. 67–76. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-1-67-76> EDN: RAQZCZ

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-1-77-92

EDN: QXXGNP

Институциональное и административное управление в сфере образования: из прошлого в будущее*

С.А. Барков, А.В. Маркеева, И.В. Колодезникова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, Россия, 119234

(e-mail: barkserg@live.ru; anna_markeeva@mail.ru; inna0105@yandex.ru)

Аннотация. Переход к постиндустриальной стадии развития общества обусловил кризис административного управления, основанного на директивности и стандартизации. В то время как корпоративный сектор успешно внедряет институциональные подходы, создающие среду для саморазвития подчиненных и реализации инноваций, социальная сфера (в частности, высшее образование) движется в противоположном направлении, подвергаясь нарастающей бюрократизации и регламентации, что входит в фундаментальное противоречие с ее творческой, сложноорганизованной и инерционной природой. В статье обозначены сходства и отличия управления в коммерческих организациях и в сфере образования. Доминирование административного управления в высшем образовании, имитирующее корпоративные практики, приводит к системным негативным эффектам: выхолащиванию содержания образования, росту формализма и бюрократической нагрузки, подавлению академической инициативы и, как следствие, снижению качества человеческого капитала страны. На конкретных примерах в статье показано, что при директивном внедрении управленческих инноваций, без учета специфики образовательных систем, теряется институциональный потенциал развития данной сферы, и цифровизация оборачивается изобретением все новых инструментов контроля, а не созданием прогрессивных моделей взаимодействия преподавателей и обучающихся. Авторы отмечают необходимость смены управленческой парадигмы в сфере образования — от административного контроля к институциональному управлению, задающему рамки академической автономии и саморазвития.

Ключевые слова: высшая школа; реформирование образования; институциональное управление; административное управление; менеджеризм; глобализация; цифровая трансформация образования

Для цитирования: Барков С.А., Маркеева А.В., Колодезникова И.В. Институциональное и административное управление в сфере образования: из прошлого в будущее // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2026. Т. 26. № 1. С. 77–92. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-1-77-92> EDN: QXXGNP

*© Барков С.А., Маркеева А.В., Колодезникова И.В., 2026

Статья поступила в редакцию 15.12.2025. Статья принята к публикации 15.01.2026.

Система образования как объект институционального управления

Индустриальная эпоха с ее запросом на стандартизацию и повышение эффективности, массовым производством и потреблением возвысила административное управление. И управленческая практика, и теория социального управления работали на то, чтобы создавать все более совершенные методы директивного управления, формулировать четкие цели и разрабатывать четкие пути их достижения. Такой подход позволял эффективно решать стоящие перед компаниями и обществом задачи, при этом управленцы понимали, что объект управления может иметь собственное видение и внутренний потенциал саморазвития, просто эти характеристики объекта считались второстепенными для формирования стратегических планов и принятия управленческих решений.

Переход в постиндустриальную стадию общественного развития поставил вопрос о пределах административного управления. Усложнение объектов управления (повышение образовательного уровня и интеллектуального потенциала работников, усложнение внутреннего строения организаций, изменение ценностных ориентаций людей в пользу саморазвития и самореализации) и сверхдинамичное изменение бизнес-среды обусловили необходимость разработки и реализации иных принципов социального управления. «Конец менеджмента», провозглашенный в конце XX — начале XXI веков, зафиксировал нарастающий тренд отказа от директивного управления и сфокусировал внимание на все более широком применении принципов альтернативного институционального управления [8; 16]. Такой тип управления противоположен административному — предполагает создание контекста, среды, системы правил, в которых объект управления получает возможность реализации собственных траекторий развития. И хотя они тоже подчинены определенным целям и ограничены рамками и нормами, заданными субъектом управления, объект управления имеет широкие возможности для реализации своих (часто не предполагаемых субъектом управления) начинаний [5; 6].

Запрос на смену управленческих приоритетов был успешно реализован корпоративным сектором. Императивы гибкости и инновационности как основа институционального управления нашли воплощение в разнообразных управленческих методах и технологиях. Например, все больше компаний разных индустрий (как традиционных, так и «новых цифровых») стали выстраивать бизнес-процессы на основе аджайл-методологий, предполагающих гибкость проектов на основе поощрения инициативы их участников; кардинально поменялись организационные подходы к лидерству, которое сегодня во все большей степени нацелено на создание условий саморазвития подчиненных; получили широкое распространение различные способы участия сотрудников в разработке стратегических программ и тактических действий организаций. В целом границы и системы управления современными компа-

ниями меняются в направлении установления правил для саморазвития подчиненных («организация как племя») [11].

Если бизнес-организации активно двигаются по пути расширения институционального управления, то в социальной сфере (здравоохранение, образование, культурные институции и индустрии) наблюдается противоположный процесс — расширение поля административного управления, что входит в явное противоречие с внутренним содержанием этой сферы, которая, будучи сложно организованной и инерционной по природе, изначально была зоной институционального, а не административного управления. Это объяснялось и многовариантностью взаимоотношений между людьми, и наличием большого количества высококвалифицированных специалистов, ориентированных на творческое отношение к работе. Значимым ограничением выступала и инерционность процессов и систем в социальной сфере, не позволяющая осуществить даже незначительные изменения быстро и одномоментно. Устоявшиеся практики, неформальные правила, множество субъектов с разнонаправленными интересами требуют длительной и серьезной подготовки изменений, значительных усилий по снижению сопротивляемости на всех этапах и относительно длительного ожидания результата — все это ограничивало использование классического администрирования.

Долгое время социальные и культурные институции развивались в логике институционального управления, но к концу XX века актуализировались два фактора, нарушивших складывавшийся веками порядок вещей. Первый фактор связан с признанием важности социальной сферы: переход к постиндустриальному обществу был сопряжен с пониманием важности человеческого капитала как в устойчивом функционировании отдельных организаций, так и в социально-экономическом развитии и конкурентоспособности стран. Не только ученые и управленцы, но и простые люди стали осознавать жизненную необходимость наращивания человеческого капитала. Начиная с исследований Г. Беккера [18], была не только обоснована экономическая целесообразность вложений государственного и частного капитала в человеческий фактор, но и увеличены инвестиции в образование, медицину, социальные и культурные программы (во многих странах до уровня инвестиций в технологии и оборудование).

Парадоксальным образом рост финансирования и декларируемый приоритет человеческого потенциала в развитии современных организаций — при всей их безусловной важности — имели ряд негативных эффектов. Тут включился второй фактор: мощные финансовые вливания в социальный сектор потребовали усиления контроля и отчетности, а необходимость непрерывно демонстрировать результативность вложений расширило применение инструментов и методов административного управления. Разнообразные KPI, жесткое распределение полномочий, краткосрочные трудовые контракты, административные регламенты стали повседневностью для организаций

социальной сферы, где управление во все большей степени стало основываться не на правилах, а на приказах. Важную роль сыграли и идеи освоения межсекторного опыта — чиновники разных уровней, вдохновленные успехами отдельных флагманов бизнеса, ориентировали подконтрольные организации социальной сферы на освоение бизнес-подходов. Возникшая в русле неолиберализма доктрина нового государственного управления («new public management») прямо нацеливала руководителей государственных организаций на активное заимствование методов управления из частного сектора экономики, причем в подавляющем большинстве случаев заимствовались именно административные методы, с применением которых связывался успех классических индустриальных организаций.

Популяризация менеджериализма в социальной сфере привела к частичной потере ее уникальных свойств, что прослеживается в трансформации университета как типичной организации этой сферы. Болонский университет, послуживший прообразом современных организаций системы высшего образования, был создан и развивался по принципам институционального управления — широкая автономия преподавателей и студентов, выборность руководящих органов (в том числе студентами), свободное, вне заданных стандартов освоение наук (по времени, содержанию и предметам). Так, при поступлении в университет оценивались реальные знания, а не формальные их подтверждения (в виде дипломов, сертификатов и документов, подтверждающих «личные достижения»). Болонский университет задумывался как аналог «художественного цеха», его успех и привлекательность обеспечивались особыми правилами и соглашениями, созданием среды, привлекающей талантливых и мотивированных людей, общей вовлеченностью в решение сложных научных задач. Все это задавало «рамки», обеспечивающие не только развитие конкретного университета, но и решение важных для общества задач.

Однако современный университет (в большей или меньшей степени в разных институциональных условиях) представляет собой завод или промышленную корпорацию, в которой и сами знания, и способ их получения жестко регламентированы. Преподаватели не свободно возвращаются в лоне университета, а стандартизировано (по формальным критериям) отбираются и нанимаются, подобно работникам коммерческих организаций. В России образовательные организации часто «закупают» учителя или преподавателя на определенную программу, аналогично закупке сырья, услуг или материалов для производства. Все цели университета достаточно жестко формализованы посредством системы эффективных контрактов ректоров, деканов, преподавателей и системы образовательных стандартов. Вряд ли Болонский университет смог бы обеспечить свободу освоения и передачи знаний, взрастить выдающихся личностей, изменивших векторы общественного развития, если бы был построен как эффективная корпорация.

Управленческие практики в российском образовании

Безусловно, нормы и правила, заложенные в основу системы образования, как и в любом другом социальном институте, имеют тенденции к устареванию и требуют реформирования. Переход к индустриальному производству потребовал ликвидации безграмотности и развития системы массового обучения, постиндустриальные реалии диктуют необходимость непрерывного образования в течение всей жизни. Однако при всех различиях изменений и реформ важно соблюдать приоритет методов институционального управления и понимать ограниченность административных решений в высшем образовании. Желание быстрых и легких результатов способствует имитации деятельности и формирует класс инновационных бюрократов, а «равнение на бизнес» порождает непредвиденные последствия реформ, запуская череду дисфункций.

Приведем два примера из текущей российской практики. Первый — из области реформирования аспирантуры. Низкий процент аспирантов, защищающих диссертации, проблема качества их работ, задача «омоложения» кадров российской науки на фоне нежелания молодых людей строить академическую карьеру и т.д. запустили череду непрерывных преобразований аспирантуры и правил работы диссертационных советов. Множественные административные регламенты, десятки разнообразных инструкций, бюрократизация не решили ни одну из обозначенных выше проблем, но запустили механизмы «формализации» и выхолащивания содержания этой деятельности. Число защит, пусть не так быстро, как десятилетие ранее, но продолжает сокращаться: с 2010 по 2022 годы — с 33,7 до 11,4 тысяч [17]; в среднем снижение числа защищенных диссертаций составляет 9 % в год, в 2023 году по отношению к 2022 — 22 % [9]. Все понимают, что реформы входят в противоречие с задачей увеличения защит, запуская специфический механизм искусственного отбора — до защиты доходят не столько самые талантливые, сколько самые мотивированные, кто способен справиться с административным маховиком бесконечных правил, вложить работу в «прокрустово ложе» непрерывно меняющихся требований к тексту и защите.

Еще сложнее стало работать диссертационным советам, которые, например, вместо содержательной оценки диссертации должны заниматься филигранным отбором научных рецензентов не по степени компетентности, а по формальным показателям. По мнению чиновников от образования, качество и объективность оценки работы зависит от отсутствия контактов рецензентов друг с другом, научным руководителем и соискателем в одной организации, одних научных проектах или одних научных событиях. Все понимают невозможность полного соблюдения таких требований внутри достаточно замкнутых социальных сетей исследователей, занимающихся одной научной темой, но вынуждены искать «незапятнан-

ных» контактами специалистов, хотя их наличие никак не влияет на качество работы соискателя.

В сложившихся условиях заседания диссертационных советов все больше напоминают заседания советов директоров акционерных обществ, а защита диссертации — некую сделку (любимое слово президента Д. Трампа, активно переносимого практики бизнеса в государственное управление). Задачей ученых становится недопущение сделок с заинтересованностью, подобно тому, как независимые директора должны предотвращать ситуацию, когда высшие менеджеры заключают контракты не с лучшими, а со «своими» поставщиками. Понятно, что в этой ситуации не следует ожидать свободного обсуждения научной проблемы и результатов диссертационного исследования.

Второй пример менеджериального управления — реформа системы федеральных учебно-методических объединений (ФУМО). В стремлении менеджеров от образования синхронизировать две сложно сочетаемые, асинхронные системы — высшего образования и рынка труда — приоритет был отдан работодателям. За определение целевых ориентиров образовательной деятельности и способов организации образовательного процесса отвечают не преподаватели, а чиновники и работодатели. Не менее 50 % представителей новых ФУМО будут составлять не научные сотрудники и преподаватели вузов, а представители работодателей и их объединений, федеральных и региональных органов государственной власти [13]. Вместо расширения мер институционального воздействия для устранения разрывов между требованиями рынка труда и образовательными процессами был выбран путь административного принуждения. Единственный общественный орган, призванный транслировать позицию педагогического и научного сообщества, был подчинен логике чиновников и работодателей. А ведь для многих сфер социально-гуманитарного знания понятие «ключевые работодатели» сложно применимо: кто это для философов, антропологов или культурологов? Вместо того, чтобы создавать условия и среду для более активного вхождения бизнес-организаций в образовательный процесс (стажировки, профильные кафедры, образовательные программы с участием работодателей, платформы и задания для включения студентов в научно-прикладные проекты компаний и т.д.), давать импульс для взаимодействия образовательных учреждений с корпоративным сектором, мы двигаемся по пути изменения системы образования в соответствии с недостижимыми требованиями работодателей.

Сегодня крайне сложно прогнозировать не только количественную потребность в тех или иных специалистах, но и требования к ним. Например, кто из (даже ключевых) работодателей мог еще 5—6 лет назад (минимум для утверждения образовательной программы и подготовки бакалавра) спрогнозировать развитие нейросетей и их применение в разных профессиональных средах? Принципиально невозможной тогда была даже приблизи-

тельная оценка сокращения спроса на отдельные группы специальностей. Невозможно было представить ситуацию, в которой многие из престижных профессий — контент-менеджеры, рекрутеры, маркетологи, IT-специалисты и др. — начнут стремительно исчезать с рынка труда в результате распространения ИИ, а его использованию необходимо будет учесть всех — от журналистов и педагогов до медиков и инженеров.

Наука, образование и рынок непрерывно развиваются, и предвидеть все кульбиты их развития невозможно. Безусловно, устранять грубые диспропорции между запросами рынка труда и результатами работы системы образования необходимо, но это должны быть только самые общие указания, распределяющие потоки обучающихся между отдельными большими сферами образования. Так, важно устранять диспропорции между высшим и средним специальным образованием, между бюджетной и платной подготовкой по отдельным направлениям, но не столько директивным ограничением платных мест или созданием искусственных преференций для поступления в техникумы и колледжи, а долгосрочной системой мер по повышению престижа профессий и формированию «правильных» установок молодежи в отношении образования (приобретение не формальных «корочек», а реальных знаний).

Тем более не следует стремиться точно подстроиться под конкретные запросы отдельных компаний и разнообразные (часто разнонаправленные) тенденции общественного развития. Работодателям необходимо взять на себя часть ответственности за «донастройку» молодых специалистов и признать, что во многом существующий разрыв между образованием и рынком труда обусловлен их усилиями — запрос на подготовку узкопрофильных специалистов был сформирован бизнес-средой. В целом система образования (традиционная ее модель) не может и не должна быть столь быстрой, гибкой и адаптивной, как того требует бизнес, — ей это не под силу. Она требует институционального управления и внимания к ее саморазвитию, а не административных мер, схожих с приказами в корпоративном секторе (покрасить автомобиль в тот или иной цвет под изменившиеся запросы целевой аудитории).

Пагубность ориентации только на клиента давно осознана бизнесом. Так, Г. Форду приписывают высказывание о негативных эффектах клиентоориентированности, особенно в отношении инновационных продуктов: «Если бы я спросил у покупателей, что им нужно, они ответили бы: более быстрая лошадь» [3]. Через много десятилетий талантливый инноватор С. Джобс не раз вспоминал эту фразу. Возможно, компании «наигрались» с попытками синхронизации своих товарных стратегий и запросов клиентов — сегодня основой принятия решений является внутренний фокус, экспертиза, подкрепленная аналитикой (данными о желаниях и потребностях потребителей). Этого нельзя сказать об управлении в сфере образования,

науки, здравоохранения и культуры, где всецело доминирует желание расширить клиентоориентированность, идет бесконечная гонка за меняющимися, неструктурированными требованиями разных целевых аудиторий (в системе образования — работодателей, студентов и их родителей).

Социокультурный контекст развития национальных систем образования влияет на понимание этой проблемы. Когда представители наших вузов, замученные подстраиванием образовательных программ под запросы работодателей, обратились с вопросом о таком подстраивании к коллегам из ведущих вузов Великобритании, те ответили примерно следующее: «А кто такие работодатели в сравнении с Оксфордом и Кембриджем? Большинство из них и в помине не было, когда мы уже всю работу на страну. Кто тут должен подстраиваться — они под нас!». Развитие системы образования — самостоятельная ценность. Вуз — не фирма, действующая по принципу «любой каприз за ваши деньги». Руководители вуза ответственны за приращение социального капитала не в меньшей степени, чем руководители компаний, поэтому при разработке направлений институциональной трансформации системы образования нельзя полагаться только на мнение «потребителей» — мнение работающих в ней людей также должно быть услышано.

Мы постепенно отходим от сложившегося понимания образования как услуги. Ректор МГУ В.А. Садовничий призвал прописать в стратегии развития образования до 2036 года отказ от отношения к образованию как к услуге, вернуть образованию статус общественного блага [15]. Но закрепление статуса в документах не обеспечит конкретные и эффективные действия: в управленческих инициативах «сверху», в современных реформах образования мы продолжаем реализовывать принципы жесткого административного управления. Разрыв между общими стратегическими целями, видением образования и реальными механизмами управления изменениями становится все более очевидным. Часто меры изначально институционального управления в ходе реализации теряют свое содержание, превращаясь в административные, что случилось с системой образовательных стандартов. Появление стандартов в 1990-е годы стало отправной точкой институционального управления образованием: стандарт не был сводом приказов, а задавал «правила игры». Постепенное движение ко все более рамочным стандартам обеспечивало условия для разнообразия образовательных продуктов, удержания региональными вузами талантливой молодежи «на местах» и др. Но постепенно в череде образовательных реформ (сейчас мы переживаем очередной этап изменения образовательных стандартов) потенциал саморазвития был замещен административным регулированием и предписаниями. В новом проекте образовательных стандартов предполагается возврат к дидактическим единицам и обязательным названиям дисциплин не только в социально-гуманитарных блоках, но и в профильной подготовке.

Во многом такому содержательному перерождению способствовала российская практика внедрения образовательных стандартов. В отличие от развития образовательных стандартов во многих других странах, где это было «движение снизу», у нас стандарты «спускались сверху». Введение термина «образовательный стандарт» в середине 1980-х годов было связано с инициативой американского Национального совета учителей математики по созданию стандарта школьного математического обучения [7]. Такой конструктивный способ введения стандартов опирался на диалог между ключевыми субъектами образовательного процесса, понимание и учет интересов всех «стейкхолдеров». В нашей стране стандарты «спускались сверху» вследствие отсутствия не только единства мнений, но часто даже попытки найти точки соприкосновений между «стейкхолдерами» по ключевым вопросам [1].

Сама попытка возврата к дидактическим единицам, к системе «канонов» дисциплин и учебников, на базе которых должны учиться студенты, в сегодняшней ситуации, когда наука и в целом знание динамично и содержательно меняются, не отвечает духу и вызовам времени. Даже при наличии в тех или иных предметных областях консенсуса в отношении «канонов» следует задаться вопросом, сколько они просуществуют — есть ли в системе образования механизмы, запрос и ресурсы (временные, экономические, человеческие) на их непрерывный пересмотр? Но главное — в контексте таких реформаторских усилий мы утратим ценность и потенциал для саморазвития системы. Так, в структуре любой предметной области есть прорывные научные подходы и концепции, находящиеся на периферии научного знания. Часто они рассматриваются большинством ученых и преподавателей как маргинальные, не заслуживающие внимания студентов, а потому не включаются в формируемые «ядра» образовательных программ. Однако часто именно в таких подходах кроется потенциал для становления новых научных парадигм, именно их освоение и пересмотр дают импульс для развития научного знания. Например, вряд ли в подготовку культурологов и социологов будет включена концепция «дальнего чтения» Ф. Моретти, поскольку сам автор неоднократно ее пересматривал и критиковал [12; 19], но именно такие динамично меняющиеся подходы формируют перспективное поле цифровых социально-гуманитарных исследований.

Институциональное управление высшим образованием в контексте глобализации и цифровизации

Сегодня многочисленные, разнонаправленные факторы, взаимно усиливающие друг друга, подталкивают систему образования к внедрению институциональных инноваций. Среди них особое место занимают глобализация и цифровая трансформация. Во многом глобализация стала в XX — начале XXI века доминирующим фактором изменения образования, в сочетании со специализацией науки влияя на структуру вузов и их содержательную диверсификацию, задавая принципы стандартизации образовательных про-

грамм, способствуя унификации национальных систем, выступая ключевым драйвером распространения менеджериализма в образовании. Бюрократические последствия глобализации серьезно ударили по тем странам, где системы образования были оригинальными и не приспособленными к конкуренции по правилам, созданным без учета их специфики (в полной мере это касается и отечественной системы образования). Сегодня ситуация радикально изменилась: глобализация связана с построением многополярного мира и отказом от унификации социальных систем, сформированных в разных культурах; наметился возврат к национальным системам образования.

Однако, принимая во внимание инерционность образования и складывающийся перекосяк в административном управлении данной сферой, следует обозначить новые проблемы. На текущем этапе реформирования критически важными становятся цели образовательной системы и критерии ее эффективности, которыми не могут быть формально, (и тем более) количественно заданные показатели. Такие цели и критерии определяются историей и способностью системы образования решать ключевые задачи развития государства и общества. Поэтому бесперспективны попытки менять одни формальные показатели на другие, переориентировать вузы с одних типов образовательных рейтингов на другие или количественные показатели публикационной активности — со Scopus и Web of Science на RSCI и «ядро» РИНЦ. Подобные решения лишь создают сложности для профессорско-преподавательского состава, требуют переориентации его ежедневных усилий не на реальную работу, а на обоснование своей «ценности» в рамках разных мониторингов и отчетов. Содержательно все эти показатели не отражают тот значимый вклад, который преподаватели вносят в развитие нашей страны и профессиональное становление российской молодежи.

Сопряженный с глобализацией процесс — цифровизация: цифровая трансформация всего — бизнеса, здравоохранения, культуры, государственного управления, образования — превратилась в императив, хотя амбивалентность цифровой трансформации для системы образования очевидна. С одной стороны, цифровизация усиливает менеджериализм со всеми эксцессами его применения в образовательной среде. Все чаще образовательные организации слышат призыв ориентироваться на флагманов цифровых индустрий в формате «все должны стать успешными и эффективными как Google, Amazon или Яндекс». Однако цифровизация на практике часто приводит к солюционизму — попыткам решить любую общественную проблему с помощью простого технологического решения, что способствует бессмысленному непрерывному улучшению «практически всего под солнцем: политики, граждан, издательского дела, кулинарии» [20]. Повсеместно мы стремимся преобразовать сложные социальные ситуации в четко определенные проблемы с вычислимыми решениями в нечто такое, что можно легко оптимизировать инновационным бюрократам посредством правильных алгоритмов.

Все это приводит к большему ущербу, чем проблемы, которые пытаются решить с помощью внедрения цифровых технологий.

Безусловно, цифровизация сокращает транзакционные издержки, что ведет к появлению на рынке образовательных услуг новых игроков (платформ, независимых агентов и т.д.); обеспечивает возможности персонализации образования, конвергенции индивидуальных и групповых форматов обучения, внедрения новых технологий, повышающих вовлеченность в образовательный контент, — эти несомненные плюсы цифровизации нельзя отрицать. Но важно помнить, что цифровизация приводит и к резкому снижению возможностей оценить реальные знания обучающихся, запуская «гонку» технологий между преподавателями и студентами в попытке тех и других тратить меньше сил на свою работу. Возникает вопрос: что могут сказать в 2025 году о знаниях студентов эссе, проекты, рефераты, выполненные искусственным интеллектом (ИИ)? В 2025 году 85 % российских студентов использовали ИИ в учебной деятельности, 43 % на постоянной основе готовили эссе и рефераты, курсовые и другие письменные работы с помощью ИИ [2]. В ведущих вузах России этот показатель значительно выше. При этом в многочисленных дискуссиях в СМИ и профессиональном педагогическом сообществе, как правило, замалчивается тот факт, что с генеративными инструментами активно экспериментируют и преподаватели. Так, 16 % преподавателей российских вузов систематически используют технологии ИИ при подготовке к занятиям (создание презентаций, обновление заданий, оценка работ и т.д.). В ряде предметных областей это показатель еще выше: 34 % — в информатике и других компьютерных науках, 20 % — в гуманитарных, 19 % — в социальных и управленческих [10]. В ответ на эксцессы цифровизации система образования развивает множественные формы контроля, которые якобы должны заставить учащихся «думать головой», а преподавателей — эффективнее работать со студентами, но такой контроль превратил обучение в серию бюрократических процедур для студентов и преподавателей и существенно снизил интерес к получению знаний.

Бурное развитие цифровых технологий, особенно ИИ, ставит перед высшим образованием новые задачи. Прежде всего, это разработка таких моделей образовательного процесса, в которых помимо традиционных участников появляются ИИ-агенты с разным функциональным наполнением: ИИ-компаньоны, обеспечивающие персонализацию учебных материалов с учетом уровня подготовки, интересов, физиологических и других особенностей обучающегося или выступающие как «толмачи», упрощающие и разъясняющие отдельные темы и вопросы; ИИ-тьюторы, помогающие преподавателям конструировать и обновлять образовательные материалы; ИИ-администраторы, обеспечивающие в режиме 24/7 информационное и/или документальное сопровождение [4].

Сегодня существуют и более сложные технические решения, например создание ИИ-персон преподавателей, смоделированных на базе характери-

стик реальных преподавателей. Эти цифровые агенты берут на себя часть учебной работы, оставляя за преподавателем по большей части научно-исследовательскую и наставническую деятельность. Так, с начала 2024 года в Тюменском государственном университете были реализованы 27 экспериментальных образовательных курсов с ИИ-персонами в разных предметных отраслях — от математики и биологии до психологии и литературы [14]. Как показывают российские и зарубежные эксперименты в этой области, ИИ не заменит преподавателя, а станет инструментом, дополняющим его деятельность. Однако важно помнить, что ИИ обладает агентностью — он в состоянии подстраивать, изменять образовательный процесс, поэтому его использование меняет роли, задачи и отношения субъектов образовательного процесса. ИИ невозможно встроить как отдельный «кусочек» в образовательную систему с сохранением сложившихся в ней правил, мотиваций и т.д. — необходимы новые правила взаимодействий и подходы к разделению труда между цифровыми и человеческими агентами. Так, при всех технических возможностях ИИ-персон такой цифровой помощник не может восполнить столь необходимую атмосферу личных (человеческих) взаимодействий, не в состоянии в ходе учебных дискуссий придать даже самому неудачному комментарию или вопросу студента позитивную траекторию обсуждения.

Активное включение ИИ в образование и развитие других цифровых технологий показывают, что мы не можем говорить о некоей доминирующей и тем более единственной модели образования. В результате цифровизации мы движемся к образовательным моделям, многие из которых скорее всего не имеют прямых аналогов в прошлом. Разные образовательные цели и институциональные контексты (сложившиеся традиции и практики, консенсусы между стейкхолдерами) диктуют создание образовательных моделей с различным соотношением и ролями человеческих и нечеловеческих агентов.

Цифровая трансформация современного образования должна следовать логике институционального управления. Нужно понимать, что преимущества и недостатки многих цифровых решений проявятся не сразу, но со временем точно изменят «правила игры» в образовании. Подчинение сиюминутной логике администраторов от образования, которые в процессах внедрения цифровых технологий в большей степени стараются укрепить свои организационные и властные позиции, будет сопровождаться множеством негативных эффектов: от сопротивления со стороны педагогов и обучающихся до еще большего обострения проблем с качеством образования. Доминирование административного управления ведет к тому, что из всего многообразия возможностей «цифры» в системе образования активно выбирается только контрольный компонент (цифровое наблюдение и оценка деятельности преподавателя, студента и вуза), что может повлечь выхолащивание потенциала, рост отчужденности и еще большее снижение доверия

среди людей, занятых образовательным процессом. А ведь именно эти люди могут дать ответы на наиболее важные вопросы, возникающие в ходе цифровой трансформации образования: чего мы хотим достичь, каковы выгоды цифровизации для разных субъектов образования, что стратегически важнее для общества — создать ИИ-персоны выдающихся ученых и масштабировать их, снижая разрыв в доступе к качественному образованию, или затратить усилия на профессиональное становление молодых, свободно ориентирующихся в возможностях ИИ Ломоносовых, Ушинских, Макаренко?

* * *

Безусловно, в системе образования останутся зоны для административного управления, но фундаментальный конфликт порожден сужением сферы институционального управления. Доминирование жесткого административного управления, характеризующегося директивностью, бюрократизацией и ориентацией на формальные количественные показатели, приводит к системным дисфункциям: росту формализма, выхолащиванию содержания образовательной деятельности и подавлению академической автономии. Приоритет административного управления вступает в явное противоречие с имманентно сложной, творческой и инерционной природой образовательных систем, требующих гибких рамок для саморазвития. В контексте цифровизации риски административного гиперконтроля усиливаются, что проявляется в редукации цифровой трансформации к изобретению инструментов тотального наблюдения и оценивания, а не к созданию новых образовательных моделей. Сознательный переход к институциональному управлению, ориентированному на выстраивание правил и сред, стимулирующих академическую инициативу, самоуправление и содержательный диалог между всеми стейкхолдерами образования, сможет стать ключевым инструментом создания оригинальной, отвечающей современным вызовам российской модели высшего образования.

Библиографический список

1. 25 лет эволюции российского высшего образования. URL: <https://25.hse.ru/development/story3>.
2. 85% студентов активно используют искусственный интеллект в учебной деятельности. 16.04.2025. URL: <https://www.interfax-russia.ru/academia/analytics/85-studentov-aktivno-ispolzuyut-iskusstvennyy-intellekt-v-uchebnoy-deyatelnosti>.
3. Айзексон У. Стив Джобс. М., 2011.
4. Баранникова К.А., Добрякова М.С., Новикова Е.Г., Тен Н.Г. Искусственный интеллект и высшее образование: возможности, практики и будущее. М., 2025.
5. Барков С.А., Колодезникова И.В., Маркеева А.В. Институциональные матрицы образования. М., 2025.
6. Барков С.А., Колодезникова И.В., Маркеева А.В. Институциональный и социально-управленческий контекст современного образования // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2025. Т. 31. № 1.
7. Богуславский М.В. Зарубежные стандарты образования: на что ориентироваться? // Вестник образования России. 2019. № 14.

8. Клок К., Голдсмит Дж. Конеч менеджмента и становление организационной демократии. СПб., 2003.
9. Количество диссертаций в России за год сократилось на 22 %. Как реформа высшего образования повлияла на активность аспирантов. 21.02.2024. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/21/02/2024/65d49b5f9a79474bfaa9e935
10. Крюков В. Каждый шестой преподаватель вузов использует ИИ при подготовке к занятиям. 07.10.2024. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2024/10/07/1066835-kazhdii-shestoi-prepodavatel-vuzov-ispolzuet-ii>.
11. Логан Д., Кинг Д. Лидер и племя: пять уровней корпоративной культуры. М., 2016.
12. Моретти Ф. Дальнее чтение. М., 2016.
13. Приказ Министерства науки и высшего образования от 08.08.2025 г. № 622 «Об утверждении Типового положения об учебно-методических объединениях в системе высшего образования. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412506563>.
14. Раведовская У. ИИ в образовании: опыт ТюмГУ. 28.03.2025. URL: <https://aiconf.hse.ru>.
15. Садовничий В.А.: важно отказаться от отношения к образованию как к услуге. 15.09.2025. URL: <https://msu.ru/press/smiaboutmsu/sadovnichiy-vazhno-otkazatsya-ot-otnosheniya-k-obrazovaniyu-kak-k-usluge.html>.
16. Салмон Р. Будущее менеджмента. СПб., 2004.
17. Число защит кандидатских диссертаций в РФ сократилось более чем на 60 % за 12 лет. 2025. URL: <https://www.gpntb.ru/novosti-nauki-i-obrazovaniya/9875-chislo-zashchit-kandidatskikh-dissertatsij-v-rf-sokratilos.html>.
18. Becker G.S. Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis with Special Reference to Education. Chicago; London, 1993.
19. Moretti F. Falso movimento la svolta quantitativa nello studio della letteratura. Nottetempo, 2022
20. Morozov E. To Save Everything, Click Here: The Folly of Technological Solutionism. Public Affairs, 2013.

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-1-77-92

EDN: QXXGNP

Institutional and administrative management in education: From the past to the future *

S.A. Barkov, A.V. Markeeva, I.V. Kolodeznikova

Lomonosov Moscow State University,
Leninskiye Gory, 1—33, Moscow, Russian Federation, 119234

(e-mail: barkserg@live.ru; anna_markeeva@mail.ru; inna0105@yandex.ru)

Abstract. The transition to the post-industrial stage of society’s development has led to a crisis in administrative management based on directives and standardization. While the corporate sector successfully implements institutional approaches that create an environment for self-development of subordinates and innovations, the social sphere (in particular, higher education) moves in the

*© S.A. Barkov, A.V. Markeeva, I.V. Kolodeznikova, 2026

The article was submitted on 15.12.2025. The article was accepted on 15.01.2026.

opposite direction — increasing bureaucratization and regulation, which fundamentally contradicts its creative, complex and inertial nature. The article identifies similarities and differences between management in commercial organizations and educational sector. The dominance of administrative management, imitating corporate practices, in higher education leads to systemic negative effects: erosion of educational content, growth of formalism and bureaucratic burden, suppression of academic initiative and, consequently, decline in the quality of the national human capital. The authors present examples to show that the directive implementation of management innovations, ignoring the features of educational systems, results in the loss of their institutional development potential, and digitalization leads to new control tools rather than progressive models of interaction between teachers and students. The authors insist on the need to change management paradigm in education — from administrative control to institutional management that sets the framework for academic autonomy and self-development.

Key words: higher education; education reform; institutional management; administrative management; managerialism; globalization; digital transformation of education

For citation: Barkov S.A., Markeeva A.V., Kolodeznikova I.V. Institutional and administrative management in education: From the past to the future. *RUDN Journal of Sociology*. 2026; 26 (1): 77–92. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-1-77-92> EDN: QXXGNP

References

1. 25 let evolyutsii rossiyskogo vysshego obrazovaniya [25. years of evolution of the Russian higher education]. URL: <https://25.hse.ru / development/story3>. (In Russ.).
2. 85 % studentov aktivno ispolzuyut iskusstvenny intellekt v uchebnoy deyatel'nosti [85 % of students actively use artificial intelligence in their educational activities]. 16.04.2025. URL: <https://www.interfax-russia.ru/academia/analytics/85-studentov-aktivno-ispolzuyut-iskusstvenny-intellekt-v-uchebnoy-deyatelnosti>. (In Russ.).
3. Isaacson W. *Steve Jobs*. Moscow; 2011. (In Russ.).
4. Barannikova K.A., Dobryakova M.S., Novikova E.G., Ten N.G. *Iskusstvenny intellekt i vysshee obrazovanie: vozmozhnosti, praktiki i budushchee* [Artificial Intelligence and Higher Education: Opportunities, Practices and the Future]. Moscow; 2025. (In Russ.).
5. Barkov S.A., Kolodeznikova I.V., Markeeva A.V. *Institutsionalnye matritsy obrazovaniya* [Institutional Matrices of Education]. Moscow; 2025. (In Russ.).
6. Barkov S.A., Kolodeznikova I.V., Markeeva A.V. *Institutsionalny i sotsialno-upravlenchesky kontekst sovremennogo obrazovaniya* [Institutional and social-managerial context of contemporary education] *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 18: Sotsiologiya i Politologiya*. 2025; 31 (1). (In Russ.).
7. Boguslavsky M.V. *Zarubezhnye standarty obrazovaniya: na chto orientirovatsya?* [Foreign standards of education: What to focus on?] *Vestnik Obrazovaniya Rossii*. 2019; 14. (In Russ.).
8. Cloke K., Goldsmith J. *Konets menedzhmenta i stanovlenie organizatsionnoy demokratii* [The End of Management and the Rise of Organizational Democracy]. Saint Petersburg; 2003. (In Russ.).
9. *Kolichestvo dissertatsiy v Rossii za god sokratilos na 22 %*. Kak reforma vysshego obrazovaniya povliyala na aktivnost aspirantov [The number of dissertations in Russia decreased by 22 % over the year. How the reform of higher education affected the activity of postgraduate students]. 21.02.2024. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/21/02/2024/65d49b5f9a79474bfaa9e935. (In Russ.).
10. Kryukov V. *Kazhdy shestoy prepodavatel vuzov ispolzuyet II pri podgotovke k zanyatiyam* [Every sixth university teacher uses AI in preparing for classes]. 07.10.2024. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2024/10/07/1066835-kazhdii-shestoi-prepodavatel-vuzov-ispolzuet-ii>. (In Russ.).
11. Logan D., King D. *Lider i plemya: pyat urovney korporativnoy kultury* [Tribal Leadership: Leveraging Natural Groups to Build a Thriving Organization]. Moscow; 2016. (In Russ.).

12. Moretti F. *Dalnee chtenie* [Distant Reading]. Moscow; 2016. (In Russ.).
13. Prikaz Ministerstva nauki i vysshego obrazovaniya ot 08.08.2025 g. No. 622 “Ob utverzhdenii Tipovogo polozheniya ob uchebno-metodicheskikh ob`edineniyah v sisteme vysshego obrazovaniya [Order of the Ministry of Science and Higher Education of August 8, 2025 No. 622 “On Approval of the Model Regulations on Educational and Methodological Associations in the Higher Education System”]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412506563>. (In Russ.).
14. Ravedovskaya U. II v obrazovanii: opyt TyumGU [AI in education: Experience of the TSU]. 28.03.2025. URL: <https://aiconf.hse.ru>. (In Russ.).
15. Sadovnichy V.A.: Vazhno otkazatsya ot otnosheniya k obrazovaniyu kak k usluge [It is important to stop treating education as a service]. 15.09.2025. URL: <https://msu.ru/press/smiaboutmsu/sadovnichiy-vazhno-otkazatsya-ot-otnosheniya-k-obrazovaniyu-kak-k-usluge.html>. (In Russ.).
16. Salmon R. *Budushchee menedzhmenta* [The Future of Management]. Saint Petersburg; 2004. (In Russ.).
17. Chislo zashchit kandidatskih dissertatsiy v RF sokratilos bolee chem na 60 % za 12 let [The number of PhD thesis defenses in the Russian Federation has decreased by more than 60 % in 12 years]. 2025. URL: <https://www.gpntb.ru/novosti-nauki-i-obrazovaniya/9875-chislo-zashchitkandidatskikh-dissertatsij-v-rf-sokratilos.html>. (In Russ.).
18. Becker G.S. *Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis with Special Reference to Education*. Chicago; London; 1993.
19. Moretti F. *Falso movimento la svolta quantitativa nello studio della letteratura*. Nottetempo; 2022.
20. Morozov E. *To Save Everything, Click Here: The Folly of Technological Solutionism*. PublicAffairs; 2013.

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-1-93-97

EDN: QXVHPW

Социологическое образование как поле формирования дивергентного мышления*

А.К. Мамедов

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, 119234, Россия

(e-mail: akmnauka@yandex.ru)

Аннотация. В тезисах выступления обозначена взаимосвязь между дивергентным мышлением как социально значимой компетенцией и спецификой социологического образования как институциональной среды формирования данного типа мышления. Автор делает акцент на интерпретации как ключевом механизме, развивающем способность к работе с множественными смыслами и неопределенностью; показывает, что структурные особенности социологического знания, основанного на конкуренции теоретических парадигм, и практика рефлексивной работы с эмпирикой закономерно формируют у обучающихся установку на дивергентность. В то же время наблюдается противоречие между этой логикой и институциональными ограничениями современного образования (стандартизация и формализация). Сделан вывод, что развитие дивергентного мышления — не побочный, а сущностный результат профессиональной подготовки социолога, необходимый для аналитической и экспертной деятельности в сложном современном обществе.

Ключевые слова: дивергентное мышление; интерпретация; социологическое образование; образовательный процесс; институциональные противоречия; профессиональная подготовка; стандартизация образования

Для цитирования: Мамедов А.К. Социологическое образование как поле формирования дивергентного мышления // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2026. Т. 26. № 1. С. 93–97. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-1-93-97>
EDN: QXVHPW

Дивергентное мышление в контексте трансформаций социальной реальности: современное общество характеризуется высокой степенью структурной сложности, множественностью нормативных порядков и конкуренцией интерпретационных рамок. В этих условиях возрастает значимость когнитивных способностей, обеспечивающих работу с неопределенностью, противоречиями и нестабильными социальными смыслами. Одна из таких способностей — дивергентное мышление, понимаемое как способность про-

*© Мамедов А.К., 2026

Статья поступила в редакцию 26.12.2025. Статья принята к публикации 30.01.2026.

дуцировать альтернативные интерпретации социальных явлений, выходящие за рамки единой объяснительной логики [4]. В отличие от конвергентного мышления, ориентированного на поиск однозначного и нормативно закрепленного решения, дивергентное мышление предполагает множественность аналитических ходов и признание принципиальной неполноты любого социального знания. В социологическом контексте это означает отказ от рассмотрения социальных процессов как замкнутых и окончательно объяснимых структур и переход к их интерпретации как открытых, контекстуально обусловленных и постоянно пересобираемых форм социального действия [2]. Таким образом, дивергентное мышление обретает статус не просто индивидуальной когнитивной характеристики, а социально значимой компетенции, напрямую связанной с производством и интерпретацией социальных смыслов.

Социологическое образование как институционализированное пространство интерпретации: социологическое образование изначально формируется как институциональная среда, в которой процесс интерпретации занимает центральное место [1]. В отличие от образовательных моделей, ориентированных на воспроизводство нормативных знаний и алгоритмов, социология предлагает обучающимся множественные теоретические перспективы, несводимые к единой объяснительной парадигме. Классическое и современное социологическое знание представлено совокупностью конкурирующих теорий, каждая из которых по-своему конструирует социальную реальность, определяя релевантные объекты анализа, причинно-следственные связи и аналитические приоритеты. Освоение социологии предполагает не механическое усвоение теоретических положений, а включение в процесс постоянного соотнесения, сопоставления и критической оценки разных интерпретационных рамок. В этом смысле социологическое образование институционально воспроизводит ситуацию интерпретационного выбора. Студент-социолог оказывается в позиции субъекта, вынужденного принимать аналитические решения: выбирать теоретическую «оптику», определять границы интерпретации эмпирического материала, осмысливать методологические основания своих выводов. Именно эта необходимость постоянного выбора формирует устойчивую установку на дивергентное мышление.

Интерпретация как ключевой механизм формирования дивергентного мышления: центральный механизм формирования дивергентного мышления в рамках социологического образования — интерпретация как специфическая форма когнитивной и аналитической деятельности [6], которая не сводится к объяснению фактов, а предполагает конструирование смыслов, выявление латентных структур и включение эмпирических данных в более широкий социокультурный контекст. Работа с эмпирическими данными — как количественными, так и качественными — редко приводит к однознач-

ным выводам: один и тот же эмпирический материал может быть интерпретирован с позиции разных теоретических подходов, каждый из которых задает собственную логику объяснения. В процессе обучения студент осваивает не только методы сбора и анализа данных, но и принципы аргументации интерпретации, что требует признания альтернативных аналитических возможностей. Особое значение обретает рефлексивность как способность осознавать условность собственных интерпретаций и их зависимость от выбранной теоретической и методологической позиции. Рефлексивная установка усиливает дивергентное мышление, поскольку делает очевидной множественность возможных прочтений социальной реальности и ограниченность любой аналитической перспективы.

Дивергентное мышление и профессиональная логика социологического знания: в социологическом образовании формирование дивергентного мышления имеет принципиальное значение для профессиональной социализации. Современная профессиональная практика все в меньшей степени предполагает работу с жестко заданными задачами и все в большей — с комплексными, слабо структурированными проблемами, требующими интерпретации и аналитического конструирования [5]. В прикладных исследованиях, аналитике, экспертной деятельности и сфере управления социолог выступает не столько поставщиком готовых ответов, сколько интерпретатором социальных процессов, способным выявлять альтернативные сценарии их развития и учитывать побочные эффекты принимаемых решений. Дивергентное мышление — основа профессиональной компетентности, обеспечивающая гибкость аналитического мышления и устойчивость к неопределенности.

Институциональные ограничения в формировании дивергентного мышления: несмотря на высокий потенциал социологического образования как среды формирования дивергентного мышления, здесь наблюдается ряд институциональных противоречий. Стандартизация образовательных программ, формализация оценочных процедур и ориентация на измеримые образовательные результаты могут ограничивать пространство интерпретационного поиска и аналитического эксперимента. Возникает противоречие между логикой бюрократизированного образовательного процесса и внутренней логикой социологического знания, основанной на множественности интерпретаций и принципиальной незавершенности аналитических выводов. Соответственно, поддержание дивергентного мышления требует осознанного сохранения интерпретационной свободы как ключевой ценности социологического образования.

Сегодня социологическое образование представляет собой институционализированное поле для формирования дивергентного мышления, в котором интерпретация выступает центральным механизмом когнитивной социализации. Ориентация на множественность теоретических перспектив,

рефлексивный анализ и работу с неопределенностью формирует у обучающихся способность к аналитической гибкости и самостоятельному конструированию социальных смыслов [3]. Иными словами, социология учит не устранять неопределенность, а профессионально с ней работать, что в современных социальных условиях становится одной из ключевых интеллектуальных компетенций.

Библиографический список

1. *Авдюнина Н.Ю.* Развитие конвергентного и дивергентного мышления среди учащихся юношеского возраста // Вестник Ассоциации вузов туризма и сервиса. 2017. Т. 11. № 2.
2. *Гилфорд Дж.П.* Три стороны мышления // Психология мышления. М., 1965.
3. *Карагодина М.Е.* Необходимость развития дивергентного мышления в ВУЗе у студентов дизайнеров // Евразийский союз ученых. Серия: Педагогические науки. 2014. № 5.
4. *Мамедов А.К.* Введение в теорию социального познания. Комментарии к курсу для магистров. М., 2022.
5. *Сайед М.* Сила дивергентного мышления. М., 2021.
6. *Torrance E.P.* Scientific views of creativity and factors affecting its growth // *Daedalus: Creativity and Learning*. 1965. Vol. 94. No. 3.

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-1-93-97
EDN: QXVHPW

Sociological education as a field for developing divergent thinking*

A.K. Mamedov

Lomonosov Moscow State University,
Leninskie Gory, 1, bldg. 33, Moscow, 119234, Russia

(e-mail: akmnauka@yandex.ru)

Abstract. The article considers the relationship between divergent thinking as a socially significant competency and the specifics of sociological education which serves as an institutional environment for developing such thinking. The author focuses on interpretation as a key mechanism fostering the ability to work with multiple meanings and uncertainty; shows that the structural features of sociological knowledge as based on the competition of theoretical paradigms and the practice of reflective work with empirical data form a student disposition towards divergence. At the same time, there is a contradiction between this inherent logic and institutional constraints of contemporary education (standardization and formalization). Thus, the development of divergent thinking is not a peripheral but essential result of sociological professional training, which is necessary for analytical and expert work in the complex society.

Key words: divergent thinking; interpretation; sociological education; educational process; institutional contradictions; professional training; standardization of education

*© A.K. Mamedov, 2026

The article was submitted on 26.12.2025. The article was accepted on 30.01.2026.

For citation: Mamedov A.K. Sociological education as a field for developing divergent thinking. *RUDN Journal of Sociology*. 2026; 26 (1): 93–97. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-1-93-97> EDN: QXVHPW

References

1. Avdyunina N.Yu. Razvitie konvergentnogo i divergentnogo myshleniya sredi uchashchikhsya yunosheskogo vozrasta [Development of the adolescent students' convergent and divergent thinking]. *Vestnik Assotsiatsii Vuzov Turizma i Servisa*. 2017; 11 (2). (In Russ.).
2. Guilford J.P. Tri storony myshleniya [Three faces of intellect]. *Psikhologiya Myshleniya*. Moscow; 1965. (In Russ.).
3. Karagodina M.E. Neobkhodimost razvitiya divergentnogo myshleniya v VUZe u studentov dizaynerov [The need for developing design students' divergent thinking in the higher education]. *Evraziyskiy Soyuz Uchenyh. Seriya: Pedagogicheskie Nauki*. 2014; 5. (In Russ.).
4. Mamedov A.K. *Vvedenie v teoriyu sotsialnogo poznaniya. Kommentarii k kursu dlya magistrrov* [Introduction to the Theory of Social Cognition. Commentary on the Master's Course]. Moscow; 2022. (In Russ.).
5. Syed M. *Sila divergentnogo myshleniya* [Rebel Ideas. The Power of Diverse Thinking]. Moscow; 2021. (In Russ.).
6. Torrance E.P. Scientific views of creativity and factors affecting its growth. *Daedalus: Creativity and Learning*. 1965; 94 (3).

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-1-98-107

EDN: QUYDLE

Общие и особенные, качественные и количественные, демографические и философские аспекты дискуссий о российском социологическом образовании*

И.В. Троцук

Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

Высшая школа экономики,
ул. Мясницкая, 20, Москва, 101000, Россия

(e-mail: irina.trotsuk@yandex.ru)

Аннотация. В статье обозначены два основных «измерения» нынешних дискуссий о содержании, качестве и результатах социологической подготовки в российских университетах. Во-первых, макро- и междисциплинарный дискурс об общих тенденциях развития высшего образования в контексте региональных, национальных и глобальных вызовов, в частности о противоречии традиционной (классической, фундаментально-ценностной) и модернизационной (личностно- и практико-ориентированной) парадигм, что в социологической подготовке порождает выраженный прикладной акцент. Во-вторых, внутродисциплинарный дискурс, формируемый множеством проблемных областей с разным уровнем консенсуса академического сообщества. В качестве примеров в статье рассмотрены: включение социально-демографических компетенций в программы подготовки социологов («демографическая грамотность»); соотношение элементов качественного и количественного подходов в методологических курсах («маргинальный статус» качественного подхода в фундаментальных исследованиях и доминирование в прикладных несоциологических); консенсус относительно основы социологической компетентности (социологическое воображение) и сложностей ее формирования на фоне возрастающего числа препятствий для обретения «теоретической компетентности». Эти сложности обусловлены двумя причинами: низкой «философской компетентностью» студентов социологических специальностей (хотя в научной и научно-публицистической литературе подчеркивается важность философствования для профессионального становления и жизненного благополучия); особенностью теоретического канона в социологии (фрагментарность отечественной традиции и некритическое восприятие западной). В заключение представлены важные в рассматриваемом контексте идеи С. Андрески из недавно переведенной на русский язык книги с жесткой критикой современных социальных наук (колдовство): основные направления критики воспроизводят содержательное ядро дискуссий о социологическом образовании и социологической науке (особенно увлечение квантификацией и терминологией на фоне отказа от философии).

*© Троцук И.В., 2026

Статья поступила в редакцию 01.12.2025. Статья принята к публикации 15.01.2026.

Ключевые слова: социологическая наука; социологическое образование; традиционная/классическая и модернизационная парадигмы; академическое сообщество; компетенции и знания; качественный и количественный подходы; философская компетентность; социологическое воображение; теоретический канон

Для цитирования: Троцук И.В. Общие и особенные, качественные и количественные, демографические и философские аспекты дискуссий о российском социологическом образовании // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2026. Т. 26. № 1. С. 98–107. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-1-98-107> EDN: QUYDLE

Дискуссии о содержании и результатах социологической подготовки в российско высшем образовании имеют, как минимум, два дискурсивных «измерения». С одной стороны, это своего рода макро- и междисциплинарный дискурс, представленный общими тенденциями развития университетского образования (глобальная конкуренция, цифровизация, воспроизводство неравенства, поиск компромиссов между рыночной логикой экономической эффективности и классическими принципами академической автономии, и т.д.). Нередко эти противоречия концептуализируются как противостояние традиционной и модернизационной парадигм [3; 12; 15]: первая акцентирует важность преемственности традиций, ценностного наполнения образовательных программ фундаментального и системного типа, широкой междисциплинарной подготовки, ее гуманистической составляющей и т.п.; вторая ориентирована на экономическую эффективность как универсальный критерий оценки любого вида деятельности и оперирует понятием человеческого капитала как обозначением совокупности мобильных, креативных, конкурентоспособных, прагматичных, быстро адаптирующихся к любым внешним условиям, космополитичных и индивидуалистически мыслящих практиков.

Нравится это академическому сообществу или нет, но вторая, модернизационная, парадигма в подготовке социологов доминирует, о чем, например, свидетельствует такой перекокс: прикладные тематики выпускных квалификационных работ бакалавров (что предсказуемо с учетом основных направлений трудоустройства выпускников), магистров (вследствие отсутствия массового интереса к теоретическим и методологическим программам) и аспирантов (увлеченных управленческой проблематикой) в абсолютных и относительных показателях значительно превышают тематики в области социологической теории, истории и методологии (редкие работы такого типа вызывают целый спектр позитивных эмоций у членов государственных аттестационных комиссий и диссертационных советов).

С другой стороны, большинство дискуссий о проблемах и перспективах социологической подготовки имеет внутродисциплинарный характер, хотя многие представители академического/профессионального сообщества занимаются не вполне социологической деятельностью (в строгом смысле слова). Спорных вопросов здесь значительно больше, чем в макро-

междисциплинарном дискурсе, но по большинству из них все же достигнут определенный консенсус. Например, очевидно, что социально-демографические знания и компетенции совершенно необходимы социологам, планирующим заниматься эмпирическими исследованиями, экспертной, прогностической и аналитической работой. Проблема в том, как включить необходимый и достаточный (с точки зрения демографов и увлеченных сторонников социально-демографической подготовки социологов) объем демографических курсов в учебные планы подготовки социологов, учитывая существующие здесь объективные ограничения (количество учебных часов на непрофильные дисциплины, наличие профильных специалистов на непрофильных кафедрах, низкая «количественная грамотность» обучающихся на социологических специальностях и т.д.). Менее очевидная проблема — восприятие «демографической грамотности» в контексте профессиональной подготовки социологов: студентов учат работать с цифрами и посредством математических инструментов «видеть» за ними социальные реалии, но с цифрами в целом, а не только с демографическими показателями [10; 11]; учитывая низкую «демографическую грамотность» управленцев [2; 8] (работодателей выпускников социологических направлений), возникает вопрос, насколько востребованы будут социологи с серьезной демографической подготовкой.

Другой пример — соотношение количественного и качественного подходов в программах подготовки социологов. В отличие от западной образовательной модели, где качественный подход представлен значительно шире и вариативнее, российские программы ориентированы на подготовку «количественников» — теоретико-методологические основания и методические решения качественного подхода занимают в профильных дисциплинах скромное, если не сказать маргинальное, место. Данная ситуация вызывает вопросы по двум причинам: во-первых, «качественники» не менее, а, возможно, даже более востребованы рынком труда, особенно если молодые специалисты ориентированы на смежные с социологией направления (маркетинг, публик рилейшнз, управленческий консалтинг и т.д.) [9]; во-вторых, мало какие другие темы получили столь широкое освещение в социологическом научном и научно-публицистическом дискурсе, как «спор о методе» — о соотношении количественного и качественного подходов на уровне теории, методологии и практического использования в фундаментальных и прикладных исследованиях внутри- и междисциплинарного характера. Безусловно, в своем классическом формате этот «спор» завершен, и сегодня просто неприлично утверждать что-то иное, чем необходимость сочетания методик в интересах перекрестной валидации. Однако «маргинализация» качественного подхода в подготовке социологов приводит, в частности, к тому, что, судя по публикациям и отчетам, в лю-

бых ситуациях и для решения любых задач социологи и примкнувшие к ним используют глубинные интервью, что говорит о принципиальном непонимании сути данного крайне сложного метода.

Третий пример — однозначный консенсус профессионального сообщества относительно основы социологической компетентности — это сформированное/развитое социологическое воображение [5; 14], или доведенное почти до автоматизма сочетание макро- и микровидения социальной реальности, а также способность реконструировать такую «оптику» с помощью релевантного понятийно-категориального аппарата. Соответственно, задача социологического образования — помочь будущим специалистам развить социологическое воображение, но решать эту задачу педагогическому и академическому сообществу все сложнее по ряду объективных причин (хотя и без них это сложно формируемый аналитический навык [16–21]): возрастающая дифференциация узко профессиональных сфер с опорой на новые коммуникативные и программные технологии; клиповое мышление молодых поколений, утрачивающих навык медленного вдумчивого чтения; снижающееся число студентов, полностью вовлеченных в учебный процесс (не работающих и не увлеченных внеучебными занятиями больше, чем учебой); размывающийся в «соревновании» с интернетом авторитет преподавателя и т.д. [6].

С одной стороны, кризис социологического воображения обусловлен ренессансом оппозиции теоретическое — эмпирическое, которая в той или иной степени была преодолена в середине XX века в том смысле, что эмпирика была признана почти бессмысленной без внятных концептуализаций [22] (абстрактный эмпиризм у Миллса, сегодня гиперболизированный экономоцентризм на основе больших данных), а теоретические модели — почти бесполезными без четких эмпирических индикаторов (высокая теория у Миллса, сегодня — возрастающая автономизация разных по «качеству» теорий без попыток метатеоретического синтеза), поскольку иначе это не социология, а метафорика или самовоспроизводящаяся идеология и даже эсхатология [13].

С другой стороны, снижению «теоретической компетентности» студентов-социологов сегодня способствуют два обстоятельства, очевидные для преподавателей социологических дисциплин. Во-первых, низкая «философская грамотность» студентов старших курсов: те преподаватели, что обучались на социологических программах несколько десятилетий назад, помнят значительный объем философской литературы в рамках не одного философского курса, поэтому многие понятия теоретической социологии были им знакомы и понятны как заимствованные, уточненные и наполненные социологическим содержанием философские концепты. Сегодня этот философский блок социологической подготовки утрачен, хотя важен не только с профессиональной точки зрения.

В 2025 году на русском языке были изданы две книги о потенциале философии для жизни — профессиональной и личной. Первую, несмотря на ее минимальный по научным меркам объем и то, что это конспект лекций для абитуриентов, будет сложно читать студенту без философской подготовки. Философствование представлено здесь как постоянное вопрошание о том, «чего не хватает реальности, чтобы она сложилась в картину, и чего не хватает в картине, чтобы она стала реальной» [4. С. 13], и одновременно «скорбь о потерянной целостности/единстве/смысле» и «праксис — политический долг по отношению к миру» [4. С. 16, 17] (по сути, парафраз проблемы соотношения теории и эмпирии в социологии), а преподавание философии — как «труд, нерасторжимо объединяющий в себе вопрошание, учение и борьбу» [4. С. 11].

Вторая книга — научно-публицистическая и позиционирующая философствование как способ «найти опору в жизни и преодолеть симптомы внутреннего кризиса — тревогу, внутреннюю пустоту, зависимость от развлечений, потерю ориентиров, растерянность и одиночество... взглянув критически на такие аспекты современной жизни, как культ активности, стремление к новизне, постоянная нехватка времени и размывание границ между работой и отдыхом, чтобы увидеть, что ваше собственное счастье важнее “идеальной жизни”» [7. С. 4]. Книга описывает проблемы современной жизни с использованием «правильных» научных понятий и библиографических отсылок (в том социологических), но, конечно, речь идет не о философии в прямом смысле, а о необходимости постоянного глубокого размышления в безумно хаотичном мире. Обрести такой навык помогает убедительная авторская метафорика, способствующая развитию социологического воображения: «эмоциональная булимия», «ад однообразия», «актеры цифрового театра», «витальный рассудок», «гиперсовременный идиот», «педагогика удовольствия», «больные оптимизмом» и т.д. Необходимость философских занятий автор объясняет тем, что они учат сосредоточенности и специфической лексике, сопровождаются погружением в отвлеченные теории и требуют ясности изложения, подразумевают максимальное абстрагирование от реальности и строгий подход к анализу [7. С. 135].

Второе обстоятельство, способствующее снижению «теоретической компетентности» социологов, — особенности теоретического канона в нашей дисциплине. Как правило, студенты плохо осведомлены об истории отечественной социальной мысли, а курсы по русской социологии — редкость в программах профильной подготовки, как и специалисты в этой области. В то же время западный дискурс воспринимается как универсальный канон, критика в отношении которого если и возможна, то только как условие становления новых концептуальных направлений или только в мягком формате (как у Миллса в отношении макромодели Парсонса и эмпирицизма Лазарсфельда).

В 2025 году на русском языке было опубликовано критическое высказывание в адрес социальных наук, впервые изданное в 1972 году [1]. Метафорические конструкции обеспечивают тексту заявленный в аннотации «беспощадно критический» характер (Андрески считает свою книгу памфлетом по социологии незнания и трубным гласом, призванным сокрушить стены псевдонауки [1. С. 19]): в названии социальные науки обозначены как колдовство, и многие аспекты интеллектуальной деятельности их представителей определены в том же ключе — «дымовая завеса жаргона», «укрыва-тельство за методологией» (методологическое идолопоклонство/пуризм, механическое применение рутинных техник без особых умственных усилий), «квантификация как прикрытие», «идеология под терминологией» (скрытая пропаганда, маскирующаяся под науку), «болезненная страсть к жаргонизмам», «неразборчивый криптоконсерватизм» (слепая приверженность всему, что уже «сделано», внушаемая с помощью внешне вроде бы научных положений), «технототемизм и ползучий криптототалитаризм», «коррупциро-ванные цитадели науки» и т.д. Социального исследователя автор называет колдуном, если он, «обладая весьма приблизительными и неточными, в основном случайными и ориентировочными знаниями, при этом способен оказывать значительное влияние своими высказываниями... он изобретает небылицы, подкрепляющие то, что он говорит, и оправдывающие его положение в обществе» [1. С. 40] (сегодня многие медийные «популяризаторы» явно тяготеют к этому «колдовскому статусу»).

Нужно отдать автору должное — он выделяет типы «проблем, отягощающих исследование общества», отличая их от «препятствий, создаваемых страстями и корыстными интересами» [1. С. 21]: объективные — проистекающие из огромных и непреодолимых различий в величине, продолжительности жизни и силе между предметом и исследователем (в отличие от простоты и неизменности в естественных науках), всеобщая текучесть и подвижность человеческих отношений (люди реагируют на сказанное о них) и особенности исторической эпохи (любая наука может стать инструментом апологетики политического, экономического, колониального и любого иного режима/порядка); субъективные — личностные предпочтения и ценностные убеждения ученых, порождающие манипулятивные описания даже самых «нейтральных» феноменов, неизбежность контроля над производством и распространением знаний (в интересах «научной мафии», бюрократического или коммерческого клана/клики/племени), нормальное стремление к первенству, престижу и доходу и т.д. По сути, социологическое воображение Андрески определяет как способность «смотреть на свою социальную среду, скажем так, извне», без чего восприятие и, тем более, описание этой среды останется «эмоциональным и манипулятивным» [1. С. 134].

Видимо, поэтому, в отличие от Миллса, сосредоточившего критику на фигуре Парсонса, Андрески не забывает и Мертона, считая, что

он «оказал социологии более коварную медвежью услугу, чем Парсонс (главный пример темноты и непрозрачности, любитель туманного многословия, чья общая теория действия на самом деле состоит из невероятно тяжеловесных перефразировок достаточно очевидных вещей), поскольку Мертон, которому не свойственна циклопическая монументальность Парсонса, смог выхолостить предмет [функционализма], не впадая при этом в нелепость» [1. С. 76].

Андрески упоминает в критическом ключе и фокусировку социальных наук на количественных (или считающихся таковыми) аспектах в ущерб качественным «измерениям» и смыслам. Одну из причин такой фокусировки он видит в «отделении социальных наук от философии», хотя «в силу расплывчатости понятий и теорий специалисту по социальным наукам нужны навыки аналитического философа, если он хочет избежать логических и семантических ловушек... и распространения пустого многословия» [1. С. 159]. Другую причину — в «иллюзии, что, поскольку некоторые данные могут быть переведены в числовую форму и обработаны компьютерами, они наверняка важнее тех, что не подлежат измерению» [1. С. 169], но «требуется необычайная тупость, чтобы вообразить, будто можно понять человеческое поведение, забыв о природе контактов и наблюдая только их частоту (итог — псевдоматематические псевдоукрашательства, пустые математические заклинания, навязчивая увлеченность квантификацией/квантофренией)» [1. С. 180]. Грустный, но убедительный вывод таков: «Хотя эмоциональные и финансовые выгоды туманного многословия могут быть столь велики, что ничто не в состоянии их перевесить, темный жаргон, вероятно не распространился бы с той же легкостью, если бы курс по логическому анализу был обязательным условием изучения социальных наук. Но философию выкинули из программы социологического и политологического образования твердолобые, но безмозглые поклонники сциентизма» (и защитники официальной идеологии) [1. С. 285–286].

Несмотря на мощный критический запал повествования, Андрески выдерживает требования научной объективности, признавая наличие буквально в каждой упоминаемой теории разумного начала и показывая, как именно и почему любой «инструмент развития знаний может приобрести характер псевдонаучной криптопропаганды (выродиться)» [1. С. 75]. Кроме того, избыточная оценочность и нехарактерные для научного дискурса эпитеты (нередко на грани анекдота, если не фола) заставят читателя задуматься об оправданности свержения общепризнанных авторитетов, а значит, послужат развитию критического мышления (в отношении теоретического канона), социологического воображения (в том числе применительно к своему профессиональному сообществу) и, возможно, чувства юмора — «надежного показателя ценности ученого, занимающегося социальными науками, как

наблюдателя человеческих реалий [в том числе в своей науке], если только он не бесчестен, ленив или равнодушен» [1. С. 121].

Впрочем, чувство юмора — «компетенция» явно опциональная, раз даже «суждения Вебера об актуальных событиях, хотя он был лишен юмора, были достаточно трезвыми» [1. С. 121]. Что ж, тогда и мы «так или иначе не будем отчаиваться» [1. С. 20].

Библиографический список

1. *Андрески С.* Социальные науки как колдовство. М., 2025.
2. *Вишневский А.Г.* Демографический переход и демографическая грамотность // *Общественные науки и современность.* 2018. № 4.
3. *Зборовский Г.Е., Шуклина Е.А.* Социологическое образование в России: поиск новых моделей // *Социологические исследования.* 2019. № 10.
4. *Лиотар Ж.-Б.* Зачем философствовать? Четыре лекции, прочитанным студентам подготовительных курсов Сорбонны в октябре — ноябре 1964 года. СПб., 2025.
5. *Миллс Ч.Р.* Социологическое воображение. М., 2001.
6. *Радаев В.* Преподавание в кризисе. М., 2023.
7. *Руис Х.К.* Философия как лекарство от уныния, тревоги и чувства внутренней пустоты. М., 2025.
8. *Рыбаковский Л.Л.* Демографическое образование: потребности и реалии // *Народонаселение.* 2020. № 2.
9. *Скворцов Н.Г., Асочаков Ю.В.* Социолог: образование и профессиональные траектории // *Социологические исследования.* 2022. № 3.
10. *Татарова Г.Г., Бабич Н.С., Бессокирная Г.П., Кученкова А.В.* Типологический анализ в социологии как диагностическая процедура. М., 2023.
11. *Толстова Ю.Н.* Математика в социологии: стереотипы и реальность // *Социология: 4М.* 2021. № 52.
12. *Тощенко Ж.Т.* О парадоксах и проблемах подготовки социологов // *Социологические исследования.* 2018. № 8.
13. *Шнирельман В.А.* Удерживающий. От Апокалипсиса к конспирологии. М.; СПб., 2022.
14. *Штомка П.* Теоретическая социология и социологическое воображение // *Социологический журнал.* 2001. № 1.
15. *Шуклина Е.А.* Практико-ориентированная подготовка социологов: проблемы и перспективы // *Высшее образование в России.* 2020. Т. 29. № 5.
16. *Bidwell L.D.M.* Helping students develop a sociological imagination through innovative writing // *Teaching Sociology.* 1995. Vol. 23. No. 4.
17. *Dandaneau S.P.* Sisyphus had it easy: Reflections on two decades of teaching the sociological imagination // *Teaching Sociology.* 2009. Vol. 37. No. 1.
18. *Eckstein R., Schoenike R., Kevin D.* The voice of sociology: Obstacles to teaching and learning the sociological imagination // *Teaching Sociology.* 1995. Vol. 23. No. 4.
19. *Hironimus-Wendt R.J., Wallace L.E.* The sociological imagination and social responsibility // *Teaching Sociology.* 2009. Vol. 37. No. 1.
20. *Hoop K.C.* Students' lived experiences as text in teaching the sociological imagination // *Teaching Sociology.* 2009. Vol. 37. No. 1.
21. *Kain E.L.* Building the sociological imagination through a cumulative curriculum: Professional socialization in sociology // *Teaching Sociology.* 1999. Vol. 27. No. 1.
22. *O'Neill C.* Weapons of Math Destruction: How Big Data Increases Inequality and Threatens Democracy. New York, 2016.

General and specific, qualitative and quantitative, demographic and philosophical aspects in discussions about Russian sociological education*

I.V. Trotsuk

RUDN University,

Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

National Research University Higher School of Economics,

Myasnitskaya St., 20, Moscow, 101000, Russia

(e-mail: irina.trotsuk@yandex.ru)

Abstract. The article identifies two main “dimensions” of current discussions about the content, quality, and results of sociological training in Russian universities. First, a macro- and interdisciplinary discourse on general trends in the development of higher education under regional, national, and global challenges, such as the contradiction between traditional (classical, fundamental-value) and modernization (personal- and practice-oriented) paradigms, which in sociological training determines a shift towards applied research. Second, an intradisciplinary discourse shaped by a multitude of problem areas with varying levels of consensus in the academic community. The article provides examples of such areas: the inclusion of social-demographic competencies in the curricula for sociologists (“demographic literacy”); the ratio of qualitative and quantitative approaches in methodological courses (“marginal status” of qualitative approach in fundamental research and its dominance in applied non-sociological fields); the basis of sociological competence (sociological imagination) and the increasing complexity of its development due to a growing number of obstacles to acquiring “theoretical competence”. These difficulties are determined by two factors: low “philosophical competence” of senior sociology students (although the importance of philosophizing for professional and everyday well-being is emphasized in the latest scientific and popular science works); features of the theoretical canon in sociology (fragmentary presentation of the Russian tradition and the uncritical perception of the Western tradition). In conclusion, the author mentions some ideas of S. Andreski’s book recently translated into Russian: the book contains sharp criticism of social sciences (witchcraft), and its main directions reproduce the core of the discussions about sociological education and science (especially the fascination with quantification and terminology and the rejection of philosophy).

Key words: sociological science; sociological education; traditional/classical and modernization paradigms; academic community; competencies and knowledge; qualitative and quantitative approaches; philosophical competence; sociological imagination; theoretical canon

For citation: Trotsuk I.V. General and specific, qualitative and quantitative, demographic and philosophical aspects in discussions about Russian sociological education. *RUDN Journal of Sociology*. 2026; 26 (1): 98–107. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-1-98-107> EDN: QUYDLE

*© I.V. Trotsuk, 2026

The article was submitted on 01.12.2025. The article was accepted on 15.01.2026.

References

1. Andreski S. *Sotsialnye nauki kak koldovstvo* [Social Sciences as Sorcery]. Moscow; 2025. (In Russ.).
2. Vishnevsky A.G. Demografichesky perekhod i demograficheskaya gramotnost [Demographic transition and demographic literacy]. *Obshhestvennye Nauki i Sovremennost*. 2018; 4. (In Russ.).
3. Zborovsky G.E., Shuklina E.A. Sotsiologicheskoe obrazovanie v Rossii: poisk novykh modelej [Sociological education in Russia: In search of new models]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2019; 10. (In Russ.).
4. Lyotard J.-V. *Zachem filosofstvovat? Chetyre leksii, pročitannye studentam podgotovitelnykh kursov Sorbonny v oktyabre — noyabre 1964 goda* [Why Philosophize? Four Lectures Given to First-Year Students at the Sorbonne in October–November 1964]. Saint Petersburg; 2025. (In Russ.).
5. Mills C.W. *Sotsiologicheskoe vobrazhenie* [The Sociological Imagination]. Moscow; 2001. (In Russ.).
6. Radaev V. *Prepodavanie v krizise* [Teaching in Crisis]. Moscow; 2023. (In Russ.).
7. Ruis J.K. *Filosofiya kak lekarstvo ot unyniya, trevogi i chuvstva vnutrenney pustoty* [Philosophy as a Cure for Depression, Anxiety, and the Feeling of Inner Emptiness]. Moscow; 2025. (In Russ.).
8. Rybakovsky L.L. Demograficheskoe obrazovanie: potrebnosti i realii [Demographic education: Needs and realities]. *Narodonaselenie*. 2020; 2. (In Russ.).
9. Skvortsov N.G., Asochakov Yu.V. Sotsiolog: obrazovanie i professionalnye traektorii [Sociologist: Education and professional trajectories]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2022; 3. (In Russ.).
10. Tatarova G.G., Babich N.S., Bessokirnaya G.P., Kuchenkova A.V. *Tipologichesky analiz v sotsiologii kak diagnosticheskaya protsedura* [Typological Analysis in Sociology as a Diagnostic Procedure]. Moscow; 2023. (In Russ.).
11. Tolstova Yu.N. Matematika v sotsiologii: stereotipy i realnost [Mathematics in sociology: Stereotypes and reality]. *Sotsiologiya: 4M*. 2021; 52. (In Russ.).
12. Toshchenko Zh.T. O paradokсах i problemah podgotovki sotsiologov [On paradoxes and challenges in training sociologists]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2018; 8. (In Russ.).
13. Shnirelman V.A. *Uderzhivayushchy. Ot Apokalipsisa k konspirologii* [Katechon. From Apocalypse to Conspiracy Theories]. Moscow; Saint Petersburg; 2022. (In Russ.).
14. Sztomka P. Teoreticheskaya sotsiologiya i sotsiologicheskoe vobrazhenie [Theoretical sociology and sociological imagination]. *Sotsiologichesky Zhurnal*. 2001; 1. (In Russ.).
15. Shuklina E.A. Praktiko-orientirovannaya podgotovka sotsiologov: problemy i perspektivy [Practice-oriented training of sociologists: Problems and prospects]. *Vysshee Obrazovanie v Rossii*. 2020; 29 (5). (In Russ.).
16. Bidwell L.D.M. Helping students develop a sociological imagination through innovative writing. *Teaching Sociology*. 1995; 23 (4).
17. Dandaneau S.P. Sisyphus had it easy: Reflections on two decades of teaching the sociological imagination. *Teaching Sociology*. 2009; 37 (1).
18. Eckstein R., Schoenike R., Kevin D. The voice of sociology: Obstacles to teaching and learning the sociological imagination. *Teaching Sociology*. 1995; 23 (4).
19. Hironimus-Wendt R.J., Wallace L.E. The sociological imagination and social responsibility. *Teaching Sociology*. 2009; 37 (1).
20. Hoop K.C. Students' lived experiences as text in teaching the sociological imagination. *Teaching Sociology*. 2009; 37 (1).
21. Kain E.L. Building the sociological imagination through a cumulative curriculum: Professional socialization in sociology. *Teaching Sociology*. 1999; 27 (1).
22. O'Neill C. *Weapons of Math Destruction: How Big Data Increases Inequality and Threatens Democracy*. New York; 2016.

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-1-108-117

EDN: QRSAUT

Социологическое образование в России: методологические вызовы и практические ориентиры реформирования*

Н.Н. Мещерякова

Российский государственный гуманитарный университет,
Миусская пл., 6, Москва, 125047, Россия

(e-mail: natalia.tib@mail.ru)

Аннотация. Статья посвящена анализу современного состояния и перспектив реформирования социологического образования в России. Отталкиваясь от вопроса о востребованности социологов в административной элите, автор проводит сравнительный анализ социологического подхода со смежными дисциплинами — системотехникой и экономической кибернетикой, выявляя его уникальные преимущества, связанные с работой со смыслами, ценностями и неформальными связями в человекообразных системах. В статье обозначены ключевые вызовы, стоящие перед социологическим образованием, включая кризис магистратуры, цифровизацию и необходимость формирования новых практико-ориентированных компетенций. На основе проведенного анализа предложены конкретные направления реформирования в целях укрепления методологического ядра социологии через его интеграцию с современными цифровыми и междисциплинарными подходами. Сделан вывод, что сохранение баланса между фундаментальностью «социологического воображения» и прикладной ориентацией — стратегическая задача подготовки социологов-профессионалов, способных выполнять роль «переводчиков» и «диагностов» сложных социальных процессов.

Ключевые слова: социологическое образование; системное мышление; методология социологии; цифровизация; большие данные; социологическое воображение; человекообразные системы; междисциплинарность

Для цитирования: Мещерякова Н.Н. Социологическое образование в России: методологические вызовы и практические ориентиры реформирования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2026. Т. 26. № 1. С. 108–117. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-1-108-117> EDN: QRSAUT

Кто такой социолог-профессионал, которого готовят в учебных заведениях России, — это ученый и эксперт, который с помощью научных методов изучает общество, социальные институты, группы и взаимодействия.

*© Мещерякова Н.Н., 2026

Статья поступила в редакцию 10.12.2025. Статья принята к публикации 15.01.2026.

В первую очередь он «диагност» общества, который обнаруживает скрытые социальные закономерности, структуры и причины, во вторую очередь — «переводчик» для общества и власти/бизнеса. Одна из ключевых функций профессионального социолога — интерпретировать сложные социальные процессы для принятия эффективных решений. Основная прикладная направленность социологии — управленческая, так как она предоставляет органам власти, бизнесу и общественным институтам научно обоснованные данные и рекомендации для принятия эффективных решений и оптимизации процессов управления.

В Правительстве Российской Федерации на настоящий момент два члена из 31 имеют социологическое образование. Что есть такого в социологическом образовании, что определяет востребованность его обладателей, в том числе, в административной элите? И какие компетенции, актуальные сегодня в экономике, управлении и общественной жизни, необходимо учесть при его реформировании? Ниже представлены ответы на эти вопросы.

Преимущества социологии

В Правительстве России традиционно много юристов и экономистов — сегодня это 13 членов. Тенденция к увеличению в российской политической и административной элите представителей этих профессий неоднократно отмечалась социологами [2; 5]. Необходимость перевода экономики на рыночные рельсы и кодификации новых правил социальных отношений определяют этот тренд конца XX — начала XXI века. Однако в составе второго правительства М. Мишустина, помимо социологов, есть два системотехника, включая его самого, а также два представителя экономической кибернетики.

Системотехника — советская калька с системной инженерии, междисциплинарной области, которая фокусируется на том, как проектировать, интегрировать и управлять сложными системами на протяжении их жизненного цикла. По сути, системная инженерия использует принципы системного мышления, и индивидуальный результат таких усилий — спроектированная система — может быть определен как комбинация компонентов, которые работают в синергии для совместного выполнения полезной функции. Процесс системного проектирования — поиск, который должен начинаться с выявления реальных проблем и наиболее вероятных или вызывающих наибольшие последствия потенциальных рисков — не только технического, но и организационно-управленческого характера [3].

Первая в СССР кафедра, на которой готовили специалистов по системной инженерии, была организована в Московском энергетическом институте (МЭИ) в 1969 году, однако при переводе термина с английского языка было утрачено не только первоначальное название (системную инженерию заменили на системотехнику), но и изначальный междисциплинарный смысл —

направление превратилось со временем в узкое понятие из области АСУ (автоматизированных систем управления).

В том же 1969 году в Московском инженерно-экономическом институте (МИЭИ) была создана кафедра экономической кибернетики. Это междисциплинарная наука об управлении сложными иерархическими социально-экономическими системами, методологическим ядром которой также является системный анализ. Ее ключевые задачи включают согласование целей через их декомпозицию с использованием графов целей, противодействие энтропии и неопределенности за счет оптимизации информационных потоков, контроль и корректирующее управление на основе комплексных и интегральных оценок системы и ее подсистем. Все эти элементы находят практическое воплощение в кибернетических моделях, которые служат полигоном для анализа, прогнозирования и поиска оптимальных траекторий развития в условиях постоянно меняющейся среды.

В 1960-е годы теория систем набирала сторонников в самых разных областях знаний, в том числе в Советском Союзе. Свой вклад внес А. Богданов в «Тектологии», Г. Щедровицкий, В. Лекторский и др. Тогда же был поставлен вопрос о методологическом изоморфизме естественнонаучного и социально-гуманитарного знания, который не решен до сих пор и только усложняется в современную цифровую эпоху, поскольку субъектами социальных процессов становятся не только люди [1].

В Правительстве России Председатель — системотехник по образованию, первый заместитель Председателя — социолог, еще два заместителя — системотехник и экономический кибернетик. Что объединяет три типа образования: объект их профессиональной деятельности — сложные саморегулирующиеся и саморазвивающиеся системы, подходы к изучению и воздействию — междисциплинарные и гибридные (сочетание технологий и социологического мышления), исследуемые системы — человекоразмерные (человек — не внешний наблюдатель, а их часть).

В дискуссии 2018 года между В.С. Степиным и Н.М. Смирновой, развернувшейся на страницах «Философского журнала», ее участники пришли к выводу, что вопрос о методологическом изоморфизме не имеет однозначного ответа. Общее ядро научности существует, но специфика социально-гуманитарного знания сохраняется благодаря смысловой природе социальной реальности. В условиях постнеклассической науки происходит конвергенция методов, но не их полное слияние, что требует дальнейшего углубленного анализа и развития методологии, способной работать со сложностью, уникальностью и ценностной нагруженностью изучаемых объектов [9].

Социология как наука обладает рядом преимуществ даже перед системной инженерией и экономической кибернетикой (табл. 1).

Сравнение технократического и социологического подхода к системе

Критерий	Системотехника/ экономическая кибернетика	Социология
Объект	Формальные системы, потоки, алгоритмы	Люди, системы их отношений, смыслы, ценности
Ключевой вопрос	«Как система работает/должна работать?»	«Почему люди в системе действуют именно так?»
Подход к данным	Количественный, объективные параметры	Сочетание количественных и качественных методов
Отношение к «человеческому фактору»	Источник «шума» или отклонения от модели	Центральный элемент системы
Тип связей	Формальные, предписанные	Неформальные, латентные, сетевые
Основной результат	Алгоритмы, модели, формальные процедуры	Смыслы, интерпретации, концепции, теории

С одной стороны, для социологии также характерно системное мышление: социолог видит общество как сложную систему, где все элементы (экономика, политика, духовная жизнь, социальная структура) взаимосвязаны. Это ключевое качество для ученого и управленца — понимать, как решение в одной сфере (например, промышленная политика) отзовется в других (рынок труда, образование, социальная стабильность). Но только социология, опираясь на свои методы познания, способна обозначить смысловую и ценностную составляющие человекообразных систем.

Алгоритм — это предписание, однозначная последовательность действий для достижения цели, он направлен на унификацию, устранение неопределенности и получение гарантированного результата в заданных условиях, его сила — в повторяемости. Алгоритмический порядок действий, безусловно, наблюдается и в социальных отношениях, например, алгоритм обработки заявления в банке, Центре государственных услуг и др. Смысл — это интерпретация, раскрытие логики и значения социальных действий, он не предписывает, а объясняет, его сила — в способности работать с многозначностью, противоречиями и уникальностью человеческого поведения. Алгоритм и смысл — два фундаментальных способа мышления, применимых к любой сложной системе (будь то компания, город или общество), два типа рациональности. Технократ видит систему как машину, которую нужно настроить, социолог видит ее как организм, который необходимо понять. Успешное управление сложной системой требует интеграции двух подходов.

Социология изучает социальные группы, их интересы, ценности и модели поведения, понимает, как найти баланс между интересами разных групп (бизнес, государственные служащие, население), минимизировать со-

циальные конфликты и выстроить эффективную коммуникацию. Социологи умеют скептически относиться к поверхностным объяснениям, проверять источники, видеть манипуляцию в данных и СМИ, что необходимо для принятия взвешенных решений в условиях информационного шума. На основе анализа трендов социологи строят сценарии возможного развития событий, а само понимание возможных негативных сценариев ведет к переопределению ситуации.

Для нужд государственного управления социология способна предоставить: инструмент диагностики — выявление реальных, а не кажущихся проблем общества (уровень бедности, миграционные настроения, доверие к институтам); оценки эффективности политики — как государственные программы (материнского капитала, поддержки малого бизнеса) работают на практике; прогноз рисков — предсказание социальной напряженности, протестных настроений, реакции общества на реформы; инструмент легитимации решений — обоснование управленческих шагов перед обществом, опираясь не на интуицию, а на данные.

Вызовы и перспективы современной социологии

Социология как образовательная программа сталкивается в последние десятилетия с определенными вызовами. Первый связан с Болонской системой, при переходе на которую учебные заведения были вынуждены разбить подготовку на два этапа — бакалавриат и магистратуру. В результате первая ступень стала более прагматичной и, по сути, ориентированной на подготовку полстеров. Это было бы не страшно, если бы в магистратуре, на более продвинутом этапе образования, продолжалось развитие системного мышления, способности к проведению социально-этической экспертизы с учетом ценностно-целевых структур. Но магистратуре не удалось стать в России таким продвинутым звеном: избыточность бюджетных мест не дает возможности отбора студентов с наивысшей академической успеваемостью [4], жесткие правила приводят к поступлению в магистратуру бакалавров непрофильной подготовки, которых приходится переучивать [8]; работодатели ждут от магистратуры развития «мягких» навыков, а не системного мышления [6. С. 66]. Российская магистратура находится в состоянии неопределенности относительно своей роли и миссии в системе высшего образования. Взгляды на то, чем она должна быть, противоречивы — ступень для подготовки ученых, узкоспециализированной профессиональной переподготовкой или формирования универсальных компетенций [7].

Еще один вызов для современных социологов — цифровизация. Ожидается, что в цифровом обществе они станут data scientists (специалистами по обработке данных), принимать data-driven decisions (решения, основанные на данных) и программировать на Python. Безусловно, современному социологу необходимо знание методов работы с цифровыми следами — ана-

лиз больших данных в реальном времени позволяет быстрее, а иногда и точнее диагностировать проблемы. Но есть ли необходимость овладевать машинным обучением и правилами выстраивания отношений с искусственным интеллектом? На эти вопросы необходимо ответить, модернизируя учебные программы. Вместе с тем цифровизация — это не только вызовы, но и новые возможности. В то время как генеральный директор ВЦИОМ говорит о нежелании россиян участвовать в опросах, цифровая социология значительно расширила перспективы контент-анализа и сетевого-анализа, проводя исследования быстрее, дешевле, бесконтактными методами и в условиях реального времени, и таким инструментам социолога, конечно, надо обучать.

В 2007 году в Великобритании было проведено большое мониторинговое обследование социально-классовой структуры. Его отличием от предыдущих волн было то, что опросные листы впервые были размещены онлайн. Участие в опросе приняли 7 миллионов человек, ученые не только получили распределения ответов на вопросы, что позволило реконструировать семиклассовую структуру общества, но и смогли зафиксировать время, которое респонденты выбирали для заполнения анкет, установив, в какое время те или иные классы «сверхпредставлены» в Сети: раньше всех просыпается прекариат, следующей, как ни удивительно, элита — уже в 6 утра, а в более привычные для нас утренние часы встает средний класс, т.е. исследователи выявили косвенный признак принадлежности к тому или иному классу [11].

Вместе с тем Big Data из коммерческих платформ — не замена традиционным репрезентативным опросам (у которых тоже есть свои проблемы), а лишь один из источников данных, который требует критического осмысления и постоянной проверки на предмет смещений, предвзятости и ложных корреляций. Хорошо известна история с Google Flu Trends (GFT): сначала было заявлено, что по запросам в интернете можно точнее и раньше, чем неповоротливая медицинская статистика, предсказывать начало эпидемий, но в 2013 году ошибка предсказания пика эпидемии составила 140 % [13]. Причина — непрозрачная методика анализа данных, отсутствие математической модели в ее основе, построение корреляций между случайными величинами без экспертного анализа их возможных соотношений. Другой пример — выборы президента США в 2016 году: по данным социологов, в том числе из социальных сетей, казалось, что Х. Клинтон имеет подавляющее преимущество, но это была иллюзия «пузыря фильтров». Данные были объективны, но описывали лишь часть социальной реальности. Статистика из социальных сетей (запрещенных сегодня в Российской Федерации) отражала настроения активной, урбанизированной, либерально настроенной части населения и медиа-класса [12. С. 85–86], тогда как реальное общественное мнение было гораздо более сложным и включало «молчаливое большинство» в штатах «ржавого пояса», которое не было активно

онлайн, в публичном политическом дискурсе, но пришло на избирательные участки. Провал 2016 года был провалом не «больших данных», а методологии. Считать, что «большие данные» говорят сами за себя, — заблуждение. Ключевая задача социолога — не просто анализировать данные, а критически оценивать их источник, природу и ограничения, постоянно комбинируя их с традиционными методами (опросы, интервью, наблюдение) для верификации и, что самое главное, для понимания смысла стоящих за цифрами социальных процессов.

Вместе с тем современная экономика, управление и общественная жизнь требуют от социологов не только фундаментальных знаний, но и новых, более практико-ориентированных и междисциплинарных навыков: так, альянс с маркетологами предполагает способность проводить UX-исследования («пользовательского опыта»), социологи способствуют и решению управленческих вопросов, предлагая методологию оценки эффективности государственных программ и анализа корпоративной культуры. Важно умение не просто написать длинный отчет, а ясно, кратко и наглядно (дашборды, инфографика) донести идеи до заказчика, который может не быть специалистом в социологии (топ-менеджер, министр). Кроме того, современные исследования — это почти всегда командная работа с жесткими сроками, поэтому необходимы навыки проектного управления — постановка задач, тайм-менеджмент, бюджетирование, координация работы аналитиков, программистов и анкетеров. Реальные проблемы не укладываются в рамки одной дисциплины: социолог, понимающий основы экономики и IT, будет гораздо эффективнее и востребованнее. Как совместить все это в одной образовательной программе и сколько лет она должна занимать — вопрос для организационного и методологического дискурса.

Социологическое образование формирует уникальный набор навыков и особый тип мышления, который можно назвать «социологическим воображением». Отдавая дань уважения Ч.Р. Миллсу, предложившему это понятие, приведем определение П. Штомпки: «Социологическое воображение — это способность распознавать и чувствовать взаимосвязь всего, что происходит в социальной жизни, со всеми структурными, культурными и историческими условиями и предпосылками, а также с действиями, предпринимаемыми в этих условиях отдельными или коллективными социальными субъектами, образующими в конечном итоге социум (общество) во всей его сложности и многосторонности» [10. С. 35–36].

Чтобы сохранить свою уникальную ценность и усилить позиции на рынке труда и в структурах власти, социологическое образование может быть реформировано по следующим ключевым направлениям: во-первых, позиционирование социологии как «науки о смыслах» для управления сложно-

стью. Именно социология, с ее фокусом на ценностях, неформальных связях и интерпретациях, — ключевой поставщик «социального интеллекта» для принятия решений. Выпускник-социолог — не просто полстер, а архитектор социального понимания, способный переводить запросы власти и бизнеса на язык исследовательских программ и интерпретировать полученные данные в контексте долгосрочных трендов и ценностных структур. Во-вторых, сохранение методологического суверенитета в цифровую эпоху. Ключевой компетенцией социолога будущего должна стать не просто техническая работа с Big Data, а «методологическая рефлексия» — способность критически оценивать происхождение, ограничения и смещения в данных любого типа. Учебные программы должны воспитывать не «техников», а «критических интерпретаторов», которые комбинируют цифровые следы с традиционными методами для верификации и раскрытия смыслов.

Таким образом, реформирование социологического образования — это не тактическая корректировка учебных планов, а стратегическая инвестиция в новый тип управленческого мышления. Усиление его фундаментального ядра через интеграцию с другими дисциплинами и адаптацию к цифровой реальности позволит готовить специалистов, способных не только диагностировать социальные проблемы, но и проектировать устойчивые и легитимные решения для сложных человекообразных систем. Будущее социологии — не в растворении в data science, а в укреплении своей уникальной идентичности, основанной на «социологическом воображении» и подкрепленной современными аналитическими инструментами.

Библиографический список

1. *Игнатьев В.И.* Проблема техносубъекта: о субъектности «сущностей-конструкторов» // Идеи и идеалы. 2021. Т. 13. № 1. Ч. 1.
2. *Колесник Н.В.* Образовательные траектории российской элиты: региональная проекция // Мир России. 2019. Т. 28. № 4.
3. *Корягин С.И., Клачек П.М., Лизоркина О.А.* Интеллектуальная системотехника. Калининград, 2015.
4. *Кравченко С.А.* Тернистый путь суверенизации отечественной социологии: история, современность, перспективы // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 2.
5. *Крыштановская О., Мещерякова Н.* Профессиональное становление и политическая карьера в России // *Ars Administrandi*. 2024. Т. 16. № 4.
6. *Магистратура в России: тенденции, противоречия и перспективы развития / Т.Е. Хавенсон, А.Э. Корчак, А.Ф. Реута, М.В. Озерова.* М., 2025.
7. *Петрова О.В., Чепюк О.Р., Макарова С.Д. и др.* Российская магистратура будущего: четыре траектории развития // Высшее образование в России. 2021. Т. 30. № 8–9.
8. *Сенашенко В.С., Пыхтина Н.А.* Преемственность бакалавриата и магистратуры: некоторые ключевые проблемы // Высшее образование в России. 2017. № 12.
9. *Степин В.С., Смирнова Н.М., Синеокая Ю.В.* Существуют ли методологический изоморфизм естественнонаучного и социально-гуманитарного знания? // *Философский журнал*. 2018. Т. 11. № 3.
10. *Штомпка П.* Социология. Анализ современного общества. М., 2005.

11. *Burrows R., Savage M.* After the crisis? Big Data and the methodological challenges of empirical sociology // *Big Data & Society*. 2014. Vol. 1. No. 1.
12. *Jungherr F., Rivero G., Gayo-Avello D.* Retooling Politics: How Digital Media Are Shaping Democracy. Cambridge University Press, 2020.
13. *Lazer D., Kennedy R., King G., Vespignani A.* The parable of Google Flu: Traps in Big Data analysis // *Science*. 2014. Vol. 343. No. 6176.

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-1-108-117

EDN: QRSAUT

Sociological education in Russia: Methodological challenges and practical guidelines for reform*

N.N. Meshcheryakova

Russian State University for the Humanities,
Miusskaya Sq. 6, Moscow, 125047, Russia

(e-mail: natalia.tib@mail.ru)

Abstract. This article considers the current state and prospects for reforming sociological education in Russia. Based on the question of the administrative elite’s demand for sociologists, the author conducts a comparative analysis of the sociological approach with related disciplines — systems engineering and economic cybernetics — to show unique advantages of sociology associated with working with meanings, values, and informal connections in human-dimensional systems. The article identifies key challenges sociological education faces, including the crisis of master’s programs, digitalization, and the need to develop new practice-oriented competencies. Based on this analysis, the author proposes specific directions for reform to strengthen the methodological core of sociology through its integration with new digital and interdisciplinary approaches and makes a conclusion that maintaining a balance between the fundamental nature of “sociological imagination” and an applied orientation is a strategic task for training professional sociologists as “translators” and “diagnosticians” for complex social processes.

Key words: sociological education; systems thinking; sociological methodology; digitalization; Big Data; sociological imagination; human-dimensional systems; interdisciplinarity

For citation: Meshcheryakova N.N. Sociological education in Russia: Methodological challenges and practical guidelines for reform. *RUDN Journal of Sociology*. 2026; 26 (1): 108–117. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-1-108-117> EDN: QRSAUT

References

1. Ignatiev V.I. Problema tekhnosub`ekta: o sub`ektnosti “sushchnostey-konstruktorov” [The problem of the techno-subject: On the agency of “constructor-entities”]. *Idei i idealy*. 2021; 13 (1–1). (In Russ.).

*© N.N. Meshcheryakova, 2026

The article was submitted on 10.12.2025. The article was accepted on 15.01.2026.

2. Kolesnik N.V. *Obrazovatelnye traektorii rossiyskoy elity: regionalnaya proektsiya* [Educational trajectories of the Russian elite: A regional projection]. *Mir Rossii*. 2019; 28 (4). (In Russ.).
3. Koryagin S.I., Klachek P.M., Lizorkina O.A. *Intellektualnaya sistemotekhnika* [Intellectual System Engineering]. Kaliningrad; 2015. (In Russ.).
4. Kravchenko S.A. *Termisty put suverenizatsii otechestvennoy sotsiologii: istoriya, sovremennost, perspektivy* [The thorny path of the Russian sociology sovereignty: History, the present time and prospects]. *RUDN Journal of Sociology*. 2025; 25 (2). (In Russ.).
5. Kryshchanovskaya O., Meshcheryakova N. *Professionalnoe stanovlenie i politicheskaya karyera v Rossii* [Professional development and political career in Russia]. *Ars Administrandi*. 2024; 16 (4). (In Russ.).
6. Khavenson T.E., Korchak A.E., Reuta A.F., Ozerova M.V. *Magistratura v Rossii: tendentsii, protivorechiya i perspektivy razvitiya* [Master's Programs in Russia: Trends, Contradictions and Prospects]. Moscow; 2025. (In Russ.).
7. Petrova O.V., Chepyuk O.R., Makarova S.D. et al. *Rossiyskaya magistratura budushchego: chetyre traektorii razvitiya* [Russian Master's Programs of the future: Four development trajectories]. *Vyshee Obrazovanie v Rossii*. 2021; 30 (8–9). (In Russ.).
8. Senashenko V.S., Pykhtina N.A. *Preemstvennost bakalavriata i magistratury: nekotorye klyuchevye problemy* [Continuity between Bachelor's and Master's Programs: Some key Challenges]. *Vyshee Obrazovanie v Rossii*. 2017; 12. (In Russ.).
9. Stepin V.S., Smirnova N.M., Sineokaya Yu.V. *Sushchestvuet li metodologichesky izomorfizm estestvennonauchnogo i sotsialno-gumanitarnogo znaniya?* [Is there methodological isomorphism between natural sciences and social-humanitarian knowledge?]. *Filosofsky Zhurnal*. 2018; 11 (3). (In Russ.).
10. Sztompka P. *Sotsiologiya. Analiz sovremennogo obshchestva* [Sociology: Analysis of Modern Society]. Moscow; 2005. (In Russ.).
11. Burrows R., Savage M. *After the crisis? Big Data and the methodological challenges of empirical sociology*. *Big Data & Society*. 2014; 1 (1).
12. Jungherr F., Rivero G., Gayo-Avello D. *Retooling Politics: How Digital Media Are Shaping Democracy*. Cambridge University Press; 2020.
13. Lazer D., Kennedy R., King G., Vespignani A. *The parable of Google Flu: Traps in Big Data analysis*. *Science*. 2014; 343 (6176).

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-1-118-129

EDN: QPRHFI

Профессиональная идентичность социолога: роль преподавателя в современных условиях развития высшего образования*

Проказина Н.В

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ленинградский просп., 49/2, Москва, 125167, Россия

(e-mail: nvprokazina@mail.ru)

Аннотация. Профессиональная идентичность социолога формируется в условиях цифровой трансформации высшего образования, возрастания требований к междисциплинарным компетенциям и изменяющегося ландшафта профессий. В статье рассмотрены особенности формирования профессиональной идентичности социолога в этих условиях и обозначена роль преподавателя в идентификационных процессах. Методологическая основа исследования — социокультурный и институциональный подходы к анализу профессиональной идентичности, дополненные качественным подходом и элементами вторичного анализа. Эмпирическая база — опубликованные интервью с преподавателями вузов, данные о профессиональной идентичности студентов-социологов, исследования цифровой трансформации российского образования и профессиональной идентичности молодых специалистов. Автор полагает, что ключевой проблемой для профессиональной идентичности социолога становится несогласованность традиционного представления о профессии с новыми требованиями, обусловленными цифровизацией и меняющимся ландшафтом профессий. Профессиональная идентичность социолога формируется не автоматически, она требует системной целенаправленной работы студента, преподавателя и профессионального сообщества. В модели профессиональной идентичности социолога выделены три ключевых компонента: социологическое воображение, цифровые компетенции и этическое сознание. Преподаватель в формировании профессиональной идентичности социолога выполняет функции носителя профессиональной культуры, наставника, медиатора между академическим и профессиональным полями. Сегодня задачи преподавателя кардинально меняются — он должен стать архитектором профессиональных траекторий, наставником, который помогает обрести профессиональное призвание. В условиях цифровой трансформации все эти роли преподавателя усложняются в связи с необходимостью действовать в гибридных форматах.

Ключевые слова: профессиональная идентичность; социологическое образование; цифровая трансформация; научное наставничество; профессиональное сообщество; академическая культура; высшее образование

*© Проказина Н.В., 2026

Статья поступила в редакцию 14.12.2025. Статья принята к публикации 15.01.2026.

Для цитирования: Проказина Н.В. Профессиональная идентичность социолога: роль преподавателя в современных условиях развития высшего образования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2026. Т. 26. № 1. С. 118–129. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-1-118-129> EDN: QPRHFI

В последнее время наблюдается рост ожиданий в отношении социологов как экспертов в трактовке социальных процессов и изменений, но также усиливается кризис их профессиональной идентичности. Таковая сегодня формируется в условиях усложняющейся социально-профессиональной среды, институциональной турбулентности и цифровой трансформации высшего образования. Профессиональное становление социолога сопряжено с вызовами со стороны как института образования, так и рынка труда [7; 9; 21]: размываются границы профессии, усложняется интеграция в профессиональное сообщество; растет запрос на новые компетенции (цифровые, менторские и др.). Усиление конкуренции на рынке академического труда, рост значимости прикладных исследований и сервисных функций, внедрение цифровых платформ в учебный процесс создают специфические вызовы для становления социолога как носителя особого типа знания и профессиональной культуры.

Теоретико-методологические основания анализа профессиональной идентичности задаются междисциплинарным полем [2; 5; 11; 20; 25], в которое входят классические и современные концепции идентичности, профессионализма и социальных ролей. В психолого-педагогической традиции профессиональная идентичность трактуется как результат интеграции «Я-концепции» и образа профессии, отражающий согласованность личностных и профессионально значимых черт, готовность следовать нормам и ценностям профессионального сообщества. В социологии акцент смещается на институциональные и социокультурные контексты, встраивающие субъекта в систему статусов, ролей и коллективных ожиданий, а также на динамику профессиональных сообществ. Говоря об особенностях формирования профессиональной идентичности социолога в современных условиях, следует отметить, что она определяется не только компетентностным компонентом, но также способностью к применению социологического воображения, рефлексивности и наличием цифровых компетенций и этических принципов, поэтому роль преподавателя не сводится к «транслятору» знаний — он становится наставником, ментором, фасилитатором и архитектором индивидуальных профессиональных траекторий студентов.

В научных работах профессиональная идентичность рассматривается как сложный, многоуровневый конструкт, включающий когнитивный, ценностно-смысловой и поведенческий компоненты. Исследователи подчеркивают, что идентичность связана с осознанием принадлежности к профессиональному сообществу, принятием его норм и образцов поведения, нали-

чием чувства лояльности к профессии и готовностью нести ответственность за результаты деятельности. Российские авторы отмечают междисциплинарный характер изучения профессиональной идентичности [22], фиксируя включенность поведенческих, эмоциональных и личностных аспектов в структуру профессионального «Я» [13]. Важную роль профессиональная идентичность играет и в формировании стратегий будущего [3; 14] у современной молодежи.

В социологии науки и образования значительное внимание уделяется трансформации академических профессий и ролей преподавателя и исследователя, включая новые требования к профессиональной деятельности, связанные с цифровизацией и управленческой бюрократизацией университетов. Цифровая трансформация образовательного процесса выступает не только технологическим, но и ценностно-смысловым вызовом, требующим переосмысления традиционных моделей наставничества, научного руководства и академической социализации молодежи. Цифровизация может одновременно расширять ресурсы идентификации (расширение коммуникационных сетей и доступа к образовательным ресурсам, новые формы самопрезентации) и усиливать риски ее фрагментации, эмоционального выгорания и эрозии профессиональных границ. Прослеживается и амбивалентный характер воздействия цифровой трансформации на профессиональную идентичность: с одной стороны, повышение статуса и освоение новых компетенций, с другой — рост неопределенности, размывание ролей и необходимость постоянного пересмотра ценностных оснований профессии.

В российском контексте профессиональная идентичность социолога определяется и спецификой дисциплины как рефлексивной и критической науки, требующей развитой методологической культуры, способности к интерпретации сложных социальных процессов и готовности работать в междисциплинарных командах. Очевидны различия между академической и прикладной траекториями развития профессиональной идентичности социолога, а также влияние регионального и институционального контекста на формы профессиональной самореализации выпускников вузов. Особое значение в процессе формирования профессиональной идентичности социолога имеет роль преподавателя — научные руководители и наставники обеспечивают передачу профессиональных норм, ценностей и практических навыков.

Анализ материалов исследований о профессиональной идентичности социолога [12; 16; 17] подтверждает, что источником напряжения здесь становится рассогласование между традиционным представлением о профессии и новыми требованиями, обусловленными цифровизацией и меняющимся ландшафтом профессий. Результаты исследований позволяют сделать несколько выводов об особенностях формирования профессиональной идентичности студентов-социологов и их трудо-

вых траекториях. Выделяют следующие типичные сферы занятости выпускников-социологов: маркетинговые исследования и аналитика; HR и управление персоналом; государственная и муниципальная служба; академическая сфера (преподавание, исследования); консалтинг; медиа и коммуникации. Качество профессионального образования и универсальность социологических знаний обеспечивают востребованность выпускников-социологов, но для работодателей приоритетное значение имеют социально-личностные качества кандидатов. Значительная часть выпускников работает в областях, формально не связанных с социологией, что ставит вопрос о границах профессиональной идентичности [12]: «работа выпускника социологического факультета в маркетинговом агентстве, в управлении по работе с персоналом или в социальной службе — это работа социолога или работа по другой специальности?». Актуализируется вопрос о профессиональных стандартах [21] и расширении представлений о профессиональных характеристиках социолога, поскольку профессиональная идентичность социолога включает не только когнитивный и поведенческий, но и этический компонент (ответственность перед обществом) [24].

К основным ценностям и нормам социологической профессии, транслируемым через сайты факультетов и кафедр, относятся: научная объективность и достоверность; критическое мышление; социальная ответственность; служение обществу; профессиональная этика [15], т.е. профессиональная идентичность социолога — сложное, системное, ценностное образование. Основные факторы его формирования:

- Институциональные факторы: качество учебных программ, насыщенность практико-ориентированным обучением, участие в реальных исследованиях, интеграция теории и практики [15; 21]; система менторства и наставничества, профессиональные стандарты, партнерство вузов с работодателями [1]; опыт взаимодействия с действующими практиками, включенность студентов в профессиональные сообщества.

- Личностные факторы: мотивация, рефлексивность, готовность к развитию и личностная зрелость, осознание смысла профессии [4; 7; 8].

- Методологические факторы: владение методами исследования, развитое социологическое воображение, умение анализировать связь между личным и общественным опытом [7; 8].

- Средовые факторы: образовательная и профессиональная среда вуза, статус профессии, востребованность социологов на рынке труда [12; 15].

Влияние этих факторов зачастую носит интегративный характер: максимальная полнота профессиональной идентичности социолога обеспечивается сочетанием качественного образования, активного участия в реальных исследованиях, поддержки преподавателей и позитивного профессионального окружения.

В условиях цифровизации образования более половины студентов демонстрируют диффузный характер профессиональной идентичности, характеризующийся низкой степенью сформированности ее компонентов или несамостоятельностью профессионального выбора [18; 19; 22], что актуализирует необходимость специальных педагогических технологий поддержки становления профессиональной идентичности в цифровой образовательной среде.

Профессиональная идентичность социолога формируется на пересечении микро- (индивидуальные траектории), мезо- (характеристики образовательной среды) и макроуровней (социальный контекст цифровой трансформации [23] и изменяющийся ландшафт профессий). Преподаватель выступает ключевым медиатором между академической традицией и инновационными образовательными практиками, превращаясь в фигуру, отвечающую одновременно за трансляцию профессиональных норм и за освоение новых форм деятельности.

Изменяющийся ландшафт профессий свидетельствует о том, что профессия социолога обретает междисциплинарный характер и широкий спектр сфер занятости. Социолог может работать в научно-исследовательских организациях, органах государственной и муниципальной власти, маркетинговых и консалтинговых структурах, медиа, НКО, IT и цифровых проектах, выполняя следующие функциональные роли: исследователь (проектирование и реализация исследований); аналитик данных (обработка массивов информации, выявление закономерностей); эксперт-консультант (подготовка рекомендаций для управленческих решений); медиатор и «переводчик» социальных проблем для публичной сферы. Такая расширенная и диффузная картина профессии, с одной стороны, повышает ее гибкость и привлекательность, с другой — порождает риски размывания профессиональной идентичности: границы между «социологом», «аналитиком», «маркетологом», «исследователем», «data scientist» становятся все более подвижными.

В условиях, когда работодатель ориентируется прежде всего на набор компетенций (аналитика, статистика, исследовательские навыки, владение цифровыми инструментами), формальный профессиональный «титул» может отступать на второй план, что ставит перед социологами вопрос: как сохранять и обновлять профессиональную идентичность, не растворяясь в широком поле «аналитических» и «цифровых» профессий. Цифровизация высшего образования усиливает требования к рефлексивной и коммуникативной компетентности преподавателя-социолога, поскольку он вынужден не только адаптировать учебные курсы к цифровой среде, но и поддерживать у студентов способность к критическому осмыслению социальных последствий цифровых технологий. Формирование профессиональной идентичности социолога в этом кон-

тексте предполагает освоение цифровой методологии исследований (анализ больших данных, работа с цифровыми следами, онлайн-опросы), что расширяет исследовательский инструментарий, но требует дополнительной методологической и этической подготовки.

Представляется, что в этих условиях модель профессиональной идентичности социолога может быть основана на трех ключевых компонентах: социологическом воображении, цифровых компетенциях и этическом сознании. Социологическое воображение — ядро профессиональной идентичности социолога согласно Ч.Р. Миллсу [10]. Это умение связывать индивидуальные биографии с социальными структурами, трансформировать «личные тревоги» в понимание «общественных проблем», анализировать социальные феномены в исторической перспективе, видеть за данными социальные процессы и отношения. В цифровую эпоху социологическое воображение приобретает новое значение: аналитик данных может обрабатывать большие массивы, но именно социолог способен интерпретировать их в социальном контексте, видеть за цифрами людей и отношения, формулировать содержательные вопросы к данным. Соответственно, социолог должен владеть современными инструментами анализа данных — методами работы с Big Data, навыками программирования (Python, R), статистическим анализом и визуализацией, методами анализа социальных сетей, цифровой грамотностью в широком смысле и навыками работы с ИИ. Важно подчеркнуть, что цифровые компетенции выступают инструментом, а не целью — расширяют возможности социолога, но не заменяют социологическое воображение и теоретическое мышление.

Профессиональная идентичность социолога включает и этическое измерение: приверженность принципам научной объективности и честности, ответственность за социальные последствия исследований, защита прав и интересов респондентов, критическое отношение к манипулятивному использованию социологических данных, служение обществу и гражданская позиция. Этическое сознание особенно важно в цифровую эпоху, когда возможности для сбора и анализа данных существенно расширились, а риски неэтичного использования этих возможностей возросли.

В результате роль преподавателя в сопровождении становления профессиональной идентичности социолога проявляется в нескольких взаимосвязанных измерениях: как носителя профессиональной культуры (через демонстрацию образцов исследовательской и педагогической деятельности), как наставника (обеспечивающего индивидуализированную поддержку в выборе траекторий и рефлексии опыта) и как медиатора между академическим и профессиональным полями (взаимодействие с работодателями, профессиональными ассоциациями, экспертными сообществами). В условиях цифровой трансформации каждая из этих ролей усложняется за счет не-

обходимости действовать в гибридных форматах и сохранять баланс между онлайн- и офлайн-взаимодействиями.

Преподаватель как носитель профессиональной культуры демонстрирует образцы того, как функционирует социолог в современном обществе, какие проблемы его занимают, какова логика его мышления и исследовательских решений. В цифровую эпоху преподаватель должен показывать, как использовать цифровые инструменты в интересах развития социологического знания, при этом сохраняя критическую позицию в отношении технологий. Как наставник преподаватель оказывает индивидуализированную поддержку студенту в процессе профессионального самоопределения, помогая ему разобраться в своих интересах, способностях и возможностях, находить пути самореализации в условиях цифровизации. Эта роль становится особенно важной в условиях возросшей неопределенности профессиональных траекторий. Как медиатор между академическим и профессиональным полями преподаватель устанавливает связи между университетом и практикующими социологами, помогая студентам понимать, какие требования предъявляет реальный рынок труда, какие компетенции необходимы для различных форм профессиональной деятельности (академической, консультативной, государственной, коммерческой). Таким образом, преподаватель в современных условиях — не просто транслятор знаний, а наставник, вдохновитель, фасилитатор, архитектор профессиональной траектории студента. Наличие вдохновляющего преподавателя-наставника существенно повышает вероятность формирования устойчивой профессиональной идентичности к моменту выпуска.

Цифровая трансформация и изменяющийся ландшафт профессий создают одновременно риски и ресурсы для профессиональной идентичности: риски — фрагментации и «растворения» профессиональных границ, роста эмоциональной нагрузки; ресурсы — расширения коммуникативных сетей, доступа к разнообразным практикам и ускорения профессиональной социализации. Особую значимость обретают программы целенаправленной поддержки профессиональной идентичности студентов и молодых преподавателей, направленные на развитие цифровой грамотности, медийной культуры и навыков рефлексии в отношении своей профессиональной роли.

Преподаватель, который активно вовлекает студентов в исследовательскую деятельность, создает атмосферу рефлексии, поддерживает в кризисных ситуациях, значительно ускоряет процессы профессионального самоопределения, и здесь важна атмосфера доверия как на межличностном, так и на институциональном уровне [6]. Наиболее эффективны педагогические стратегии, предполагающие индивидуальное сопровождение студентов, проведение регулярных рефлексивных сессий (разбор

кейсов, эссе, обсуждение профессиональных дилемм), раннее вовлечение в реальные проекты, стажировки и полевые исследования, содействие в выработке адекватных карьерных планов, мотивации и этических установок.

Цифровая образовательная среда вуза, включающая дистанционные технологии обучения, онлайн-платформы, цифровые образовательные ресурсы и интерактивные форматы коммуникации, обладает высоким воспитательным потенциалом и способна формировать у студентов-социологов не только профессиональные компетенции, но и ценностные ориентации, академическую культуру и навыки профессиональной рефлексии. Однако реализация этого потенциала требует от преподавателей грамотного сочетания традиционных технологий и новых цифровых инструментов, что позволит создать такую цифровую образовательную среду, в которой студентам будет интересно получать знания и совершенствовать навыки.

Сегодня профессиональная идентичность социолога формируется в ситуации многомерной трансформации высшей школы и цифровизации ключевых образовательных и исследовательских практик. На формирование профессиональной идентичности социолога влияют разнообразные факторы (от институциональных до личностных), и это влияние носит интегративный характер. Профессиональная идентичность студентов-социологов претерпевает существенную трансформацию в процессе обучения: от идеализированных представлений о профессии у абитуриентов [16] к более реалистичному и дифференцированному видению у выпускников, при этом значительная их часть трудоустраивается в смежных областях, что создает проблемы для профессиональной идентификации. Роль преподавателя в формировании и поддержке профессиональной идентичности заключается в удержании баланса между сохранением академической преэминентности и внедрением инновационных цифровых практик, обеспечивающих включенность студентов в актуальные исследовательские и профессиональные поля.

Для совершенствования социологического образования в контексте формирования профессиональной идентичности рекомендуется: интеграция цифровых компетенций при сохранении фундаментальной подготовки; усиление практической составляющей; целенаправленная профориентационная работа; развитие профессиональной рефлексии; интеграция студентов в профессиональное сообщество. Перспективными направлениями дальнейших исследований представляются: разработка типологии профессиональных идентичностей социолога в зависимости от траекторий академической и внеакадемической занятости, анализ влияния региональных и институциональных контекстов на идентификационные

процессы, оценка эффективности программ наставничества и цифровых форматов профессиональной социализации. Важная задача высшего образования — создание целостной системы поддержки профессиональной идентичности студентов-социологов, включая развитие цифровых компетенций, формирование академической культуры и обеспечение индивидуализированного наставничества в условиях гибридной образовательной среды.

Библиографический список

1. *Амбарова П.А., Шаброва Н.В., Кеммет Е.В.* Научный руководитель и научный наставник: обновление старых ролей и смыслов // *Вестник Института социологии*. 2024. Т. 15. № 4.
2. *Гараганов А.В., Глебова И.С.* Становление медиаграмотности в академической среде: социокультурные коды и цифровые идентичности преподавателей российских университетов // *Социально-политические науки*. 2025. Т. 15. № 3.
3. *Домбровская А.Ю.* Формирование стратегии планирования студенческой молодежью персонального будущего в обществе // *Среднерусский вестник общественных наук*. 2025. Т. 20. № 3.
4. *Желдоченко Л.Д., Николенко О.Ф.* Взаимосвязь профессиональных представлений и профессиональной идентичности у студентов с разной мотивацией к успеху // *Мир науки. Педагогика и психология*. 2024. Т. 12. № 5.
5. *Зинина С.М.* Профессиональная идентичность студентов и их отношение к профессиональному будущему // *Приволжский научный журнал*. 2015. № 4.
6. *Каменева Т.Н., Тюриков А.Г., Сотников В.А., Орлова Е.М.* К вопросу разработки технологии оценки эффективности инструментов формирования доверия в современном обществе // *Социально-политические науки*. 2024. Т. 14. № 5.
7. *Кушнарев Ф.Ю.* Представление и отношение студентов и магистрантов-социологов к выбранной специальности и будущей профессии // *Alma Mater*. 2023. № 8.
8. *Лобанова М.И., Сторожева С.П.* Профессиональные ожидания студентов-социологов // *Идеи и идеалы*. 2014. Т. 2. № 2.
9. *Мансуров В.А., Юрченко О.В.* Социология профессиональных групп: история становления и перспективы // *Вестник Института социологии*. 2013. № 7.
10. *Миллс Ч.Р.* Социологическое воображение. М., 2001.
11. *Мухортова В.Н.* Особенности социологического подхода к понятию «профессиональная идентичность» // *Социум и власть*. 2015. № 3.
12. *Набиулина К.А., Солodников В.В., Цыбикова Д.Г.* Выпускники социологических факультетов на рынке труда // *Социологические исследования*. 2016. № 8.
13. *Нор-Аревян О.А., Посухова О.Ю., Шаповалова А.М.* Профессиональная идентичность как предмет научно-исследовательских практик // *Социально-гуманитарные знания*. 2016. № 11.
14. *Огнев А.С., Домбровская А.Ю.* Оптимизация процедур выявления представлений о России будущего // *Власть*. 2025. Т. 33. № 2.
15. *Окольская Л.А.* Ценности и нормы социологической профессии на сайтах факультетов и кафедр // *Вестник Института социологии*. 2010. № 1.
16. *Попов Е.А.* Будущая профессия социолога: ожидания абитуриентов // *Социодинамика*. 2020. № 10.
17. *Попов Е.А.* Профессия социолога: идеалы абитуриентов и консенсус студентов // *Социологические исследования*. 2021. № 8.
18. *Пфетцер А.А.* Цифровая образовательная среда как новое пространство становления профессиональной идентичности // *Вестник КемГУ*. 2021. Т. 23. № 4.

19. *Рогозин Д.М., Солодовникова О.Б., Ипатов А.А.* Как преподаватели вузов воспринимают цифровую трансформацию высшего образования // Вопросы образования. 2022. № 1.
20. *Салихова И.С.* Профессиональная идентичность: сущностные и межпредметные основания для анализа // Вестник МГЛУ. Общественные науки. 2024. № 4.
21. *Скворцов Н.Г., Зырянов В.В.* Социологическое образование: между стандартами и реалиями // Социологические исследования. 2018. № 7.
22. *Храпов С.А., Крючкова С.Е., Меликов И.М.* Цифровая идентичность и гуманистическая модель цифровой образовательной среды // Вопросы философии. 2024. № 7.
23. *Черникова И.В., Якунина И.В.* Идентичность человека в условиях цифровой трансформации // Вестник ТГУ. Философия. Социология. Политология. 2025. № 83.
24. *Чиکارова Г.И.* Миссия социолога в современном российском обществе // Гуманитарий Юга России. 2020. Т. 9. № 6.
25. *Шнейдер Л.Б.* Личностная, гендерная и профессиональная идентичность: теория и методы диагностики. М., 2007.

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-1-118-129

EDN: QPRHFI

Professional identity of the sociologist: Teacher's role at the current stage of the higher education development *

N.V. Prokazina

Financial University under the Government of the Russian Federation,
Leningradsky Prosp., 49/2, Moscow, 125167, Russia

(e-mail: nvprokazina@mail.ru)

Abstract. Today professional identity of the sociologist develops under digital transformation of the higher education, which increases demands on interdisciplinary competencies, and in the changing professional environment. The article considers the development of professional sociological identity in this context and outlines the corresponding role of teachers. The study's methodology combines social-cultural and institutional approaches to the analysis of professional identity with qualitative approach and elements of secondary analysis; the empirical basis consists of published interviews with university professors, data on professional identity of sociology students, and studies of the digital transformation of Russian education and identity of young professionals. The author believes that the key challenge for the professional sociological identity is the inconsistency between the traditional concept of the profession and the new demands determined by digitalization and changing professional landscape. Professional identity of sociologists is not formed automatically, it requires systematic, targeted work of students, teachers and professional community. The professional identity model of the sociologist includes three key components: sociological imagination, digital competencies, and ethical consciousness. In shaping the sociological professional identity, the teacher serves as a bearer of professional culture, a mentor

*© N.V. Prokazina, 2026

The article was submitted on 14.12.2025. The article was accepted on 15.01.2026.

and a mediator between academic and professional fields. Today teachers' roles change dramatically — they need to become architects of professional trajectories and mentors who help students find their professional calling. Under digital transformation, the teacher's roles have become more complex due to the need to operate in hybrid formats.

Key words: professional identity; sociological education; digital transformation; scientific mentoring; professional community; academic culture; higher education

For citation: Prokazina N.V. Professional identity of the sociologist: Teacher's role at the current stage of the higher education development. *RUDN Journal of Sociology*. 2026; 26 (1): 118–129. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-1-118-129> EDN: QPRHFI

References

1. Ambarova P.A., Shabrova N.V., Kemmet E.V. Nauchny rukovoditel i nauchny nastavnik: obnovlenie staryh roley i smyslov [Scientific supervisor and scientific mentor: Updating old roles and meanings]. *Vestnik Instituta Sotsiologii*. 2024; 15 (4). (In Russ.).
2. Garaganov A.V., Glebova I.S. Stanovlenie mediagramotnosti v akademicheskoy srede: sotsiokulturnye kody i tsifrovye identichnosti prepodavateley rossiyskikh universitetov [Formation of media literacy in the academic environment: Social-cultural codes and digital identities of the Russian university teachers]. *Sotsialno-Politicheskie Nauki*. 2025; 15 (3). (In Russ.).
3. Dombrovskaya A.Yu. Formirovanie strategii planirovaniya studencheskoy molodezhiyu personalnogo budushchego v obshchestve [Developing a strategy for planning the personal future in society by the student youth]. *Srednerussky Vestnik Obshchestvennyh Nauk*. 2025; 20 (3). (In Russ.).
4. Zheldochenko L.D., Nikolenko O.F. Vzaimosvyaz professionalnyh predstavleniy i professionalnoy identichnosti u studentov s raznoy motivatsiey k uspekhu [Relationship between professional representations and professional identity of students with different achievement motivations]. *Mir Nauki. Pedagogika i Psikhologiya*. 2024; 12 (5). (In Russ.).
5. Zinina S.M. Professionalnaya identichnost studentov i ih otnoshenie k professionalnomu budushchemu [Students' professional identity and their attitude to the professional future]. *Privolzhsky Nauchny Zhurnal*. 2015; 4. (In Russ.).
6. Kameneva T.N., Tyurikov A.G., Sotnikov V.A., Orlova E.M. K voprosu razrabotki tekhnologii otsenki effektivnosti instrumentov formirovaniya doveryiya v sovremennom obshchestve [On the development of technology for assessing the efficiency of trust-building tools in contemporary society]. *Sotsialno-Politicheskie Nauki*. 2024; 14 (5). (In Russ.).
7. Kushnarev F.Yu. Predstavlenie i otnoshenie studentov i magistrantov-sotsiologov k vybrannoy spetsialnosti i budushchey professii [Representation and attitude of sociology and Master's students to the chosen specialty and future profession]. *Alma Mater*. 2023; 8. (In Russ.).
8. Lobanova M.I., Storozheva S.P. Professionalnye ozhidaniya studentov-sotsiologov [Professional expectations of sociology students]. *Idei i Idealy*. 2014; 2 (2). (In Russ.).
9. Mansurov V.A., Yurchenko O.V. Sotsiologiya professionalnyh grupp: istoriya sta-novleniya i perspektivy [Sociology of professional groups: History and prospects]. *Vestnik Instituta Sotsiologii*. 2013; 7. (In Russ.).
10. Mills C.W. *Sotsiologicheskoe voobrazhenie* [The Sociological Imagination]. Moscow; 2001. (In Russ.).
11. Mukhortova V.N. Osobennosti sotsiologicheskogo podkhoda k ponyatiyu “professionalnaya identichnost” [Features of the sociological approach to the concept of “professional identity”]. *Sotsium i Vlast*. 2015; 3. (In Russ.).
12. Nabiulina K.A., Solodnikov V.V., Tsybikova D.G. Vypuskniki sotsiologicheskikh fakultetov na rynke truda [Graduates of sociological faculties in the labor market]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2016; 8. (In Russ.).

13. Nor-Arevyan O.A., Posukhova O.Yu., Shapovalova A.M. Professionalnaya identichnost kak predmet nauchno-issledovatel'skikh praktik [Professional identity as an object of research practices]. *Sotsialno-Gumanitarnye Znaniya*. 2016; 11. (In Russ.).
14. Ognev A.S., Dombrovskaya A.Yu. Optimizatsiya protsedur vyyavleniya predstavleniy o Rossii budushchego [Optimization of procedures for identifying perceptions of the future of Russia]. *Vlast*. 2025; 33 (2). (In Russ.).
15. Okolskaya L.A. Tsennosti i normy sotsiologicheskoy professii na sayтах fakultetov i kafedr [Values and norms of the sociological profession on faculty and department websites]. *Vestnik Instituta Sotsiologii*. 2010; 1. (In Russ.).
16. Popov E.A. Budushchaya professiya sotsiologa: ozhidaniya abiturientov [Future profession of the sociologist: Expectations of applicants]. *Sotsiodinamika*. 2020; 10. (In Russ.).
17. Popov E.A. Professiya sotsiologa: idealy abiturientov i konsensus studentov [Profession of the sociologist: Ideals of applicants and consensus of students]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2021; 8. (In Russ.).
18. Pfetzer A.A. Tsifrovaya obrazovatel'naya sreda kak novoe prostranstvo stanovleniya professionalnoy identichnosti [Digital educational environment as a new space for the formation of professional identity]. *Vestnik KemGU*. 2021; 23 (4). (In Russ.).
19. Rogozin D.M., Solodovnikova O.B., Ipatova A.A. Kak prepodavateli vuzov vosprinimayut tsifrovuyu transformatsiyu vysshego obrazovaniya [How university teachers perceive digital transformation of the higher education]. *Voprosy Obrazovaniya*. 2022; 1. (In Russ.).
20. Salikhova I.S. Professionalnaya identichnost: sushchnostnye i mezhpredmetnye osnovaniya dlya analiza [Professional identity: Essential and interdisciplinary foundations for analysis]. *Vestnik MGLU. Obshchestvennye Nauki*. 2024; 4. (In Russ.).
21. Skvortsov N.G., Zyryanov V.V. Sotsiologicheskoe obrazovanie: mezhdru standartami i realiyami [Sociological education: Between standards and realities]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2018; 7. (In Russ.).
22. Khrapov S.A., Kryuchkova S.E., Melikov I.M. Tsifrovaya identichnost i gumanisticheskaya model tsifrovoy obrazovatel'noy sredy [Digital identity and humanistic model of the digital educational environment]. *Voprosy Filosofii*. 2024; 7. (In Russ.).
23. Chernikova I.V., Yakunina I.V. Identichnost cheloveka v usloviyah tsifrovoy transformatsii [Human identity under digital transformation]. *Vestnik TGU. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*. 2025; 83. (In Russ.).
24. Chikarova G.I. Missiya sotsiologa v sovremennom rossiyskom obshchestve [Mission of a sociologist in the contemporary Russian society]. *Gumanitarii Yuga Rossii*. 2020; 9 (6). (In Russ.).
25. Shneider L.B. *Lichnostnaya, gendernaya i professionalnaya identichnost: teoriya i metody diagnostiki* [Personal, Gender and Professional Identity: Theory and Methods of Diagnostics]. Moscow; 2007. (In Russ.).

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-1-130-141

EDN: QNYHNU

Профессиональное благополучие в науке с позиции эвдемонистического подхода*

А.В. Носкова

МГИМО МИД России,
просп. Вернадского, 76, Москва, 119454, Россия

(e-mail: a.noskova@inno.mgimo.ru)

Аннотация. Цель статьи — обосновать эвдемонистический подход к социологическому исследованию профессионального благополучия ученых. Актуальность такого взгляда обусловлена усложнением проблемы профессионального выгорания научных работников вследствие появления новых вызовов, с которыми необходимо справляться ученым. Эвдемонистическое благополучие — степень реализации научными работниками социально-профессиональных и личностных потребностей высшего порядка. В статье представлена эволюция эвдемонистического подхода от аристотелевской философии до современных методик измерения жизненного благополучия. Другое теоретическое основание статьи — концепция научного этоса Р. Мертона: разработанная методика измерения профессионального благополучия основана на его принципе амбивалентности научных норм. В структуре эвдемонистического благополучия выделены два компонента — личностно- и социально-ориентированный, которые реализуются с помощью восьми пар дихотомических переменных. Гипотеза о структурных различиях в эвдемонистическом благополучии ученых гуманитарного и естественно-технического профиля была проверена на данных онлайн-опроса научных работников в 2024 году (N=536): общие черты — высокий уровень профессионального благополучия и структура распределения мотивов (наиболее значимы мотивы «получать удовольствие от содержания работы», «независимость – возможность самому определять режим работы, профессиональные задачи», наименее значим мотив «конкурировать с другими коллегами»), однако ученые естественно-научного профиля в большей степени ориентированы на социально-профессиональные потребности высшего порядка. Сделан вывод, что наука сохраняет функциональное значение институционального канала реализации высших потребностей в профессии. В то же время смещение структуры ценностных предпочтений в сторону личностно-ориентированных мотивов, что в большей степени проявилось у «гуманитариев», может стать новым этическим вызовом для социальной науки и опосредованно повлиять на перспективы социального образования в России.

Ключевые слова: социальная наука; научная профессия; научные работники; эвдемонистический подход к благополучию; профессиональное благополучие; научный этос; ценностно-мотивационная структура; амбивалентность научных норм

*© Носкова А.В., 2026

Статья поступила в редакцию 24.12.2025. Статья принята к публикации 31.01.2026.

Для цитирования: Носкова А.В. Профессиональное благополучие в науке с позиции эвдемонистического подхода // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2026. Т. 26. № 1. С. 130–141. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-1-130-141> EDN: QNYHNU

В отличие от прикладных направлений профессиональной подготовки специалистов социального профиля (реклама и связи с общественностью, государственное и муниципальное управление, менеджмент, маркетинг и др.), фундамент социологического образования — «высокая» наука, поэтому перспективы подготовки будущих социологов зависят не только от общественного запроса на социологическое образование, спроса на профессию, но и от состояния социальной науки и академической среды, проявляющегося в том числе в степени профессионального благополучия академических и вузовских научных работников. Профессиональное благополучие влияет на разные аспекты профессиональной деятельности: от него зависят продуктивность, работоспособность, психическое и физическое здоровье работника, его отношение к своей деятельности [2. С. 117]. Изучение профессионального благополучия в науке актуализируется и на фоне обострения проблемы профессионального (эмоционального) выгорания научно-педагогических кадров в результате «конфликта между профессиональными потребностями и психофизическими ресурсами личности» [13. С. 229]. Будучи своеобразной антитезой эмоциональному выгоранию, профессиональное благополучие стимулирует способности академического сообщества справляться с вызовами, «постоянно возникающими в непростых нынешних условиях» [4. С. 52].

Теоретический контур изучения эвдемонистической стороны профессионального благополучия в науке

Интуитивно ясное содержание понятия «профессиональное благополучие», которое в самом широком смысле ассоциируется с успешным функционированием в профессии [11. С. 82], оказывается сложным объектом для социологического измерения, что обусловлено плюрализмом теоретических интерпретаций и моделей операционализации этого понятия. Не погружаясь в дискуссию о подходах к профессиональному благополучию (она представлена в научной литературе [11. С. 82–83]), ограничим предмет исследования эвдемонистическим измерением, семантически близким к «позитивному функционированию» [8. С. 24]: включенность в целенаправленную профессиональную деятельность, осмысленность и реализация внутреннего потенциала [7. С. 307]. Эвдемонистический подход в большей степени соответствует содержанию научной профессии, которая, согласно Т. Парсонсу и Н. Стореру, объединяет специалистов, «чья основная деятельность связана с хранением, передачей и умножением фор-

мальных знаний» (фиксированных и кодифицированных) [9. С. 27], т.е. под данное определение подпадают и академические ученые, и университетские преподаватели.

Эвдемонистическая традиция в трактовке благополучия уходит корнями в дискуссию античных философов о понимании смысла жизни как достижения счастья. Д.А. Леонтьев в обзоре пересекающихся со «счастьем» конструктов отмечает, что с античных времен в поле науки конкурируют два подхода к счастью, задающих две этические традиции, — гедонизм и эвдемонизм: «Первый, идущий от Эпикура, отождествляет счастье с максимумом удовольствий и минимумом страданий; второй, идущий от Аристотеля, связывает счастье с определенными формами душевной деятельности» [8. С. 23].

«Счастье — величайшее и лучшее из человеческих благ», — утверждает Аристотель и тут же задает вопрос, «в чем состоит счастливая жизнь и как она достигается?» [1. С. 7]. Отвечая на него, Аристотель построил развернутую систему этических положений: счастье кроется в величайших человеческих благах — добродетели, умственной деятельности и наслаждении; счастье доступно «для разных образов жизни»; следует отличать счастье от условий счастливой жизни — «некоторые принимают за составляющие самого счастья те вещи, которые суть лишь условия счастливой жизни»; счастье соотносится с целью действий, чем-то совершенным [10. С. 72], и достигается через «назначение», «дело» человека, «дело есть цель» [1. С. 29], а «деятельность — процесс перехода (актуализации) возможного в осуществленность» [10. С. 75]. Эти фундаментальные принципы аристотелевского учения нашли ценностный отклик в современных эвдемонистических трактовках, связывающих «благополучие с реализацией объективно обоснованных потребностей, уходящих корнями в природу человека и способствующих развитию личности» [12. С. 67].

Ренессанс эвдемонистического подхода в социальных науках связан с именем американского психолога К.Д. Рифф, которая перенесла эвдемонистический дискурс в поле позитивной психологии и показала ограниченность операционализации жизненного благополучия на основе измерений удовлетворенностью жизнью. Предложенная ею шестиуровневая эмпирическая модель эвдемонистического благополучия (самопринятие, позитивные отношения с другими, автономия, управление средой, цель в жизни, личностный рост) [15. С. 1071] послужила основой для становления самостоятельного исследовательского направления [7; 8; 12]. Иными словами, эвдемонистическая сторона жизненного благополучия сопряжена с ценностной семантикой личностного роста, высших социальных потребностей и целеполагания, которая является неотъемлемым качеством научной деятельности.

Этическая сторона профессионального благополучия

Методологическим основанием социологического изучения высшей потребности целеполагания в научной сфере служит идея Р. Мертона об институционализированной мотивации (ориентация ученых на этос науки) [3; 13]. Для российской науки этическая сторона профессионального благополучия имеет принципиальное значение: за постсоветские десятилетия «в силу целого ряда экономических, управленческих, социальных причин нравственные основы профессиональной деятельности подвергались существенным деформациям», и их поддержание стало актуальной задачей для воспроизводства человеческого потенциала в науке [4. С. 35].

По Мертону, этос науки — «эмоционально насыщенный комплекс ценностей и норм, разделяемых учеными» [3. С. 7]. Идеи Мертона об этическом фундаменте научной профессии, породив многолетнюю дискуссию, впоследствии были существенно переработаны им самим и его последователями. В результате исходные императивы — коммунизм, универсализм, внезаинтересованность, организованный скептицизм — дополнились «оригинальностью результатов» и «скромностью», а позже и концепцией амбивалентных норм [3; 5]. Концептуальная модель девяти попарно сгруппированных противоречивых норм стала отражением расхождений между идеалами и реальными практиками научной деятельности, иллюстрируя ситуацию выбора между «полярно противоположными требованиями императивов науки», в которой должен балансировать ученый [5. С. 129].

Вопросы этического содержания научной профессии активно разрабатывались и в советской социальной науке. В статье «Этика науки в СССР: очерк истории становления» один из основателей данного направления М.Г. Лазар раскрыл специфику отечественного подхода к определению нормативно-ценностного комплекса, показав, что в советской традиции дискурс научной этики наполнялся глубокими социальными смыслами — императивами служения истине и трудовому человечеству, принципиальности, скромности, любви к науке, моральными ценностями [6. С. 66]. Такие императивы задавали, с одной стороны, институциональную направленность смыслообразующей мотивации профессиональной деятельности советского ученого, с другой — формировали в обществе представления о высокой социальной значимости научной профессии, ее особой миссии.

Со времен Мертона разногласия о содержании и характере ценностно-нормативных регуляторов «постнеклассической науки» значительно усилились и расширились от мертоновской парадигмы до отрицания автономного этического основания в науке — наука столь же моральна и аморальна, как и общество [5. С. 133]. Отсутствие единства в этом вопросе в поле социальных наук позволяет исследователю творчески конструировать переменные для измерения структуры ценностно-мотивационных предпочтений в научной профессии и их реализации.

Методические аспекты эмпирического измерения эвдемонистической стороны профессионального благополучия

С позиции эвдемонистического подхода достижение профессионального благополучия можно трактовать как результат преодоления разрыва между смыслообразующими мотивами, отражающими «высшие» профессиональные потребности, и их реализацией в профессиональной деятельности. Социологический ракурс проблеме придает комбинация социально и лично значимых мотивов с ценностным содержанием.

Дистанция между ценностными устремлениями и их реализацией определяется соотношением ответов на вопросы: «Научно-исследовательская деятельность открывает перед человеком разные возможности. Какие из них наиболее значимы для Вас лично?» и «Какие из этих возможностей Вам позволяет реализовать Ваша нынешняя работа?». Идеальные и реализованные предпочтения оценивались с помощью номинальной шкалы с множественным выбором (таблицы 2, 3). Шкала ценностно-мотивационных предпочтений содержала 16 переменных, полученных в ходе операционализации пяти групп потребностей — в альтруизме, познании и самореализации, признании и уважении, социальных связях, а также экзистенциальных [14. С. 31]. Для последующего анализа данных использовался иной принцип структурирования переменных, основанный на идее Мертона о нормативной амбивалентности, которая определялась через дуальность институциональной мотивации — работать для себя или для общества. Это позволяет выделить в структуре эвдемонистического благополучия две компоненты — лично и социально ориентированную. Эта двухкомпонентная модель содержит восемь пар дихотомических переменных (табл. 1).

Таблица 1. **Дихотомические пары ценностно-мотивационных предпочтений**

Показатели лично-ориентированного благополучия	Показатели социально-ориентированного благополучия
Получать удовольствие от содержания работы	Приносить пользу людям, обществу
Независимость — возможность самому определять режим работы, профессиональные задачи	Работать с единомышленниками, принадлежать к научной школе
Реализовать себя — свои способности, знания, опыт	Вносить вклад в науку
Интересное окружение, круг общения	Участвовать в международном научном сотрудничестве
Сочетать разные интересы в жизни	Получать новые достоверные данные
Повышать самоуважение благодаря успешному применению своих способностей	Соревноваться с коллегами
Достойное материальное вознаграждение	Находить решение сложных задач, преодолевать трудности (работа ради работы)
Чувствовать стабильность и уверенность в жизни	Возможность добиться высокого общественного положения и признания

С учетом эмпирически подтвержденного Рифф факта о дифференцированной структуре эвдемонистического благополучия для разных групп [15. С. 1069] и с опорой на тезис Парсонса, что «между научными дисциплинами существуют разного рода очевидные различия» [9. С. 27], было сделано предположение о структурных различиях в эвдемонистическом благополучии ученых гуманитарного и естественно-технического профиля. Гипотеза проверялась на данных онлайн-опроса ученых, проведенного в мае — июне 2024 года Институтом сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ) по заданию кафедры социологии МГИМО МИД для оценки научного капитала российских ученых. Отбирались респонденты в возрасте старше 25 лет, работающие в НИИ любого профиля, и преподаватели вузов с ученой степенью, которые по самоопределению занимаются научной деятельностью, что подтверждалось участием в исследовательских проектах и наличием научных публикаций за последние два года. Было опрошено 536 респондентов, при отборе контролировались три фактора: наличие ученой степени (25 % докторов наук, 75 % кандидатов наук); научный профиль — социально-гуманитарный и естественно-технический (50 % на 50 %); региональная принадлежность (Москва и Санкт-Петербург — 50 %, остальные регионы совокупно — 50 %).

Эмпирические результаты измерения эвдемонистической стороны профессионального благополучия в науке

Результаты эмпирического исследования говорят о смещении ценностно-мотивационной структуры профессиональных предпочтений российских ученых в сторону личностно-ориентированных мотивов. В целом по выборке на первых трех позициях в рейтинге предпочитаемых возможностей, которые открывает научно-исследовательская деятельность, с ощутимым отрывом оказались три личностно-ориентированных мотива: «получать удовольствие от работы» (66 %), «независимость» (57 %), «реализовывать свои способности, знания, опыт» (46 %). Ценностно-мотивационные предпочтения, имеющие общественное значение, составили второй эшелон в иерархии мотивов — «вносить свой вклад в науку» (43 %), «получать новые достоверные данные и информацию» (38 %), «приносить пользу людям, обществу» (35 %) (табл. 2). На последнем месте оказалась потребность в состязательности и конкуренция (1 %).

При близости показателей у представителей естественных и социально-гуманитарных наук все же прослеживается явная структурная дифференциация. Парадоксально, но представители точных и естественных наук в большей степени ориентированы на социально-профессиональные потребности высшего порядка в профессии: так, разница между долями естественников и гуманитариев составляет 7 % для показателя «вносить свой вклад в науку», 6 % — для «приносить пользу людям», 18 % — для «находить решение сложных задач, преодолевать трудности». Обнаруженные различия в ответах по-разному дифференцируют структуру профессиональных потребно-

стей у естественников и гуманитариев: так, мотив «вносить свой вклад в науку» (47 %) у естественников поднимается на третью позицию в рейтинге, обгоняя «реализовать себя — свои способности, знания, опыт» (42 %), а мотив «находить решения сложных задач, преодолевать трудности» занимает 7 позицию (у гуманитариев 11–12).

Таблица 2. Распределения ответов на вопрос «Научно-исследовательская деятельность открывает перед человеком разные возможности. Какие из них наиболее значимы для Вас лично?» (% и позиция в рейтинге)

Ценностные предпочтения	Всего	Ученые естественно-технического профиля	Ученые социально-гуманитарного профиля
Получать удовольствие от содержания работы	66	67 (1)	65 (1)
Независимость — возможность самому определять режим работы, профессиональные задачи	57	57 (2)	57 (2)
Реализовать себя — свои способности, знания, опыт	46	42 (4)	49 (3)
Вносить свой вклад в науку	43	47 (3)	40 (4)
Получать новые достоверные данные и информацию	38	38 (5–6)	39 (5)
Приносить пользу людям, обществу	35	38 (5–6)	32 (7)
Интересное окружение, круг общения	31	28 (8–9)	35 (6)
Работать со своими единомышленниками, принадлежать к научной школе	29	28 (8–9)	30 (8)
Находить решения сложных задач, преодолевать трудности	28	37 (7)	19 (11–12)
Участвовать в международном научном сотрудничестве	26	26 (10–11)	25 (9)
Достойное материальное вознаграждение	23	26 (10–11)	21 (10)
Сочетать разные интересы в жизни — профессиональные и другие	16	13 (12)	19 (11–12)
Повышать свое самоуважение благодаря успешному применению своих способностей	11	8 (14)	13 (13)
Чувствовать стабильность и уверенность в жизни	10	10 (13)	9 (14)
Возможность добиться высокого общественного положения, признания	7	6 (15)	8 (15)
Соревноваться с другими коллегами, конкурировать с ними	1	1 (16)	1 (16)
Другое	1	1	1

Аналогичную картину показывает распределение ответов на вопросы о реализованных предпочтениях (табл. 3): представители естественных наук в большей степени ощущают свою социальную востребованность — более половины (58 %) респондентов отметили, что вносят вклад в науку (среди гуманитариев — только 43 %). Схожая тенденция наблюдается в реализации таких профессиональных устремлений, как «получение новых достоверных данных и информации» (перевес в 18 %), «приносить пользу людям» (перевес в 8 %). Иными словами, похоже, что представители социальных наук теряют ощущение своей профессиональной миссии, и научная профессия становится для них источником удовольствия от работы.

Таблица 3. **Распределение ответов на вопрос: «Какие из этих возможностей Вам позволяет реализовать Ваша нынешняя работа», (% и позиция в рейтинге)**

Ценностные предпочтения	Всего	Ученые естественно-технического профиля	Ученые социально-гуманитарного профиля
Получать удовольствие от содержания работы	62	62 (1)	63 (1)
Независимость — возможность самому определять режим работы, профессиональные задачи	56	59 (2)	52 (2)
Реализовать себя — свои способности, знания, опыт	52	48 (6)	56 (3)
Вносить свой вклад в науку	50	58 (3)	43 (5)
Интересное окружение, круг общения	43	39 (8–9)	45 (4)
Находить решения сложных задач, преодолевать трудности	41	51 (4)	31 (8–9)
Получать новые достоверные данные и информацию	40	49 (5)	31 (8–9)
Работать со своими единомышленниками, принадлежать к научной школе	37	38 (8–9)	35 (6)
Приносить пользу людям, обществу	36	40 (7)	32 (7)
Участвовать в международном научном сотрудничестве	26	27 (10)	26 (10)
Сочетать разные интересы в жизни — профессиональные и другие	25	25 (11)	25 (11)
Повышать свое самоуважение благодаря успешному применению своих способностей	20	20 (13)	21 (12)
Достойное материальное вознаграждение	16	21 (12)	11 (13)
Чувствовать стабильность и уверенность в жизни	13	16 (14)	10 (14)
Возможность добиться высокого общественного положения, признания	10	12 (15)	9 (15)
Соревноваться с другими коллегами, конкурировать с ними	8	9 (16)	7 (16)
Никакие	2	2	2
Другое	1	1	1

Следует обратить внимание на низкие позиции «достойного материального вознаграждения» в рейтинге предпочтений — они могут служить подтверждением тезиса Леонтьева, что «не самое высокое качество жизни может быть скомпенсировано ее осмысленностью, эвдемонистическим счастьем за пределами простого благополучия, создаваемым и выращиваемым самим субъектом на основе собственного личностного потенциала» [8. С. 22–23].

В целом можно сделать вывод о высоком уровне профессионального благополучия в российской науке независимо от научного профиля, что выразилось в преобладании положительных ответов на вопросы о реализованных и значимых профессиональных возможностях у ученых естественного и социально-гуманитарного профиля. Однако признаки структурной дифференциации между учеными из разных отраслей науки присутствуют: для представителей точных и естественных наук самыми проблемными оказались позиции «получать удовольствие от содержания работы» и «достойное материальное вознаграждение», а для «гуманитариев» самая проблемная позиция — «возможность самому определять режим работы, профессиональные задачи».

Представленные в статье эмпирические результаты имеют ограничения, обусловленные объемом выборочной совокупности и набором переменных, проблемой социально-одобряемых ответов и первичного анализа данных с помощью описательной статистики. В то же время представленный эмпирический материал позволяет выдвигать дополнительные гипотезы о предикторах профессионального благополучия российских ученых и новые его объяснения.

Повторим: профессиональное благополучие — значимый фактор продуктивности профессиональной деятельности. Выявленные различия между естественниками и гуманитариями подтвердили гипотезу о дифференцированной структуре профессионального благополучия, что может иметь практическое значение для управления наукой. Как сфера профессиональной деятельности она сохраняет свою функциональную значимость институционального канала реализации человеческого потенциала, однако перекося структуры ценностных предпочтений в сторону личностно-ориентированных, что в большей степени проявилось у «гуманитариев», может стать новым этическим вызовом для отечественной социальной науки и опосредованно повлиять на перспективы социального образования в России.

Библиографический список

1. *Аристотель*. Эвдемова этика. М., 2005.
2. *Вакарина Е.А.* Обзор психодиагностических инструментов для исследования психологического и профессионального благополучия // Ярославский педагогический вестник. 2024. № 3.
3. *Демина Н.В.* Концепция этоса науки: Мертон и другие в поисках социальной геометрии норм // Социологический журнал. 2005. № 4.

4. Зарубина Н.Н. Ученые о вызовах этическим основаниям деятельности российского научного сообщества // Социологические исследования. 2025. № 2.
5. Лазар М.Г. Этнос науки в социологии Р. Мертона: судьба и статус в науковедении // Социология науки и технологий. 2010. Т. 1. № 4.
6. Лазар М.Г. Этика науки в СССР: очерк истории становления // Социологический журнал. 2010. № 1.
7. Левит Л.З. Эвдемонизм против экзистенциализма: еще раз о ценностях и смысле жизни // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2016. Т. 5. № 4.
8. Леонтьев Д.А. Счастье и субъективное благополучие: к конструированию понятийного поля // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 1.
9. Парсонс Т., Сторер Н. Научная дисциплина и специфика научной деятельности // Научная деятельность: структура и институты. М., 1980.
10. Платонов-Поляков Р.С. Бытие к счастью: эвдемония в этике Аристотеля // Этическая мысль. 2015. Т. 15. № 1.
11. Носкова А.В., Голоухова Д.В., Кузьмина Е.И. Профессиональное благополучие российских ученых: проблемы измерения, компоненты и результаты эмпирического исследования // Социологические исследования. 2025. № 7.
12. Рикель А.М., Туниянц А.А., Батырова Н. Понятие субъективного благополучия в гедонистическом и эвдемонистическом подходах // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2017. № 2.
13. Синкевич И.А., Тучкова Т.В., Ежова Е.А., Храпенко И.Б. Мотивационные предпосылки эмоционального выгорания научно-педагогических работников вуза // Казанский педагогический журнал. 2020. № 4.
14. Темницкий А.Л. Мотивация и проблема продуктивности научной деятельности российских ученых // Социологические исследования. 2024. № 3.
15. Ryff C.D. Happiness is everything, or is it? Explorations on the meaning of psychological well-being // Journal of Personality and Social Psychology. 1989. Vol. 57. No. 6.

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-1-130-141

EDN: QNYHNU

Professional well-being in science: An eudaimonic perspective*

A.V. Noskova

MGIMO University,
Vernadskogo Prosp., 76, Moscow, 119454, Russia

(e-mail: a.noskova@inno.mgimo.ru)

Abstract. The article explains the potential of the eudaimonic approach to the sociological study of professional well-being in science. The relevance of this approach is determined by the increasing complexity of the problem of professional burnout among scientists under the current new challenges. Eudaimonic well-being is the degree to which scientists realize their higher social-

*© A.V. Noskova, 2026

The article was submitted on 24.12.2025. The article was accepted on 31.01.2025.

professional and personal needs. The article presents the evolution of the eudaimonic approach from Aristotelian philosophy to contemporary methods of measuring well-being. Another theoretical basis for the article is R. Merton's concept of scientific ethos: the proposed method for measuring professional well-being is based on his principle of the ambivalence of scientific norms. The structure of eudaimonic well-being consists of two components — personally and socially oriented — and eight pairs of dichotomous variables. The author tested a hypothesis about structural differences in the eudaimonic well-being of scientists in the humanities and natural sciences on the data from the online survey conducted in 2024 (N=536). Common features include a high level of professional well-being and a structured distribution of motives (the most significant are “enjoying the content of work” and “independence — the ability to independently set work schedule and professional tasks”, while the least significant is “competing with colleagues”); however, scientists in natural sciences are more focused on higher social-professional needs. Thus, science retains its functional significance as an institutional channel for realizing higher needs in the profession. At the same time, a shift in the structure of value motives toward personally oriented, which is more evident among social researchers, may become a new ethical challenge for social science and indirectly affect prospects for social education in Russia.

Key words: social science; scientific profession; scientists/scholars; eudaimonic approach to well-being; professional well-being; scientific ethos; value-motivational structure; ambivalence of scientific norms

For citation: Noskova A.V. Professional well-being in science: An eudaimonic perspective. *RUDN Journal of Sociology*. 2026; 26 (1): 130–141. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-1-130-141> EDN: QNYHNU

References

1. Aristotle. *Ethica Eudemia*. Moscow; 2011. (In Russ.).
2. Vakarina E.A. Obzor psikhodiagnosticheskikh instrumentov dlya issledovaniya psikhologicheskogo i professionalnogo blagopoluchiya [Review of psycho-diagnostic tools for studying psychological and professional well-being]. *Yaroslavsky Pedagogichesky Vestnik*. 2024; 3. (In Russ.).
3. Demina N.V. Kontseptsiya etosa nauki: Merton i drugie v poiskah sotsialnoy geometrii norm [Ethos of science: Merton and others in search of social geometry of norms]. *Sotsiologichesky Zhurnal*. 2005; 4. (In Russ.).
4. Zarubina N.N. Uchenye o vyzovah eticheskim osnovaniyam deyatel'nosti rossiyskogo nauchnogo soobshchestva [Scientists on the challenges to the ethical framework of the Russian scientific community]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2025; 2. (In Russ.).
5. Lazar M.G. Etos nauki v sotsiologii R. Mertona: sudba i status v naukovedenii [Ethos of science in sociology of R. Merton: Fate and status in science studies]. *Sotsiologiya Nauki i Tekhnologiy*. 2010; 1 (4). (In Russ.).
6. Lazar M.G. Etika nauki v SSSR: ocherk istorii stanovleniya [Ethics of science in the USSR: An essay on history]. *Sotsiologichesky Zhurnal*. 2010; 1. (In Russ.).
7. Levit L.Z. Evdemonizm protiv ekzistentsializma: eshche raz o tsennoyakh i smysle zhizni [Eudaimonism vs existentialism: Once again on values and meaning of life]. *Izvestiya Saratovskogo Universiteta. Novaya Seriya. Seriya: Akmeologiya Obrazovaniya. Psikhologiya Razvitiya*. 2016; 5 (4). (In Russ.).
8. Leontiev D.A. Schastye i sub`ektivnoe blagopoluchie: k konstruirovaniyu ponyatiynogo polya [Happiness and well-being: Developing a conceptual field]. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskie i Sotsialnye Peremeny*. 2020; 1. (In Russ.).
9. Parsons T., Storer N. Nauchnaya distsiplina i spetsifika nauchnoi deyatel'nosti [The disciplines as a differentiating force]. *Nauchnaya deyatel'nost: struktura i instituty*. Moscow; 1980. (In Russ.).

10. Platonov-Polyakov R. Bytie k schastyu: evdemoniya v etike Aristotelya [Being for happiness: Eudaimonia in Aristotle's ethics]. *Eticheskaya Mysl*. 2015; 15 (1). (In Russ.).
11. Noskova A.V., Goloukhova D.V., Kuzmina E.I. Professionalnoe blagopoluchie ros-siyskih uchenyh: problemy izmereniya, komponenty i rezultaty empiricheskogo issledovaniya [Professional well-being of Russian scientists: Measurement issues, elements and results of the sociological study]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2025; 7. (In Russ.).
12. Rikel A.M., Tuniyants A.A., Batyrova N. Ponyatiye sub`ektivnogo blagopoluchiya v gedonisticheskom i evdemonisticheskom podkhodah [Concept of subjective well-being in hedonistic and eudaimonic approaches]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14: Psikhologiya*. 2017; 2. (In Russ.).
13. Sinkevich I.A., Tuchkova T.V., Ezhova E.A., Khrapenko I.B. Motivatsionnye predpo-sylki emotsionalnogo vygoraniya nauchno-pedagogicheskikh rabotnikov vuza [Motivational prerequisites for emotional burnout of scientific-pedagogical staff in higher educational institutions]. *Ka-zansky Pedagogichesky Zhurnal*. 2020; 4. (In Russ.).
14. Temnitsky A.L. Motivatsiya i problema produktivnosti nauchnoy deyatelnosti ros-iyskih uchenyh [Russian scientists' motivation and issue of scientific productivity]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2024; 3. (In Russ.).
15. Ryff C.D. Happiness is everything, or is it? Explorations on the meaning of psychological well-being. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1989; 57 (6).

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-1-142-157

EDN: QNNSVU

Имидж преподавателя высшей школы в условиях цифровой трансформации образовательной среды*

Л.В. Темнова¹, А.К. Вербицкая²

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Ленинские Горы, 1, Москва, 119991, Россия

²Московский авиационный институт,
Волоколамское шоссе, 4, Москва, 125993, Россия

(e-mail: temnova.larisa@yandex.ru; a.verbitskaya@gmail.com)

Аннотация. В статье рассмотрены социальные факторы, механизмы и условия формирования имиджа преподавателя в условиях цифровой трансформации образовательной среды. Эмпирическую базу исследования составили данные онлайн-анкетирования студентов трех российских вузов (МГУ им. М.В. Ломоносова, Сибирского федерального университета и Балтийского федерального университета им. И. Канта; N=311) и материалы 20 экспертных интервью с преподавателями и представителями администрации 12 московских вузов. Исследование выявило разрыв между реальным и идеальным образами преподавателя в восприятии студентов и академического сообщества. Формируемый экспертным сообществом имидж преподавателя включает прежде всего академические компетенции — научную активность и глубокие знания в своей предметной области, в то время как коммуникативные компетенции выполняют вспомогательную роль. Имидж идеального педагога у студентов — сочетание личностных и профессиональных качеств, причем эмоциональная отзывчивость и коммуникативная гибкость имеют такую же значимость, как академическая компетентность (знание предмета, умение объяснять материал, владение методами научного исследования и цифровыми инструментами). В цифровую эпоху возрастает роль педагога как эксперта, гаранта системности и достоверности транслируемых знаний, а также медиатора — посредника между интернет-знаниями и студентами. Авторы делают вывод о дуальности имиджа преподавателя высшей школы — она проявляется в разрыве между реальным (существующим) и идеальным (желаемым) образом преподавателя у студентов. В основе этой дуальности лежит принцип дополнения академических стандартов коммуникативными компетенциями: открытостью, эмоциональной отзывчивостью, готовностью к диалогу.

Ключевые слова: имидж преподавателя; высшее образование; цифровая трансформация; дуальность имиджа; социология образования; педагогическая деятельность

*© Темнова Л.В., Вербицкая А.К., 2026

Статья поступила в редакцию 15.11.2025. Статья принята к публикации 15.01.2026.

Для цитирования: Темнова Л.В., Вербицкая А.К. Имидж преподавателя высшей школы в условиях цифровой трансформации образовательной среды // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2026. Т. 26. № 1. С. 142–157. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-1-142-157> EDN: QNNSVU

В современном мире высшее образование является значимым социальным институтом, создающим условия для развития и профессиональной подготовки подрастающего поколения, внедрения инновационных идей и технологий, что актуализирует проблему роли и имиджа преподавателя высшей школы в обществе: от личности преподавателя, его социальной позиции и имиджа во многом будет зависеть эффективность проводимых сегодня реформ. Так, 93 % респондентов считают, что именно индивидуальный стиль педагога влияет на восприятие предмета студентом [8]. Сегодня преподаватель вуза – не «ученый-затворник» и не «эгоцентричный интеллектуал», какими Б. Макфарлейн [25] считал первых университетских профессоров, а активный участник процесса формирования личности и профессиональной подготовки студентов [5. С. 99]. Он должен сочетать в себе умения ученого, аналитика, оратора, психолога, воспитателя, предпринимателя, менеджера, «быть высококомпетентным специалистом в своей научной области, а также эрудитом в других сферах знаний» [15].

В условиях цифровой трансформации классическое университетское образование начинает конкурировать с онлайн-образованием. Число первокурсников, поступивших на онлайн программы высшего образования в 2024/25 учебном году, выросло на 48 % [17]. Массовое распространение открытых онлайн курсов (Универсариум [14], Открытое образование [13] и др.), коммерческих образовательных платформ (Скилбокс [27], Яндекс Практикум [16] и др.) образует принципиально новую образовательную реальность, постепенно превращающуюся в востребованную альтернативу классическому университетскому образованию.

Актуальные для современной молодежи ценности (индивидуализм, ориентация на личный успех и прагматизм [18]) заставляют студентов смотреть на преподавателя через призму его способности дать им инструменты для достижения личных и профессиональных целей, получения прикладных знаний и навыков. Это новый вызов для педагога, который должен обладать не только глубокими теоретическими знаниями по учебным дисциплинам, но и иметь опыт практического их применения [28]. Студенты прежде всего ценят «мягкие навыки», которые помогут им быстрее и эффективнее адаптироваться на рынке труда [21]. Такой запрос требует от преподавателя постоянного самообразования и готовности к овладению новыми педагогическими технологиями (деловые игры, проектная работа, VR-тренажеры и др.). При этом именно в эпоху тотальной доступности информации фигура наставника обретает особое значение: если раньше преподаватель был

главным источником знаний, то сегодня выступает их проводником, толкователем и мотиватором [22]. Он не конкурирует с технологиями, а дополняет их, превращая информационный хаос в осмысленный образовательный опыт. Авторитет профессора в эпоху цифрового изобилия объясняется тем, что знания, полученные в интернете, часто носят фрагментарный, дробный, поверхностный характер [19], и преподаватель выступает гарантом системности и достоверности: он не просто транслирует факты, но и учит критически оценивать источники, выделять ключевые концепции из информационного шума, связывать теорию с практикой.

Под имиджем сегодня понимается целенаправленно формируемый или стихийно сложившийся образ (человека, организации, товара) — совокупность представлений, идей и впечатлений, определяющих восприятие и действия по отношению к объекту [19]. Ключевые характеристики имиджа — целостность, динамичность и социальное восприятие, формирующиеся в процессе коммуникации. Важность имиджа отмечал еще Н. Макиавелли [9], говоря о необходимости «маски» для лидера, но в науку термин был введен в 1960-е годы К. Боулдингом [23]. Существуют разные подходы к пониманию имиджа: семиотический рассматривает его как систему знаков и символов, интерпретируемых через культурные коды; согласно интеракционистскому подходу [13] имидж формируется в социальном взаимодействии через отражение «Я» в восприятии других [3], выступая результатом воздействия групп, лидеров мнений и авторитетов; в теории когнитивного диссонанса [20] имидж выступает как способ снижения психологического дискомфорта вследствие несоответствия реальности ожиданиям. Имидж часто связывают с репутацией — более устойчивым и объективным мнением, основанном на действиях; он также является элементом социального капитала [24. С. 119], поскольку повышает доверие и привлекательность, участвует в социальном конструировании реальности [2], формируя общие представления о значимом.

Цифровая среда породила понятие сетевой идентичности, или цифрового «двойника», сознательно конструируемого человеком, что открывает возможности для самовыражения, но одновременно создает риски, такие как кибербуллинг, кража личности (использование чужих данных для создания поддельных профилей [26]). В социологии имидж рассматривается как многоаспектный феномен: инструмент формирования общественного мнения, результат социального влияния и средство манипуляции.

Под имиджем преподавателя понимается эмоционально окрашенный стереотипный образ специалиста в сознании воспитанников, коллег, социального окружения, в массовом сознании. В имидже преподавателя реальные качества тесно переплетаются с теми, что приписываются окружающими [6], поэтому имидж преподавателя высшей школы — сложный, динамичный образ, формирующийся под влиянием как внешних (общественное мнение, пре-

стиж профессии, стереотипы и др.), так и внутренних факторов (личностных и профессиональных качеств). Имидж требует многоэтапной осознанной работы и адаптации к современным вызовам, включая цифровизацию [4].

На формирование имиджа оказывают влияние стереотипы и ожидания студентов, основанные на том коллективном образе преподавателя в обществе, что может как способствовать, так и мешать объективной оценке (важны имидж и бренд вуза, социальное признание и публичность — когда авторитет подкрепляется научными публикациями, участием в грантах, экспертной деятельностью и медийной активностью) [1]. Ключевой аспект имиджа преподавателя — способность поддерживать непрерывное интерактивное взаимодействие со студентами через цифровые платформы, что напрямую влияет на эффективность образовательного процесса [10]. Кроме того, сегодня усиливается роль этического компонента в цифровом взаимодействии, обостряются проблемы авторства, конфиденциальности, достоверности, оперативности, критической оценки, алгоритмической прозрачности [11]. Таким образом, имидж преподавателя сегодня представляет собой сочетание традиционных академических ценностей и новых медийных компетенций, играя значимую роль в укреплении доверия и к образовательной системе, и академическому сообществу, и к педагогу.

Для изучения социальных факторов, механизмов и условий формирования имиджа преподавателя в условиях цифровой трансформации образовательной среды было проведено онлайн-анкетирование и экспертный опрос. Выборку онлайн-опроса составили 311 студентов из трех российских вузов: МГУ (Центральный федеральный округ) — 35 %, Сибирского федерального университета (СФУ) (Сибирский федеральный округ) — 33 %, Балтийского федерального университета им. И. Канта (Северо-Западный федеральный округ) — 32 %; из них бакалавры — 46,9 %, специалисты — 23,5 %, магистранты — 21,2 %, аспиранты — 8,4 %; студенты социальных и гуманитарных направлений — по 30 %, математических и естественнонаучных — 16 %, инженерных и технологических — 13 %, педагогических — 11 %. Также было опрошено 20 экспертов — преподавателей, представителей вузовских администраций и независимых специалистов из МГУ, НИУ ВШЭ, МГИМО, РАНХиГС, МПГУ, МАИ, РМАНПО, СЗГМУ, РУДН, НМИЦ ССХ и РНИМУ. Структурно опросный инструментарий включал следующие тематические блоки: престиж вуза и направления обучения, качество образовательного процесса, преподавательского состава и научной деятельности, востребованность диплома на рынке труда, факторы выбора вуза; идеальный преподаватель; реальный преподаватель; «паспортичка».

Качественный анализ открытых вопросов студенческой анкеты выявил следующие наиболее частотные (в позитивном тоне) элементы в описании реального и идеального преподавателя: «мотивация и вдохновение», «профессионализм», «отношение к студентам», «требователь-

ность» (табл. 1). Реальный преподаватель «в большинстве своем квалифицирован, но часто не заинтересован в том, чтобы донести до студентов материал понятным образом, объясняет слишком “научно” в ущерб понятности, не открыт к любопытству студентов... среднего возраста, с ученой степенью, со средним уровнем владения технологиями, относительно требовательный, довольно общительный». При описании идеального преподавателя большинство студентов говорят об умении вдохновлять и выстраивать отношения: «идеальный преподаватель направляет, подсказывает, поддерживают, без напора, без давления, толерантный, открытый, проработанный психологически, удовлетворенный своей работой и жизнью».

Таблица 1. **Распределение кодов по тональностям**
(+ — позитивный, — — негативный, 0 — нейтральный)

Код	Реальный преподаватель				Идеальный преподаватель			
	0	–	+	Итого	0	+	–	Итого
Внешний вид	4			4	5			5
Интерактивность	2	2	1	5	6	2		8
Коммуникативные навыки	12	5	4	21	9	16		25
Мотивация и вдохновение	8	4	7	19	35	35		70
Отношение к студентам	15	15	3	33	40	36		76
Понятность объяснений	7	8	8	23	29	13		42
Профессионализм	36	12	10	58	45	22		67
Требовательность	36	4	10	50	20	12		32
Психологическая поддержка	2	2	1	5	3	5		8
Чувство юмора	8		4	12	10	6		16

Можно сделать вывод, что для студентов крайне важна эмоциональная, коммуникативная составляющая деятельности преподавателя, умение вдохновлять, выстраивать доверительные отношения и оказывать поддержку, однако педагоги больше внимания уделяют объяснению материала и знанию своего предмета, т.е. студенты хотели бы видеть в преподавателе и носителя знаний, и наставника, способного создать комфортную образовательную среду — «баланс лекционной/информационной и интерактивной/творческой частей», «современные подходы в обучении — интерактив, кейсы, практика».

Сконструированное облако слов из ответов студентов на открытые вопросы формирует следующий образ идеального преподавателя (рис. 1): ум-

Контент-анализ интервью позволил оценить частотность кодов и их тональность (табл. 2): наиболее упоминаемые (в позитивном ключе) тематики — роль преподавателя, коммуникация, профессионализм и отношения преподавателя со студентами: *«основа основ — знание своего предмета и умение наладить контакт со студентами». «Профессия учителя и преподавателя — это профессия, которая в общем, не побоюсь этого слова, определяет государственную безопасность... потому что это формирование кадров, а кадры, как известно, решают все».*

Таблица 2. **Распределение кодов в ответах экспертов по тональностям (+ — позитивный, — — негативный, 0 — нейтральный)**

Код	Всего	+	–	0
Внешний вид	6	2	3	1
Публичность	9	4	4	1
Материальный аспект	10	4	4	2
Самовыражение	11	6	4	1
Традиционные ценности	13	7	4	2
Статус вуза	14	9	3	2
Авторитет	21	17	3	1
Владение цифровыми технологиями	38	19	12	7
Отношения преподаватель–студенты	32	22	6	4
Профессионализм	36	28	5	3
Коммуникация	37	24	8	5
Роль преподавателя	41	27	9	5

Наиболее спорной категорией стало владение цифровыми технологиями: эксперты говорили как значимости этой компетенции для преподавателя, так и о том, что не всегда и не во всем цифровизация полезна, т.е. цифровые технологии в образовании — это уже реальность, но не стоит их абсолютизировать и внедрять на всех этапах и для решения всех задач, следует оценить их необходимость с учетом возможностей преподавательского состава. Вот как эксперты говорят о стремительном переходе на дистанционное обучение в период пандемии: *«мы очень резко входили в цифровизацию... типа „Хогвартс третий день переходил в онлайн“»; «безусловно, цифровизация очень сильно повлияла в части устройства работы».*

В целом экспертов не устраивает имидж преподавателя вуза в нашем обществе: *«„Я не говорю, что я кандидат наук, я говорю, что в университете работаю“ — „А, ну, ты училка-зубрилка?“.* „Училка-зубрилка“ —

вот имидж преподавателя». Более половины экспертов отметили, что чувствуют пренебрежительное отношение окружающих к профессии преподавателя, поэтому необходимо популяризировать профессию преподавателя и ученого: *«чем больше будет людей, которые это делают и популяризаторов педагогики, тем больше людей будут хотеть в эту область идти»*. Еще больше экспертов считают, что для повышения имиджа преподавателя необходимо улучшить его материальное положение: *«зарплату в два раза сделайте больше, и будет хорошо»*. Иными словами, для укрепления престижа профессии преподавателя высшей школы необходимо системно работать над ее общественным восприятием (популяризация педагогической деятельности через медиа, публичные инициативы и др.), повышать материальную обеспеченность преподавателей и создавать условия для органичной интеграции цифровых технологий в образовательный процесс.

Анализ данных выявил как сходства, так и различия в студенческом и экспертном имиджах преподавателя высшей школы. И студенты, и эксперты выделяют профессионализм (знание своей предметной области) и коммуникативные навыки как ключевые качества преподавателя, оценивая как важные и взаимоотношения преподавателя со студентами, что подчеркивает социальную природу образовательного процесса. Эксперты определяют профессионализм через такие категории как ученые степени, публикации, участие в конференциях (36 упоминаний), а студенты связывают его с умением доступно объяснять (42 упоминания в идеальном образе), мотивировать (70) и с требовательностью (32). В коммуникативной сфере студенты ожидают от преподавателя роли наставника-мотиватора с эмоциональной вовлеченностью (76), эксперты признают важность коммуникации (37), но как дополнения к основной деятельности, особенно на фоне высокой нагрузки. У студентов реальный преподаватель — компетентный, но отстраненный, требовательный и, как правило, возрастной специалист, а идеальный преподаватель — мотивирующий, открытый, умеющий выстраивать доверительные отношения, доступно объясняющий, с чувством юмора. Для экспертов преподаватель — высоко профессиональный специалист, активно адаптирующийся к цифровизации, выполняющий воспитательную функцию, но ограниченный в ресурсах и сталкивающийся с низким социальным престижем профессии. Для студентов наиболее значимые качества идеального преподавателя — умение вести лекции и семинары (средний балл — 4,68), профессиональная квалификация (4,52), стиль общения со студентами (4,52), создание комфортной атмосферы (4,48), доступность для студентов (4,44), открытость (4,33) и умение мотивировать (4,29); реального преподавателя — профессиональная квалификация (4,36) и наличие ученой степени (4,14), т.е. студенты признают академические достижения преподавателей, но не считают их открытыми для общения.

Рассмотрим, насколько совпадают или отличаются образы идеального и реального преподавателя у студентов разных вузов. Студенты МГУ (рис. 3) на первое место в образе идеального преподавателя ставят умение вести лекции и семинары (4,64), стиль общения (4,48), доступность» (4,47) и создание комфортной атмосферы (4,43), а в оценках реального специалиста акцент смещается на наличие ученой степени (4,42), участие в научной деятельности (4,14) и умение выстраивать границы (3,98). Наибольший разрыв между двумя образами наблюдается по умению вести лекции и семинары — 4,64 против 3,73, что указывает на несоответствие между ожиданиями и реальностью.

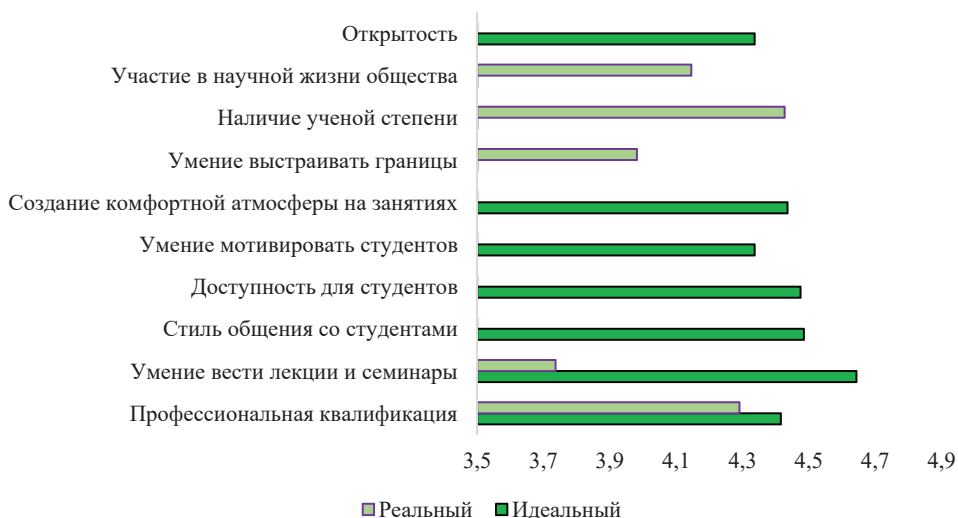

Рис. 3. Качества реального и идеального преподавателя (студенты МГУ)

Студенты СФУ (рис. 4) ожидают от идеального преподавателя профессиональной квалификации (4,69 против 4,43 у реального), умения мотивировать (4,59) и вести занятия (4,54 против 4,13), терпимости (4,4 против 4), доступности (4,34 против 4,1) и комфортной атмосферы (4,31). Наибольшее расхождение между двумя образами наблюдается по умению выстраивать границы: в реальности ее оценка выше (4,8), чем в идеале (3,11), что может говорить об открытости преподавателей СФУ.

Сравнение образов идеального и реального преподавателя у студентов БФУ (рис. 5) показало их близость: профессиональная квалификация (4,4 и 4,3), умение вести лекции и семинары (4,4 и 4,2), стиль общения (4,4 и 4,2), в том числе со студентами (4,5 и 4,3), и доступность (4 и 4,3).

Во всех трех вузах наблюдается схожая картина — несовпадение эмоциональной вовлеченности, индивидуального подхода и профессиональной компетентности в идеальном и реальном форматах: у реального профессионала преобладают академические компетенции и имеет место эмоциональная дистанцированность от обучающихся.

Рис. 4. Качества реального и идеального преподавателя (студенты СФУ)

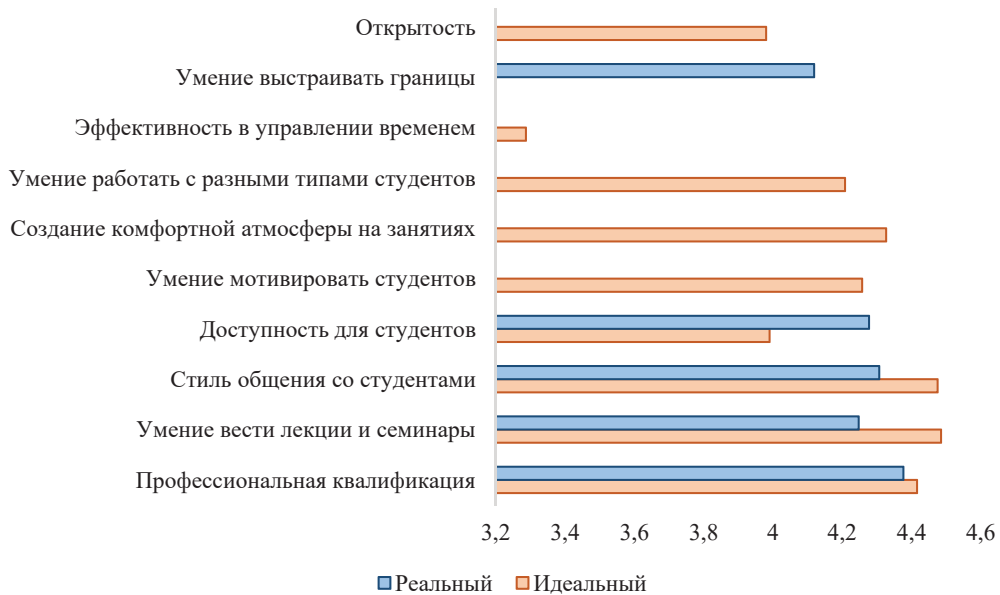

Рис. 5. Качества реального и идеального преподавателя (студенты БФУ)

Расчет коэффициента Манна — Уитни ($p \leq 0,05$) выявил, что женщины более строго описывают и идеального преподавателя (профессиональная квалификация, умение работать с разными типами студентов, умение выстраивать границы, терпимость, создание комфортной атмосферы), и реального (внешний вид, профессиональная квалификация).

Акцентирование аффективной стороны деятельности в первом случае можно связать с большей эмоциональностью женщин, что проявляется и во внимании к внешнему виду преподавателя. Студенты бакалавриата и специалитета оценивают реальных преподавателей как более строгих (по сравнению с магистрантами), а студенты заочной формы обучения — выше по большинству характеристик (по сравнению со студентами очной формы), тогда как требования к профессорско-преподавательскому процессу у очников значительно выше.

Анализ степени согласованности мнений респондентов (по стандартному отклонению, где $SD < 1$ говорит о высокой согласованности) показал, что в блоке характеристик вуза высокой согласованностью отличается только показатель «престижность вуза». В блоке «идеальный преподаватель» консолидация мнений наблюдается по 9 из 20 позиций: характеристики, связанные с коммуникацией, эмоциональной вовлеченностью, профессиональной квалификацией, умением вести лекции и семинары, показывают высокую степень согласованности, что подчеркивает их важность. Высокий разброс мнений выявлен относительно инновационных компетенций, формального статуса, личностных границ и внешних атрибутов. В блоке «реальный преподаватель» максимальная согласованность мнений прослеживается по профессиональной квалификации, наличию ученой степени, участию в научной деятельности, умению вести лекции и семинары, стилю общения со студентами и умению выстраивать границы. В целом студенты демонстрируют схожие представления о профессиональных и коммуникативных компетенциях идеального преподавателя, а также в оценке реальных преподавателей с позиций их квалификации, но не педагогических и личностных качеств.

В структуре образа идеального преподавателя выделены следующие связи: «использование современных технологий в обучении» и «использование интерактивных методов обучения», «наличие ученой степени» и «участие в научной деятельности», «активное ведение социальных сетей» и «активная гражданская позиция», «умение мотивировать студентов» и «терпимость». Получается, что для студентов в идеальном образе преподавателя приоритетны технологические знания и академический статус, которые воспринимаются как единый комплекс компетенций. Важность академического статуса дополняется ожиданиями цифровой и гражданской активности.

Во всех трех вузах выявлены значимые корреляции между качеством образования и качеством преподавательского состава, что подтверждает центральную роль педагога в формировании общего впечатления о вузе. Для студентов умение преподавателя применять интерактивные методы обучения связано прежде всего с использованием современных технологий, а участие в научной деятельности — с наличием ученой степе-

ни. В наибольшей степени эта связь просматривается в БФУ ($r = 0,743$), тогда как в СФУ академический статус студенты связывают с активностью преподавателя в социальных сетях ($r = 0,7$) и гражданской позицией ($r = 0,701$), что может отражать региональную специфику ожиданий от преподавателя как публичной фигуры.

В структуре образа реального преподавателя выделены следующие связи: «стиль общения со студентами» и «умение вести лекции и семинары», «стиль общения со студентами» и «доступность», «умение мотивировать студентов» и «умение работать с разными типами студентов», «креативность» и «открытость», «создание комфортной атмосферы на занятиях» и «умение работать с разными типами студентов», «использование интерактивных методов обучения» и «использование современных технологий в обучении». Получается, что для студентов на первое место выходят личностные, коммуникативные качества, без которых другие значимые характеристики преподавателя «не работают». Например, умение вести лекции и семинары у студентов МГУ связано с умением создавать комфортную атмосферу и работать с разными типами студентов, в СФУ — с умением мотивировать и работать с разными типами студентов, в БФУ — с умением мотивировать и формировать комфортную атмосферу. Важность коммуникативного компонента дополняется умениями владеть интерактивными образовательными технологиями и управления временем.

Таким образом, данные корреляционного анализа отражают социально значимые схемы восприятия, в которых отдельные качества преподавателя и вуза объединяются в устойчивые когнитивные и ценностные конфигурации, которые варьируют в зависимости от локальной академической культуры: в МГУ акцент делается на профессиональной компетентности и стиле преподавания, в СФУ — на организованности и коммуникации, в БФУ — на личностном взаимодействии и атмосфере. Имидж преподавателя, как и вуза в целом, оказывается продуктом не только объективных характеристик, но и социального контекста, в котором эти характеристики интерпретируются.

Цифровая трансформация системы высшего образования затронула и имидж преподавателя: медийная привлекательность, интерактивность и онлайн-присутствие дополняют традиционные атрибуты авторитета. Однако цифровые навыки имеют разный вес в структуре имиджа преподавателя: для обучающихся они не доминируют, а являются вспомогательным инструментом деятельности, лишь катализируя изменения восприятия педагога, в то время как для профессионального сообщества выступают триггером модернизации образовательной деятельности. Важно подчеркнуть, что уровень цифровой компетентности преподавателя прямо определяет степень доверия и признания его профессионального статуса в академической среде.

Библиографический список

1. *Амелина Ю.М.* Оптимизация образовательного процесса: интеграция цифровых образовательных технологий с применением научно обоснованных методов преподавания // *Цифровая гуманитаристика и технологии в образовании*. М., 2023.
2. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.
3. *Зимбардо Ф., Ляйне М.* Социальное влияние. СПб., 2001.
4. *Иноземцева Л.П.* Имидж преподавателя как составляющая его профессиональной личности // *Вестник ЧелГУ*. 2011. № 24.
5. *Исаева Т.Е.* Создание цифрового имиджа преподавателя высшей школы: цели, возможности и препятствия (результаты эмпирического исследования) // *Концепт*. 2023. № 7.
6. *Коджаспиров Г.М., Коджаспирова А.Ю.* Педагогический словарь. М., 2005.
7. *Леонтьев Д.А.* Имидж. URL: <https://old.bigenc.ru/psychology/text/2005842>
8. *Макарова Л.Н.* Развитие индивидуального стиля педагогической деятельности преподавателя в процессе взаимодействия со студентами // *Гаудеамус*. 2003. № 3.
9. *Макиавелли Н.* Государь. М., 1982.
10. *Масалова Ю.А.* Цифровая компетентность преподавателей российских вузов // *Университетское управление: практика и анализ*. 2021. № 3.
11. *Мелешко Е.Д.* Фундаментальные основания цифровой этики в культурной динамике информационного общества // *Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого*. 2024. № 3.
12. *Михайлов Г.С., Перелыгина Е.Б.* Социально-психологическая природа индивидуального имиджа // *Акмеология*. 2003. № 2.
13. *Открытое образование*. URL: <https://openedu.ru>.
14. *Оценка качества образования*. URL: <https://universarium.org>.
15. *Полянская Н.М.* Роль преподавателя в повышении качества образовательного процесса в высшем учебном заведении // *Мир науки*. 2015. № 3.
16. *Практикум Яндекс*. URL: <https://practicum.yandex.ru>.
17. *Содружество онлайн-высшего образования*. URL: <https://xn--blaxbj.xn--plai/online-education-market>
18. *Созинова М.В.* Ценности в профессиональной деятельности преподавателя высшей школы: проблемы, способы преодоления // *Университет в эпоху педагогических новаций*. М., 2023.
19. *Соколов Д.В.* Знание и образование в цифровую эпоху // *Идеи и идеалы*. 2021. № 2–1.
20. *Фестингер Л.* Теория когнитивного диссонанса. СПб., 2000.
21. *Черкасова В.Ю.* Онлайн-коммуникация преподавателей и студентов в системе высшего образования: проблемы и перспективы // *Педагогическое образование в России*. 2021. № 2.
22. *Чернова К.* Через менторство к мудрости. Как меняется образование и как наставник помогает взять из этого процесса лучшее. URL: <https://nplus1.ru/material/2023/10/05/through-mentoring-to-wisdom>.
23. *Boulding K.E.* *The Image: Knowledge in Life and Society*. University of Michigan Press, 1956.
24. *Bourdieu P., Wacquant L.* *An Invitation to Reflexive Sociology*. Chicago, 1992.
25. *Macfarlane B.* *Intellectual Leadership in Higher Education: Renewing the Role of the University Professor*. Routledge, 2012.
26. *SecurityLab.ru*. URL: <https://www.securitylab.ru/analytics/538888.php?ysclid=mfnt7ajr5b942360772>
27. *Skillbox*. URL: <https://skillbox.ru>.
28. *Skillbox*. URL: <https://skillbox.ru/media/education/stalo-izvestno-kakim-navykam-vazhno-uchit-studentov-chtoby-oblegchit-im-trudoustroystvo>.

Image of the higher education teacher under digital transformation of educational environment*

L.V. Temnova¹, A.K. Verbitskaya²

¹Lomonosov Moscow State University,
Leninskie Gory, 1, Moscow, 119991, Russia

²Moscow Aviation Institute,
Volokolamskoe Sh., 4, Moscow, 125993, Russia

(e-mail: temnova.larisa@yandex.ru; a.verbitskaya@gmail.com)

Abstract. This article considers social factors, mechanisms and conditions of the teacher image formation under digital transformation of educational environment. The empirical basis of the study consists of the online survey conducted in three Russian universities (Lomonosov Moscow State University, Siberian Federal University, and Immanuel Kant Baltic Federal University; N=311) and of 20 expert interviews with teachers and administrators from 12 Moscow universities. The study revealed a gap between actual and ideal images of teachers as perceived by student and academic communities. The teacher image formed by the expert community primarily includes academic competencies — research activity and deep knowledge in their subject area, while communicative competencies play a supporting role. Students' perception of the ideal teacher combines personal and professional qualities, with emotional responsiveness and communicative flexibility being just as important as academic competences (knowledge, ability to explain material, mastery of research methods and digital tools). In the digital age, the role of the teacher expands — an expert, a guarantor of the consistency and reliability of knowledge, a mediator — an intermediary between online knowledge and students. The authors conclude that the image of the higher education teacher is dual due to the gap between the actual (existing) and the ideal (desired) in students' perception. This duality is based on the principle of complementing academic standards with communicative competencies: openness, emotional responsiveness, and readiness to dialogue.

Key words: image of the teacher; higher education; digital transformation; image duality; sociology of education; pedagogical activity

For citation: Temnova L.V., Verbitskaya A.K. Image of the higher education teacher under digital transformation of educational environment. *RUDN Journal of Sociology*. 2026; 26 (1): 142–157. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-1-142-157> EDN: QNNSVU

References

1. Amelina Yu.M. Optimizatsiya obrazovatel'nogo processa: integratsiya tsifrovyykh obrazovatel'nykh tekhnologiy s primeneniem nauchno obosnovannykh metodov prepodavaniya [Optimization of education: Integration of digital educational technologies with scientifically based teaching methods]. *Tsifrovaya Gumanitaristika i Tekhnologii v Obrazovanii*. Moscow; 2023. (In Russ.).

*© L.V. Temnova, A.K. Verbitskaya, 2026

The article was submitted on 15.11.2025. The article was accepted on 15.01.2025.

2. Berger P., Lukmann T. *Sotsialnoe konstruirovaniye realnosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [The Social Construction of Reality. A Treatise in the Sociology of Knowledge]. Moscow; 1995. (In Russ.).
3. Zimbardo F., Leippe M. *Sotsialnoe vliyaniye* [Social Influence]. Saint-Petersburg; 2001. (In Russ.).
4. Inozemtseva L.P. Imidzh prepodavatelya kak sostavlyayushchaya ego professionalnoj lichnosti [Image of the teacher as a component of professional personality]. *Vestnik ChelGU*. 2011; 24. (In Russ.).
5. Isaeva T.E. Sozdaniye tsifrovogo imidzha prepodavatelya vysshej shkoly: tseli, vozmozhnosti i prepyatstviya (rezultaty empiricheskogo issledovaniya) [Creating a digital image of the higher education teacher: Goals, possibilities, and obstacles (results of the empirical study)]. *Kontsept*. 2023; 7. (In Russ.).
6. Kodzhaspirov G.M., Kodzhaspirova A.Yu. *Pedagogichesky slovar* [Pedagogical Dictionary]. Moscow; 2005. (In Russ.).
7. Leontyev D.A. Image. URL: <https://old.bigenc.ru/psychology/text/2005842>. (In Russ.).
8. Makarova L.N. Razvitiye individualnogo stilya pedagogicheskoy deyatel'nosti prepodavatelya v protsesse vzaimodeystviya so studentami [Development of the teacher's individual style of pedagogical activity in interaction with students]. *Gaudeamus*. 2003; 3. (In Russ.).
9. Machiavelli N. *Gosudar* [The Sovereign]. Moscow; 1982. (In Russ.).
10. Masalova Yu.A. Tsifrovaya kompetentnost prepodavatelej rossijskih vuzov [Digital competence of teachers in Russian universities]. *Universitetskoe Upravlenie: Praktika i Analiz*. 2021; 3. (In Russ.).
11. Meleshko E.D. Fundamentalnye osnovaniya tsifrovoy etiki v kulturnoj dinamike informatsionnogo obshchestva [Fundamental foundations of digital ethics in cultural dynamics of the information society]. *Gumanitarnye Vedomosti TGPU im. L.N. Tolstogo*. 2024; 3. (In Russ.).
12. Mikhaylov G.S., Perelygina E.B. Sotsialno-psikhologicheskaya priroda individualnogo imidzha [Social-psychological nature of individual image]. *Akmeologiya*. 2003; 2. (In Russ.).
13. Otkrytoe obrazovanie [Open Education]. URL: <https://openedu.ru>. (In Russ.).
14. Otsenka kachestva obrazovaniya [Education Quality Assessment]. URL: <https://universarium.org>. (In Russ.).
15. Polyanskaya N.M. Rol prepodavatelya v povyshenii kachestva obrazovatel'nogo protsessa v vysshem uchebnom zavedenii [The teacher's role in improving the quality of education in higher education institutions]. *Mir Nauki*. 2015; 3. (In Russ.).
16. Yandex Praktikum. URL: <https://practicum.yandex.ru>. (In Russ.).
17. Sodruzhestvo onlajn-vysshego obrazovaniya [Online Higher Education Community]. URL: <https://xn--blaxbj.xn--plai/online-education-market>. (In Russ.).
18. Sozinova M.V. Tsennosti v professionalnoj deyatel'nosti prepodavatelya vysshej shkoly: problemy, sposoby preodoleniya [Values in the professional activity of the higher education teacher: problems and ways to overcome them]. *Universitet v epokhu pedagogicheskikh novatsiy*. Moscow; 2023. (In Russ.).
19. Sokolov D.V. Znanie i obrazovanie v tsifrovuyu epokhu [Knowledge and education in the digital age]. *Idei i Idealy*. 2021; 2–1. (In Russ.).
20. Festinger L. *Teoriya kognitivnogo dissonansa* [A Theory of Cognitive Dissonance]. Saint Petersburg; 2000. (In Russ.).
21. Cherkasova V.Yu. Onlajn-kommunikatsiya prepodavatelej i studentov v sisteme vysshego obrazovaniya: problemy i perspektivy [Teacher-student online communication in the higher education system: Problems and prospects]. *Pedagogicheskoe Obrazovanie v Rossii*. 2021; 2. (In Russ.).
22. Chernova K. Cherez mentorstvo k mudrosti. Kak menyaetsya obrazovanie i kak nastavnik pomogaet vzyat iz etogo protsessa luchshee [Through mentoring to wisdom: How education changes and how the mentor helps you get the best from it]. URL: <https://nplus1.ru/material/2023/10/05/through-mentoring-to-wisdom>. (In Russ.).

23. Boulding K.E. *The Image: Knowledge in Life and Society*. University of Michigan Press; 1956.
24. Bourdieu P., Wacquant L. *An Invitation to Reflexive Sociology*. Chicago; 1992.
25. Macfarlane B. *Intellectual Leadership in Higher Education: Renewing the Role of the University Professor*. Routledge; 2012.
26. SecurityLab.ru. URL: <https://www.securitylab.ru/analytics/538888.php?ysclid=mfnt7ajr5b942360772>
27. Skillbox. URL: <https://skillbox.ru>.
28. Skillbox. URL: <https://skillbox.ru/media/education/stalo-izvestno-kakim-navykam-vazhno-uchit-studentov-chtoby-oblegchit-im-trudoustroystvo>.

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-1-158-171

EDN: QMVDDV

«Социология риска и безопасности» в системе подготовки социологов: к вопросу о когнитивной безопасности социума и ее гарантиях*

Т.А. Хагуров, М.М. Медведев

Кубанский государственный университет,
ул. Ставропольская, 149, Краснодар, 350040, Россия

(e-mail: khagurov@mail.ru; maxim.med2002@gmail.com)

Аннотация. Кризис современного образования рассмотрен в статье как следствие системного воздействия глобальных вызовов, ведущего к деформации классической триады образовательных целей — «понимание, целеполагание, деятельность». Актуальность исследования обусловлена сочетанием долгосрочных трендов (глобализация, информационная революция, консьюмеризация) и новых угроз (гибридные войны, взрывное развитие ИИ, применение ИКС-технологий), которое ставит под удар когнитивную и ценностную безопасность общества, делая сферу образования фронтом геополитического противостояния. Авторы провели комплексный анализ вызовов и угроз для каждой ступени образовательной триады в контексте гибридных войн и глобальной конкуренции, наметили контуры стратегического ответа в рамках социогуманитарного знания и образовательной политики. Теоретико-методологическую основу статьи составил критический анализ концепций сетевого общества и «текущей современности», теорий глобализации и потребительского общества, а также рискологический подход, позволяющий интегрировать социальные, информационные и образовательные процессы в единое проблемное поле безопасности. Авторы показывают, что сегодня «понимание» блокируется информационной перегрузкой и фрагментацией картины мира, «целеполагание» подвергается эрозии вследствие маркетизации и внешней ценностной агрессии, ведущей к аномии, а «деятельность» теряет созидательно-коллективный смысл, редуцируясь к формальной компетенции или инструменту индивидуалистической конкуренции. Необходим переход от узкотематической профилактики к комплексной стратегии по одновременному формированию целостной картины мира, воспитанию ценностного сознания и организации социально значимой практики, для чего предложена конкретная институциональная форма — магистерская программа «Социология риска и безопасности».

Ключевые слова: когнитивные войны; социология риска и безопасности; социогуманитарное знание; когнитивная и ценностная безопасность; суверенитет

*© Хагуров Т.А., Медведев М.М., 2026

Статья поступила в редакцию 10.12.2025. Статья принята к публикации 15.01.2026.

Для цитирования: Хагуров Т.А., Медведев М.М. «Социология риска и безопасности» в системе подготовки социологов: к вопросу о когнитивной безопасности социума и ее гарантах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2026. Т. 26. № 1. С. 158–171. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-1-158-171> EDN: QMVDDV

Современный мир стремительно меняется. В том, что масштабы и глубина этих изменений необычайно велики, согласны все, но в оценках содержания изменений и вызываемых ими социальных, культурных, политических и иных последствий согласия меньше. Можно выделить здесь две основные линии — оптимистическую и пессимистическую. Первая обычно связывается с технологическими и экономическими новациями, создающими «общество изобилия» [6]. «Футурошок» Э. Тоффлера одним из первых выразил главную идею такого оптимизма: изменения могут шокировать, но они неизбежны, несут много позитивного и к ним нужно адаптироваться, если не хочешь остаться за бортом современности [20]. К пессимизму чаще тяготеют ученые, изучающие трансформации культуры и внутреннего мира человека, но не только они [5; 8; 25].

Независимо от принадлежности к лагерю техно-оптимистов или культур-пессимистов важной задачей социогуманитарного знания становится описание (хотя бы в первом приближении) вызовов, обусловленных следующими трендами: глобализацией (формирование единого общемирового пространства в сфере политики, культуры, экономики и финансов, образования, знаний и технологий) [4], информационно-коммуникационной революцией (главный технологический фактор глобализации, создающий невиданные ранее возможности в распространения и получения информации [21], социального моделирования и управления [7; 10]), резким возрастанием скорости технологических и социальных изменений, «ускорением времени» и рутинизацией аномии вследствие постоянных трансформаций действительности [11], интенсивной консьюмеризацией и маркетизацией разных сфер жизни (в том числе ранее функционирующих по другим законам — образования, здравоохранения, культуры и искусства, семейных и детско-родительских отношений) [23], возрастанием конкуренции на глобальных рынках, индивидуализацией и сопровождающими ее процессами (рост мобильности, отказ от привычной нормативности, расширение спектра возможных идентичностей) [3].

В последние годы к этим вызовам (давно обсуждаемым научным и экспертным сообществом) добавилась угроза новой мировой войны, ареной которой могут стать как минимум три театра военных действий — восточноевропейский, рискующий превратиться в общеевропейский, ближневосточный и дальневосточный. Наряду с резким ростом политической и военной нестабильности появились вызовы, связанные с взрывным развитием технологий ИИ и его влиянием на общество, военную сферу и политику.

Очевидно, что сами по себе перечисленные тренды порождают риски и возможности, которые в своем влиянии на дальнейшее развитие общества и человека могут быть реализованы по-разному. Так, ИИ-технологии по аналогии с технологиями расщепления атома могут быть использованы как во благо, так и во вред. Задача науки и образования (в том числе академической и университетской социологии) — прогнозировать и предлагать модели предупреждения рисков и способы реализации позитивных возможностей. Исторический опыт подсказывает осторожный пессимизм: прежде чем получить гражданское применение и служить обществу многие передовые технологии сначала служили войне и разрушению. От античных катапульт и технологий обработки металлов до бомбардировщиков и атомной бомбы передовые знания и технологии сначала осваивали военные. То же касается и гуманитарных знаний: хотя эпоха активной технологизации (в том числе военной) гуманитарных знаний началась в XX веке, об их прикладном использовании на войне и в политике писали Сунь-Цзы и Конфуций, Платон и Аристотель, Марк Аврелий и Августин [1; 2; 14; 16; 19], а затем Макиавелли в «Государе» [13]. Взрывное развитие и институционализация сферы hi-hume (высоких гуманитарных технологий) началось после Второй мировой войны [8]. В XXI веке оформилась, по сути, новая генерация технологий — ИКС (информационно-когнитивно-социогуманитарные), ставших опорой для когнитивных и информационно-психологических войн.

Мы не проповедуем технологический пацифизм в пику технологическому милитаризму — защита ценностей и суверенитета народов, выживание в жестокое столкновении интересов и проектов субъектов мировой политики и истории невозможно без военно-технологической опоры. Сказанное в полной мере относится и к гуманитарным технологиям, выдвинувшимся в XXI веке на передний край военной и миропроектной конкуренции между государствами, цивилизациями и центрами влияния.

В свете обострения этой конкуренции особого внимания заслуживает воздействие ИКС-технологий на сферу образования — как прямое (многочисленные реформы и дискуссии), так и косвенное (в силу самого факта существования и развития гуманитарных технологий). Это воздействие, одной из наиболее заметных форм которого является цифровизация, порождает наряду с новыми возможностями особый комплекс рисков и вызовов, существенная часть которых оказывается «в тени», за пределами общественных и профессиональных дискуссий о судьбах образования. Рассматривая образование как сферу социального воспроизводства и проектирования будущего, эти риски необходимо анализировать и выработать стратегии их нейтрализации и/или хотя бы смягчения.

Классическая триада целей образования, сформулированная в Античности, предполагала последовательное формирование у учащихся

способностей к пониманию, целеполаганию, деятельности. Считалось, что сначала нужно научить человека понимать окружающий мир, т.е. снабдить его знаниями и интеллектуальными инструментами, позволяющими эти знания использовать, затем — сформировать ценностную позицию (целеполагание основано на ценностях, а они теснейшим образом связаны с идентичностью, без которой невозможна субъектность). И лишь потом, сформировав субъектность и способность понимать мир, — научить действовать, снабдить инструментами практической реализации целей. Быть образованным означало понимать окружающий мир, быть способным к ценностному выбору и только потом — к эффективной деятельности.

Интересно, что технологи когнитивных войн буквально «зеркалят» эту триаду целей, поскольку любая когнитивная война преследует три основные цели: разрушить картину мира человека, лишить его способности адекватно понимать и интерпретировать действительность (на основе искаженной информации и ложных знаний); разрушить ценности, подавить эмоции любви к Родине и патриотизма, заместить их негативом и паникой; лишить людей способности к мобилизации и действиям, подавить их энергию или направить ее против своего государства. На коротких временных отрезках эти задачи решаются при помощи фейков и информационных кампаний, в долгосрочной стратегической перспективе — посредством влияния на образование и культуру.

Сегодня в пространстве образования наблюдается все более явный отказ от перечисленных выше фундаментальных принципов и, как следствие, нарастающий кризис способности общества понимать происходящее, сохранять ценности и действовать. *Первый фактор*, проблематизирующий «понимание», — *информационная перегрузка*, порожденная информационной революцией. Современный человек (студент или школьник) перегружен разнообразной информацией, огромная доля которой не несет полезной нагрузки, а имеет развлекательный (музыка, фильмы, социальные сети) или побудительный (реклама, маркетинг, политика) характер. Если взрослый человек, получивший классическое образование, способен к фильтрации информационных потоков и ориентации в них, то подростки и молодежь — не всегда.

Ребенок, воспитанный мультфильмами, компьютерными играми и рилсами, обретает стойкую привычку к информационно-эмоциональной стимуляции, но не формирует навыков внимания и понимания, для которых нужно читать книги, размышлять над прочитанным и обсуждать его, а планшет и смартфон для этих целей просто неудобны. С другой стороны, на подобное чтение у молодежи просто нет времени — его забирает развлекательная и стимулирующая информация, «общение» в социальных сетях. В результате у огромного числа студентов оперативность в написании рефератов и курсовых обратно пропорциональна способности понять и об-

судить принесенный преподавателю текст. А стремительный рост популярности ИИ в студенческой среде заставляет ностальгически вспоминать традиционно ругаемые преподавателями Википедию и Гугл. Знаниевые системы (очередной шаг их развития после поисковиков интернет-энциклопедий — ИИ-помощники) становятся конечным авторитетом, сил и способности перепроверить который студенты в абсолютном большинстве не имеют. При этом простейший самостоятельный сравнительный анализ разных точек зрения с расширенной источниковой базой становится чуть ли не интеллектуальным высшим пилотажем, доступным немногим аспирантам. Формируемое таким образом сознание отличается принципиальной зависимостью (на фоне иллюзии самостоятельности) от внешних подсказок и слабой способностью к самостоятельному анализу информации. Подчеркнем, что речь идет о тенденции, не отменяющей множества отдельных исключений.

Важно понимать, что глобальные знаниевые системы не дают информацию беспристрастно: они агрегируют информацию избирательно, в соответствии с принципами, выгодными их хозяевам, что особенно опасно для социально-гуманитарного знания и образования, поскольку общественные и гуманитарные науки лишены объективности, свойственной наукам естественным. Типичный пример — история, включающая в себя как исторические факты, так и их толкования, составляющие главный предмет управления знаниями, хотя и факты могут искажаться, подменяться «фейками».

Второй фактор, еще больше проблематизирующий «понимание» — *фрагментация картины мира*. Эту проблему обсуждают последние 150 лет — с тех пор как проявилась возрастающая специализация, но в условиях информационной перегрузки и отказа от чтения ситуация обретает качественную новизну, заставляя ностальгически вспоминать деление на «физиков» и «лириков». Сегодняшние гуманитарии почти не знакомы с естествознанием, а естественники — с историей и литературой. Более-менее цельным схематичным представлением (на уровне советской общеобразовательной школы) о том, как устроен окружающий мир в его основных измерениях (физическом, биологическом, политическом, географическом и т.д.) обладают единицы. Кроме того, в силу интенсивной прагматизации образовательных мотивов общетеоретические курсы, формирующие фундамент профессионального мировоззрения, воспринимаются как ненужная «лирика» и часто игнорируются. Следствие — кризис профессиональной культуры: картина мира, в том числе профессиональная, приобретает принципиально «мозаичный» и/или узкоспециальный характер, что затрудняет самостоятельное ориентирование и принятие решений в хаосе информационных потоков, усиливая зависимость от «информационного сопровождения» в лице глобальных знаниевых систем.

В результате действия названных факторов образовательный процесс в школах и университетах стремительно абсурдизируется: широкое использование информационных технологий вместо совершенствования учебного процесса ведет к его массовой имитации. Повторим: исключений много, но тенденция именно такова.

Другой фактор кризиса образования — его *интенсивная консьюмеризация и маркетингизация* со второй половины XX века (перенос рыночных принципов в образование). Идеальной моделью становится предпринимательский университет, в основе которого лежит идея бизнес-школы и научной фирмы. Возникает опасный перекося в целях образовательной и воспитательной деятельности — экономоцентризм, порождающий две группы последствий: 1) стремительную утрату идеальной мотивации (любви к профессии, осознания ее смысла, общественной и иной значимости), критически важной для полноценного овладения сложными видами труда (врача, педагога, управленца и т.п.); ведущими мотивами выпускников становятся деньги и статус (один из важнейших факторов массовой депрофессионализации); 2) утрату многих неутилитарных аспектов деятельности университетов — от курсов по истории античной эстетики до исследований средневековой поэзии; интеллектуальный и культурный потенциал университета «схлопывается» до горизонтов, определяемых рынком. Все это ведет к утрате субъектности, которая не противоречит индивидуализации (часто второе принимается за первое): субъектность предполагает, прежде всего, наличие идентичности и ценностной позиции, а затем свободы и ответственности; индивидуализация означает эмансипацию эгоизма и потребностной сферы. Сказанное относится и к образовательной субъектности, часто подменяемой индивидуализацией: студент выбирает удобные образовательные траектории, далеко не всегда позволяющие получить полноценное образование.

Главным следствием перечисленных тенденций в сфере образования становятся нарастающие риски *утраты когнитивной и ценностной безопасности социума* — способности формировать и поддерживать адекватную картину мира, правильным образом интерпретировать реальность и сохранять субъектность на основе следования собственным ценностям. Общество должно сохранять способность задавать правильные вопросы о мировых процессах, находить и осмысливать ответы на них и вырабатывать стратегию действий, обеспечивающую выживание. Особая роль здесь принадлежит государству — главному инструменту выживания народа в долгосрочной перспективе — и его институтам. Однако важнейшую роль играет и общественное сознание, идентичность, ценности и настроения — общество должно сотрудничать с государством.

Таким образом, ответ на вопрос «что происходит с Родиной и с нами» с позиций умеренного пессимизма, может звучать так:

- «воронка» системной трансформации мира захлопнулась и превратилась в «тоннель»; «воронка» была открыта разрушением СССР (1991), а ее окончательное сужение и превращение в «тоннель» связано с пандемией (2020) и началом СВО (2022), однако вход в воронку готовился западными элитами с середины 1960-х — начала 1970-х годов (маркер — доклад Римского клуба «Пределы роста» [15]);

- «тоннель» мир-системной трансформации всегда сопровождается войнами, ростом насилия и хаоса, например, «темноевековье» V–VII веков — трансформация античного мира в средневековый — или «длинный XVI век», завершившийся тридцатилетней войной и трансформацией Средневековья в мир Модерна, Нового времени [21];

- важной слагаемой военного аспекта трансформации выступает социогуманитарная (когнитивная) война — с ценностями, смыслами, мышлением и психологией; на наших глазах происходит «мягкая», но настойчивая дегуманизация многих сфер жизни (образования, культуры и политики в том числе) [24];

- цель трансформации, насколько можно судить по доступной информации, — становление «нового дивного мира», «многоэтажного человечества», отменяющего мир Модерна и идею развития, закрепляющего фундаментальное неравенство и напоминающего сюжеты антиутопий О. Хаксли, Р. Брэдли и А. Зиновьева;

- если этот вариант будущего состоится, России в нем места не будет.

В ответах такого рода есть два существенных недостатка. Первый связан с тем, что подобные общественно-политические диагнозы часто стигматизируются научным сообществом как несколько истеричный алармизм. «Оптимисты» любят вспоминать египетский папирус трехтысячелетней давности, на котором неизвестный жрец сокрушается по поводу развращенной молодежи, утраты традиций и близкого краха государства и общества: «и ничего — живем до сих пор», весело говорят оптимисты. Возражая, заметим, что алармизм — это не всегда невроз и истерика, иногда это вполне обоснованный пессимизм, опирающийся на наблюдения и аналитику, связанный с попыткой объективного прогноза наблюдаемых сегодня тенденций. Что же касается египетского жреца, то случаи разрушения отдельных государств и целых цивилизаций в истории не редкость, достаточно вспомнить крах Российской империи или распад СССР.

Второй недостаток такого рода ответов состоит в том, что они слишком общие и требуют уточнения применительно к разным сферам общественной жизни. Так, в сфере образования первая группа угроз когнитивной безопасности связана с той системой знаний и их источников, которую усваивают школьники и студенты и на основе которой потом интерпретируют окружающую действительность. Вторая группа угроз когнитивной

безопасности обусловлена деформацией ценностного сознания общества (прежде всего, молодежи) на основе доминирующих источников информации. Особая категория знаний связана с формированием личности, передачей ценностей и воспитанием. Успешность воспитания в существенной степени зависит от воздействий семьи, системы образования, популярного искусства (кинематографа, литературы и т.п.) и в целом медиасферы. В зависимости от того, насколько согласованы эти воздействия, личность усвоит целостную либо фрагментарную систему ценностей. Одна из главных проблем общественного сознания сегодня — рутинизация аномии (в дюркгеймианском смысле) объясняется тем, что воспитательная роль школы и семьи оспаривается индустрией интернет-инфлюэнсеров и массовым искусством.

Инфлюэнсеры — популярные блогеры, ведущие интернет-каналов, коучи и другие медийные персоны, играющие для молодежи роль лидеров мнений и потому влияющие на ее мировоззрение. Основное содержание их культурных посылов аудитории направлено в первую очередь на формирование у молодежи ироничного отношения к традиционным ценностям (в том числе патриотизму) и навязывание ценностей потребления, эгоизма и индивидуализма. Как показывают наши исследования, большой популярностью пользуются авторы и ведущие юмористических каналов и передач, среди которых много работающих в жанре скетча, включая пародии на российскую культуру и традиционные ценности [9. С. 139]. Популярны авторы и ведущие каналов о ЗОЖ (здоровый образ жизни) и ПП (правильное питание), многие из которых пропагандируют идеи «любви к себе» и «заботы о себе» в качестве главных ценностей. Аналогичные идеи транслируют популярные у женской аудитории бьюти-блогеры, специализирующиеся на темах красоты, внешности и моды. В числе наиболее популярных инфлюэнсеров и авторы/ведущие блогов и каналов в жанре поп-психологии и лайф-коуча, часто настойчиво пропагандирующие идеи радикального индивидуализма: «любовь к себе», «никто никому ничего не должен», «человек сам устанавливает для себя правила» и т.п. Причем эта часть интернет-пространства массовой культуры пересекается с дискурсивным полем оккультизма, активно развивающимся рынком эзотерических услуг [17. С. 118]. Отдельная группа угроз связана с пропагандой деструктивных и денормативных форм поведения, которой занимается целый ряд лидеров мнений, в том числе работающих на цифровых платформах, — это коммерческие проекты, за которыми стоят стратегии управления обществом через активизацию определенных (низменных) потребностей аудитории, коммерческую эксплуатацию девиантных форм поведения.

Продолжая анализ классической триады образования, обратимся к третьей, завершающей цели. Первые две ступени — понимание и це-

леполагание — разрушаются под влиянием информационного прессинга и ценностной аномии, но сфера «деятельности» подвергается не менее системной эрозии. Еще советская педагогическая мысль, преодолевая абстрактный дидактизм, выдвигала на первое место принцип связи обучения с жизнью, с общественно полезным трудом [12]. Деятельность в контексте образования выполняет важную функцию — способа объективации внутренних убеждений и проверки ценностей на прочность, механизма формирования подлинной субъектности (когда человек выступает не как исполнитель, а как сознательный творец и соучастник общего дела). В современной образовательной практике происходит системная девальвация данной концепции деятельности — ее содержание нередко редуцируется до инструмента формальной аттестации в рамках компетентностного подхода. Образовательные стандарты декларируют формирование компетенций, однако активность учащихся все чаще сводится к выполнению шаблонных проектов, оторванных от реальных проблем. Деятельность становится имитационной, а ее результатом — не продукт, имеющий ценность для коллектива или общества, а отчетный материал для портфолио.

Индивидуализация и маркетизация в образовании приводят к системному вытеснению коллектива как воспитательной среды для создания ответственных отношений и интеграции через общую трудовую деятельность. Проектная работа часто носит разрозненный характер, не сплачивая, а создавая индивидуалистическую конкуренцию между учащимися, что поощряет достижение результата «любой ценой» и ведет к нарастающей атомизации внутри воспитательной среды. В целом система образования, нацеленная на формальные показатели компетентностного и проектного подходов, поощряет утилитарное, потребительское отношение к учебе как к инструменту личного успеха. Деятельность, лишённая личностного смысла и социальной значимости, превращается в отчужденную рутину. Поскольку силы ученика тратятся не на созидание, а на симуляцию, в долгосрочной перспективе ему угрожает глубокая экзистенциальная депривация.

Все перечисленное — это не только и столько объективные тренды развития информационного глобализированного общества, сколько инструменты и составные части гибридной войны против России, включающей в себя классическое военное, экономическое и социогуманитарное (информационно-психологическое, когнитивное) измерения. Один из главных принципов когнитивной войны — воздействие на специфические для каждого общества культурно-исторические «болевы́е точки». История «цветных революций» показывает, что такими точками для обществ Ближнего Востока стали религиозные и племенные противоречия, для Украины — вопросы национального самосознания, для

России — вопросы недоверия к власти, социальной несправедливости и протеста. В постсоветский период, на фоне управляемой актуализации исторических травм обострились проблемы межэтнических и конфессиональных противоречий. С одной стороны, российское общество имеет длительный исторический опыт мирного сохранения этноконфессионального разнообразия, что помогает противоречия преодолевать. С другой стороны, их преодоление затрудняется разрушением общего ценностно-нормативного, социокультурного и идеологического пространства и недостаточностью предпринимаемых попыток его восстановления. Особую проблему представляет системная деидеологизация российского общества, начавшаяся в период «перестройки».

Наличие государственной идеологии — важное слагаемое психологической и политической устойчивости общества. Сплочение граждан вокруг национальной идеи обеспечивает необходимый уровень мобилизации, позволяя обществу выстаивать в сложных обстоятельствах и конфликтах. Такой идеологией, обеспечивающей гражданское сплочение в условиях этноконфессионального разнообразия, для России призван стать «патриотизм, направленный на развитие страны» [18]. Однако формирование полноценного идеологического сознания молодежи на основе идеи патриотизма существенно осложняется влиянием двух факторов: потребительской деформацией ценностного сознания; воздействием на общественное сознание оппозиционных по отношению к политическому курсу и руководству страны иностранных и отечественных СМИ, часто выражающих антигосударственную позицию под маской патриотизма и заботы. В результате совместного воздействия этих факторов в контексте рисков когнитивной безопасности одна часть общества (прежде всего молодежь) идеологически демобилизована влиянием потребительских ценностей, а другая часть дезориентирована влиянием ведущих информационную войну СМИ, что приводит к утрате существенной частью общества способности к активной, деятельной патриотической позиции. Доминирует либо социальная и гражданская пассивность, либо активность протестного типа, направленная против государства.

Перечисленные риски и вызовы когнитивной безопасности общества создают угрозу его адаптации и выживанию как коллективного исторического субъекта в агрессивном, шатающемся миропорядке XXI века. В то же время будущее не гарантировано и в значительной степени может корректироваться из нашего «сегодня», причем национальные культурно-интеллектуальные ресурсы (школы, университеты, искусство и т.п.) могут выступить в роли «корректоров», во взаимодействии с государством пытаясь реализовать иные возможности, заложенные в современных трендах. Особую актуальность обретает исследование жизненного мира,

социального самоопределения и «болезней взросления» членов социума. Расширение и углубление понимания процессов формирования разных типов идентичности, выявление кризисных точек социальных взаимодействий, анализ личностного преломления социальных напряжений, изучение трансформаций институтов и механизмов социализации и социального контроля — все это *актуальные теоретические* вопросы социогуманитарного знания.

В то же время очевиден запрос на *прикладное знание* в области прогнозирования, выявления и описания, анализа и профилактики рисков: войны, экстремизма, криминализации, культурной инверсии, деформации гендерных и детско-родительских отношений и т.п. По сути, сегодня в сфере прогнозирования и профилактики рисков сложилась классическая проблемная ситуация — противоречие между необходимостью повышения эффективности сложившихся и практикуемых подходов и недостатком знаний о социальных и психологических процессах, на основе которых подобный «апгрейд» может быть осуществлен.

Традиционно в научных и образовательных программах, направленных на разработку технологий профилактики деструктивных явлений, используется методология предметного фокусирования. Так, если речь идет о профилактике экстремизма, изучаются установки в сфере межнационального и межконфессионального общения, политические взгляды; если разрабатывают методы профилактики наркопотребления, то изучается опыт употребления психоактивных веществ и отношение к ним, и т.п. Новизна программы для магистров-социологов — «Социология риска и безопасности» (открыта в КубГУ с 2024 года) — связана с комплексностью исследования жизненного мира членов социума и протекающих в нем процессов на основе рискологического подхода.

Существуют, по-видимому, три главных мотива для научного изучения общества и социального поведения: 1) чтобы эксплуатировать человека политически и/или экономически, обслуживая потребности власть имущих; 2) чтобы свысока наблюдать за человеком, чувствуя интеллектуальное превосходство, и зарабатывать на этом (постмодернистские «языковые игры»); 3) чтобы сострадательно понять человека и помочь ему. Именно последний мотив органичен для российской интеллектуальной традиции, сформированной классической литературой и ее религиозными корнями.

Обосновывая важность институционализации «Социологии риска и безопасности», следует сказать о роли отечественной социологии в обеспечении когнитивной и ценностной безопасности. Профилактическая и коррекционная работа с обществом в целом и его отдельными сегментами в условиях современных вызовов должна строиться по симметричным этим вызовам направлениям: формирование правильной картины мира,

информационная поддержка, разъяснение, работа с «фейками»; ценностное, культурно-нравственное воспитание и просвещение; организация повседневных форм деятельности, связанных с реализацией ценностной и гражданской позиции, патриотизма. Во всех направлениях объяснительный и прикладной потенциал социальных и гуманитарных наук критически важен для обеспечения устойчивости и жизнеспособности социума. При этом принципиальным остается вопрос о когерентности используемых теоретико-методологических подходов реалиям и социокультурным кодам российского общества. Следовательно, обсуждение как самой идеи «Социологии риска и безопасности», так и возможных подходов к ее реализации представляется не только своевременным, но в чем-то даже запаздывающим.

Библиографический список

1. *Августин Блаженный*. Творения. Т. 3. СПб.; Киев, 1998.
2. *Аристотель*. Политика. М., 2010.
3. *Бауман З.* Текущая современность. СПб., 2008.
4. *Бергер П., Хантингтон С.* Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире. М., 2004.
5. *Бодрийяр Ж.* Общество потребления. Его мифы и структуры. М., 2006.
6. *Гэлбрейт Дж.К.* Общество изобилия. М., 2018.
7. *Делягин М.Г.* Драйв человечества. Глобализация и мировой кризис. М., 2008.
8. *Делягин М.Г.* Мировой кризис: Общая теория глобализации. М., 2003.
9. Доклад о состоянии гражданского общества в Краснодарском крае за 2024 год. URL: <https://www.op-kk.ru/info/doklad>.
10. *Кастельс М.* Власть коммуникации. М., 2020.
11. *Кравченко С.А.* Социология модерна и постмодерна в динамически меняющемся мире. М., 2007.
12. *Макаренко А.С.* Трудовое воспитание. М., 1977.
13. *Макиавелли Н.* Государь. М., 2017.
14. *Марк Аврелий Антонин.* Размышления. М., 1985.
15. *Медоуз Д.Х., Медоуз Д.Л., Рэндерс Й., Беренс В.* Пределы роста. М., 1991.
16. *Платон.* Алкивиад Первый // Платон. Сочинения. Т. 2. СПб., 1863.
17. *Позднякова М.Е., Брюно В.В.* Поп-психология // Молодежь нашего города: субкультуры, движения, идеологии и практики (социологический путеводитель) / Под науч. и общ. ред. Т.А. Хагурова. М., 2025.
18. «Посвятить себя развитию страны»: Путин назвал патриотизм национальной идеей России. URL: <https://russian.rt.com/russia/article/745442-putin-patriotizm-nacionalnaya-ideya>.
19. *Сунь Цзы.* Искусство войны. М., 2018.
20. *Тоффлер Э.* Шок будущего. М., 2002.
21. *Уэбстер Ф.* Теории информационного общества. М., 2004.
22. *Фурсов А.И.* Оргазм богомола. М., 2021.
23. *Хагуров Т.А.* Методология девиантологических исследований в современном обществе: «человек-потребитель» в фокусе девиантологического анализа // Общество и право. 2005. № 1.
24. *Хагуров Т.А.* Неофашизм vs неогуманизм как континуум девиантологических проблем XXI века // Вестник практической психологии образования. 2015. Т. 12. № 1.
25. *Эко У.* Средние века уже начались // Иностранная литература. 1994. № 4.

Sociology of Risk and Safety in training sociologists: Societal cognitive security and its guarantors*

T.A. Khagurov, M.M. Medvedev

Kuban State University,
Stavropolskaya St., 149, Krasnodar, 350040, Russia

(e-mail: khagurov@mail.ru; maxim.med2002@gmail.com)

Abstract. The article considers the crisis of today’s education as a consequence of the systemic impact of global challenges, leading to the deformation of the classical triad — understanding, goal setting, action. The relevance of the study is determined by the combination of long-term trends (globalization, information revolution, consumerization) and new threats (hybrid wars, explosive development of AI, use of ICS) to the cognitive and value security of society, which turns education into a frontline in geopolitical confrontation. The authors conducted a comprehensive analysis of the challenges and threats for each stage of the education triad under hybrid wars and global competition, outlining the contours of a strategic response within the framework of social-humanitarian knowledge and educational policy. The theoretical-methodological basis of the article is a critical analysis of the concepts of the network society, “liquid modernity”, globalization and consumer society and a riskological approach that allows for integration of social, information and educational processes into a single subject field of security studies. The authors show that today “understanding” is blocked by information overload and fragmented worldview, “goal setting” is eroded by marketization and external value-based aggression leading to anomie, and “activity” loses its creative and collective meaning, being reduced to a formal competence or a tool for individualistic competition. Thus, we need a transition from narrowly focused prevention to a comprehensive strategy to simultaneously develop holistic worldview, value consciousness and socially significant practice, for which the authors propose a specific institutional framework — the Master’s program in Sociology of Risk and Security.

Key words: cognitive wars; sociology of risk and safety; social-humanitarian knowledge; cognitive and value security; sovereignty

For citation: Khagurov T.A., Medvedev M.M. Sociology of Risk and Safety in training sociologists: Societal cognitive security and its guarantors. *RUDN Journal of Sociology*. 2026; 26 (1): 158–171. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-1-158-171> EDN: QMVDDV

References

1. Saint Augustine. *Tvoreniya* [Works]. Vol. 3. Saint Petersburg; Kiev; 1998. (In Russ.).
2. Aristotle. *Politika* [Politics]. Moscow; 2010. (In Russ.).
3. Bauman Z. *Tekuchaya sovremennost* [Liquid Modernity]. Saint Petersburg; 2008. (In Russ.).
4. Berger P., Huntington S. *Mnogolikaya globalizatsiya. Kulturnoe raznoobrazie v sovremenom mire* [Many Globalizations: Cultural Diversity in the Contemporary World]. Moscow; 2004. (In Russ.).
5. Baudrillard J. *Obshchestvo potrebleniya. Ego mify i struktury* [The Consumer Society: Myths and Structures]. Moscow; 2006. (In Russ.).

*© T.A. Khagurov, M.M. Medvedev, 2026

The article was submitted on 10.12.2025. The article was accepted on 15.01.2026.

6. Galbraith J.K. *Obshchestvo izobiliya* [The Affluent Society]. Moscow; 2018. (In Russ.).
7. Delyagin M.G. *Draiv chelovechestva. Globalizatsiya i mirovoy krizis* [The Drive of Humanity. Globalization and the World Crisis]. Moscow; 2008. (In Russ.).
8. Delyagin M.G. *Mirovoy krizis: Obshchaya teoriya globalizatsii* [The World Crisis: General Theory of Globalization]. Moscow; 2003. (In Russ.).
9. Doklad o sostoyanii grazhdanskogo obshchestva v Krasnodarskom krae za 2024 god [Report on the State of Civil Society in the Krasnodar Region in 2024]. URL: <https://www.op-kk.ru/info/doklad>. (In Russ.).
10. Castells M. *Vlast kommunikatsii* [Communication Power]. Moscow; 2020. (In Russ.).
11. Kravchenko S.A. *Sotsiologiya moderna i postmoderna v dinamicheski menyayushchemsya mire* [Sociology of Modernity and Postmodernity in the Dynamically Changing World]. Moscow; 2007. (In Russ.).
12. Makarenko A.S. *Trudovoe vospitanie* [Labor Education]. Minsk; 1977. (In Russ.).
13. Machiavelli N. *Gosudar* [The Sovereign]. Moscow; 2017. (In Russ.).
14. Marcus Aurelius Antoninus. *Razmyshleniya* [Meditations]. Moscow; 1985. (In Russ.).
15. Meadows D.H., Meadows D.L., Randers J., Behrens W. *Predely rosta* [The Limits to Growth]. Moscow; 1991. (In Russ.).
16. Plato. Alkiviad Pervy [First Alcibiades]. *Sochineniya*. Vol. 2. Saint Petersburg; 1863. (In Russ.).
17. Pozdnyakova M.E., Bryuno V.V. Pop-psikhologiya [Pop psychology]. *Molodezh nashego goroda: subkultury, dvizheniya, ideologii i praktiki (sotsiologichesky putevoditel)*. Ed. by T.A. Khagurov. Moscow; 2025. (In Russ.).
18. “Posvyatit sebya razvitiyu strany”: Putin nazval patriotizm natsionalnoy ideey Rossii [“To devote oneself to the development of the country”: Putin called patriotism the national idea of Russia]. URL: <https://russian.rt.com/russia/article/745442-putin-patriotizm-natsionalnaya-ideya>. (In Russ.).
19. Sun Tzu. *Iskusstvo voyny* [The Art of War]. Moscow; 2018. (In Russ.).
20. Toffler A. *Shok budushchego* [Future Shock]. Moscow; 2002. (In Russ.).
21. Webster F. *Teorii informatsionnogo obshchestva* [Theories of the Information Society]. Moscow; 2004. (In Russ.).
22. Fursov A.I. *Orgazm bogomola* [Praying Mantis Orgasm]. Moscow; 2021. (In Russ.).
23. Khagurov T.A. Metodologiya deviantologicheskikh issledovaniy v sovremennom obshchestve: “Chelovek-potrebitel” v fokuse deviantologicheskogo analiza [Methodology of deviance studies in contemporary society: “Consumer man” in the focus of analysis of deviant behavior]. *Obshchestvo i Pravo*. 2005; 1. (In Russ.).
24. Khagurov T.A. Neofashizm vs negumanizm kak kontinuum deviantologicheskikh problem XXI veka [Neo-fascism vs neo-humanism as a continuum of deviance in the 21st century]. *Vestnik Prakticheskoy Psikhologii Obrazovaniya*. 2015; 1 (In Russ.).
25. Eco U. Srednie veka uzhe nachalis [The New Middle Ages]. *Inostrannaya Literatura*. 1994; 4. (In Russ.).

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-1-172-177

EDN: QLQYCL

Социология связей с общественностью в контексте социологического образования*

Ф.И. Шарков, В.В. Силкин, О.Ф. Киреева

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
просп. Вернадского, 82, Москва, 1119571, Россия

(e-mail: sharkov-fi@ranepa.ru; vv.silkin@igsu.ru; kireeva-of@ranepa.ru)

Аннотация. Социологические исследования в сфере связей с общественностью становятся все более приоритетными, а в последние годы в России было проведено несколько исследований, посвященных использованию специалистами по связям с общественностью социологических методов. Авторы попытались выделить наиболее часто используемые инструменты, задания и платформы, которые используют преподаватели в аудиториях и за их пределами, чтобы удовлетворить потребности молодых специалистов по связям с общественностью в начале профессиональной карьеры. По мере роста социальной значимости связей с общественностью возникла потребность в понимании того, как эта сфера деятельности влияет на общество и для чего она нужна. Для ответа на эти вопросы следует сочетать разные теоретические подходы, в частности, для понимания того, как связи с общественностью функционируют на микро-, мезо- и макроуровне, необходима социологическая интерпретация понятий и методологический анализ протекающих социальных процессов. В статье представлены результаты исследований, проведенных в трех широких категориях — социальные изменения, социальные силы и социальные взаимодействия. Социология связей с общественностью как раздел социологической науки развивалась в основном под влиянием множества практических вопросов, связанных с общественными связями и политическими проблемами, которые возникли в условиях быстрой трансформации медиапространства. Многие исследования были призваны выяснить, оправдывает ли данная специальная социологическая дисциплина ожидания в плане формирования более рациональных, культурно адаптированных и продуктивных личностей и, как следствие, «лучшего» общества.

Ключевые слова: социологическое образование; связи с общественностью; социология связей с общественностью; социологические исследования; социологические методы; медиапространство

Для цитирования: Шарков Ф.И., Силкин В.В., Киреева О.Ф. Социология связей с общественностью в контексте социологического образования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2026. Т. 26. № 1. С. 172–177. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-1-172-177> EDN: QLQYCL

*© Шарков Ф.И., Силкин В.В., Киреева О.Ф., 2026

Статья поступила в редакцию 05.12.2025. Статья принята к публикации 15.01.2026.

Социологи, придерживающиеся интерпретативной традиции, рассматривают образовательные учреждения как место, где смысл социально конструируется в ходе повседневных взаимодействий. Эта исследовательская традиция включает в себя общие принципы социологической феноменологии, символического интеракционизма и этнометодологии, соответственно, в центре ее внимания находятся вопросы микроуровня, а исследования, как правило, опираются на качественные методы — чтобы всесторонне проанализировать общество в контексте «структурированных социальных отношений среди большого сообщества людей и развития социальных институтов» [5].

Социология включает в себя целый ряд различных точек зрения, которые могут быть более или менее критичными по отношению к социальным отношениям. Социологический подход к связям с общественностью можно рассматривать как изучение данной профессии с позиции возможных положительных и отрицательных последствий деятельности ее представителей для общества. Взгляд на связи с общественностью, опирающийся на социологические теории, позволяет охватить и понять данную деятельность на общественном, организационном и индивидуальном уровнях. Такие исследовательские усилия могут быть продиктованы разными целями, включая улучшение коммуникации или обеспечение социальной справедливости, но все же основная цель социологических исследований связей с общественностью — изучение взаимодействия исследователей, практиков, объединений и общества в целом [5].

Несомненно, число исследований в области связей с общественностью, основанных на социологических подходах, выросло в последние годы, о чем свидетельствует, например, метаанализ работ Ю. Хабермаса [1]. Необходимость применения социологических подходов к связям с общественностью отстаивала Д. Л'Этанг [6; 7]: она одной из первых использовала термин «социология связей с общественностью», чтобы открыть эту область для критического анализа, избегая функционалистских требований, предъявляемых к исследованиям, которые должны удовлетворять потребности отраслевой практики [8. С. 521].

В научной литературе по связям с общественностью, в которой обосновывается использование социологических теорий, можно найти ответы на ряд принципиальных вопросов, в частности: 1) какую роль играет социологическое образование в сфере связей с общественностью как на макроуровне (широкие изменения в обществе), так и на микроуровне (решение конкретных проблем организации взаимодействия в тех или иных организациях); 2) каковы взаимоотношения между практиками и общественными силами на мезо- и микроуровне; 3) в какой степени социологическое образование влияет на такие структуры, как рынок и институты социализации; 4) как связи с общественностью способствуют социальному взаимодействию, социальным связям и социальному капиталу; 5) вносят ли связи с обществен-

ностью позитивный вклад в общественное развитие, например, посредством построения гражданского общества, и какую роль играют в социальных конфликтах [4].

Социальные изменения и связи с общественностью. Одна из наиболее амбициозных целей теоретиков — подробное описание общества с указанием произошедших в нем социальных изменений, но исследователей в области связей с общественностью интересуют и нынешние явления и процессы [10] — как продукт и движущая сила более широких социальных изменений. Так, Н. Луман, изучая проблему социальных изменений, отмечал, что общество становится все более дифференцированным — как функционально, так и структурно. Сформировались подсистемы — рынки, политика, религия и наука, каждая из которых функционирует в соответствии с собственной рациональностью, пониманием идентичности системы и окружающей среды, кодами и средствами коммуникации. Идеи Лумана применяются в социологии связей с общественностью, например, с помощью связей с общественностью организации доносят до своих сотрудников мнения заинтересованных сторон и влияют на принятие ими решений [9], т.е. связи с общественностью рассматриваются как важнейший механизм взаимодействия разных социальных системам. Организации благодаря своим взаимодействиям формируют идентичность. Специалисты по связям с общественностью предоставляют информацию соответствующим группам заинтересованных сторон, участвуют в дискуссиях, реагируют на споры, подробно обсуждая как технические, так и моральные вопросы, а также обеспечивают обратную связь в организациях. Многие исследователи в области связей с общественностью, опирающиеся на социологические теории, отмечают потенциальный позитивный вклад связей с общественностью в развитие общества [4; 5].

Социальные силы и специалисты по связям с общественностью. Часто задаваемый социологами вопрос касается того, какая структура или агентство имеет первостепенное значение в обществе, — это «один из самых острых вопросов в социальной теории» [2. С. 11]. Необходимо понять, существуют ли системные факторы, которые в той или иной степени определяют, что, например, могут делать специалисты по связям с общественностью и как может социологическое образование в сфере связей с общественностью повлиять на развитие общественных отношений. Взгляд, сфокусированный на обществе или структурах, поставил бы под сомнение возможности свободного агента, настаивая, что социальные субъекты встроены в социальные порядки: например, такая точка зрения помогает объяснить, почему люди остаются на работе, которая им категорически не нравится. Многие теоретики, занимающиеся связями с общественностью, исследуют, как таковые создаются, изменяются, поддерживаются на основе отношений между организацией и окружающей средой. Ключевые понятия такового

анализа — влияние институциональной логики, «переводческая» и институциональная работа [4].

Основываясь на идеях З. Баумана и оценивая их последствия для практической деятельности в сфере связей с общественностью, Ф. Бахманн [1. С. 321] предположил, что связи с общественностью, постепенно «переходя к алгоритмическому управлению коммуникациями, пренебрегают моральными соображениями». Опираясь на это предположение, Д. Фалькхаймер [3] выделил «третью точку зрения на связи с общественностью» — способ их концептуализации, балансирующий между управленческими, функционалистскими и предписывающими традициями. Функционалистский подход в образовании призван развивать прикладные аспекты связей с общественностью в ситуационном разрезе, позволяя интегрировать теорию и практику современных коммуникаций.

Таким образом, авторы тезисно обозначили вклад социологической теории и исследовательской практики в развитие методологии связей с общественностью. Важно отметить, что социологические исследования помогают уточнить роль и место связей с общественностью в обществе, их способы воздействия на целевые группы населения, а также механизмы влияния общества на развитие теории и практики связей с общественностью. Сегодня таковые должны быть рефлексивной практикой, способствующей адаптации организаций различного уровня и общества в целом к происходящим изменениям. Использование социологических теорий в организации и управлении связями с общественностью способствует интеграции теории и практики для достижения общественного согласия. Многие исследователи справедливо отмечают, что теория и практика связей с общественностью неразрывно переплетены с теоретико-методологическими основами социологических знаний.

Предмет социологии связей с общественностью выходит за рамки только организационно-ориентированных подходов. В социологическом рассмотрении сферы публик рилейшнз, в том числе в образовательном контексте, важно понимать контекст применения социологических теорий, скажем, это анализ изменений в обществе или же уточнение роли, которую в этих изменениях играет система прикладных социальных и медийных взаимосвязей. Более того, огромное количество концепций можно заимствовать из социологической и — шире — социальной теории и применить к изучению отношений с общественностью, например, концепции социального доверия, легитимности, понимания и рефлексии, которые можно найти в работах М. Вебера, Ю. Хабермаса и Н. Лумана. Поскольку социальная теория склонна фокусироваться на социальных проблемах, выявленные/диагностированные ею аспекты и элементы этих проблем могут лечь в основу подготовки специалистов по связям с общественностью.

Библиографический список / References

1. Buhmann A., Ihlen Ø., Aaen-Stockdale C. Connecting the dots: A bibliometric review of Habermasian theory in public relations research. *Journal of Communication Management*. 2019; 23 (4).
2. Elliott A. *Contemporary Social Theory: An Introduction*. Routledge; 2014.
3. Falkheimer J. On Giddens: Interpreting public relations through Anthony Giddens's structuration and late modernity theories. Ø. Ihlen, M. Fredriksson (Eds.). *Public Relations and Social Theory: Key Figures, Concepts and Developments*. Routledge; 2018.
4. Fredriksson M., Ihlen Ø. Introduction: Public relations and social theory. Ø. Ihlen, M. Fredriksson (Eds.). *Public Relations and Social Theory: Key Figures, Concepts and Developments*. Routledge; 2018.
5. Giddens A., Sutton P.W. *Essential Concepts in Sociology*. Polity Press; 2017.
6. L'Etang J. Public relations and historical sociology: Historiography as reflexive critique. *Public Relations Review*. 2014 ; 40 (4).
7. L'Etang J. Public relations: A discipline in transformation. *Sociology Compass*. 2013 ; 7 (10).
8. L'Etang J. Critical public relations: Some reflections. *Public Relations Review*. 2005 ; 31 (4).
9. Osswald A. Public relations as a complex decision-based practice. *Public Relations Inquiry*. 2019; 8 (3).
10. Radford G.P. Public relations in a postmodern world. *Public Relations Inquiry*. 2012; 1 (1).

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-1-172-177

EDN: QLQYCL

Sociology of public relations in the context of sociological education*

F.I. Sharkov, V.V. Silkin, O.F. Kireeva

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Vernadskogo Prosp., 82, Moscow, 119571, Russia

(e-mail: sharkov-fi@ranepa.ru; vv.silkin@igsu.ru; kireeva-of@ranepa.ru)

Abstract. Sociological research in public relations has become an increasingly important priority. In recent years, several studies were conducted in Russia on the use of sociological methods by public relations professionals. The authors identified the most frequently used tools, tasks and platforms in and outside the classroom to meet the needs of young public relations professionals at the beginning of their professional careers. As the social significance of public relations grows, it is necessary to understand how this field of activity influences society and why it is needed. To answer these questions, the authors rely on a combination of theoretical approaches, particularly to understand how public relations function at the micro-, meso-, and macro-levels, referring to the sociological interpretation of concepts and conducting a methodological analysis of ongoing social processes. The article presents the results of research conducted in three broad categories: social change, social forces, and social interactions. Sociology of public relations as a branch of sociological

*© F.I. Sharkov, V.V. Silkin, O.F. Kireeva, 2026

The article was submitted on 05.12.2025. The article was accepted on 15.01.2026.

science has developed primarily under the influence of a multitude of practical issues related to public relations and political problems under the rapid transformation of the media landscape. Many studies aim at identifying whether this specialized sociological discipline fulfils its promise of forming more rational, culturally adapted and productive individuals and, as a result, a “better” society.

Key words: sociological education; public relations; sociology of public relations; sociological research; sociological methods; media space

For citation: Sharkov F.I., Silkin V.V., Kireeva O.F. Sociology of public relations in the context of sociological education. *RUDN Journal of Sociology*. 2026; 26 (1): 172–177. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-1-172-177> EDN: QLQYCL

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-1-178-189

EDN: QKGDCK

Социально-демографическая компетентность как системный элемент подготовки социологов: интегративная модель и пути формирования*

Т.Н. Юдина, О.А. Волкова

Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН,
ул. Кржижановского, 24/35, к. 5, Москва, 117218, Россия

(e-mail: ioudinatn@mail.ru; volkovaoa@rambler.ru)

Аннотация. В статье обосновывается важность целенаправленного формирования социально-демографической компетентности социологов в системе их профессиональной подготовки. Предложено авторское определение и интегративная модель данной компетентности, включающая когнитивный, инструментальный, аналитико-интерпретационный и ценностно-рефлексивный компоненты. Статья подготовлена на основе анализа образовательных стандартов, учебных планов ведущих вузов и интервью с преподавателями и студентами — был выявлен фрагментарный характер социально-демографической компетентности социологов: элементы компетентности развиваются разрозненно — через отдельные курсы и практики, теоретические знания даются в дисциплинах по демографии и социальной статистике, без интеграции в общесоциологический цикл; навыки анализа эмпирических данных формируются через отдельные модули и дисциплины по SPSS, Excel и др., без связи с демографическими и статистическими расчетами; практические умения социологов развиваются разрозненно, в рамках элективных курсов или студенческих проектов, без обязательной стажировки или практики в демографических центрах. Такая фрагментарность приводит к тому, что социологи владеют базовыми знаниями, но не могут комплексно моделировать демографические сценарии или проводить междисциплинарные исследования. Необходима интегративная модель для целостного формирования социально-демографической компетентности социологов, включая перестройку образовательных траекторий вокруг сквозных проектных модулей и обучающих кейсов, заключение договоров о прохождении студенческой практики на базе демографических научно-исследовательских институтов и лабораторий, использование современных учебных пособий, таких как учебник «Социальная демография».

Ключевые слова: социально-демографическая компетентность; профессиональная подготовка социологов; образовательный стандарт; профессиональный стандарт; демографическое образование; социальная демография; интегративная модель

Для цитирования: Юдина Т.Н., Волкова О.А. Социально-демографическая компетентность как системный элемент подготовки социологов: интегративная модель и пути формирования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2026. Т. 26. № 1. С. 178–189. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-1-178-189> EDN: QKGDCK

*© Юдина Т.Н., Волкова О.А., 2026

Статья поступила в редакцию 20.12.2025. Статья принята к публикации 30.01.2026.

Современное общество представляет собой сложную, динамичную и полиструктурную систему в состоянии перманентной турбулентности. Его изучение требует от социолога не только владения классическим теоретическим аппаратом и методами эмпирического исследования, но и глубокого понимания социальных структур, которые определяют жизнь людей и групп [8]. Одна из ключевых сквозных структур — социально-демографическая, включающая в себя распределение населения по полу, возрасту, семейному положению и месту жительства. Эта структура определяет процессы рождаемости, смертности и миграции — основные переменные в большинстве социологических исследований, определяющие различия в моделях поведения, ценностных ориентациях, экономических возможностях и социальных рисках [7].

В условиях глобальных демографических переходов и специфических вызовов, стоящих перед российским обществом (старение населения, трансформация института семьи, миграционные сдвиги), социально-демографические характеристики перестают быть фоновыми переменными, применяемыми, например, для расчета корреляционных связей [19]. Демографические сдвиги становятся драйвером социальных изменений [11], в результате мы наблюдаем «демографизацию» социальной повестки: вопросы пенсионного возраста, поддержки рождаемости, интеграции мигрантов выходят на первый план в публичном дискурсе [6]. Социолог, не способный профессионально интерпретировать эти процессы, рискует оказаться несостоятельным как аналитик [2].

Несмотря на то, что социологи постоянно работают с демографическими данными, их подготовка зачастую не предполагает целенаправленного формирования *социально-демографической компетентности* — системной способности анализировать и интерпретировать социальные явления и процессы через призму демографических структур и их динамики. Демографические показатели нередко используются в готовом виде, без глубокого осмысления их социальной обусловленности и последствий [10]. На сегодняшний день отсутствует интегративная компетенция, позволяющая видеть за цифрами социальные группы, понимать логику их жизненных траекторий и специфику их встроенности в институты [20], т.е. очевиден разрыв между растущей сложностью социально-демографических процессов и уровнем подготовки выпускников-социологов к их анализу [9]. Социально-демографическая структура должна перестать быть лишь фоном [1] для сравнительного социологического анализа — она может стать активным фактором, определяющим риски (например, бедности пожилых или молодежи), потребительские стратегии, политические предпочтения и социальное самочувствие. Социолог должен не просто использовать демографические переменные в регрессионных моделях, но понимать логику их изменения и социальных последствий.

Проблема профессиональной подготовки социологов и формирования их социально-демографической компетентности рассматривается в трех дискурсивных форматах: во-первых, в контексте кризиса социологического образования и поиска новых моделей подготовки. Так, Г.Е. Зборовский и Е.А. Шуклина говорят о необходимости перехода от знаниевой парадигмы к практико-ориентированной, где социолог выступает как эксперт по социальной диагностике [5; 16]. Ж.Т. Тощенко указывает на риски превращения социологии в своеобразную «служанку» менеджмента и утраты фундаментального теоретического видения, призывает к усилению аналитической составляющей социологической подготовки [15]. Идея социально-демографической компетентности отвечает запросу на фундаментализацию прикладных социологических навыков.

Второй дискурс касается проблемы «количественной грамотности» в социальных науках. Зарубежные авторы говорят о «кризисе количественных методов» в социологии — студенты часто воспринимают статистику как чуждую математическую абстракцию, оторванную от социальной реальности [18]. Отечественные авторы отмечают, что обучение социологов методам сбора и анализа данных часто идет в отрыве от их содержательной интерпретации [13; 14]. Социально-демографическая компетентность призвана преодолеть этот разрыв, «очеловечивая» цифры через привязку к реальным социальным группам [10].

Третий дискурс — собственно демографический: ведущие российские демографы неоднократно писали о низкой демографической грамотности не только населения, но и управленческих кадров и экспертного сообщества [3; 12]. Однако речь обычно идет о подготовке профессиональных демографов, а вопрос о том, в каком объеме и в какой форме демографическое знание нужно социологу, не ставится. Учебники по социальной демографии часто либо пересказывают общую теорию народонаселения, либо уходят в сложный математический аппарат, избыточный для социолога. В целом в научной литературе наблюдается «двойной дефицит»: с одной стороны, недостаток инструментальных навыков работы с данными у социологов-гуманитариев, а, с другой — недостаточная социологическая рефлексия в количественных демографических исследованиях.

Наша цель — концептуализация модели социально-демографической компетентности будущего социолога как системного элемента профессиональной подготовки и показ возможных путей ее интеграции в образовательные программы по социологии посредством использования учебника «Социальная демография» и других социально-педагогических инструментов. Теоретико-методологическая база исследования включает: 1) компетентностный подход в высшем образовании (переход от «знаний по дисциплинам» к комплексным профессиональным компетенциям), закрепленный в федеральных государственных стандартах; 2) отраслевую теорию — соци-

ологию профессий и профессиональной подготовки, которая рассматривает социолога как аналитика сложных систем, работающего на стыке анализа первичных данных и социальных теорий; 3) демографический и социально-демографический подходы, позволяющие рассматривать популяционные характеристики как базис социальных процессов; 4) элементы структурно-функционального анализа для понимания, как социально-демографическая компетентность «вписывается» в набор профессиональных функций социолога (исследователь, аналитик, эксперт, консультант, преподаватель).

В основном в исследовании применялся компетентностный подход, в некоторой степени сужающий понимание социальной компетентности до профессиональной социально-демографической компетентности социолога — интегративной способности применять демографические знания и методы для анализа и интерпретации социальных процессов, понимать социальную сконструированность демографических категорий и этическую ответственность перед изучаемыми социально-демографическими группами. Такая компетентность выходит за рамки классического понимания демографических показателей и предполагает понимание того, как демографические категории (молодежь, пожилые, жители малых городов, многодетные семьи и др.) конструируются и становятся «актерами» в социальных дискурсах, как их специфические потребности и ресурсы формируют социальную реальность и как с ними следует этично и эффективно взаимодействовать в исследовательском поле.

Эмпирическую базу исследования составили несколько источников данных. 1) Был проведен качественный контент-анализ нормативных документов (федеральных государственных образовательных стандартов по направлению 39.03.01 «Социология») и учебных планов пяти ведущих российских университетов (включая федеральные и национальные исследовательские) для выделения явных и неявных упоминаний демографического компонента, а также сравнительный анализ программ разных вузов (столичные и региональные, академические и прикладные) с точки зрения названий дисциплин, формулировки компетенций (ОПК, ПК) и результатов освоения образовательных программ. 2) Были проведены интервью с преподавателями социологических дисциплин (N=20), студентами старших курсов и выпускниками (N=20) — чтобы выявить представления о роли и месте социально-демографической компетентности в общей системе подготовки, барьеры в обучении и запросы со стороны практики. Преподаватели были отобраны в пяти ведущих вузах (НИУ ВШЭ, МГУ, РАНХиГС и др.) по критериям стажа (работа в высшей школе не менее десяти лет), чтения курсов по методологии, демографии или социологии социальной сферы. Обучающиеся магистратуры и выпускники (со стажем работы до трех лет) опрашивались для выявления самооценок готовности к работе с демографическими данными в реальных проектах. 3) Был проведен анализ содер-

жания передовых учебных курсов, таких как «Методы демографического анализа и прогноза» (НИУ ВШЭ) — пример интеграции теоретических знаний, практических навыков работы с данными и аналитического мышления. В ходе исследования компетентность социолога моделировалась на основе поведенческо-аналитического и социально-информационного принципов, адаптированных к профессиональному контексту.

В результате было предложено авторское определение социально-демографической компетентности социолога — это интегративное профессиональное качество, обеспечивающее способность понимать и интерпретировать демографические процессы в их социальном, экономическом и историческом контексте, критически оценивать и оперировать данными демографической статистики, корректно включать демографические параметры в дизайн социологического исследования, оценивать демографические риски и ресурсы при анализе социальной политики и общественных процессов, эффективно представлять результаты анализа для различных аудиторий.

Структурно социально-демографическая компетентность состоит из четырех блоков:

1. Знаниевый (когнитивный) компонент — теоретический фундамент компетентности, включает глубокое понимание демографической структуры общества, ее исторической динамики, демографических режимов, трендов и их социальных последствий; знание источников данных и их ограничений (понимание разницы между переписью, текущим учетом и выборочными обследованиями), теоретических основ социологии семьи, методов демографического анализа и прогнозирования (скажем, чем «постарение снизу» отличается от «постарения сверху») и как это влияет на социальные институты).

2. Навыковый (инструментальный) компонент — способность трансформировать знания в исследовательские процедуры, предполагает умение работать с демографическими данными (статистика, переписи), корректно включать социально-демографические переменные в исследовательский дизайн, выявлять и интерпретировать демографические факторы социальных явлений (например, связь семейного статуса и экономического поведения), а также навыки работы в статистических пакетах, коммуникативные навыки для работы с респондентами из разных демографических групп и методы анализа (построение показателей, простые модели, визуализация половозрастных пирамид, лексис-диаграмм).

3. Аналитико-интерпретационный компонент — высший пилотаж социологического воображения: умение связывать сухие демографические данные с социальными теориями, интерпретировать различия между группами и территориями, использовать демографический анализ в объяснительных моделях, например, способность объяснить рост молодежной безработицы не только экономическими факторами, но и входом на рынок труда многочисленного поколения («демографическая волна»).

4. Ценностно-рефлексивный компонент — осознание этических аспектов работы с чувствительными демографическими категориями (мигранты, люди с инвалидностью и т.д.), понимание социальной конструктивности демографических категорий, чувствительность к социальному неравенству, воспроизводимому через демографические различия. Социолог должен избегать «демографического фатализма», понимая, как статистика может использоваться для манипуляции общественным мнением.

Внедрение данной интегративной модели социально-демографической компетентности в процесс подготовки социолога может дать следующие потенциальные эффекты: во-первых, выпускник-социолог, обладающий такой компетентностью, сможет более точно операционализировать понятия и интерпретировать данные, видеть за корреляциями социальные механизмы. Во-вторых, наличие компетентности усилит его аналитические и прогностические навыки, а понимание демографических трендов позволит лучше прогнозировать социальные запросы и конфликты, что повышает конкурентоспособность социолога на рынке труда, открывая ему двери в стратегический консалтинг и GR. В-третьих, социально-демографическая компетентность помогает развить коммуникативные навыки, так как подразумевает умение адаптировать язык и методы взаимодействия под аудиторию, что критически важно при проведении интервью, фокус-групп или презентаций результатов. Социально-демографическая компетентность носит системный характер — это не просто «добавка» к учебному плану, она выполняет системообразующую функцию, связывая воедино теоретическую подготовку, методологическую грамотность и этическую рефлексию будущего специалиста, служа мостом между макроанализом структур и микроанализом человеческого поведения.

Мы не призываем добавлять в учебные планы большое число новых дисциплин, что в условиях сокращения аудиторной нагрузки нереалистично, а предлагаем перестройку и интеграцию существующего содержания вокруг ключевых для социолога компетенций. Контент-анализ нормативных документов, образовательных стандартов и учебных программ ведущих вузов страны позволил выявить следующие проблемы:

- *Латентность демографической проблематики* — во ФГОС и ООП она обозначена опосредованно (через упоминание «социальной структуры и динамики населения», «социальной политики», «рынка труда», «урбанистики»), крайне редко оформлена как отдельная компетенция или индикатор ее достижения (ИДК).

- *Разрозненность дисциплин* — статус курсов «Демография», «Социальная демография», «Социология демографических процессов» в учебных планах варьирует от обязательных до элективов. Зачастую программа ограничивается одним базовым курсом без последующего закрепления и развития полученных навыков в прикладных дисциплинах. Исключение — не-

которые магистерские программы, например, «Социально-демографические исследования», которая целенаправленно формирует комплексную квалификацию, или специализированная программа магистратуры «Демография». Таким образом, в массовой практике социально-демографическая компетентность формируется факультативно, часто соответствующие дисциплины читаются на 1–2 курсе и забываются к моменту написания ВКР.

- *Отсутствие преемственности* — многие программы ограничиваются базовым курсом демографии без его продолжения в прикладных дисциплинах. Программы магистратуры по прикладной социологии, урбанистике, социальной политике иногда интегрируют в себя демографию, но без четкого языка компетенций.

- *Слабая инструментализация* — социально-демографическая компетентность предстает как факультативная, а не системная: студент может закончить программу с минимальным опытом работы с реальными демографическими данными, ограничившись изучением определений.

Опрошенные преподаватели признают безусловную значимость демографического анализа для понимания современных социальных процессов, но в качестве структурных барьеров называют перегруженность программ, конкуренцию за часы и отсутствие межкафедральной координации. *«Мы учим их считать выборку, а коллеги-демографы — считать коэффициенты смертности, но никто не учит связывать это воедино».* Отмечен и разрыв между запросами практики (госуправление, бизнес, НКО) и содержанием базового социологического образования. Студенты и выпускники не уверены, что смогут работать с демографической статистикой и большими массивами данных, большинство опрошенных (более 65 %) выразили страх перед «сухими цифрами» и непонимание, где брать актуальные данные, кроме как с сайта Росстата. Респонденты признают значение социальной демографии для своей тематики (миграция, семья, рынок труда, здоровье, город), но не знают, *«как это делать правильно»* и высказывают запрос на проблемно-, кейс- и датаориентированные форматы обучения.

В условиях ограниченности часов и сложности кардинальной перестройки учебных планов ключевую роль в интеграции социально-демографической компетентности в подготовку социологов могут сыграть современные УМК [4]. Так, учебник «Социальная демография» сможет сформировать социально-демографическую компетентность социолога, состоящую из четырех взаимосвязанных компонентов, за счет следующих шагов: 1) ввести в учебник сквозной групповой проектный модуль, взяв за основу принцип «от теории процессов к анализу последствий и политик» (например, демографические риски и социальная политика в конкретном регионе), что позволит студентам пройти полный цикл исследования — от выгрузки данных из базы ЕМИСС до разработки рекомендаций для администрации региона; 2) интегрировать материалы учебника в существующие курсы (на-

пример, теорию демографического перехода — в курсы по социальным изменениям и макросоциологии; методы сбора данных — в курсы по методологии социологического исследования; анализ старения — в курсы по социологии возраста и социологии медицины); 3) разработать на основе учебника хрестоматию для проведения кейс-стади (например, по главе о рисках демографической безопасности России сделать банк кейсов для семинарских занятий, где студенты должны будут предложить социологическую интерпретацию статистических трендов и верифицировать их через вторичный анализ социологических данных).

Такой подход к приобретению социально-демографической компетенции будущими социологами характерен для учебника «Социальная демография» (2025) [17]. Его авторы реализуют несколько принципов, значимых для формирования компетентности: системность и междисциплинарность — теоретические главы (например, о миграции) напрямую связаны с методологическими разделами (анализ статистики) и прикладными главами (оценка социальных последствий); проблемная ориентация — переход от констатации факта («рождаемость падает») к комплексному анализу (какие социальные группы меняют репродуктивные стратегии, какие ценности (индивидуализм, карьера) лежат в основе этих изменений, и к каким социально-экономическим последствиям (давление на пенсионную систему, спрос на инфраструктуру для детей) это приводит); практикоориентированность — наличие кейсов, диагностических тестов и заданий для самостоятельной работы позволяет организовать обучение в активном, деятельностном формате на основе реальной статистики; акцент на критическом мышлении и рефлексии — учебник не просто транслирует знания, но и ставит вопросы о качестве данных, этике исследований, социальной обусловленности демографических категорий, развивая ценностно-рефлексивный компонент. В результате учебник служит не только источником информации, но и моделью для перестройки педагогического процесса, демонстрируя, как можно компактно и эффективно давать междисциплинарные знания, не добавляя новых дисциплин, а изменяя логику преподавания существующих.

В заключение можно сформулировать следующие практические рекомендации по формированию у социологов социально-демографической компетентности: разработка и внедрение сквозного модуля «Социально-демографическая компетентность социолога» в ООП (с описанием ожидаемых результатов обучения и матрицы компетенций); переформулирование компетенций в ФГОС и рабочих программах с явным указанием работы с демографическими данными и анализом демографических процессов (например, включение дескрипторов «способен использовать демографическую статистику для верификации социологических гипотез»); создание совместных образовательных и исследовательских проектов кафедрами социологии с демографическими центрами и статистическими органами; широкое

использование реальных демографических кейсов, открытых баз данных и практико-ориентированных заданий, опираясь на учебно-методические комплексы нового поколения.

Библиографический список

1. *Аксенова Е.И., Ананченкова П.И., Бонкало Т.И.* Организационная культура медицинских организаций как фактор карьерных ориентаций медицинских работников // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2021. Т. 29. № 6.
2. *Бершадская М.Д., Серова А.В., Чепуренко А.Ю., Зима Е.А.* Компетентностный подход к оценке образовательных результатов: опыт российского социологического образования // Высшее образование в России. 2019. Т. 28. № 2.
3. *Вишневский А.Г.* Демографический переход и демографическая грамотность // Общественные науки и современность. 2018. № 4.
4. *Гилязова О.С., Замоцанский И.И.* Специфика универсальных компетенций высшего образования России в контексте компетентностно-ориентированного образования: концептуальный анализ // Перспективы науки и образования. 2022. № 2.
5. *Зборовский Г.Е., Шуклина Е.А.* Социологическое образование в России: поиск новых моделей // Социологические исследования. 2019. № 10.
6. *Иванкина Л.И., Аникина Е.А., Клемашева Е.И., Васильев Е.П., Касати Ф.* Теоретико-методологические подходы к измерению и регулированию неравенства в современном обществе // Фундаментальные исследования. 2019. № 12.
7. *Масленников Е.В.* Перспективы применения структурных математических конструкций как основы инструментальной концептуализации предметных областей социологии: постановка проблемы // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2016. № 2.
8. *Петрова Т.Э.* Развитие ключевых навыков как основной фактор в становлении компетентностного подхода в образовании // *International Journal of Medicine and Psychology*. 2024. Т. 7. № 4.
9. *Покида А.Н., Зыбуновская Н.В., Газиева И.А.* Роль высшего образования в формировании здорового образа жизни (по результатам социологического исследования) // Высшее образование в России. 2022. Т. 31. № 1.
10. *Романова О.А.* Компетентностный подход в среднем профессиональном образовании: систематический обзор российской литературы // Образование и саморазвитие. 2021. Т. 16. № 2.
11. *Ростовская Т.К., Рычихина Н.С., Золотарева О.А.* Некоторые аспекты управления карьерой специалиста в парадигме профессионального стандарта «Демограф» // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11. № 1.
12. *Рыбаковский Л.Л.* Демографическое образование: потребности и реалии // Народонаселение. 2020. № 2.
13. *Татарова Г.Г., Бабич Н.С., Бессокирная Г.П., Кученкова А.В.* Типологический анализ в социологии как диагностическая процедура. М., 2023.
14. *Толстова Ю.Н.* Математика в социологии: стереотипы и реальность // Социология: 4М. 2021. № 52.
15. *Тощенко Ж.Т.* О парадоксах и проблемах подготовки социологов // Социологические исследования. 2018. № 8.
16. *Шуклина Е.А.* Практико-ориентированная подготовка социологов: проблемы и перспективы // Высшее образование в России. 2020. Т. 29. № 5.
17. *Юдина Т.Н., Семочкина Н.Н.* Социальная демография. М., 2025.
18. *MacInnes J.* The Manifesto for Teaching Quantitative Methods. British Sociological Association, 2019.

19. *Osadchaya G.I., Yudina T.N., Volkova O.A., Kireev E.Yu.* Return migration from Russia to Kyrgyzstan: Dynamics, causes, and structure // *Changing Societies & Personalities*. 2023. Vol. 7. No. 3.
20. *Tscymbalystov A.V., Volkova O.A., Kopytov A.A. et al.* Activating technologies of social service as a factor of improving social self-personality of elderly and disabled people in Russia // *International Journal of Pharmaceutical Research*. 2018. Vol. 10. No. 4.

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-1-178-189

EDN: QKGDCK

Social-demographic competence as a systemic element of sociologists' training: An integrative model*

T.N. Yudina, O.A. Volkova

Institute of Social Demography of FCTAS RAS,
Krzhizhanovskogo St., 24/35–5, Moscow, 117218, Russia

(e-mail: ioudinatn@mail.ru; volkovaoa@rambler.ru)

Abstract. The article explains the importance of the targeted development of sociologists' social-demographic competence in the system of professional training. The authors propose a definition and an integrative model of this competence, including cognitive, instrumental, analytical-interpretative and value-reflexive components. The article is based on the analysis of educational standards, curricula of leading universities and interviews with teachers and students and reveals the fragmented nature of sociologists' social-demographic competence: its elements develop incoherently — through separate courses and practical training, theoretical knowledge is given in disciplines on demography and social statistics, without integration into the general sociological cycle; skills in analyzing empirical data are formed through separate modules and disciplines in SPSS, Excel, etc., without connection with demographic and statistical calculations; practical sociological skills are formed through elective courses or student projects, without mandatory internships or practical training at demographic centers. This fragmentation results in basic knowledge without abilities to comprehensively model demographic scenarios or conduct interdisciplinary research. The authors insist on the need for an integrative model for the holistic development of sociologists' social-demographic competence, including the restructuring of educational trajectories on the basis of cross-cutting project modules and case studies, agreements for student practical training at demographic research institutes and laboratories, and the use of such updated textbooks as *Social Demography*.

Key words: social-demographic competence; professional training of sociologists; educational standard; professional standard; demographic education; social demography; integrative model

For citation: Yudina T.N., Volkova O.A. Social-demographic competence as a systemic element of sociologists' training: An integrative model. *RUDN Journal of Sociology*. 2026; 26 (1): 178–189. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-1-178-189> EDN: QKGDCK

*© T.N. Yudina, O.A. Volkova, 2026

The article was submitted on 20.12.2025. The article was accepted on 30.01.2026.

References

1. Aksenova E.I., Ananchenkova P.I., Bonkalo T.I. Organizatsionnaja kultura meditsinskih organizatsij kak faktor karyernyh orientatsij meditsinskih rabotnikov [Organizational culture of medical organizations as a factor of career orientations of medical workers]. *Problemy Sotsialnoj Gigieny, Zdravookhraneniya i Istorii Meditsiny*. 2021; 29 (6). (In Russ.).
2. Bershadsckaya M.D., Serova A.V., Chepurenko A.Yu., Zima E.A. Kompetentnostny podkhod k otsenke obrazovatelnyh rezultatov: opyt rossijskogo sotsiologicheskogo obrazovaniya [A competency-based approach to assessing educational results: The case of Russian sociological education]. *Vysshee Obrazovanie v Rossii*. 2019; 28 (2). (In Russ.).
3. Vishnevsky A.G. Demograficheskyy perekhod i demograficheskaya gramotnost [Demographic transition and demographic literacy]. *Obshchestvennye Nauki i Sovremennost*. 2018; 4. (In Russ.).
4. Gilyazova O.S., Zamoshchansky I.I. Spetsifika universalnyh kompetentsij vysshego obrazovaniya Rossii v kontekste kompetentnostno-orientirovannogo obrazovaniya: kontseptualny analiz [The specifics of universal competencies in the Russian higher education in the context of the competency-based approach: A conceptual analysis]. *Perspektivy Nauki i Obrazovaniya*. 2022; 2. (In Russ.).
5. Zborovskyy G.E., Shuklina E.A. Sotdiologicheskoe obrazovanie v Rossii: poisk novykh modelej [Sociological education in Russia: In search of new models]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2019; 10. (In Russ.).
6. Ivankina L.I., Anikina E.A., Klemasheva E.I., Vasilyev E.P., Kasati F. Teoretiko-metodologicheskie podkhody k izmereniyu i regulirovaniyu neravenstva v sovremennom obshchestve [Theoretical-methodological approaches to measuring and regulating inequality in contemporary society]. *Fundamentalnye Issledovaniya*. 2019; 12. (In Russ.).
7. Maslennikov E.V. Perspektivy primeneniya strukturnykh matematicheskikh konstruktov kak osnovy instrumentalnoj kontseptualizatsii predmetnyh oblastey sotsiologii: postanovka problemy [Prospects for the application of structural mathematical constructs as a basis for the instrumental conceptualization of sociological subject areas: On the research problem]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 18: Sotsiologiya i Politologiya*. 2016; 2. (In Russ.).
8. Petrova T.E. Razvitiye ključevykh navykov kak osnovnoj faktor v stanovlenii kompetentnostnogo podkhoda v obrazovanii [Development of key skills as a main factor for developing the competence-based approach in education]. *International Journal of Medicine and Psychology*. 2024; 7 (4). (In Russ.).
9. Pokida A.N., Zybunovskaja N.V., Gazieva I.A. Rol vysshego obrazovaniya v formirovanii zdorovogo obraza zhizni (po rezul'tatam sotsiologicheskogo issledovaniya) [The role of higher education in promoting a healthy lifestyle (based on the results of the sociological study)]. *Vysshee Obrazovanie v Rossii*. 2022; 31 (1). (In Russ.).
10. Romanova O.A. Kompetentnostny podkhod v srednem professionalnom obrazovanii: sistematičeskyy obzor rossijskoj literatury [Competency-based approach in the secondary vocational education: A systematic review of Russian works]. *Obrazovanie i Samorazvitiye*. 2021; 16 (2). (In Russ.).
11. Rostovskaya T.K., Rychikhina N.S., Zolotareva O.A. Nekotorye aspekty upravleniya karyeroj spetsialista v paradigme professionalnogo standarta “Demograf” [Some aspects of career management for specialists in the perspective of the Demography professional standard]. *Sotsiologicheskaja Nauka i Sotsialnaja Praktika*. 2023; 11 (1). (In Russ.).
12. Rybakovskyy L.L. Demograficheskoe obrazovanie: potrebnosti i realii [Demographic education: Needs and realities]. *Narodonaseleniye*. 2020; 2. (In Russ.).
13. Tatarova G.G., Babich N.S., Bessokirnaya G.P., Kuchenkova A.V. *Tipologicheskyy analiz v sotsiologii kak diagnosticheskaja protsedura* [Typological Analysis in Sociology as a Diagnostic Procedure]. Moscow; 2023. (In Russ.).
14. Tolstova Yu.N. Matematika v sotsiologii: stereotipy i realnost [Mathematics in sociology: Stereotypes and reality]. *Sotsiologiya: 4M*. 2021; 52. (In Russ.).

15. Toshchenko Zh.T. O paradoksah i problemah podgotovki sotsiologov [On paradoxes and challenges in training sociologists]. *Sotsiologicheskie Issledovanija*. 2018; 8. (In Russ.).
16. Shuklina E.A. Praktiko-orientirovannaja podgotovka sotsiologov: problemy i perspektivy [Practice-oriented training of sociologists: Problems and prospects]. *Vysshee Obrazovanie v Rossii*. 2020; 29 (5). (In Russ.).
17. Yudina T.N., Semochkina N.N. *Sotsialnaja demografija* [Social Demography]. Moscow; 2025. (In Russ.).
18. MacInnes J. *The Manifesto for Teaching Quantitative Methods*. British Sociological Association; 2019.
19. Osadchaya G.I., Yudina T.N., Volkova O.A., Kireev E.Yu. Return migration from Russia to Kyrgyzstan: Dynamics, causes, and structure. *Changing Societies & Personalities*. 2023; 7 (3).
20. Tseymbalystov A.V., Volkova O.A., Kopytov A.A. et al. Activating technologies of social service as a factor of improving social self-personality of elderly and disabled people in Russia. *International Journal of Pharmaceutical Research*. 2018; 10 (4).

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-1-190-203

EDN: QJMVDF

Образовательные практики настоящего и будущего: студенты об использовании ИИ в университете*

Ж.В. Пузанова¹, Я.А. Гудкова^{1,2}

¹Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

²Аналитический центр ВЦИОМ,
ул. Пречистенка, 38, Москва, 119034, Россия

(e-mail: puzanova-zhv@rudn.ru; gudkova-yaa@rudn.ru)

Аннотация. Изучение различных предметных плоскостей искусственного интеллекта (ИИ) — одна из наиболее популярных тем в научном и профессиональном сообществах. Интерес к ней подогревает и государство как ключевой актор, который активно поощряет исследования ИИ не только с технологической, но и с гуманитарной точки зрения, а также посредством законотворчества. Стремительный процесс институционализации увеличивает потребность в новых кадрах в данной области, а также в регламентах деятельности, связанной с ИИ. ВУЗы в данном случае оказываются в сложном положении: с одной стороны, они флагманы передовых разработок и отвечают на запрос внедрения технологий на базе ИИ в учебный процесс; с другой стороны, необходимы правила использования ИИ в образовательной деятельности. Сегодня студенты активно применяют ИИ-технологии — от проверки орфографии до написания курсовых и дипломных работ. Согласно результатам онлайн-опроса среди студентов РУДН (N=576), несмотря на понимание норм допустимого сгенерированного с помощью ИИ объема материала в разных видах учебных работ, семь из десяти студентов используют полностью сгенерированный текст без собственных правок. В целом студенты придерживаются позитивных сценариев внедрения ИИ в образование, говоря в первую очередь о совершенствовании организационной работы университета и персонализации образовательной системы, но упоминают также риски внедрения ИИ.

Ключевые слова: искусственный интеллект; высшее образование; образовательные практики; студенты; риски технологизации; цифровизация

Для цитирования: Пузанова Ж.В., Гудкова Я.А. Образовательные практики настоящего и будущего: студенты об использовании ИИ в университете // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2026. Т. 26. № 1. С. 190–203. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-1-190-203> EDN: QJMVDF

*© Пузанова Ж.В., Гудкова Я.А., 2026

Статья поступила в редакцию 24.12.2025. Статья принята к публикации 30.01.2026.

В современном мире влияние ИИ трудно переоценить — эта технология интегрирована не только в передовые области науки, но и часто применяется в бытовых задачах и для развлечения; она не только изменяет способы взаимодействия людей с технологиями, но и формирует новые социальные конструкты и представления. Развитие политики в сфере ИИ в России началось в 2019 году с утверждения Национальной стратегии развития искусственного интеллекта до 2030 года в Российской Федерации (12). В 2022 году правительство утвердило создание Национального центра развития ИИ и назначило Высшую школу экономики куратором проектов внедрения ИИ в госсекторе. К 2023 году наблюдается значительный рост финансового и человеческого ресурса в сфере ИИ. Так, затраты на федеральный проект «Искусственный интеллект» превысили 19 млрд (17).

В 2024 году В.В. Путин подписал указ об обновлении стратегии развития ИИ до 2030 года (17) для более целостного подхода к интеграции ИИ в нацпроекты. Также было принято решение о создании нового Стратегического агентства поддержки и формирования ИИ-разработок (9), что обозначает шаг в сторону системной поддержки промышленных и научных инициатив в области ИИ. Важную роль сыграли разработанные правила использования ИИ в разных сферах, что позволило создать правовую основу для его внедрения. Однако, несмотря на проделанную работу, только в 2024 году был поставлен вопрос о централизованной разработке правил использования ИИ (14).

Говоря об образовательной политике, касающейся ИИ в России, первое, что стоит отметить, — финансовая поддержка образовательных учреждений для подготовки кадров в сфере ИИ. В 2021 году шесть научно-образовательных организаций получили финансирование на развитие исследовательских центров, в 2023 году — еще шесть (11). В 2023 году Министерство науки и высшего образования поставило задачу выпуска 15,5 тысяч специалистов по ИИ (10). В 2024 году был утвержден новый стандарт — ГОСТ Р 71657–2024, который регламентирует использование ИИ в образовании и научных публикациях.

Вузы активно интегрируют ИИ в учебные процессы. Например, в Университете Иннополис используются технологические решения, позволяющие не только быстро реагировать на запросы студентов, но и автоматизировать взаимодействие между пользователями и администрацией. Чат-боты и голосовые помощники Уральского федерального университета способствуют эффективной коммуникации между студентами и преподавателями, обеспечивая быструю обратную связь и ответы на типовые вопросы. Кемеровский государственный университет применяет ИИ для анализа образовательной статистики. Создание первого в России ИИ-преподавателя в МГТУ им. Н.Э. Баумана и использование ИИ для мониторинга нарушений на ЕГЭ показывают, что ИИ становится важным инструментом не толь-

ко обучения, но и обеспечения честности в образовательных процессах (7). Нейросети, используемые для наблюдения за экзаменационными аудиториями, демонстрируют свою эффективность, выявляя нарушения.

Тем не менее, внедрение ИИ в образовательные учреждения порождает определенные трудности — для его полноценной интеграции требуется переработка внутренних процессов и значительные финансовые инвестиции, включая затраты на обучение преподавателей (13). В конце 2022 года академическое сообщество обеспокоило запуск ChatGPT — чат-бота с ИИ и широкими возможностями автоматической генерации текстов, имитирующих человеческие, запоминания поисковых запросов и самостоятельного обучения, анализируя сообщения пользователей. Возможности нейросети и ее доступность для обучающихся повысили риски академического GPT-плагиатизма — вида обмана, связанного с выполнением образовательных работ с помощью ChatGPT.

Все описанные факторы породили большой пласт эмпирических исследований, направленных на изучение разных аспектов нейросетевых технологий в образовательной сфере. Так, выделяют четыре ключевых аспекта применения ИИ в профессиональных и повседневных сферах [6; 10]: рутинные операции, прикладные задачи, интеллектуальная поддержка и прерогативы человека. Рутинные операции предполагают использование ИИ для автоматизации базовых, повторяющихся задач, что позволяет людям сосредоточиться на творческой деятельности. Наблюдается рост интереса к ИИ как к практическому инструменту в повседневной жизни (виртуальные помощники, интеллектуальные поисковые системы и переводчики). Интеллектуальная поддержка рассматривает возможности ИИ как средства совершенствования профессиональных навыков и упрощения принятия решений, однако прерогатива человека акцентирует внимание на необходимости сохранять за ним право на самостоятельное принятие решений.

Студенты применяют подобные ChatGPT модели для генерации эссе, курсовых и других текстовых работ, а преподаватели и вузы используют ИИ-аналитику для автоматизации рутинных задач, составления заданий, группировки обучающихся и быстрого получения обратной связи, создания учебного контента, виртуальных симуляторов, индивидуальных образовательных траекторий и цифрового тьюторства [5], но возрастают угрозы академической честности, новых форм мошенничества, цифрового неравенства, зависимости от технологий и подрыва традиционных образовательных принципов.

Отношение к ИИ в образовании (8) прошло путь от полного отторжения и попыток «суперантиплагиата» до признания критической важности навыков работы с ИИ для будущих выпускников и осторожного оптимизма в отношении новых возможностей [7; 13; 14]. Среди негативных аспектов выделяются этические и правовые риски обработки персональных данных, недостоверные

ответы моделей, возможное вытеснение человеческого взаимодействия и необходимость прозрачности алгоритмов. Если эксперты до 35 лет демонстрируют гносеологический оптимизм, то эксперты старше 46 лет отмечают признаки «цифрового ожирения» (снижение творческого начала; уменьшение доли креативных навыков в решении учебных задач; значительное снижение памяти в силу перманентной доступности информации; фрагментирование памяти; снижение локуса контроля и аналитического чтения) [4; 9; 12].

Студенты как будущие специалисты и потребители технологий играют ключевую роль в формировании представлений об образовательных возможностях ИИ. Их взгляды на использование ИИ могут существенно влиять на то, как эти технологии будут внедряться в учебные и бытовые сферы. Для выявления этих взглядов в РУДН было проведено социологическое исследование, состоявшее из двух этапов: количественного — онлайн-опрос на платформе Google Forms (N=576, фактическая погрешность ±5,25 %) включал три тематических блока — представления об ИИ, опыт использования ИИ в образовании, опасения и возможности развития ИИ-технологий в будущем; качественного — две фокус-группы со студентами («гуманитариями» и «технарями») о сценариях развития ИИ в будущем, в частности в сфере образования.

Спектр информационных ресурсов, из которых студенты получают информацию об ИИ варьируется от научных и образовательных (в том числе университетских) до специализированных блогов, сайтов и форумов (табл. 1). Заметен широкий диапазон специализированных на диджитал-сфере источников. Наблюдаются не только СМИ, но и научно-исследовательские ресурсы, что может говорить как о профессиональном интересе студентов к теме, так и о запросе на объективную информацию, подтвержденную научными данными.

Таблица 1

Источники получения информации об ИИ

Тип	Название
Научные и исследовательские источники	Phys.org, Google Scholar, arXiv.org, Data Secrets
Форумы и блоги, в том числе телеграм-каналы	DTF, Трешбокс, Digital Шкаф, Робот сочинит симфонию?, Бэждор, Топор, Москвач, Контекст, Осторожно новости, Хабр
Личные каналы известных блогеров или представителей ИИ-индустрии	Руслан Усачев, Дуров, Илон Маск, Wylsacom, новостной блок от Давыдова
Сайты технологических компаний или приложения	Neuralink, OpenAI, Character.ai, чат GPT
Новостные и коммерческие издания	Forbes, Вести, Москва онлайн, передачи на канале Россия.Культура, Sostav

Большинство студентов получают информацию об ИИ стихийно (69 %) и зачастую через Телеграм-каналы и социальные сети (84 и 63 % соответственно) (5). Однако уровень доверия информации из Телеграм-каналов у молодежи 18–24 лет составляет 68 % (4), а из социальных сетей — 45 % (5).

Понимание термина «ИИ» студентами лежит в первую очередь в плоскости его функциональных возможностей (80 %) (рис. 1): самообучение генеративной модели и имитация человеческого интеллекта — основные функциональные признаки ИИ. Половина ответов (54 %) пришлось на определение ИИ через его технические свойства. Чаще ответы в данной категории давали студенты технических специальностей (61 %, гуманитарные — 55 %, естественно-научные — 45 %). Отвечая на открытый вопрос, что такое ИИ, они оперировали такими понятиями, как «алгоритм», «компьютер/компьютерная программа», «робот/машина», «система», «область машинного обучения/информатики/компьютерных наук» и т.п. Гуманитарии чаще давали определение ИИ как имитации человеческого интеллекта (19 %). На фокус-группах при определении понятия «ИИ» среди студентов гуманитарных специальностей возникали сложности, в отличие от студентов технических направлений: *«Не могу тут дать однозначного ответа. Для меня искусственный интеллект, когда вообще это произносят, всегда почему-то ассоциации либо с Чатом GPT, либо с Яндекс Алисой».*

Рис. 1. «Опишите своими словами, как вы понимаете, что такое “Искусственный интеллект”?» (открытый, необязательный вопрос, онлайн-опрос студентов РУДН)

Студенты гуманитарных и естественно-научных специальностей чаще воспринимают ИИ как источник «поиска информации/ответов на вопросы/знает все» (8 и 13 %), и только 4 % пришлось на ответы студентов технических направлений. На этапе фокус-групп студенты также сравнивали

ИИ с «библиотекой знаний»: «в быстром доступе находятся вообще все знания, вся информация, которая есть в интернете, и вы можете быстро ее достать»; «сборник различных научных трудов с разных отраслей мира». При этом студенты критически подходят к результатам деятельности ИИ. Например, «гуманитарии» чаще использовали слова с негативной коннотацией — «не вызывает доверия», «беспомощный», «некорректный», а «технари» рассматривают ИИ через призму «инструмента в руках человека»: «это база данных — и все. Которая способна ветвисто развиваться, не более... код, в котором написано, как он должен работать». Студенты технических специальностей чаще воспринимают ИИ через призму его технических характеристик, тогда как гуманитарии акцентируют внимание на аспектах, связанных с имитацией человеческого интеллекта и его потенциальной заменой в определенных профессиях, что может привести к необъективному и ненаучному пониманию возможностей ИИ и неэффективным способам его использования.

Большая часть студентов (73 % тех, кто пользуется какими-либо ИИ-технологиями) признается в использовании ИИ в учебной деятельности. Половина из них делают это чаще всего для написания рефератов и ответов на тестированиях (по 52 %), для написания эссе (47 %). Старшие курсы (4–6), в отличие от младших (1–3), чаще имеют опыт применения инструментов ИИ для написания курсовой (43 % против 29 %) и ВКР (30 и 9 %). Для студентов технических специальностей в большей степени характерно использование ИИ при тестированиях (63 %).

Генерация текста для различных видов учебных работ — один из популярных форматов использования ИИ, чему способствует открытость платформ и сервисов, а также их разнообразие. Помимо известных многим GPT-чатов (ChatGPT, Alice AI (ранее — YandexGPT), DeepSeek, GigaChat и др.) сегодня разрабатываются интернет-сайты с ИИ-технологиями, специализирующиеся на выполнении текстовых учебных задач: курсовая, отчет по практике, исследовательский проект, эссе, реферат, и пр. Если раньше за их написанием студенты обращались к райтерам или старшим коллегам, то сегодня скорее сгенерируют работу самостоятельно, сэкономив время и деньги. Встает вопрос не только о качестве выполненной работы и этичности использования ИИ-инструментов, а о знаниях и навыках, которые студент должен усвоить в процессе выполнения работы.

Семь из десяти студентов могут сгенерировать какой-либо из видов работ полностью, не внося изменения, чаще всего это домашние задания — 53 %. По 5 % пришлось на ответы научная статья и объемная итоговая работа. Младшие курсы преимущественно не меняют сгенерированный материал при выполнении домашних заданий (56 и 40 % у старших), а старшие чаще не генерируют ничего полностью (42 и 29 % у младших). Схожие тенденции были выявлены исследователями из МГУ (N=52919, студенты разных ВУЗов

России): «наиболее активны в использовании нейросетей студенты первых трех курсов бакалавриата... подобный опыт имеет тенденцию к снижению от первого курса к шестому (разрыв в ответах составляет примерно 18 % — от 46 % на первом курсе до 28 % на шестом)» [1. С. 340]. Данное распределение, по-видимому, связано с тем, что 4–6 лет назад нейросетевые и иные ИИ-технологии были значительно менее распространены в образовательной среде, а сегодня первичный опыт взаимодействия с ИИ все чаще формируется еще на этапе школьного образования.

Разброс ответов по варианту «работа полностью может быть выполнена ИИ» варьируется от 3 до 23 % в зависимости от вида работ. Пренебрегают чаще выполнением домашних заданий по непрофильным предметам, а научные статьи, объемные итоговые работы и домашние задания по специальности чаще отмечаются как те, что должны быть выполнены самостоятельно (рис. 2). Если студент вносит изменения в работу, сгенерированную ИИ, то преимущественно это перефраз (59 %), дополнение собственными иллюстрациями и таблицами (55 %) или связывание сгенерированного текста с результатами уже написанной оригинальной работы (53 %).

Рис. 2. «Как Вы считаете, какой процент результата работы, сгенерированной ИИ, допустим?» (% , закрытый вопрос)

На прямой вопрос, какое влияние окажет использование ИИ студентами на учебный процесс в будущем, 43 % ответили, что позитивное, 36 % — негативное, каждый пятый затруднился с ответом. Страх перед новыми технологиями — не новое явление, а цикличное: создание компьютера, появление интернета также вызывали опасения. В опросе 2010 года большинство россиян соглашались с высказываниями о вреде компьютера, в том числе

с не имеющим научных оснований (1), в 2017 году в отчете World Economic Forum (21) говорилось, что социально-экономические риски от инноваций начинают превышать прибыль от созданных инновациями рабочих мест, опрос 2021 года (15) показал, что 4 из 10 россиян считают, что цифровизация оказывает негативное влияние на их жизнь.

Выход ИИ из-под контроля человека видится как наиболее опасное последствие внедрения ИИ-технологий в нашу жизнь (45 %). Почти каждый третий студент (27 %) беспокоится о превосходстве ИИ над человеком. О лишении анонимности больше переживают студенты с хорошей успеваемостью (38 %), и больше студентов с плохой успеваемостью не видят опасных последствий (10 %). Эти данные отражают более широкую картину: исследования как в России, так и зарубежом показывают, что сохранение анонимности онлайн, не только в отношении ИИ, является одним из наиболее волнующих общественность вопросов с начала XXI века.

Среди положительных эффектов внедрения ИИ в повседневную жизнь чаще называли экономию времени и облегчение выполнения рутинных задач (63 % и 53 % соответственно). О повышении точности в принятии решений и прогнозировании чаще говорят студенты естественно-научных направлений (20 %) и с хорошей успеваемостью (17 %).

Студентам было предложено выбрать из списка сфер те, которые, по их мнению, не сможет заменить ИИ. В ТОП-3 вошли психологические консультации (65 %), преподавание (55 %) и медицинская диагностика (54 %). В меньшей степени не заменяемым видом деятельности оказался перевод иностранных языков (16 %). В целом наиболее «человеческими» профессиями студенты считают те, где происходит взаимодействие «человек — человек» (медицина, преподавание), где необходим индивидуальный подход и существует большая ответственность за результат.

В большинстве случаев информанты (участники фокус-групп) придерживались мнения, что ИИ никогда не превзойдет человека («не заменит человека», «не превзойдет человека во всем», «будет подчинен человеку», «не ослушается приказов»), хотя есть опасения, что одним из последствий внедрения ИИ станет безработица и роботизация некоторых рабочих процессов: «одних рабочих мест станет больше, а других резко меньше». Отмечается и географический аспект внедрения ИИ: «В некоторых местах... в деревне, где-нибудь в Киргизии, вообще никоим образом оно не влияет. Оно просто есть и есть. Там интернета у людей нет. А где-нибудь в Москве конкретно поменяется».

При попытке спрогнозировать будущее с ИИ студенты в рамках фокус-групповых дискуссий также говорили об освобождении человека от рутинных задач: «можно ИИ скинуть муторную работу, управление простейшими станками и т.д., те вещи, в которых вмешательство человека еще нужно, но постепенно оттуда уходит»; «искусственный интеллект должен быть

устроен так, чтобы он как можно больше упрощал жизнь людям... почти повседневно... Степень, до которого искусственный интеллект может прийти, это чтобы не навредить человеку». В целом студентам видятся скорее позитивные сценарии внедрения ИИ в образовательную среду («внедрение ИИ — революция в сфере образования»). Но были высказаны единичные предположения о возможном ограничении развития ИИ со стороны государства: *«у нас, как обычно, будет либо попустительско-профаническая, либо запретительная стратегия развития ИИ — все будет зависеть от мнения руководства высшего».*

В большинстве случаев студентами упоминается стратегия персонализации образовательных треков и индивидуализации подходов к каждому обучающемуся. Студенты видят в ИИ-технологиях возможность перехода действующей системы в образовании к более гибкой и персонализированной, что выражается в трех основных направлениях: самоорганизации студента, организации учебного процесса и администрировании системы образования. С точки зрения самоорганизации студента информанты упоминали о создании виртуальных помощников/ассистентов, которые также помогали бы им в процессе учебы. В организации обучения при интеграции ИИ-технологий информантами были отмечены: внедрение в работу преподавателя *«интерактивной среды»*, *«анализ факторов успешности обучения»*, на основе которого производится выработка *«рекомендаций по оптимизации учебных программ»*; *«нейросети смогут улавливать сильные и слабые стороны в образовательном процессе и показывать преподавателям необходимость дополнительного вмешательства»*; гибкая образовательная среда включает в себя характеристику доступности для разных групп студентов, например, ИИ-технологии будут способствовать снижению языкового барьера, при этом риском может стать *«снижение интереса к изучению языков»*. Как следствие внедрение ИИ в образовательный процесс информанты отмечали трансформацию роли преподавателя — с развитием ИИ будет становиться скорее наставником, ментором.

Сценарии внедрения ИИ в процесс администрирования образования направлены на технологизацию коммуникативных и управленческих инструментов: виртуальные наставники, AI-тьюторы, чат-боты, которые призваны оперативно отвечать на стандартные вопросы; организация учебного процесса (технологизация составления расписания, управление кампусной инфраструктурой); модернизация цифровых платформ вузов, внедрение ИИ-технологий в занятия — *«вузы будут обладать своей платформой ИИ, способной адаптироваться к индивидуальным особенностям студента».*

Также информанты озвучивали возможные риски, которые может повлечь внедрение ИИ-технологий в образовательную среду вузов: дегуманизация обучения (уменьшение живого взаимодействия, роли креативности и эмоционального интеллекта); снижение качества образования (отсутствие

оригинальных текстов, регресс критического мышления); зависимость студентов от ИИ (*«люди отупеют реально, обленятся... слишком просто получать информацию получается... не надо напрягаться, не надо что-то запоминать, не надо учиться»*); безопасность данных, утечки; безработица (*«ИИ заменит преподавателей», «студентам некуда будет идти работать после вуза»*); обесценивание науки и знаний. Студенты упомянули, что необходимо помнить о таких ограничениях, как алгоритмическая предвзятость (*«ИИ учится на шаблонах, которые могут не отражать реальные знания»*), проблема выбора (*«ИИ не предназначен для решения задач»*) и пр. В некоторых образовательных практиках это уже сказывается негативно: *«У нас цикл сейчас идет... преподаватели ничего не объясняют, нам дают только материал, и мы сами готовим доклады. И у меня одногруппники готовят доклады при помощи нейросети, а так как нейросети нормально тему обрабатывать не могут, получается, у меня информации нету, которую я должен был на паре получить»*.

Чтобы понять развитие отношения к ИИ в будущем, кажется логичным посмотреть на оценки технических достижений прошлого. Так же, как высказывались об ИИ наши респонденты (36 % говорили о негативном влиянии ИИ на образование в будущем), в исследовании 2000 года 36 % россиян отметили, что развитие интернета идет во вред обществу (3). Опираясь на работу М. Кастельса, где он рассматривает Россию как кейс, можно говорить, что вопросы анонимности данных и наблюдения без согласия наблюдаемого в интернете поднимались обществом уже в 2004 году [10]: подобные наблюдения схожи и в отношении ИИ в настоящее время. Общество зачастую воспринимает новые технологии с недоверием и опаской. Данную тенденцию может объяснить теория общества риска: чем сложнее и мощнее технология, тем менее прозрачны ее потенциальные последствия, что в том числе запускает мистификации. Технологизация постоянно рождает тревогу и новые предположения, что может произойти в будущем: *«Когда мы говорим о рисках, мы спорим о чем-то, чего нет, но что могло бы произойти, если сейчас немедленно не переложить руль в противоположном направлении»* [2. С. 175–176].

По данным ФОМ за 2025 год, в ТОП-3 негативных последствий использования ИИ вошли: распространение ложной информации, дезориентация людей; рост мошенничества; умственная деградация людей (16). Боязнь потери контроля над ИИ или роботами (*«восстание машин»*) — один из возможных рисков, который отмечают россияне. При этом почти каждый второй (47 %) представитель целевых аудиторий, связанных профессионально со сферой ИИ или внедряющих ИИ-технологии в свою работу, считает, что такой риск, как причинение вреда здоровью, в результате применения ИИ или выхода его из-под контроля не воплотится в жизнь в обозримом будущем, тогда как повышение уровня преступности с применением ИИ и снижение ценности труда большого количества специалистов — риски, которые реализу-

ются в пределах пяти лет (2). В нашем исследовании среди потенциальных рисков, связанных с внедрением ИИ, обнаруживаются опасения по поводу дегуманизации образования, ухудшения качества обучения, снижения критического мышления и зависимости от технологий. Эти опасения говорят о необходимости осознания границ применения ИИ и постоянного контроля за качеством образовательного процесса, чтобы предотвратить обесценивание знаний и навыков.

Таким образом, будущее внедрения ИИ в образование — область, которая может радикально изменить подходы к обучению и преподаванию. Студенты рассматривают в большей степени положительные сценарии развития ИИ в образовании — как инструмента, который способен наделять их новыми возможностями. С одной стороны, студенты осознают необходимость ответственного использования таких технологий, с другой стороны, активно применяют ИИ в выполнении не только механических задач, но и тех, что нацелены на формирование профессиональных навыков и знаний. Это подчеркивает важность образовательных программ, которые не только обучают практическим навыкам работы с ИИ, но и формируют у студентов критическое мышление и этические основы использования технологий в будущей профессиональной деятельности. Перспективным с точки зрения дальнейшего изучения развития ИИ в образовательной сфере видится оценка рисков внедрения ИИ-технологий с возможными прогностическими сценариями, а также исследование проблем использования ИИ в школьном образовании.

Информация о финансировании

Статья подготовлена в рамках ИнНИР 100939-0-000 «Применение технологий искусственного интеллекта в социологических исследованиях: практика и перспективы».

Примечания

- (1) «Вредное удобство»: правда и мифы о компьютере. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vrednoe-udobstvo-pravda-i-mify-o-kompyutere>.
- (2) Труд создал человека, а человек создал ИИ... что дальше? URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/trud-sozdal-cheloveka-a-chelovek-sozdal-ii-chtodalshe>.
- (3) Данные всероссийского квартирного опроса «Экспресс». 23–30.11.2000. URL: <https://bd.wciom.ru/survey/arhivarius/questions/c05f1436-0712-4a92-89f9-451ef057fadb/total/224e7ba9-6b09-49f0-83a8-d047e2cb9268>.
- (4) Данные всероссийского телефонного опроса «Спутник». 05–12.01.2025. URL: <https://bd.wciom.ru/survey/sputnik/questions/77f91042-1fb5-4f76-a2ff-7aae6fe73193/cross/4a42ac37-b72b-4be3-a8fc-7acc0df6994b>.
- (5) Данные всероссийского телефонного опроса «Спутник», 28.04–05.05.2024. URL: <https://bd.wciom.ru/survey/sputnik/questions/f4e14e3c-4939-4a4c-86fc-5818ea578929/cross/5ba2f2a9-bb03-46c6-ba01-ad3083c0a4e0>.
- (6) Учитель кода: в России создали виртуального преподавателя-программиста. URL: <https://iz.ru/1615704/ivan-chernousov/uchitel-koda-v-rossii-sozdali-virtualnogo-prepodavatelja-programmista>.

- (7) Искусственный интеллект и образование. коротко о том, что происходит. URL: <https://method.gsom.spbu.ru/white-book-ai>.
- (8) Искусственный интеллект (рынок России). URL: <https://www.tadviser.ru>.
- (9) САПФИР блеснет интеллектом. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7380894>.
- (10) Максим Колесников: рынку ИИ необходимо порядка 15,5 тысяч специалистов в год. URL: https://economy.gov.ru/material/news/maksim_kolesnikov_rynku_ii_neobhodimo_poryadka_155_tysyach_specialistov_v_god.html.
- (11) Шесть новых исследовательских центров в сфере ИИ получают господдержку на развитие. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/shest_novyh_issledovatelских_centrov_v_sfere_ii_poluchat_gospodderzhku_na_razvitiye.html.
- (12) Развитие искусственного интеллекта. URL: https://www.economy.gov.ru/material/departments/d01/razvitiye_iskusstvennogo_intellekta.
- (13) Как ИИ влияет на бизнес, Университет Иннополис. URL: https://ai.gov.ru/knowledgebase/v-otraslyakh/2023_kak_ii_vliyaet_na_biznes_universitet_innopolis.
- (14) СПЧ и Минцифры договорились выработать правила использования ИИ. URL: <https://ria.ru/20240726/tekhnologii-1962282139.html>.
- (15) Большинство россиян положительно относятся к цифровизации. URL: <https://romir.ru/studies/romir-bolshinstvo-rossiyan-polozhitelno-otnosyatsya-k-cifrovizacii>.
- (16) Финансирование ИИ при реализации нацпроекта «Цифровая экономика» достигло 19 млрд рублей. URL: <https://tass.ru/ekonomika/19526193>.
- (17) Указ Президента от 15.02.2024 № 124 «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 “О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации” и в Национальную стратегию, утвержденную этим Указом». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202402150063>.
- (18) Нейросети. URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/15270>.
- (19) AI drives Duolingo layoffs. URL: <https://www.linkedin.com/news/story/ai-drives-duolingo-layoffs-5863292>.
- (20) Trust and privacy online. URL: https://www.pewresearch.org/internet/2000/08/20/trust-and-privacy-online/?utm_source=chatgpt.com.
- (21) The Global Risks Report 2017. URL: https://www3.weforum.org/docs/GRR17_Report_web.pdf.

Библиографический список

1. Алешковский И.А., Гаспаривили А.Т., Нарбут Н.П., Крухмалева О.В., Савина Н.Е. Российские студенты о возможностях и ограничениях использования искусственного интеллекта в обучении // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2024. Т. 24. № 2.
2. Бек У. Что такое глобализация? М., 2001.
3. Гудкова Я.А., Тупикова В.А. Изучение искусственного интеллекта через призму теории социального конструирования // Теория и практика общественного развития. 2024. № 11.
4. Истомина О.Б. Искусственный интеллект в современном образовательном пространстве: за и против // Профессиональное образование в современном мире. 2025. Т. 15. № 1.
5. Константинова Л.В., Ворожжихин В.В., Петров А.М., Титова Е.С., Штырно Д.А. Генеративный искусственный интеллект в образовании: дискуссии и прогнозы // Открытое образование. 2023. Т. 27. № 2.
6. Пинчук А.Н., Тихомиров Д.А. О взаимодействии человека и искусственного интеллекта: новая социальная реальность в представлении московских студентов // Знание. Понимание. Умение. 2019. № 3.
7. Пузанова Ж.В., Кожоридзе Г.Г., Кожоридзе Д.Г. ИИ и социология: анализ технологических возможностей виртуальных респондентов // Социология: 4М. 2025. № 60.

8. Шмарюон Ю.В., Конев И.В., Курских Е.П. Представления студентов гуманитарного вуза об искусственном интеллекте // *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*. 2024. Т. 49. № 3.
9. *Ampo W.M., Ayuban A.R., Avellaneda S.L.A., Go D.T.* Exploring teachers' lived experiences in integrating ChatGPT in classroom practices // *International Journal of Education and Emerging Practices*. 2025. Vol. 1. No. 1.
10. *Castells M.* *The Network Society: A Cross-Cultural Perspective*. Edward El, 2004.
11. *Churi P.P., Joshi S., Elhoseny M., Omrane A.* (Eds.). *Artificial Intelligence in Higher Education: A Practical Approach*. CRC Press, 2022.
12. *Hamzah A.A.* Use of AI tools in developing research proposals among pre-service science teachers: A case study // *International Journal of Education, Psychology and Counseling*. 2025. Vol. 10. No. 59.
13. *Holmes W., Bialik M., Fadel C.* *Artificial Intelligence in Education*. Boston, 2019.
14. *Zawacki-Richter O., Marin V.I., Bond M., Gouverneur F.* Systematic review of research on artificial intelligence applications in higher education — where are the educators? // *International Journal of Educational Technology in Higher Education*. 2019. Vol. 16. No. 1.

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-1-190-203

EDN: QJMVDF

Educational practices of the present time and the future: Students' opinions on the use of AI at university*

Zh.V. Puzanova, Ya.A. Gudkova^{1,2}

¹RUDN University,
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

²VCIOM Analytical Center,
Prechistenka St., 38, Moscow, 119034, Russia

(e-mail: puzanova-zhv@rudn.ru; gudkova-yaa@rudn.ru)

Abstract. The study of various subject areas of artificial intelligence (AI) is one of the most popular topics in scientific and professional communities. Interest in this area is also fueled by the government as a key actor that actively encourages AI research not only from a technological but also from humanitarian perspective and through legislation. Rapid institutionalization increases the need for new personnel in this field and for regulation of AI-related activities. Universities find themselves in a difficult position: on the one hand, they are at the forefront of cutting-edge research and respond to the demand for integration of AI-based technologies into educational process; on the other hand, universities require regulations for the use of AI in educational activities. Today students actively use AI technologies — from spell checking to writing term papers and theses. According to the results of the online survey conducted in the RUDN University (N=576), despite understanding the limits of acceptable AI-generated material in various types of academic work, seven out of ten students use entirely generated texts without edits. In general students hold positive views on the use of AI in education, primarily focusing on improving the university's organizational work and personalizing the educational system, but also mention the risks of AI-technologies.

*© Zh.V. Puzanova, Ya.A. Gudkova, 2026

The article was submitted on 24.12.2025. The article was accepted on 30.01.2026.

Key words: artificial intelligence; higher education; educational practices; students; risks of technologization; digitalization

For citation: Puzanova Zh.V., Gudkova, Ya.A. Educational practices of the present time and the future: Students' opinions on the use of AI at university. *RUDN Journal of Sociology*. 2026; 26 (1): 190–203. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-1-190-203> EDN: QJMVDF

Funding

The research was supported by the InNIR No. 100939-0-000 «Application of artificial intelligence technologies in sociological research: Practice and prospects».

References

1. Aleshkovski I.A., Gasparishvili A.T., Narbut N.P., Krukhmaleva O.V., Savina N.E. Rossijskie studenty o vozmozhnostyakh i ogranicheniyakh ispolzovaniya iskusstvennogo intellekta v obuchenii [Russian students on the potential and limitations of artificial intelligence in education]. *RUDN Journal of Sociology*. 2024; 24 (2). (In Russ.).
2. Beck U. *Chto takoe globalizatsiya* [What Is Globalization]. Moscow; 2001. (In Russ.).
3. Gudkova Ya.A., Tupikova V.A. Izuchenie iskusstvennogo intellekta cherez prizmu teorii sotsialnogo konstruirovaniya [The study of AI as a social construct]. *Teoriya i Praktika Obshchestvennogo Razvitiya*. 2024; 11. (In Russ.).
4. Istomina O.B. Iskusstvenny intellekt v sovremennom obrazovatelnom prostranstve: za i protiv [Artificial intelligence in today's educational space: Pros and cons]. *Professionalnoe Obrazovanie v Sovremennom Mire*. 2025; 15 (1). (In Russ.).
5. Konstantinova L.V., Vorozhikhin V.V., Petrov A.M., Titova E.S., Shtykhno D.A. Generativny iskusstvenny intellekt v obrazovanii: diskussii i prognozy [Generative artificial intelligence in education: Discussions and forecasts]. *Otkrytoe Obrazovanie*. 2023; 27 (2). (In Russ.).
6. Pinchuk A.N., Tikhomirov D.A. O vzaimodejstvii cheloveka i iskusstvennogo intellekta: novaya sotsialnaya realnost v predstavlenii moskovskih studentov [On the interaction of humans and artificial intelligence: A new social reality in the perception of Moscow students]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*. 2019; 3. (In Russ.).
7. Puzanova Zh.V., Koshoridze G.G., Koshoridze D.G. II i sotsiologiya: analiz tekhnologicheskikh vozmozhnostej virtualnykh respondentov [AI and sociology: Analyzing virtual respondent technology]. *Sotsiologiya: 4M*. 2025; 60. (In Russ.).
8. Shmarion Yu.V., Konev I.V., Kurskih E.P. Predstavleniya studentov gumanitarnogo vuza ob iskusstvennom intellekte [Ideas of humanities students about artificial intelligence]. *NOMOTHETIKA: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo*. 2024; 49 (3). (In Russ.).
9. Ampo W.M., Ayuban A.R., Avellaneda S.L.A., Go D.T. Exploring teachers' lived experiences in integrating ChatGPT in classroom practices. *International Journal of Education and Emerging Practices*. 2025; 1 (1).
10. Castells M. *The Network Society: A Cross-Cultural Perspective*. Edward El; 2004.
11. Churi P.P., Joshi S., Elhoseny M., Omrane A. (Eds.). *Artificial Intelligence in Higher Education: A Practical Approach*. CRC Press; 2022.
12. Hamzah A.A. Use of AI tools in developing research proposals among pre-service science teachers: A case study. *International Journal of Education, Psychology and Counseling*. 2025; 10 (59).
13. Holmes W., Bialik M., Fadel C. *Artificial Intelligence in Education*. Boston; 2019.
14. Zawacki-Richter O., Marin V.I., Bond M., Gouverneur F. Systematic review of research on artificial intelligence applications in higher education — where are the educators? *International Journal of Educational Technology in Higher Education*. 2019; 16 (1).

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-1-204-214

EDN: QERMEZ

Образовательная политика как инструмент формирования идентичности: поиск баланса между традицией и модернизацией*

М.В. Субботина

Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

(e-mail: subbotina-mv@rudn.ru)

Аннотация. В статье рассматривается трансформация российской образовательной политики как стратегического инструмента формирования национальной идентичности в условиях глобальной конкуренции. Автор анализирует ключевое противоречие — между традиционной парадигмой, ориентированной на воспитание патриотизма, трансляцию культурных ценностей и укрепление государственного суверенитета, и модернизационной парадигмой, нацеленной на развитие конкурентоспособных компетенций, индивидуализацию и интеграцию в глобальный контекст. Взаимодействие и конфликт парадигм создают интеллектуально-политическое напряжение, выражающееся в ключевых бинарных оппозициях: «национальное–глобальное», «патриотизм–космополитизм», «фундаментальность–практикоориентированность», «коллективное–индивидуальное». В контексте этих противоречий и ведется поиск баланса в российской образовательной политике. В статье выделены этапы этого поиска и баланса: радикальная модернизация 1990-х, технократическая централизация 2000-х, консервативный поворот 2010-х, а в 2020-е — целенаправленное конструирование «суверенной» образовательной модели. В статье обозначены три вектора этой политики: институциональная унификация (введение единых образовательных программ и учебников), системная идеологизация воспитательной работы и структурная перестройка высшей школы с отказом от Болонской системы. Автор выявляет внутренние противоречия гибридной модели, которая пытается совместить технологическую модернизацию и развитие критического мышления с жесткой ценностной индоктринацией. Отмечены риски данной модели (перегрузка системы, девальвация педагогических методов) и ее потенциальные возможности (использование цифровых инструментов для укрепления культурного наследия). Делается вывод о переходе образовательной политики к гибридному моделированию, успех которого будет зависеть от гибкости и содержательной интеграции двух парадигм.

Ключевые слова: образовательная политика; российская идентичность; традиционная парадигма; модернизационная парадигма; суверенитет образования; патриотическое воспитание

*© Субботина М.В., 2026

Статья поступила в редакцию 04.12.2025. Статья принята к публикации 15.01.2026.

Для цитирования: Субботина М.В. Образовательная политика как инструмент формирования идентичности: поиск баланса между традицией и модернизацией // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2026. Т. 26. № 1. С. 204–214. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-1-204-214> EDN: QERMEZ

Сегодня страны, прежде всего технологически и экономически развитые, ведут непрерывную борьбу за привлечение и удержание человеческого капитала — наиболее одаренных ученых, инженеров, предпринимателей, творческой молодежи. Эта борьба связана с концепцией «мягкой силы» (soft power), где ключевую роль играет притягательность национальной культуры, языка, образа жизни и, что особенно важно, образовательной системы [14], т.е. образование становится стратегическим ресурсом в геополитическом соревновании.

Для России данный вызов имеет амбивалентный характер: с одной стороны, существует риск «утечки умов» и культурного подчинения глобальным стандартам государствами; с другой стороны, открывается возможность консолидировать вокруг себя цивилизационно близкие сообщества, предложив им привлекательную модель развития, основанную на собственных ценностях и традициях. В этих условиях внутренняя образовательная политика влияет на международный статус страны: она должна не только готовить высококвалифицированных специалистов, но и формировать у новых поколений устойчивую российскую идентичность, духовные ориентиры и современные компетенции. Поиск баланса между *традицией*, обеспечивающей связь поколений и культурную независимость, и *модернизацией*, необходимой для технологического прорыва и глобальной конкурентоспособности, становится центральной дилеммой.

Еще несколько лет назад в публичном дискурсе доминировала трактовка образования как «услуги», формирующей «человеческий капитал» (1), но сегодня на первый план вновь выходит цивилизационная и социально-консолидирующая миссия образования [6] — не только источника знаний и компетенций, но и социального лифта, работающего на укрепление национального единства, и «фабрики смыслов», «производящей» лояльных граждан. В отличие от разрозненных действий СМИ, культуры и общественных организаций, система образования обладает уникальными чертами для решения этих задач: универсальна (охватывает практически все молодое поколение), длительно воздействует на личность, структурно организована (программы и стандарты) и легитимна (государственно-общественный характер) — это делает ее мощным инструментом целенаправленного воздействия на коллективное сознание. Однако один из спорных и актуальных вопросов — образование должно в первую очередь воспроизводить и укреплять сложившуюся национально-культурную общность («консервативная функция») или

же готовить человека к жизни в быстро меняющемся глобальном мире («инновационная функция») [12].

Анализ современной образовательной политики требует четкого различения двух конкурирующих парадигм, определяющих ее цели, методы и ценностные основания, — традиционная и модернизационная парадигмы — фундаментальные и противоположные подходы к пониманию роли образования в обществе [10]. Традиционная парадигма рассматривает образование, прежде всего, как институт преемственности, ключевая миссия которого состоит в трансляции следующим поколениям единой системы культурных норм, исторических нарративов и гражданских ценностей, т.е. цель образования — формирование гражданина-патриота, чья личная идентичность неразрывно связана с коллективной судьбой нации и государства. Знаниево-ориентированный подход делает акцент на фундаментальности, системности знаний и дисциплине ума как основе мировоззрения; основа парадигмы — идеи воспитания, где центральной фигурой является учитель-наставник, передающий не только знания, но и образцы поведения. Ключевые ценности парадигмы — коллективизм, служение Отечеству, уважение к историческому наследию и приоритет духовно-нравственных ориентиров над утилитарными навыками. Образование служит механизмом укрепления социокультурной целостности и противостояния фрагментации общества [2].

Модернизационная парадигма исходит из логики экономической эффективности и индивидуальной успешности в условиях глобальной конкуренции. Главная цель парадигмы — производство конкурентоспособного, мобильного и креативного специалиста («человека капитала» или «человека обучающегося» — *lifelong learner*), способного адаптироваться к быстро меняющимся требованиям рынка труда и технологий [9]. Методологическое ядро — компетентностный подход, смещающий фокус с усвоения информации на формирование практических навыков (компетенций — критическое мышление, коммуникация, решение нестандартных задач), поэтому приоритетны методы индивидуализации, проектной и исследовательской деятельности, ориентация на запросы учащихся и работодателей. Ценностный ряд парадигмы формируют инновационность, конкуренция, прагматизм и установка на глобальную интеграцию, где образование трактуется как сфера услуг, инвестиций в человеческий капитал [11].

Взаимодействие и конфликт двух парадигм порождают напряженность, которую можно представить как ряд бинарных оппозиций. Ось «национальное–глобальное» определяет выбор: должно ли образование укреплять суверенитет или готовить человека к жизни в мире без границ. Ось «патриотизм–космополитизм» ставит вопрос о векторе лояльности: служение национальному государству или идентификация с общечеловеческими ценностями и глобальным профессиональным сообществом. Оппозиция

«фундаментальность — практикоориентированность» касается содержания образования: приоритет системного научного знания или быстро реализуемых компетенций? И, наконец, противоречие «коллективное–индивидуальное» затрагивает суть образовательного процесса — в первую очередь это инструмент формирования сплоченного общества («мы») или платформа для раскрытия личностного потенциала («я»)? В пространстве этих оппозиций разворачивается основная дискуссия о возможностях баланса в российской образовательной политике.

Динамика соотношения традиционной и модернизационной парадигм в российской образовательной политике носит поэтапный характер, который отражает наиболее широкие социокультурные и политические трансформации. Так, 1990-е годы — «радикальная модернизация» и дезинтеграция единого пространства: период кардинального разрыва с советской образовательной моделью под лозунгом деидеологизации и демократизации. Государство, переживающее глубокий системный кризис, ослабило централизованное управление, что привело к всплеску институциональной и содержательной вариативности. Стратегическим выбором стал курс на интеграцию в глобальное образовательное пространство, ознаменовавшийся подготовкой к вступлению в Болонский процесс. Однако параллельно с отказом от советского воспитательного компонента произошла утрата консолидирующей культурно-идентификационной функции: образование, ориентированное на либеральные ценности и западные образцы, в массовом сознании стало ассоциироваться не столько с созиданием будущего, сколько с утратой социальных смыслов, создав в долгосрочной перспективе запрос на «возврат к истокам» [4].

2000-е годы — поиск «управляемой модернизации» через централизацию и стандартизацию: государство взяло курс на восстановление управляемости системы, но в рамках новой технократической парадигмы [7]. Ключевым инструментом стало внедрение общенациональной системы оценки — ЕГЭ и ГИА, которые преследовали двоякую цель: обеспечить «объективную» измеримость образовательных результатов и создать формально справедливый социальный лифт [1]. В рамках приоритетных национальных проектов началась масштабная материально-техническая модернизация (интернетизация, оснащение лабораторий) [13]. На фоне укрепления государственного суверенитета в образовательной политике возобновляется дискуссия о воспитательной роли школы, что свидетельствовало о нарастающем осознании ограниченности технократического подхода и необходимости поворота к традиционной парадигме.

2010-е годы — «консервативный поворот» и противоречивый синтез, целенаправленная ретрадиционализация ценностного содержания образования при формальном сохранении многих модернизационных инструментов [3]. Поворот был законодательно закреплён в Федеральном законе «Об образо-

вании в Российской Федерации» (2012), впервые за десятилетия определившим воспитание как неотъемлемую часть образовательного процесса (2). «Основы государственной культурной политики» (2014) (3) провозгласили защиту традиционных ценностей и российской культурной идентичности, что выразилось в приоритете исторического просвещения, включая школьные «Разговоры о важном». Однако параллельно продолжается и даже усиливается курс на цифровизацию, развитие «гибких навыков» (soft skills), поддержку талантливой молодежи через конкурсы и проекты, что соответствует логике модернизационной парадигмы. Таким образом, была предпринята попытка создать гибридную модель, где технологические инструменты модернизации (от цифровых платформ до компетентностных олимпиад) должны служить целям укрепления традиционных ценностей и государственного суверенитета, что порождает постоянное внутреннее напряжение в системе образования.

2020-е годы — формирование «суверенной» образовательной модели и системная идеологизация: продолжений тенденций предшествующего десятилетия, но наметился и качественный перелом в образовательной политике — радикализация традиционной парадигмы в интересах государственно-патриотических ценностей [8]. Если 2010-е можно охарактеризовать как период синтеза, то сегодня мы наблюдаем целенаправленное конструирование «суверенной» системы образования как главного института идеологической мобилизации в условиях геополитической конфронтации через три взаимосвязанных процесса — институциональную унификацию, системная идеологизация и формальный разрыв с глобальными стандартами.

Так, начался переход от регулирования к прямому администрированию содержания образования. Ключевым его инструментом стало введение в 2023 году обязательных для всех школ Федеральных основных образовательных программ (ФООП), которые минимизируют вариативность учебных планов, особенно в гуманитарной сфере (4). Параллельно идет создание единой линейки учебников, призванных обеспечить идеологическую монополию на интерпретацию истории, литературы и обществознания. Этот курс на внутреннее единообразие сопровождается разрывом с международными системами: выход из Болонского процесса (2022) (5) и приостановка участия в исследованиях PISA (6) и TIMSS (7). Формируется самодостаточная образовательная экосистема, ориентированная исключительно на внутренние задачи.

Патриотическое воспитание трансформировалось из частного компонента в ключевой принцип организации школьной жизни. Еженедельные «Разговоры о важном» стали каналом коммуникации государства с учащимися, формируя заданную трактовку текущих событий и ценностей. Возвращение в учебные планы 10–11 классов начальной военной

подготовки (НВП) говорит о переходе от абстрактного патриотизма к практической логике гражданской обороны и личной сопричастности к ней (8).

Структурная перестройка высшей школы стала ответом на вызовы технологического суверенитета. Отказ от Болонской системы — лишь признак глубоких трансформаций: основной формой высшего образования вновь объявлен специалитет, что означает возврат к советской модели длительной узкопрофильной подготовки кадров. Эта мера направлена на прекращение «утечки мозгов» и удержание человеческого капитала внутри национальной экономики. Однако параллельно с идеологической консервацией содержания образования сохраняется и даже усиливается курс на технологическую модернизацию, поддержку IT-сферы, развитие «гибких навыков» и цифровых образовательных платформ. Попытки совместить жесткую ценностную индоктринацию с подготовкой инновационных специалистов создают перманентное напряжение в вузовской среде — между задачами идеологического характера и требованиями креативности и критического мышления, необходимыми для технологического прорыва.

Таким образом, период 2020-х годов знаменует отказ от парадигмы «управляемой модернизации» в пользу проекта «суверенизации» образования. Система все более четко ориентируется на формирование лояльного патриота и подготовку кадров для изолированной, но технологически развивающейся экономики. Этот поворот делает напряжение между традицией и модернизацией не предметом дискуссии, а встроенным в систему образования конфликтом (инструменты цифровой эпохи вынуждены служить целям национально-традиционного возрождения).

Противоречие между традиционной и модернизационной парадигмами находит выражение в конкретных элементах образовательной системы, порождая гибридные формы и зоны напряженности.

Содержание образования: канон против компетенций. В содержании образования наблюдается структурный дуализм: с одной стороны, под влиянием традиционной парадигмы происходит целенаправленное укрупнение и идеологическое насыщение курсов отечественной истории и литературы как главных «культурных скреп», создается «золотой канон» текстов и исторических нарративов, призванных консолидировать российскую нацию. С другой стороны, в учебные планы активно внедряются элементы из модернизационной повестки (основы проектной деятельности, принципы STEM-образования), призванные развивать критическое мышление, креативность и практические навыки, что отвечает логике подготовки кадров для инновационной экономики (9).

Воспитательная работа: ценностный контекст современных форматов обучения. Сфера воспитательной работы наиболее ярко иллюстрирует попытку наполнения модернизационных форм традиционным содержанием. Государство инициирует и поддерживает общенациональные проекты,

которые служат прямым каналом трансляции государственной идеологии и патриотических ценностей. Масштабные движения «Большая перемена» и «Движение первых», формально поощряющие лидерство, творчество и социальную активность, имеют выраженный патриотический компонент и используются как инструмент формирования лояльной инициативной молодежи, при этом сохраняя и развивая типично модернизационные практики (волонтерство, экологические инициативы, предпринимательские челленджи). Ключевое отличие от 2000-х годов состоит в том, что вся эта деятельность встроена в заданный ценностно-идеологический контекст, что превращает ее из пространства спонтанной гражданской самоорганизации в управляемую форму социальной активности, направленную на укрепление общественной солидарности вокруг официальных приоритетов.

Система оценки (ЕГЭ): технологичный инструмент в идеологическом поле. ЕГЭ остается наиболее устойчивым институтом модернизационной парадигмы, воплощая принципы стандартизации, технологичности и формального равенства возможностей, выполняя функцию объективного (в метрологическом смысле) измерителя знаний и важнейшего социального лифта. Однако он постоянно подвергается критике с позиций традиционной парадигмы, поскольку, особенно в гуманитарных дисциплинах, поощряет «натаскивание» на тесты в ущерб целостному, глубокому освоению предмета и развитию способности к самостоятельным суждениям. Это противоречие приводит к перманентным, хотя пока не кардинальным, изменениям формата экзамена (введение устной части по русскому и иностранным языкам, увеличение числа заданий с развернутым ответом по истории и обществознанию), которые представляют собой попытки адаптировать модернизационный инструмент к традиционной оценке знаний (10).

Высшая школа: структурный разрыв и содержательная амбивалентность. Выход из Болонской системы в 2022 году стал символическим окончательным отказом от модернизационной модели. Возврат к специалитету как базовой форме знаменует курс на создание замкнутой, продолжительной и узкопрофильной модели подготовки. Однако этот структурный консервативный поворот сочетается с парадоксально противоположной содержательной повесткой — декларируется и финансируется курс на усиление научно-исследовательской компоненты, поддержку передовых лабораторий и развитие технологического суверенитета, что требует от вузовской системы открытости к глобальным научным трендам, международному сотрудничеству (на новых основаниях) и формированию тех компетенций (критического мышления, инновационности), которые плохо встраиваются в жестко идеологизированную среду. Это создает фундаментальное напряжение для университетов, вынужденных в рамках одной системы решать задачи идеологического воспитания и подготовки креативного исследователя.

Попытка синтеза традиционной и модернизационной парадигм в рамках «суверенной» образовательной модели порождает комплекс системных рисков, но также открывает определенные возможности. *Возможные риски: от формального синтеза к институциональной перегрузке* — наиболее существенной угрозой является девальвация самой идеи синтеза, когда инновационные методы (проектная деятельность, цифровые платформы, развитие soft skills) используются как новый «язык» для трансляции жестко заданного консервативного содержания, порождая у учащихся цинизм и формальное отношение к обеим составляющим. Данный риск усугубляется системой двойных стандартов: декларируемые ценности коллективизма и служения могут вступать в противоречие с реальными практиками гиперконкуренции (олимпиады, рейтинги, ЕГЭ), а риторика технологического прорыва — с жесткими идеологическими ограничениями в гуманитарной сфере. Ключевым вызовом становится хроническая перегрузка системы и педагогов, которые вынуждены решать взаимоисключающие задачи: воспитывать лояльность и критическое мышление, готовить к службе Отечеству и к глобальному рынку труда, осваивать новые технологии в условиях контроля содержания.

Возможная перспектива: от конфликта к интеграции парадигм — несмотря на риски, гибридная модель содержит потенциал для формирования новой образовательной конфигурации, например концепции «открытого патриотизма», в которой гражданская идентичность строится не на изоляции и отрицании мирового опыта, а на глубоком понимании исторической и современной роли России в глобальном контексте. Центральным интегрирующим концептом может стать идея технологического суверенитета, где модернизация (цифровизация, научные исследования, инженерия) перестает восприниматься как угроза традиционным ценностям, а, напротив, рассматривается как главное условие их защиты и обеспечения национальной безопасности — так передовые компетенции становятся инструментом служения традиционной ценности государственного суверенитета. Наконец, цифровая среда, часто ассоциируемая с размыванием идентичности, может стать мощным инструментом ее укрепления через виртуальные музеи, цифровые архивы, образовательные платформы по изучению национального культурного и исторического наследия.

Таким образом, будущее российской образовательной политики зависит от того, удастся ли преодолеть риски формального, механического соединения традиционной и модернизационной парадигм посредством их содержательной интеграции, при которой новые технологические и методологические инструменты будут осмысленно и творчески направлены на решение исторически устойчивых задач национального развития. Успех этой масштабной институциональной инженерии будет зависеть не от скорости изменений, а от гибкости модели, ее способности избежать идеологической

ригидности, подавляющей интеллектуальный поиск, и обеспечить содержательное, а не показное обновление образовательных практик.

Для минимизации рисков в реализации гибридной модели необходимы: широкий и открытый общественно-профессиональный диалог о конкретном «образе будущего», который призвана обеспечивать система образования; системная поддержка и тиражирование тех педагогических практик, что демонстрируют эффективный синтез (например, использование цифровых инструментов для краеведческой работы); повышение профессионального и социального статуса педагога, поскольку он является главным агентом трансформации и вынужден ежедневно находить баланс между противоречивыми требованиями системы.

Примечания

- (1) В 2012 году был принят Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации», где появилось понятие «образовательная услуга». В 2022 году оно было исключено из законодательства: в статьях закона термин «оказание государственных (муниципальных) услуг в сфере образования» был заменен на «финансовое обеспечение реализации образовательных программ/выполнения государственного или муниципального задания».
- (2) Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70191362>.
- (3) Указ Президента РФ от 24.12.2014 № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70728330>.
- (4) Новый учебный год: законодательные поправки с 1 сентября 2023 года. URL: <https://www.garant.ru/article/1641700>.
- (5) Что означает выход из Болонской системы? URL: <https://sredaobuchenia.ru/media/bologna-system>.
- (6) Российские школьники будут жить не по PISA. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5270893>.
- (7) Россия не будет проводить международное исследование оценки знаний школьников TIMSS. URL: <https://habr.com/ru/news/722990>.
- (8) Вместо ОБЖ в школах появятся «Основы безопасности и защиты Родины». URL: <https://www.garant.ru/news/1680781>.
- (9) STEM-образование для подростков. Почему это ключевой навык для экономики. URL: <https://tamyrplatform.com/blog/stem-obrazovanie-dlya-podrostkov-pochemu-eto-klyuchevoj-navyk-dlya-ekonomiki>.
- (10) Заменят ли ЕГЭ традиционные экзамены в России. URL: <https://propostuplenie.ru/article/otmenjat-li-egje-v-2024-godu-v-rossii>.

Библиографический список

1. *Аванесов В.* Единый государственный экзамен в фокусе научного исследования // Педагогические измерения. 2006. № 1.
2. *Артемьев А.В.* Традиционная и компетентностная парадигма в образовании: просто о сложном // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2019. № 4.
3. *Бермус А.Г.* Концептуальные проблемы современного этапа модернизации педагогического образования в России // Непрерывное образование: XXI век. 2015. № 2.
4. *Гуркина Н.К.* История образования в России (X–XX века). СПб., 2001.
5. *Данилова Л.Н.* Педагогическое образование в Сингапуре: компетентностно-ценностный подход // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2022. № 3.

6. Золкин А.Л. Цивилизационная стратегия образования // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. 2017. № 4.
7. Корнеев С.С. Влияние технократической парадигмы образования на формирование личности и мышления // Сибирский педагогический журнал. 2011. № 5.
8. Лепехин В.А. Отечественная система образования в контексте проблемы цивилизационной безопасности РФ. URL: <http://zinoviev.info/wps/archives/5746>.
9. Любимцев К.В. Парадигма модернизации в социальной теории // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2007. № 4.
10. Миронова Н.В. Единство традиционализма и модернизации в современном образовании // Актуальные вопросы современной науки. 2010. № 12.
11. Нарбеков Н.Н. Модульно-компетентностный подход в современном высшем образовании // Universum: технические науки. 2022. № 1–1.
12. Санникова О.В. Соотношение инновационного и традиционного в трансформации содержания образования // Вестник Удмуртского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. № 3.
13. Старкова Е.А. Приоритетный национальный проект «Образование»: понятие, содержание и цели // Science Time. 2014. № 11.
14. Nye J.S.Jr. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. Basic Books, 1990.

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-1-204-214

EDN: QERMEZ

Educational policy as a tool for identity formation: In search of a balance between tradition and modernization*

M.V. Subbotina

RUDN University,
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

(e-mail: subbotina-mv@rudn.ru)

Abstract. The article considers the transformation of the Russian educational policy as a strategic tool for shaping national identity under global competition. The author identifies the key contradiction between the traditional paradigm, focusing on patriotism, cultural values and national sovereignty, and the modernization paradigm, focusing on competitive competencies, individualization and integration into the global context. The interaction and conflict of these paradigms determine intellectual-political tension expressed in such binary oppositions as “national–global”, “patriotism–cosmopolitanism”, “fundamental–practice-oriented”, “collective–individual”. It is within these contradictions that the search for balance in the contemporary Russian educational policy takes place. The author identifies the following historical stages in this search for balance: radical modernization of the 1990s, technocratic centralization of the 2000s, conservative turn of the 2010s, and development of the “sovereign” educational model in the 2020s with three vectors — institutional unification (unified educational programs and textbooks), systematic ideologization, and structural reorganization of the higher education after abandoning the Bologna system. The author reveals the internal contradictions of this hybrid model, which attempts to combine

* © M.V. Subbotina, 2026

The article was submitted on 04.12.2025. The article was accepted on 15.01.2026.

technological modernization and critical thinking with rigid value indoctrination, and mentions both the risks of this model (system overload, devaluation of pedagogical methods) and its potential opportunities (the use of digital tools to strengthen cultural heritage). Thus, educational policy has entered a phase of conscious hybrid modeling, the success of which will depend on flexibility and integration of two paradigms rather than on ideological rigidity.

Key words: educational policy; Russian identity; traditional paradigm; modernization paradigm; educational sovereignty; patriotic education

For citation: Subbotina M.V. Educational policy as a tool for identity formation: In search of a balance between tradition and modernization. *RUDN Journal of Sociology*. 2026; 26 (1): 204–214. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-1-204-214> EDN: QERMEZ

References

1. Avanesov V. Ediny gosudarstvenny ekzamen v fokuse nauchnogo issledovaniya [The Unified State Exam in the focus of scientific research]. *Pedagogicheskie Izmereniya*. 2006; 1. (In Russ.).
2. Artemyev A.V. Traditsionnaya i kompetentnostnaya paradigma v obrazovanii: prosto o slozhnom [Traditional and competence-based paradigms in education: Simply about the complicated]. *Nauchnye Trudy Moskovskogo Gumanitarnogo Universiteta*. 2019; 4. (In Russ.).
3. Bermus A.G. Kontseptualnye problemy sovremennogo etapa modernizatsii pedagogicheskogo obrazovaniya v Rossii [Conceptual issues of the current stage of modernization of pedagogical education in Russia]. *Nepreryvnoe Obrazovanie: XXI Vek*. 2015; 2. (In Russ.).
4. Gurkina N.K. *Istoriya obrazovaniya v Rossii (X–XX veka)* [History of Education in Russia (10th — 20th Centuries)]. Saint Petersburg; 2001. (In Russ.).
5. Danilova L.N. Pedagogicheskoe obrazovanie v Singapure: kompetentnostno-tsennostny podkhod [Pedagogical education in Singapore: A competence-value approach]. *Voprosy Zhurnalistiki, Pedagogiki, Yazykoznaneya*. 2022; 3. (In Russ.).
6. Zolkin A.L. Tsvivilizatsionnaya strategiya obrazovaniya [Civilizational educational strategy]. *Gumanitarnye Vedomosti TGPU im. L.N. Tolstogo*. 2017; 4. (In Russ.).
7. Korneenkov S.S. Vliyaniye tekhnokraticheskoy paradigmy obrazovaniya na formirovaniye lichnosti i myshleniya [The influence of the technocratic educational paradigm on the development of personality and thinking]. *Sibirsky Pedagogichesky Zhurnal*. 2011; 5. (In Russ.).
8. Lepekhin V.A. Otechestvennaya sistema obrazovaniya v kontekste problemy tsvivilizatsionnoy bezopasnosti RF [National education system in the context of the Russian civilizational security]. URL: <http://zinoviev.info/wps/archives/5746>. (In Russ.).
9. Lyubimtsev K.V. Paradigma modernizatsii v sotsialnoy teorii [Modernization paradigm in social theory]. *Izvestiya VUZov. Povolzhsky Region. Gumanitarnye Nauki*. 2007; 4. (In Russ.).
10. Mironova N.V. Edinstvo traditsionalizma i modernizatsii v sovremennom obrazovanii [Unity of traditionalism and modernization in contemporary education]. *Aktualnye Voprosy Sovremennoy Nauki*. 2010; 12. (In Russ.).
11. Narbekov N.N. Modulno-kompetentnostny podkhod v sovremennom vyshem obrazovanii [Modular-competence approach in contemporary higher education]. *Universum: Tekhnicheskie Nauki*. 2022; 1–1. (In Russ.).
12. Sannikova O.V. Sootnosheniye innovatsionnogo i traditsionnogo v transformatsii sodержaniya obrazovaniya [The ratio of the innovative and the traditional in the transformation of educational content]. *Vestnik Udmurtskogo Universiteta. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika*. 2024; 3. (In Russ.).
13. Starkova E.A. Prioritetny natsionalny proekt “Obrazovanie”: ponyatiye, sodержaniye i tseli [The Priority National Project “Education”: Concept, content and goals]. *Science Time*. 2014; 11. (In Russ.).
14. Nye J.S.Jr. *Bound to Lead: The Changing Nature of American Power*. Basic Books; 1990.

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-1-215-223

EDN: QEKZOB

Социальные технологии в социологическом и «несоциологическом» измерении*

В.П. Бабинцев

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, 85, Белгород, 308015, Россия

(e-mail: babintsev@bsuedu.ru)

Аннотация. В статье обосновывается наличие исторической и логической связи между социологией и теорией социальных технологий: в современных условиях констатации ее наличия недостаточно для понимания содержания и всей сложности взаимоотношений этих отраслей социально-гуманитарного знания. Реализующиеся в гибридной среде процессы цифровизации обуславливают необходимость рассматривать социальные технологии в качестве сложно структурированного комплекса алгоритмически выстроенных, синхронизированных «физических», социальных и информационно-коммуникационных (цифровых) процедур и операций, разработанных и используемых для оптимизации общественных процессов. Автор подчеркивает, что традиционное восприятие социальных технологий только как специальной области социального знания ограничивает возможности их применения и перевода на уровень социальной инженерии, однако разработчикам идеи социальной архитектуры пока не удалось преодолеть недостатки анализа социальных технологий в социологическом измерении.

Ключевые слова: социология; социальная технология; социальная инженерия; социальная архитектура; цифровизация; гибридная реальность; конвергентные технологии

Для цитирования: Бабинцев В.П. Социальные технологии в социологическом и «несоциологическом» измерении // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2026. Т. 26. № 1. С. 215–223. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-1-215-223> EDN: QEKZOB

К началу 1990-х годов в научном сообществе России, по меньшей мере в его социально-гуманитарном сегменте, утвердилось представление о социальных технологиях как о «специально организованной области знаний о способах и процедурах оптимизации жизнедеятельности человека в условиях нарастающей взаимозависимости, динамики и обновления общественных процессов». Такое определение представлено в монографии Л.Я. Дятченко «Социальные технологии в управлении общественными процесса-

*© Бабинцев В.П., 2026

Статья поступила в редакцию 16.12.2025. Статья принята к публикации 30.01.2026.

ми» [3. С. 52], которая постоянно цитируется исследователями и с полным основанием может быть отнесена к числу классических работ по рассматриваемой тематике. Правда, за три года до ее издания диссертацию на соискание ученой степени кандидата социологических наук по теме «Разработка и внедрение социальных технологий в производственном коллективе» защитил Г.Д. Никредин [7], но эта работа, как и публикации А.К. Зайцева [4] и И.Ф. Девятко [2], не стала столь же популярной среди исследователей. Анализируя проблематику социальных технологий, названные авторы и их тогда еще немногочисленные единомышленники [1; 5] хотя и обращались к идеям К. Поппера и К. Мангейма, с исследованиями которых обычно связывают формирование социально-технологического подхода в изучении общества, но ориентировались преимущественно на переведенные на русский язык работы болгарских авторов Н. Маркова [6] и М. Стефанова [10], вероятно, в силу их большей доступности.

Поскольку ко времени проявления интереса к возможностям социальных технологий социология в СССР получила институциональное закрепление (в частности, были созданы исследовательские центры, а в 1988 году социология обрела статус научной специальности), изучение социальных технологий стало одним из направлений социологической науки. Это было вполне естественно с точки зрения содержания теории социальных технологий, ориентированной в первую очередь на разработку процедур управления общественными процессами. Когда Л.Я. Дятченко характеризовал социальные технологии как специально организованную область знаний, то, будучи доктором социологических наук, явно подразумевал социологические знания.

Органическая связь социальных технологий и социологии признается абсолютным большинством работающих в данном направлении авторов, и нет оснований для ее отрицания, хотя понятие «технологии» сегодня широко используется представителями самых разных отраслей социально-гуманитарного знания (политологии, культурологии, социального менеджмента и др.). Однако динамичность общественного развития, с одной стороны, и усложнение социальных практик, с другой, создают предпосылки для уточнения характера этой связи, возможной корректировки понятийного аппарата и формулировки рекомендаций по практическому применению социальных технологий. Последнее направление особенно важно, потому что в настоящее время наблюдается очередной виток интереса к социальным технологиям со стороны российской административно-политической элиты.

Ее представители привнесли в публичный дискурс идею формирования нового направления государственной политики — социальной архитектуры, включающей, помимо других новаций, предложение об институционализации новой профессии — социальный архитектор [9]. Инициатива нововведений принадлежит Администрации Президента: первый заместитель

ее руководителя С.В. Кириенко заявил, что «социальная архитектура — это не просто новое направление. Это профессия, способная превращать общественные запросы в работающие решения. И ее появление — важный шаг вперед» [9]. Другой высокопоставленный чиновник А.Д. Харичев дает следующее определение: «Социальная архитектура — это целенаправленная деятельность по проектированию и организации общественно значимых изменений, объединяющая стратегическое видение будущего, масштабные инициативы и конкретные практики в единую систему, направленную на развитие новых социальных систем» [12].

Если не принимать в расчет вполне понятную декларативность заявлений государственных служащих, то предлагаемое направление политики с полным основанием может быть определено как практическое применение социальных технологий в управлении. Реализация этого направления, если дело не будет сведено к очередной имитации, потребует значительных институциональных изменений. Так, очевидно, что появление новой профессии должно быть обеспечено новым направлением в профессиональном образовании и условиями для трудоустройства выпускников.

Решение возникающих в связи реализацией идеи социальной архитектуры проблем, несомненно, относится к компетенции государственных и муниципальных органов управления, однако полученные при его реализации результаты могут и должны быть прогнозируемы, чтобы снизить риски и оптимизировать процесс. Очевидно и то, что прогнозирование может быть достоверным лишь при опоре на научный анализ широкого комплекса обстоятельств применения социальных технологий, в какой бы форме (социальной архитектуры, социальной инженерии или социального проектирования) они ни выступали. Множество «имен» не должны вводить в заблуждение — речь, как правило, идет об одном и том же социально-технологическом процессе, результативность которого во многом зависит от понимания субъектами социального действия отношений и связей, возникающих между его элементами, а также между ними и внешней средой.

Недостаточное исследование этих компонентов — один из факторов, обесценивших потенциал социально-технологических исследований, начатых в России в конце прошлого века (пусть и не главный фактор). Если рассматривать необходимые условия, позволяющие результативно применять социальные технологии, то следует, наряду с теоретико-методологической обоснованностью, учесть обстоятельства социально-политического и праксеологического характера. Первые связаны с тем, что развитие социальных технологий стимулируется заинтересованностью истеблишмента в новых практиках оптимизации общественных процессов. У его наиболее «продвинутых» представителей должна сформироваться интенция к обновлению социальных технологий, которая будет усиливаться по мере осознания необходимости обновления социальной системы, стимулируя поиск его наи-

более результативных способов. Разумеется, социальные технологии разрабатываются и применяются не только в периоды трансформаций общества, но в стабильном социуме они воспринимаются как рутинные практики — интерес к ним формально сохраняется, но не служит источником активного научного и практического поиска. В России стагнация процесса теоретического осмысления социальных технологий проявлялась по мере стабилизации общественной системы в начале 2000-х годов.

Примечательно, что проблему социальных технологий в последнее время более или менее регулярно обсуждали на конференциях и преподавали во многих вузах — создавались соответствующие кафедры, часто в единстве с кафедрами социологии, выпускались учебники. Но практически не встречаются монографические работы, в которых формулировались бы фундаментальные идеи (исключение — книга В.В. Щербина «Рационализирующие диагностические управленческие социальные технологии» [13]). Несколько лет назад Щербина имел все основания утверждать: «К числу немногих конвенционально согласованных представлений о феномене социальных технологий сегодня можно отнести следующие: а) большинство связывают представление о них с решением практических задач социальной сферы; б) социальные технологии относят к числу инструментальных средств, включающих в себя набор норм, предписаний и запретов, в совокупности выступающих в качестве поведенческих или деятельностных стандартов, задающих порядок и содержание действий людей в привязке к решаемой задаче или социальному процессу; в) свойства социальных технологий выводятся из содержания двух составляющих — термина «технология» (хотя представления о свойствах технологии в разных авторских концепциях отличаются) и термина «социальность»; г.) указывают на то, что любой из их типов применим к ограниченному перечню сфер и конкретному типу практических задач, решаемых в рамках социальной жизни (хотя обоснование ее специфики сегодня является проблемой)» [14. С. 117].

Ситуация практически не изменилась и в настоящее время, что порождает противоречие между наличием у обладающих перспективным мышлением представителей элиты намерения обновить арсенал способов управления и ограниченностью сформулированных наукой предложений относительно использования новых технологий. Неразрешенность противоречия и недостаточная готовность ученых (прежде всего социологов) к его преодолению заставляет управленцев принимать меры на основе здравого смысла и интуиции.

Праксеологические условия активной разработки и внедрения социальных технологий связаны с изменением их структуры и масштабов применения. В стабильном социуме акцент обычно делается на традиционных практиках, что и было присуще отечественной системе управления в период, который можно определить как «додигитальный». Но цифровизация резко

изменила ситуацию, породив вызов «самой сущности социального» [15. С. 8]. Частью этого вызова стал вызов для теории социальных технологий — требование объяснить, как соотносятся традиционные и новые (цифровые) практики оптимизации общественных процессов. Исчерпывающее объяснение здесь вряд ли можно получить — как правило, исследователи ограничиваются определением социальных технологий как особой области социального знания. Сформировавшаяся в процессе цифровизации гибридная, «смешанная объективно-виртуальная реальность» имеет «синтезированный характер» и ведет к так называемой НБИКС-конвергенции, которая, в частности, проявляется во взаимодействии и взаимопроникновении нано-, био-, инфо-, когнитивных и социальных технологий, т.е. в формировании технологий принципиально нового класса, которые можно определить как конвергентные.

Описать и интерпретировать содержание этих технологий только в понятиях социологии невозможно — требуется междисциплинарный подход и комплексные исследования с привлечением специалистов в области техники и естествознания. Подобные исследования только предстоит провести, но уже сегодня можно предположить, что они существенно скорректируют понимание социальной технологии как сложно структурированного комплекса алгоритмически выстроенных, синхронизированных «физических», социальных и информационно-коммуникационных (цифровых) процедур и операций, разработанных и используемых для оптимизации общественных процессов.

Применительно к идее социальной архитектуры это означает, что ее практическая реализация не может ограничиваться изменениями социальных параметров жизнедеятельности людей, но должна предполагать коррекцию метаболизма СБТ-систем, внедрение в жизнь искусственного интеллекта и коррекцию психофизиологических параметров человека. Все эти процессы отличаются высокой рискогенностью и предполагают постепенное и крайне осторожное включение регулирующих их механизмов, что актуализирует вопрос о социальной инженерии. Инициаторы идеи социальной архитектуры негативно к ней относятся: «социальная архитектура — это новое профессиональное направление, которое появилось в России сравнительно недавно. Оно опирается на успешные практики из разных сфер, в том числе и на политические технологии. В связи с этим социальную архитектуру иногда ошибочно называют “переродившейся” социальной инженерией» [12].

Вполне понятно и объяснимо стремление авторов идеи социальной архитектуры подчеркнуть новизну своего подхода, его адекватность отечественным практикам проектирования и отсутствие преемственности с традицией социальной инженерии, разрыв с которой в данном контексте выглядит достоинством. Однако неясно, чем определяется столь решительная демаркация. Безусловно, попытки практического применения социальной инжене-

рии далеко не всегда были успешными, но эта концепция не содержит логических противоречий и дополняет теорию социальных технологий в версии Поппера, разрабатывавшего ее в противовес тем «утопическим» подходам к преобразованию общества, наиболее характерным из которых он считал марксизм. Разъясняя свою позицию, Поппер проводил аналогии с физикой: «Поэлементная социальная инженерия похожа на физическую инженерию... Подобно тому, как основной задачей инженера-физика является проектирование, усовершенствование и эксплуатация машин, задача социального инженера состоит в проектировании и реконструкции социальных институтов, а также в управлении ими» [8. С. 76].

Поппер применял понятие «технология» как удачное определение для теоретического аспекта рассматриваемых практических изменений. Для описания практики он использовал термин «инженерия», отмечая: «Несмотря на неприятные ассоциации, связанные с термином “инженерия”, я буду использовать его для описания практического применения результатов поэлементной технологии» [8. С. 75]. Установление связи между понятиями «инженерия» и «технология» было вполне понятным в рамках общей логики попперовского антимарксизма. Критикуя К. Маркса, он должен был «играть на его поле», поскольку создатель «научного коммунизма» стремился не только сформулировать законы общественного развития, но и показать, как можно и нужно менять мир, поменяв «оружие критики» на «критику оружием». Однако изначально соединение теории и практики в попперовской концепции имело латентное негативное следствие — позволяло последователям Поппера использовать рассматриваемые понятия как тождественные, что и сегодня создает определенные трудности для исследователей и практиков, работающих в рамках традиционной социологической парадигмы.

Интерпретация социальных технологий исключительно в социологическом измерении позволяет специалистам в этой сфере ограничить свою деятельность в лучшем случае определением выявленных проблем и формулировкой некоторых общих рекомендаций по их решению. В рамках последовательности управленческих действий «изучение, диагноз, решение и действие» (социологический подход) не прямо, но косвенно оправдывается завершение технологизации этапом «диагноза», что выносит задачу «решения и действия» за пределы исследовательского цикла. Именно так до последнего времени обстояло дело в России: социальный инженер как продолжатель работы технолога (социолога), системно с ним взаимодействующий, отсутствовал, поэтому идея социальной инженерии носила спекулятивный характер. «Социальная инженерия — это поле социологического знания. Но социологи чаще говорят на языке общей и отраслевых (специальных) социологических теорий, что снижает интерес практиков-управленцев к социологии. А преобразовательная составляющая социологии — социальная

инженерия, как наиболее сложная, требующая создания “рецептов” организации эффективного управления, остается мало разработанной» [11. С. 87].

Судя по всему, реализация интеллектуально-административного продукта социальной архитектуры ситуацию принципиально не изменит. Социально-инженерную функцию в нем должны выполнить разработчики проектов, и сосредоточение основного внимания на них, скорее всего, вновь отвлечет проектантов от глубокой разработки социальной инженерии. Проектирование, несомненно, представляет собой один из видов социоинженерных практик и требует развития и поддержки. Но, во-первых, любой проект локализован по времени, пространству и ресурсам, а социально-инженерный процесс требует непрерывности и системности. Во-вторых, субъектами отдельных проектов могут быть практически любые люди, а социоинженерная деятельность требует профессиональной подготовки. Следовательно, возникает потребность в профессиональной подготовке таких специалистов, и она не может быть ограничена только изучением социологических дисциплин, дополняемым основами проектирования.

Таким образом, перспективы разработки и внедрения социальных технологий в настоящее время связаны с принятием решений за рамками социологической науки. Конвергентные процессы в обществе и задачи практического характера требуют институционализации системы социально-технологического и социоинженерного обеспечения развития общества. Предлагаемая сегодня идея социальной архитектуры в случае ее последовательной реализации может стать шагом в этом направлении, но при условии дополнения ее социологического содержания выводами и рекомендациями, полученными при исследовании гибридной реальности другими науками, и выхода на уровень практических социоинженерных практик. Содержательно социоинженерное образование предполагает развитие следующих компетенций: социальная диагностика и аналитика; социальное прогнозирование; моделирование социальных процессов; социальное экспериментирование; социальное проектирование; построение эффективных связей между участниками социально-преобразующей деятельности. Проектирование в данном случае — один из элементов подготовки специалиста.

Библиографический список

1. Данакин Н.С. Теоретические и методические основы проектирования технологий социального управления. Белгород, 1996.
2. Девятко И.Ф. Диагностическая процедура в социологии. Очерки истории и теории. М., 1993.
3. Дятченко Л.Я. Социальные технологии в управлении общественными процессами. Белгород, 1993.
4. Зайцев А.К. Внедрение социальных технологий в практику управления. М., 1989.
5. Иванов В.Н., Патрушев В.И. Социальные технологии. М., 1999.
6. Марков М. Технология и эффективность социального управления. М., 1982.

7. Никредин Г.Д. Разработка и внедрение социальных технологий в производственном коллективе: дис. ... к.с.н. М., 1990.
8. Поппер К. Ницета историцизма. М., 1993.
9. Рябцев А.А. Социальная архитектура в России: точки роста и перспективы. URL: https://www.solidarnost.org/netcat_files/userfiles2025/Alexandr_Ryabtsev_Ploschadka_VNESHNIY_AUDIT_Sessiya_1_GOSUDARSTVO_TEMA_SOTsIALNAYa_ARHITEKTURA_TRUD.pdf.
10. Стефанов Н. Общественные науки и социальная технология. М., 1976.
11. Уржа О.А. Социальная инженерия как методология управленческой деятельности // Социологические исследования. 2017. № 10.
12. Харичев А.Д. Социальная архитектура: от запросов в настоящем к горизонтам будущего. URL: <https://strategy24.ru/rf/news/sotsialnaya-arkhitektura-ot-zaprosov-v-nastoyashchem-k-gorizontam-budushchego>.
13. Щербина В.В. Рационализирующие диагностические управленческие социальные технологии. М., 2018.
14. Щербина В.В. Социальные технологии: история появления термина, трансформация содержания, современное состояние // Социологические исследования. 2014. № 7.
15. Яницкий О.Н. К проблеме модернизации гуманитарного знания // Социологическая наука и социальная практика. 2018. Т. 6. № 1.

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-1-215-223

EDN: QEKZOB

Social technologies in the sociological and “non-sociological” dimensions*

V.P. Babintsev

Belgorod State National Research University,
Pobedy St., 85, Belgorod, 308015, Russia

(e-mail: babintsev@bsuedu.ru)

Abstract. The article explains the historical and logical connection between social technologies and the theory of social technologies: today simply acknowledging this connection is insufficient to understand the content and complexity of the relationships between these fields of social science and humanities. Digitalization processes in the hybrid environment necessitate the study of social technologies as a complexly structured set of algorithmically constructed, synchronized “physical”, social, and information-communication (digital) procedures and operations developed and used to optimize social processes. The author argues that the traditional perception of social technologies solely as a specialized field of social knowledge limits their application and transfer to the level of social engineering. However, developers of the idea of social architecture have not yet succeeded in overcoming shortcomings of the sociological analysis of social technologies.

Key words: sociology; social technology; social engineering; social architecture; digitalization; hybrid reality; convergent technologies

*© V.P. Babintsev, 2026

The article was submitted on 16.12.2025. The article was accepted on 30.01.2026.

For citation: Babintsev V.P. Social technologies in the sociological and “non-sociological” dimensions. *RUDN Journal of Sociology*. 2026; 26 (1): 215–223. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-1-215-223> EDN: QEKZOB

References

1. Danakin N.S. *Teoreticheskie i metodicheskie osnovi proektirovaniya tekhnologii sotsialnogo upravleniya* [Theoretical and Methodological Foundations for Designing Social Management Technologies]. Belgorod; 1996. (In Russ.).
2. Devyatko I.F. *Diagnosticheskaya protsedura v sotsiologii. Ocherki istorii i teorii* [Diagnostic Procedure in Sociology. Essays on History and Theory]. Moscow; 1993. (In Russ.).
3. Dyatchenko L.Ya. *Sotsialnye tekhnologii v upravlenii obshchestvennymi protsessami* [Social Technologies in the Management of Social Processes]. Belgorod; 1993. (In Russ.).
4. Zaitsev A.K. *Vnedrenie sotsialnykh tekhnologiy v praktiku upravleniya* [Introduction of Social Technologies into Management Practice]. Moscow; 1989. (In Russ.).
5. Ivanov V.N., Patrushev V.I. *Sotsialnye tekhnologii* [Social Technologies]. Moscow; 1999. (In Russ.).
6. Markov M. *Tekhnologiya i effektivnost sotsialnogo upravleniya* [Technology and Efficiency of Social Management]. Moscow; 1982. (In Russ.).
7. Nikredin G.D. *Razrabotka i vnedrenie sotsialnykh tekhnologiy v proizvodstvennom kollektive* [Development and Implementation of Social Technologies in the Production Team]. Moscow; 1990. (In Russ.).
8. Popper K. *Nishcheta istoritsizma* [The Poverty of Historicism]. Moscow; 1993. (In Russ.).
9. Ryabtsev A.A. *Sotsialnaya arkhitektura v Rossii: tochki rosta i perspektivy* [Social architecture in Russia: Growth points and perspectives]. URL: // https://www.solidarnost.org/netcat_files/userfiles2025/Alexandr_Ryabtsev_Ploschadka_VNESHNIY_AUDIT_Sessiya_1_GOSUDARSTVO_TEMA_SOTSIALNAYa_ARHITEKTURA_TRUD.pdf. (In Russ.).
10. Stefanov N. *Obshchestvennye nauki i sotsialnaya tekhnologiya* [Social Sciences and Social Technology]. Moscow; 1976. (In Russ.).
11. Urzha O.A. *Sotsialnaya inzheneriya kak metodologiya upravlencheskoy deyatel'nosti* [Social engineering as a methodology of managerial activity]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2017; 10. (In Russ.).
12. Kharichev A.D. *Sotsialnaya arkhitektura: ot zaprosov v nastoyashchem k gorizontam budushchego* [Social architecture: From present demands to future horizons]. URL: <https://strategy24.ru/rf/news/sotsialnaya-arkhitektura-ot-zaprosov-v-nastoyashchem-k-gorizontam-budushchego>. (In Russ.).
13. Shcherbina V.V. *Ratsionaliziruyushchie diagnosticheskie upravlencheskie sotsialnye tekhnologii* [Rationalizing Diagnostic Management Social Technologies]. Moscow; 2018. (In Russ.).
14. Shcherbina V.V. *Sotsialnye tekhnologii: istoriya poyavleniya termina, transformatsiya sodержaniya, sovremennoe sostoyanie* [Social technologies: History of the term, transformation of content, current state]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2014; 7. (In Russ.).
15. Yanitsky O.N. *K probleme modernizatsii gumanitarnogo znaniya* [On the modernization of humanitarian knowledge]. *Sotsiologicheskaya Nauka i Sotsialnaya Praktika*. 2018; 6 (1). (In Russ.).

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-1-224-233

EDN: QAFEGJ

Эмоционально-ориентированный подход: как учесть человека за «цифрой»*

Т.И. Ларина

Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва. 117198, Россия

(e-mail: larina-ti@rudn.ru)

Аннотация. Интенсификация цифровизации образования актуализирует серьезный методологический вызов: как исследовать социальные взаимодействия в новой цифровой среде, не утратив живое человеческое измерение за агрегированными данными и метриками? В качестве ответа автор предлагает эмоционально-ориентированный подход — не как замену, а как необходимую методологическую надстройку, призванную дополнить традиционный социологический инструментарий системной интеграцией данных об эмоциональной сфере участников исследования. ЭОП призван преодолеть характерный для эмпирической социологии разрыв, где респондент выступает как социально-типический представитель, а его личностные, в первую очередь эмоциональные, характеристики как предмет психологии часто остаются за рамками анализа. Концептуальную основу ЭОП образует иерархическая структура из четырех элементов, комплексно описывающая эмоциональную сферу: психотип (с использованием моделей «Большая пятерка», «7 радикалов»), эмоциональный интеллект, невербальное поведение (FACS) и аффективная тональность коммуникации (SPAFF). На примере цифровой образовательной среды, для которой характерен латентный, но интенсивный эмоциональный фон, влияющий на коммуникацию, удовлетворенность и уровень стресса, показан эвристический потенциал ЭОП. Описаны пять ключевых направлений его применения: верификация искренности и снижение сенситивности в онлайн-опросах; повышение качества инструментария; углубление личностного контекста в массовых опросах; оценка эффективности цифровых образовательных технологий; мониторинг эмоционального климата и вовлеченности в цифровых учебных группах. Внедрение ЭОП позволяет повысить достоверность и валидность эмпирических данных, возвращая в фокус исследования субъективный опыт акторов образовательного процесса и обеспечивая методологическое преодоление риска «потери» человека за цифровыми форматами.

Ключевые слова: эмоционально-ориентированный подход; эмпирические исследования; качество данных; цифровизация; эмоциональный интеллект; невербальная информация; FACS; SPAFF

Для цитирования: Ларина Т.И. Эмоционально-ориентированный подход: как учесть человека за «цифрой» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2026. Т. 26. № 1. С. 224–233. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-1-224-233> EDN: QAFEGJ

*© Ларина Т.И., 2026

Статья поступила в редакцию 08.12.2025. Статья принята к публикации 15.01.2026.

Развитие социологического знания и специфика общества как объекта изучения обуславливают необходимость внедрения новых подходов, направленных на получение качественных данных в рамках эмпирических исследований, а «методологическая травма» [8. С. 4] становится катализатором разработки подобных подходов. Одним из них стал эмоционально-ориентированный подход (ЭОП) к эмпирическим социологическим исследованиям, который разработан автором статьи в рамках докторской диссертации [5]. В основу разработки ЭОП легла необходимость учета личностных особенностей человека как источника информации, которые, как правило, изучаются в психологической науке и остаются за гранью социологических исследований, где человек выступает в качестве социально-типического представителя определенной общности. В ЭОП речь идет, прежде всего, о важных характеристиках эмоциональной сферы, определяющих восприятие социологических вопросов респондентами и их ответы, а также об учете этих характеристик интервьюерами и модераторами. ЭОП не ставит целью изучить уникальность личности, а стремится к комплексному синтезу показателей эмоциональной сферы респондентов для повышения качества данных. Актуальность подхода подтверждается растущим числом работ, изучающих влияние личностных характеристик респондентов и участников социологических исследований на качество данных [15; 17], в том числе с применением пока достаточно редких типологий психотипов [11; 18; 20].

Многие общественные феномены в силу своей эмоциональной насыщенности вызывают ярко выраженное эмоциональное реагирование, что актуализирует учет эмоционального компонента в исследованиях. ЭОП уже продемонстрировал практическую полезность в изучении рисков экстремистских взглядов среди молодежи, восприятия фейковых новостей и отношения к проблеме насилия [5]. Цифровая образовательная среда, являющаяся частью глобальной цифровой среды, представляет новую реальность, которая также содержит эмоциональный «заряд» и характеризуется затруднением коммуникации между студентами, одноклассниками и преподавателями, снижением удовлетворенности процессом обучения и его качества, увеличением неравенства [3].

ЭОП становится актуальным для изучения проблем цифровой образовательной среды в силу того, что традиционные методы в цифровой среде часто дают искаженные данные из-за эффекта социальной желательности, неискренности или простого непонимания. Трансформация опросов в электронную форму, с одной стороны, облегчает получение данных от информантов, а, с другой, создает перегруженность опросами в образовательных учреждениях и риск административного «давления» для их прохождения. Еще одним фактором актуальности ЭОП в образовательной цифровой среде становится феномен «цифрового стресса» — термин берет начало от схожего

«техностресса», который появился в 1980-е как реакция на взаимодействие с технологиями [14].

Исследование цифровой образовательной среды в социологическом контексте имеет двойную направленность: на саму институционально-технологическую структуру, требующую адаптации исследовательского инструментария и процедур для получения достоверных данных, и на социальные интеракции между акторами цифровой среды. Последний аспект, акцентирующий роль человека, эмпирически обосновывает ключевой принцип применения ЭОП — недопустимость «потери» субъекта образования за цифровыми форматами.

ЭОП как методологический подход направлен на системную интеграцию показателей эмоциональной сферы респондентов в процесс эмпирического исследования с применением социологических методов сбора данных, используемых как по отдельности, так и в сочетании, — в опросных методах (массовое анкетирование, полуструктурированное интервью, фокус-группа) и в социологических исследованиях с элементами наблюдения — с целью повышения качества получаемых данных. Концептуальные основы ЭОП предполагают учет эмоциональной сферы участников на всех стадиях исследовательского цикла: от проектирования инструментария и организации полевого этапа до интерпретации данных. Подход позволяет оптимизировать достоверность и глубину данных за счет минимизации искажений, вызванных эмоциональными барьерами, повышения рефлексивности взаимодействия в ходе сбора информации и включения эмоционального контекста в аналитические модели.

Элементы подхода выбраны неслучайно, они образуют своеобразную иерархию, допускающую охват эмоциональной сферы личности и анализ тех или иных аспектов, необходимых для конкретного исследования:

1. *Психотип* (методики «7 радикалов» и «Большая пятерка») — в виде биологически заданных свойств нервной системы влияет на способность к эмоциональному реагированию, но в процессе социализации индивид приобретает и новые черты, что обуславливает биосоциальность психотипа как элемента эмоциональной сферы. Типология «7 радикалов» [7] может быть использована любым человеком, знакомым с методикой, для построения гипотез о вероятных поведенческих тенденциях информанта. В модели «Большая пятерка» основными факторами являются большие и довольно независимые группы личностных черт. Для измерения пяти черт личности существует целый ряд валидных и надежных методик. Русская версия «Короткого портретного опросника Большой пятерки» (Б5-10) [1] более удобна для эмпирических исследований, поскольку апробирована на разных возрастах и состоит всего из 10 вопросов.

2. *Эмоциональный интеллект* — внутренняя составляющая эмоциональной сферы личности, отвечающая за осознание и распознавание

эмоций. Социологам в рамках эмпирических исследований важно выбрать модель эмоционального интеллекта и, соответственно, методику, оптимально подходящую для цели исследования и значимых характеристик объекта и предмета. Для массового опроса подойдут тесты, основанные на самооценке, для качественных исследований и экспериментов — более объемные методики в русле модели способностей и даже проективные.

3. *Невербальное поведение* — внешняя составляющая эмоциональной сферы личности, выражаемая мимикой, жестами и позами — отражает внутреннюю эмоциональную деятельность и делает ее «видимой» для других. Особый акцент в ЭОП сделан на взглядах П. Экмана (универсализм), автора теории базовых эмоций, на которой основано большинство программ автоматического распознавания эмоций (могут применяться в социологических исследованиях). Система кодирования лицевых движений (Facial Action Coding System), разработанная У. Фризенем и П. Экманом в 1978 году [13], позволяет закодировать каждое лицевое движение — данный стандарт систематической классификации физического выражения эмоций доказал свою эффективность.

4. *SPAFF* — инструмент анализа эмоциональной тональности в общении, разработанный психологами Дж. Готтманом и Л. Крокоффом [12] для систематического наблюдения аффективного поведения в супружеских отношениях пар, которые обращаются к семейным психологам. В основе SPAFF лежит стремление кодировать всю коммуникацию на основе как вербальных компонентов, так и невербальных. При этом аффект понимается не в узком смысле, а в широком — как любая коммуникация, имеющая эмоциональные оттенки любой интенсивности. Всего в SPAFF выделяется 18 аффектов, 5 позитивных, 12 негативных и 1 нейтральный. Все аффекты имеют критерии и контркритерии, по которым определяются. Используя FACS и SPAFF, можно закодировать любую коммуникацию и оценить ее с точки зрения эффективности.

ЭОП позволяет обеспечить связь между эмоциональной деятельностью участника социологического исследования, личностным и социокультурным контекстами для увеличения полноты и глубины данных, диагностировать искренность в массовых социологических опросах, получить информацию от участников исследования без прямого контакта с ними и «давления» исследователя, модераторам и интервьюерам — классифицировать участников для повышения качества данных, оценивать качество инструментария для массовых опросов на основании анализа невербальных реакций респондентов.

С учетом вышеописанного можно выделить следующие направления применения ЭОП в эмпирических исследованиях в цифровой образовательной среде:

- *Диагностика искренности и снижение чувствительности.* Цифровые опросы об удовлетворенности образованием, уровне стресса или случаях буллинга сталкиваются с проблемой социально желательных ответов из-за страха деанонимизации. Показатели эмоционального интеллекта [4] и анализ невербальных реакций (в видеоинтервью) выступают альтернативными средствами верификации искренности респондентов. Снижение чувствительности в организационном контексте становится возможным через смещение фокуса с содержания опроса на эмоциональный контекст за счет включения шкал эмоциональности.

- *Повышение качества инструментария.* Анализ невербальных реакций респондентов во время пилотажа онлайн-анкет и тестов позволяет выявить непонятные, двусмысленные или эмоционально отталкивающие формулировки, тем самым повышая содержательную валидность инструмента. Для этих целей возможно применение автоматизированного анализа, когда участнику пилотной группы предлагается стимульный материал — анкета, планируемая к распространению в массовом опросе. Реакции участников пилотной группы анализируются и агрегируются, вопросы, на которые большинство продемонстрировали яркие эмоциональные реакции, особенно гнев либо отвращение, следует скорректировать.

- *Углубление личностного контекста.* Использование модели психотипирования «Большая пятерка» в массовых онлайн-опросах позволяет выявить причинно-следственные связи между личностными чертами студентов и их академической успеваемостью, стратегиями поведения в цифровой среде, восприимчивостью к разным педагогическим методам. ЭОП поможет изучить и стратегии проживания «цифрового стресса»: основными стрессорами в рамках цифровой среды являются перегрузка коммуникацией, медианогозадачность, когнитивная вовлеченность и социально-экономические факторы [14]. ЭОП может быть вписан в целый ряд теоретических фреймов: от теории контроля и значимости эмоций в академической среде Р. Перкуна [19] до теории ожиданий и ценностей Дж. Аткинсона [10] с последующей «методологической надстройкой» в зависимости от конкретных целей.

- *Оценка эффективности цифровых образовательных технологий.* Комбинирование методов фокус-группы и эксперимента в рамках ЭОП позволяет не только зафиксировать вербальные оценки нового образовательного контента или платформы, но и проанализировать произвольные эмоциональные реакции (через анализ видео), что дает более полную картину их восприятия. Автоматический анализ эмоций, например, при помощи ПО «Эмодетект» позволяет тестировать образовательный контент без прямого участия исследователя, получая более объективные оценки.

- *Мониторинг эмоционального климата и вовлеченности.* Система SPAFF может быть использована для анализа коммуникации в учебных чатах и на образовательных форумах. Расчет «коэффициента успешности»

групповой работы на основе баланса позитивных и негативных аффектов позволяет количественно оценить групповую динамику и эмоциональный фон в цифровых учебных группах. Перспективными выглядят исследования эмоциональной насыщенности онлайн-взаимодействий (тревога, фрустрация, энтузиазм).

Эмпирические исследования цифровой образовательной среды органически связаны с реальным учебным процессом, что позволяет напрямую использовать их результаты для повышения качества образования и совершенствования образовательных продуктов и методик. Одним из ключевых направлений такого применения является индивидуализация обучения и повышение качества педагогического взаимодействия. Внедрение новых правил и стандартов неизбежно встречает разную степень принятия со стороны преподавателей, некоторые могут сопротивляться изменениям и цепляться за устоявшиеся практики [2]. Для работы с такой аудиторией особенно полезен ЭОП — с его помощью можно составить более детальный «портрет» преподавателя, испытывающего трудности или проявляющего скептицизм в отношении дистанционного формата [6]. Это позволяет не просто констатировать проблему, но и создать персонализированные условия для ее решения, например, предложив специализированные тренинги по развитию эмоционального интеллекта [9] — это необходимое условие не только для личностного роста студентов, но и для повышения уровня их профессиональной подготовки и будущей конкурентоспособности.

Для студентов возможна реализация мониторинга психологического благополучия и сплоченности учебных групп, который могут проводить тьюторы по воспитательной работе. На основе данных психотипирования и диагностики уровня эмоционального интеллекта можно создавать персонализированные образовательные траектории в цифровых средах. Например, для студентов с высокой невротичностью и низким эмоциональным контролем система может автоматически предлагать более структурированные дедлайны, дополнительные инструкции по тайм-менеджменту или модули по управлению стрессом в начале курса.

Анализ эмоций слушателей в онлайн формате (при их согласии) при помощи программ, основанных на FACS, позволяет преподавателю управлять их вовлеченностью и «подстраиваться» под аудиторию [16]. Систематический мониторинг эмоционального климата в учебных группах и на факультетах с помощью ЭОП (через анонимные опросы, обогащенные шкалами эмоциональности, и анализ коммуникации в корпоративных чатах) позволяет администрации выявлять латентные очаги «цифрового стресса», на основе этих данных разрабатывая превентивные организационные меры: корректировка рабочей нагрузки, создание супервизорских групп, внедрение «цифрового детокса» или ресурсных психологических сервисов. ЭОП позволяет переосмыслить цифровую образовательную среду как сложную антропоцен-

тричную систему, управление которой требует учета и грамотной работы с ее эмоциональным измерением.

ЭОП — вероятный методологический ответ социологии на такие ключевые вызовы цифровой образовательной среды, как риск «потери» живого социального взаимодействия и субъективного опыта за агрегированными цифровыми показателями. Применение ЭОП в исследованиях цифровой образовательной среды поможет решить сразу две задачи: повышение достоверности и глубины данных за счет учета эмоционального состояния и личностных особенностей участников; изучение новых цифровых феноменов через призму эмоциональных реакций с последующим применением результатов в реальном образовательном процессе. ЭОП не является заменой традиционным социологическим методам, это «методологическая надстройка», которая выступает их необходимым дополнением.

Библиографический список

1. *Егорова М., Паришкова О.* Психометрические характеристики Короткого портретного опросника Большой пятерки (B5–10) // Психологические исследования. 2016. Т. 45. № 9.
2. *Захаров Н.Л., Сметанина Т.В.* Интеграция стандартов качества в деятельность вуза: социальные регуляторы и их социологическая оценка // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 3.
3. *Кузнецов Р.С., Кузнецов И.С.* Социальный капитал студентов в цифровой образовательной среде: аудиторный и дистанционный форматы обучения // Социологическая наука и социальная практика. 2022. Т. 10. № 3.
4. *Ларина Т.И.* О взаимосвязи эмоционального интеллекта и личностных черт с отношением к сенситивной теме (на примере проблемы домашнего насилия) // Вестник Института социологии. 2024. Т. 15. № 4.
5. *Ларина Т.И.* Эмоционально-ориентированный подход в эмпирических социологических исследованиях: обоснование, эвристический потенциал и практика применения: Дис. д.с.н. М., 2025.
6. *Нарбут Н.П., Алешковский И.А., Гаспаришвили А.Т., Крухмалева О.В.* Вынужденное дистанционное обучение как стимул технологических изменений высшей школы России // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2020. Т. 20. № 3.
7. *Пономаренко В.В.* Практическая характерология с элементами прогнозирования и управления поведением (методика «семь радикалов»). Ростов н/Д., 2006.
8. *Татарова Г.Г.* Методология эмпирической социологии: амбивалентность факторов развития // Социология 4М. 2008. № 27.
9. *Ширпал Е.Н., Макаренко Ю.В.* Эффективность средств развития эмоционального интеллекта будущих педагогов в условиях дистанционного образования // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 71–2.
10. *Atkinson J.W.* Motivational determinants of risk taking behavior // Psychological Review. 1957. Vol. 64. No. 6.
11. *Cheng A., Zamarro G., Orriens B.* Personality as a predictor of unit nonresponse in an Internet panel // Sociological Methods & Research. 2020. Vol. 49. No. 3.
12. *Coan J., Gottman J.* Handbook of Emotion Elicitation and Assessment. Oxford University Press, 2007.
13. *Ekman P., Friesen W.* Facial Action Coding System: A Technique for the Measurement of Facial Movement. Palo Alto, 1978.

14. Freitag A., Hefner D. Digital stress // International Encyclopedia of Health Communication. Wiley, 2023.
15. Ho E., Vathanophas V. Relating personality traits and prior knowledge to focus group process and outcome: An exploratory research // PACIS 2003 Proceedings. 2003. Vol. 67.
16. Hu X, Gao J. Facial expression recognition reveals students' engagement in online class: Correlations with six engagement measurements // PLoS One. 2025. Vol. 20. No. 10.
17. Krosnick J. Response strategies for coping with the cognitive demands of attitude measures in surveys // Applied Cognitive Psychology. 1991. Vol. 5. No. 3.
18. Marcus B., Schütz A. Who are the people reluctant to participate in research? Personality correlates of four different types of nonresponse as inferred from self- and observer ratings // Journal of Personality. 2005. Vol. 73. No. 4.
19. Pekrun R. The control-value theory of achievement emotions: Assumptions, corollaries, and implications for educational research and practice // Educational Psychology Review. 2006. Vol. 18. No. 4.
20. Roberts C., Gilbert E., Allum N., Eisner L. Satisficing in surveys: A systematic review of the literature // Public Opinion Quarterly. 2019. Vol. 83. No. 3.

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-1-224-233
EDN: QAFEGJ

An emotionally oriented approach: How to capture the human behind the numbers*

T.I. Larina

RUDN University,
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

(e-mail: larina-ti@rudn.ru)

Abstract. The intensification of digitalization in education actualizes a serious methodological challenge: how to study social interactions in the new digital environment without losing the human dimension behind aggregated data and metrics? The article offers as an answer the emotionally oriented approach (EOA) developed by the author. EOA is not a replacement but a necessary methodological decision designed to supplement traditional sociological methods with systemic integration of data on the emotional sphere of the study participants. EOA aims at overcoming such a problem of empirical sociology as considering the respondent as a social-typical representative and ignoring his personal, primarily emotional, characteristics as the subject field of psychology. The conceptual basis of EOA is formed by a hierarchy of four elements: psychotype (the Big Five, 7 radicals), emotional intelligence, non-verbal behavior (FACS) and affective tonality of communication (SPAFF). The author shows the heuristic potential of EOA on the example of the digital educational environment which is characterized by latent but intense emotionality that affects communication, satisfaction and stress levels. Five key areas of EOA application are described: verification of sincerity and reduction of sensitivities in online surveys; improving the quality of tools; deepening personal context in the mass data; assessing the efficiency of digital educational technologies; monitoring emotional climate and involvement in digital learning

*© T.I. Larina, 2026

The article was submitted on 08.12.2025. The article was accepted on 15.01.2026.

groups. Thus, EOP allows to increase reliability and validity of the empirical data by returning the subjective experience of actors to the focus of research and eliminating the risk of “losing” the personal behind the digital.

Key words: emotionally oriented approach; empirical research; data quality; digitalization; emotional intelligence; non-verbal information; FACS; SPAFF

For citation: Larina T.I. An emotionally oriented approach: How to capture the human behind the numbers. *RUDN Journal of Sociology*. 2026; 26 (1): 224–233. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-1-224-233> EDN: QAFEGJ

References

1. Egorova M., Parshikova O. Psikhometricheskie kharakteristiki Korotkogo portretnogo oprosnika Bolshoi pyaterki (B5–10) [Psychometric features of the Short Big Five Inventory (B5–10)]. *Psikhologicheskie Issledovaniya*. 2016; 45 (9). (In Russ.).
2. Zakharov N.L., Smetanina T.V. Integratsiya standartov kachestva v deyatelnost vuza: sotsialnye regulatory i ih sotsiologicheskaya otsenka [Integration of quality standards into the university activities: Social regulators and their sociological assessment]. *RUDN Journal of Sociology*. 2025; 25 (3). (In Russ.).
3. Kuznetsov R.S., Kuznetsov I.S. Sotsialny kapital studentov v tsifrovoi obrazovatelnoi srede: auditorny i distantsionny formati obucheniya [Students’ social capital in the digital educational environment: Offline and online learning]. *Sotsiologicheskaya Nauka i Sotsialnaya Praktika*. 2022; 10 (3). (In Russ.).
4. Larina T.I. O vzaimosvyazi emotsionalnogo intellekta i lichnostnykh chert s otnosheniem k sensitivnoi teme (na primere problemi domashnego nasiliya) [On the relationship between emotional intelligence and personality traits with attitudes toward a sensitive topic (on the example of domestic violence)]. *Vestnik Instituta Sotsiologii*. 2024; 15 (4). (In Russ.).
5. Larina T.I. *Emotsionalno-orientirovanny podkhod v empiricheskikh sotsiologicheskikh issledovaniyakh: obosnovanie, evristichesky potentsial, praktika primeneniya* [Emotionally Oriented Approach in Empirical Sociological Research: Justification, Heuristic Potential, and Application]. Moscow; 2025. (In Russ.).
6. Narbut N.P., Aleshkovski I.A., Gasparishvili A.T., Krukhmaleva O.V. Vinuzhdennoe distantsionnoe obuchenie kak stimul tekhnologicheskikh izmeneniy visshey shkoli Rossii [Forced shift to distance learning as an impetus to technological changes in the Russian higher education]. *RUDN Journal of Sociology*. 2020; 20 (3). (In Russ.).
7. Ponomarenko V.V. *Prakticheskaya kharakterologiya s elementami prognozirovaniya i upravleniya povedeniem (metodika “sem radikalov”)* [Practical Characterology with Elements of Behavior Prediction and Management (“Seven Radicals” Method)]. Rostov-on-Don; 2006. (In Russ.).
8. Tatarova G.G. Metodologiya empiricheskoi sotsiologii: ambivalentnost faktorov razvitiya [Methodology of empirical sociology: Ambivalence of development factors]. *Sotsiologiya 4M*. 2008; 27. (In Russ.).
9. Shirpal E.N., Makarenko Yu.V. Effektivnost sredstv razvitiya emotsionalnogo intellekta budushchih pedagogov v usloviyakh distantsionnogo obrazovaniya [Efficiency of emotional intelligence development tools for future teachers in distance learning]. *Problemy Sovremennogo Pedagogicheskogo Obrazovaniya*. 2021; 71–2. (In Russ.).
10. Atkinson J.W. Motivational determinants of risk taking behavior. *Psychological Review*. 1957; 64 (6).
11. Cheng A., Zamarró G., Orriens B. Personality as a predictor of unit nonresponse in an Internet panel. *Sociological Methods & Research*. 2020; 49 (3).
12. Coan J., Gottman J. *Handbook of Emotion Elicitation and Assessment*. Oxford University Press; 2007.

13. Ekman P., Friesen W. *Facial Action Coding System: A Technique for the Measurement of Facial Movement*. Palo Alto; 1978.
14. Freitag A., Hefner D. Digital stress. *International Encyclopedia of Health Communication*. Wiley; 2023.
15. Ho E., Vathanophas V. Relating personality traits and prior knowledge to focus group process and outcome: An exploratory research. *PACIS 2003 Proceedings*. 2003; 67.
16. Hu X, Gao J. Facial expression recognition reveals students' engagement in online class: Correlations with six engagement measurements. *PLoS One*. 2025; 20 (10).
17. Krosnick J. Response strategies for coping with the cognitive demands of attitude measures in surveys. *Applied Cognitive Psychology*. 1991; 5 (3).
18. Marcus B., Schütz A. Who are the people reluctant to participate in research? Personality correlates of four different types of nonresponse as inferred from self- and observer ratings. *Journal of Personality*. 2005; 73 (4).
19. Pekrun R. The control-value theory of achievement emotions: Assumptions, corollaries, and implications for educational research and practice. *Educational Psychology Review*. 2006; 18 (4).
20. Roberts C., Gilbert E., Allum N., Eisner L. Satisficing in surveys: A systematic review of the literature. *Public Opinion Quarterly*. 2019; 83 (3).

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЛЕКТОРИЙ

SOCIOLOGICAL LECTURES

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-1-234-248

EDN: PYTVLD

Институциональные механизмы формирования модели эффективной семейно-демографической политики*

Т.К. Ростовская^{1,2}, О.В. Кучмаева¹, Е.Н. Васильева¹

¹Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН,
ул. Фотиевой, 6, к. 1, Москва, 119333, Россия

²Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

(e-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru; kuchmaeva@yandex.ru; vasilevaen@yandex.ru)

Аннотация. Народосбережение — одна из базовых составляющих демографической безопасности нашей страны. Достижение данной национальной цели требует решения ряда задач, среди которых особенно актуальны укрепление семьи, рост рождаемости и развитие мотивации к многодетности. Российская Федерация стратегически обозначила курс государственной политики на сохранение традиционных семейных ценностей (1) и активно развивает соответствующее законодательство. 2024 год, объявленный Президентом России Годом семьи (2), позволил на национальном уровне подчеркнуть важность института семьи и поддержки благополучной многодетной семьи как значимой модели для решения демографических проблем: такая модель была заявлена в 2007 году в рамках Концепции государственной политики в отношении молодой семьи (3); в целом в России повышается и институционализируется статус многодетной семьи (4). Авторы статьи оценивают перспективы применения программно-целевого подхода как основы для разработки и развития институциональных механизмов поддержки различных типов семей с детьми, что предполагает законодательное, инфраструктурное, кадровое и информационное обеспечение семейно-демографической политики. В этой связи актуальной исследовательской задачей становится формирование модели, описывающей институциональные механизмы эффективной семейно-демографической политики в отношении разных типов семьи на основе предложенной авторами классификации. Применение данной модели позволит повысить результативность тех мер семейной и демографической политики, что направлены на поддержку традиционных ценностей и семей с детьми. Научная задача проведенного исследования заключается в поиске критериев

*© Ростовская Т.К., Кучмаева О.В., Васильева Е.Н., 2026

Статья поступила в редакцию 17.04.2025. Статья принята к публикации 15.12.2025.

эффективности механизмов авторской модели семейно-демографической политики в условиях нынешней российской депопуляции. Методологическую основу исследования составили концептуальные подходы социологии семьи в области формирования и развития института благополучной детной семьи, а также сравнительно-правовой и историко-правовой подходы.

Ключевые слова: семейно-демографическая политика; институциональные механизмы; программно-целевой подход; государственная семейно-демографическая политика; демография; семья

Для цитирования: Ростовская, Т.К., Кучмаева О.В., Васильева Е.Н. Институциональные механизмы формирования модели эффективной семейно-демографической политики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2026. Т. 26. № 1. С. 234–248. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-1-234-248> EDN: PYTVLD

В условиях нынешней российской депопуляции особого государственного внимания требуют семьи, недостаточно включенные в программы регулирования в области улучшения семейно-демографической политики (студенческие, неполные и др.). В этой связи своевременным и важным является такой долгосрочный государственный документ, как Стратегия действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности до 2036 года (далее — Стратегия), подготовленная под руководством первого заместителя министра труда и социальной защиты О.Ю. Баталиной (5). Т.К. Ростовская и О.В. Кучмаева, будучи членами межведомственной рабочей группы по разработке проекта Стратегии, неоднократно обращали внимание на проблемы, связанные с установлением правового статуса студенческой семьи, повышением брачности и снижением разводимости в молодежной среде, ростом неполных семей, в которых воспитываются малолетние дети [8–11].

Необходимость в определении институциональных механизмов формирования эффективной семейно-демографической политики в отношении разных типов семьи связана в первую очередь с выработкой новых стратегических задач семейно-демографической политики, модель которой описана научным коллективом под руководством Л.Л. Рыбаковского: «Модели демографические предназначены для описания (обычно с помощью математических методов) состояния населения и его изменений, отдельных элементов воспроизводства населения или процесса этого воспроизводства в целом. Большинство моделей не претендует на описание моделируемого явления или процесса во всем многообразии его характеристик и особенностей. Многие модели учитывают лишь некоторые социально-экономические и демографические характеристики. Так, наиболее распространенные модели — воспроизводства населения — рассматривают дифференциацию населения лишь по полу и возрасту. При построении и использовании моделей часто не учитывается целый ряд характерных признаков, черт и свойств объекта моделирования, которые могут быть несущественными с точки зрения решаемых данной моделью задач» [1. С. 184].

Понятие «институциональный механизм» разрабатывал Д. Норт, который предложил рассматривать его шире, чем чисто экономический, поскольку совокупность институтов определяет поведение акторов и регулирует обмен. Концепция Норта позволяет рассматривать функционирование институтов в системе [22], поэтому его версия институциональной теории быстро распространилась, в том числе в России, задавая трактовку институционального механизма как системы взаимосвязей, включающей формальные и неформальные нормы и правила [6]. Именно однонаправленное регулирование социальных процессов формальными и неформальными правилами повышает эффективность деятельности. Например, как формальный политический дискурс о приоритетности поддержки многодетных семей (закрепленный в виде поправок к нормативным документам), так и наблюдаемые индикаторы неформальных семейных норм (среднее желаемое количество детей больше трех, позитивное отношение к многодетным семьям в повседневной жизни) могут указывать на возможность более быстрого роста числа многодетных семей, чем в случае наличия только формальных или только неформальных норм.

Институциональный механизм может рассматриваться и узко — как структурный элемент хозяйственной системы [3], однако мы опираемся на расширенную его трактовку — как механизма, который может стать основой реализации любых государственных целей, поскольку в его структуру входит государство (системообразующий элемент) с формальными ресурсами регулирования законодательной и исполнительной власти и финансовыми ресурсами реализации управленческих решений. Однако даже в случае активного государственного регулирования можно наблюдать расхождение целей, множество системных проблем, ошибок взаимодействия и коммуникации, мешающих достижению поставленных задач.

Институциональный механизм чаще всего рассматривается как основа функционирования экономических систем [15], однако его можно применять и для описания семейно-демографической политики. Государство как основной актор использует элементы, входящие в систему его влияния, — формирует нормативную базу поддержки семьи, выделяет финансирование на обеспечение принятых решений, следит за достижением поставленных целей. В то же время ресурсов государства недостаточно для мониторинга решения задач. Ряд исследований структуры, инфраструктуры и инструментов повышения эффективности политики, в том числе в отношении семьи и детей [16–21], а также влияния этих инструментов в случае увеличения государственных расходов на здоровье детей и матерей показывают наличие корреляционных связей между ростом расходов на здравоохранение и улучшением индикаторов здоровья указанной категории граждан в странах с низким и средним уровнями дохода [17]. Множество исследований показывают, что политика, основанная

на (статистических и иных) доказательствах, становится сегодня нормой, и результаты оценки ее эффективности следует не только публиковать в научных и специализированных изданиях, но и представлять широкой общественности [18]. В частности, предлагается следующий подход к оценке влияния политики: сформулировать предположения, почему политика будет эффективной и каковы будут ее последствия; сформулировать противоположные предположения — о последствиях нереализации политики; измерить воздействие реализуемых мер; оценить прямые и косвенные эффекты политики; выявить неопределенности и контролировать их в тех областях, где это возможно; обеспечить проверку и воспроизводимость результатов [18]. Поскольку семейно-демографическая политика не является «изолированной» (например, от экономической политики [19]), следует учитывать социально-экономический контекст принимаемых решений.

Изучение социально-экономических индикаторов жизни семьи, выявление рисков для здоровья и благосостояния ее членов показывают значимость эффективной поддержки семей с учетом их специфических потребностей и обстоятельств [9; 20], при условии охвата мерами семейно-демографической политики нескольких поколений и рассмотрения семьи в контексте социальных и экономических систем с учетом их динамики. Такой подход принимает во внимание как интересы отдельных членов семьи, так и влияние внешних факторов на каждого из них и семью в целом, показывает, что семьи развиваются на протяжении всей жизни, адаптируясь к внешним условиям — сначала это молодая семья (супруг и супруга), потом молодая семья с ребенком. С появлением ребенка расширяется ролевая структура — супруг — супруга, родители (отец — мать), ребенок, если женщина уходит в декретный отпуск, то меняется ее социальный статус, ей приходится адаптироваться к новой роли, меняется ее финансовое положение, в том числе в сторону ухудшения, появляются трудности перинатального ухода за ребенком и т.д.

С взрослением ребенка проблемы меняются: в дошкольном и школьном возрасте сохраняются прежние проблемы (питание ребенка, здоровье) и появляются новые (обучение, социализация вне семейного круга, формирование новых межличностных взаимоотношений). Меняются обязанности родителей, в основном матери (совмещение ухода за ребенком и занятости), на фоне новых проблем и потребностей возникают семейные кризисы, возможны конфликты в семье, растут риски разводов и т.д. В случае развода формируются семьи с одним родителем, то же самое может произойти при рождении ребенка вне брака, иногда в семье один родитель имеет ребенка или детей от предыдущего брака, и эти дети проживают совместно или отдельно от членов новой семьи. Исследователи показывают разнообразие типов семьи и домохозяйств, делая акцент на ди-

намике семьи — от молодой семьи до «опустевшего гнезда» и далее семьи пожилых супругов или одиноких людей [5]. Классификация семей возможна по количеству детей или членов домохозяйства (многопоколенная, расширенная и др.), а также по месту проживания (городская и сельская семья могут быть подразделены на подтипы в зависимости от социального-экономического развития территории, культурных и религиозных традиций и т.д.). При разработке модели семейно-демографической политики следует принимать во внимание, что разные типы домохозяйств сталкиваются с разными проблемами и преследуют разные цели: так, домохозяйства с одним родителем имеют специфические потребности, но и домохозяйства с двумя родителями могут нуждаться в помощи (члены семьи с инвалидностью, безработица, правонарушения и т.д.).

Соответственно, к оценке эффективности реализации принятых решений следует привлекать общественность [18; 22]: общественный мониторинг — это возможность узнать экспертное мнение членов российских семей. В последние годы в России проводятся многочисленные исследования концептуальных и методических основ социального участия. Сложность заключается в том, что общественные организации защищают права разных типов семей (многодетных или неполных, патриархальных или современных) [5], что усложняет формирование эффективной модели семейно-демографической политики: эксперты обращают внимание на разные ее аспекты, упуская из виду общую картину, а государственные служащие, напротив, видят целостную систему, нередко игнорируя отдельные ее значимые элементы. Семейно-демографическая политика направлена на поиск эффективных моделей и факторов, определяющих потребность разных типов семей в тех или иных мерах поддержки [2; 8–10; 12; 14; 16–21], однако опросы целевых групп (например, мужчин и женщин 20–35 лет [13]) показывают, что молодые россияне недостаточно информированы о мерах поддержки российских семей. Исследования подтверждают и необходимость расширения круга акторов семейно-демографической политики за счет включения в него представителей гражданского общества, социально-ориентированных некоммерческих организаций (СО НКО) и работодателей [13].

Важным механизмом реализации семейной политики является право [7], устанавливающее ее четкие рамки на разных уровнях — от местного до федерального. Второй механизм — финансовый блок, в том числе налоговая система как основа социальной поддержки рождения и воспитания детей. Налоги — это ресурс формирования бюджета страны и одновременно способ облегчения налогового бремени российских семей через систему социальных льгот [7]. Экономический механизм поддержки российских семей направлен в первую очередь на оказание помощи тем семьям, которые хотят иметь детей, но не могут реализовать это намерение в связи с прямыми (со-

держание ребенка) и косвенными затратами (вынужденный отказ от карьеры или занятости) [7].

Таким образом, институциональный механизм семейно-демографической политики представляет собой совокупность элементов (блоков), связанных системой формальных и неформальных взаимодействий, норм и правил. Блоки такого механизма структурируются содержательно и институционально, они взаимосвязаны: например, необходим блок, который обеспечивает подготовку кадров, в то же время кадры (акторы), прошедшие подготовку, составляют основу иных блоков; аналитическую работу ведет отдельный блок, но, поскольку таковая ведется на каждом этапе деятельности, в нее включен каждый актер, постоянно проверяющий соответствие своих действий целевым показателям в отношении разных типов семьи (рис. 1).

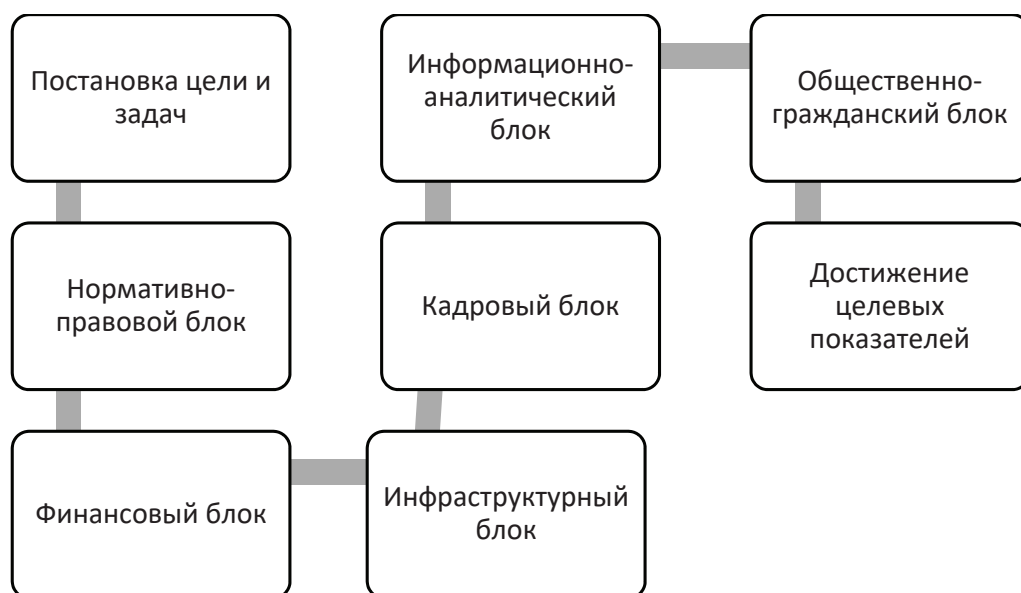

Рис. 1. Схема механизма эффективной семейно-демографической политики

Семейно-демографическая политика будет эффективной, если ее цели осмыслены в единых категориях в семье и на уровне государства. Такое понимание обеспечивает информационно-аналитический блок, политическая коммуникация и СМИ. Для формирования институционального механизма необходим программно-целевой подход, который обосновывает использование коммуникативных технологий для выстраивания общего смыслового поля, поскольку реализация семейно-демографической политики носит межведомственный характер, консолидирует действия разных субъектов в рамках достижения одной цели, сформулированной в интересах семьи. Мероприятия семейно-демографической политики в рам-

ках проектно-целевого подхода систематизируют деятельность органов законодательной и исполнительной власти, включают в нее широкий круг субъектов гражданского общества — от частных лиц (членов семей) до институциональных акторов — СО НКО (в том числе представителей религиозных организаций), работодателей и т.д. Программно-целевой подход подразумевает применение проектного подхода (8) для решения задач информационно-аналитического обеспечения, организации, координации, контроля и мониторинга. Программно-целевой подход выступает действенным механизмом семейно-демографической политики, позволяет запустить институциональный механизм, направить его движение как «сверху-вниз», так и «снизу-вверх», обеспечить информационно-просветительскую работу и общественный мониторинг, контроль эффективности принятых управленческих решений.

Основа институциональных механизмов — нормативно-правовой блок, обеспечивающий правовую базу семейно-демографической политики: основные законодательные документы, закрепляющие суверенитет семей и роль семьи в современном обществе, регулирующие социальную защиту семей в трудной жизненной ситуации. Задача управления — выявление противоречий в документах, исключение неоднозначности толкований и сокращение числа ведомственных нормативных актов. В этом отношении важное уточнение в понятие «многодетная семья» вносит Указ Президента РФ от 23.01.2024 № 63 «О мерах социальной поддержки многодетных семей» (4), тем не менее противоречия могут сохраняться на региональном уровне, например, когда речь идет о возрасте детей при получении статуса «многодетная семья». Отдельный блок правового регулирования инфраструктурных решений и институциональных практик — разработка и законодательное утверждение минимальных социальных стандартов; ввод основных показателей качества жизни семей в перечень критериев для оценки эффективности работы органов исполнительной власти субъектов РФ; ежегодное обновление нормативов законодательства для системы семейных выплат (государственные социальные пособия, программы субсидирования и социальных услуг, документы в области семейного, налогового и жилищного права, здравоохранения, образования, социального обеспечения, трудовых отношений и миграции). Так формируется система конкретных минимальных гарантий государственной поддержки семей с детьми на федеральном уровне, которые должны быть дополнены и расширены на региональном уровне.

Анализ нормативных документов, регулирующих семейно-демографическую политику, показывает, что дополняют законодательство стратегические документы, включенные в разные блоки институционального механизма. Так, в рамках Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года

(далее — Концепция) (утверждена распоряжением Правительства от 25.08.2014 № 1618-р) (7) предусмотрены все необходимые блоки: нормативно-правовое обеспечение; расходы на реализацию поставленных задач (федеральный бюджет, бюджеты субъектов Российской Федерации, местные бюджеты и др.); информационно-аналитический блок; формирование системы управления и кадрового обеспечения; партнерство всех уровней власти и гражданского общества. Однако в Плане мероприятий на 2015–2018 годы по реализации первого этапа Концепции не были прописаны инструменты создания указанных механизмов (финансирования, информационно-аналитического и кадрового обеспечения, общественного мониторинга, экспертизы и т.д.), указаны лишь некоторые критерии для регионального, но не федерального уровня [4]. Финансовые механизмы были обозначены в Указе 1996 года об основных направлениях государственной семейной политики, позже был зафиксирован их рост: в 1996–1997 годы на 1 %, в 2022 — на 1,4 % (5); однако во многих странах мира доля расходов на семейные и материнские пособия в ВВП превышает 3 % (Франция, Швеция, Люксембург, Польша, Эстония, Ирландия, Дания, Норвегия, Германия, Бельгия, Венгрия) (6). Финансовый блок обеспечивает расходы на реализацию семейно-демографической политики с учетом ВВП и ВРП и исходя из приоритетности программ в интересах семей (бюджетные средства — федеральные, региональные — и механизмы привлечения внебюджетных средств).

Необходимым элементом механизма реализации концептуальных целей и программных мер семейной политики, позволяющим оценить ее эффективность, выступает система целевых индикаторов/показателей, которые должны вытекать из целей и задач семейной политики и свидетельствовать о реальном укреплении института семьи в российском обществе. Однако План по реализации второго этапа Концепции не был утвержден, и меры по реализации семейной политики частично вошли в национальный проект «Демография» и другие программные документы.

Институциональный блок, помимо нормативной базы, предполагает поддержку и развитие инфраструктуры семейно-демографической и молодежной политики: семейных и подростково-молодежных клубов по месту жительства (центров), клубов молодых семей, общественных и корпоративных организаций, ориентированных на пропаганду духовно-нравственных семейных ценностей в молодежной среде, укрепление престижа семьи, родительства и прародительства. Здесь крайне важно межведомственное взаимодействие (рис. 2) федеральных и региональных органов власти, советов по делам семьи и детей при губернаторах, главах городских округов и муниципальных районов и т.д.

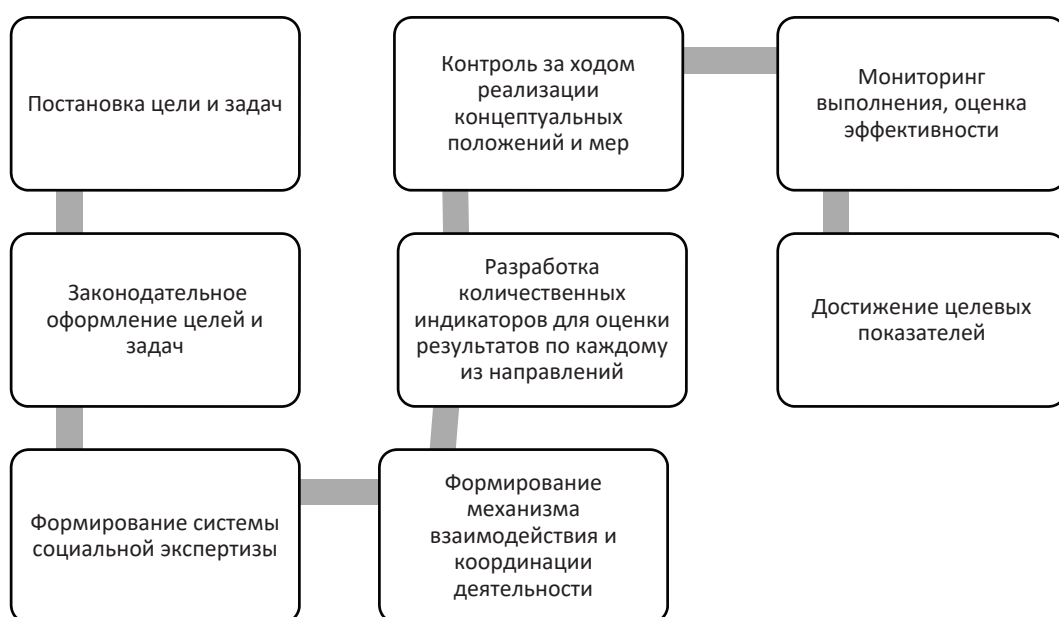

Рис. 2. Задачи межведомственного взаимодействия в рамках семейно-демографической политики

Сегодня в России расширяется взаимодействие органов государственной власти и общественных объединений в интересах защиты семьи, материнства и детства. Задачи по оказанию социальных услуг семьям распределяются на конкурсной основе между некоммерческими организациями, включенными в Реестр поставщиков социальных услуг. Для разработки программ поддержки семей, проведения информационных кампаний и развития инициатив используется проектный подход, создана институционализированная система взаимодействия власти и представителей гражданского общества, меняются стандарты государственного и муниципального управления, предусматривая партнерство бизнеса и СО НКО в реализации семейно-демографической политики (информирование населения о решениях в области семейно-демографической политики; публикация в свободном доступе сводных отчетов, данных социологических и мониторинговых исследований; развитие волонтерских и благотворительных проектов).

В целях информирования граждан о реализации семейно-демографической политики обеспечивается информационная открытость, предполагающая постоянную актуализацию показателей статистического учета, сбор и обработку данных о положении семей и эффективности семейной политики (9). Качество аналитического сопровождения семейно-демографической политики обеспечивается специально подготовленными кадрами, однако российский кадровый потенциал демографической аналитики сегодня только формируется. На федеральном уровне поддержана про-

грамма подготовки кадрового потенциала в сфере демографического развития (10), в структуре Института демографических исследований (ИДИ) ФНИСЦ РАН создан Координационный центр развития кадрового потенциала в области демографии (11) для решения следующих задач: экспертизы информационных кампаний и аналитических материалов; подготовки кадров; организации дискуссий и т.п. [11]. Информационная открытость и квалифицированные кадры способствуют совершенствованию методического обеспечения деятельности в сфере управления, оптимизации помощи семьям и соблюдению их прав, развитию и координации междисциплинарных научных исследований, формированию позитивного общественного мнения о многодетных, студенческих и других типах семей, укреплению традиционных семейных ценностей и т.д.

Одной из главных задач семейно-демографической политики должна стать разработка систем ее нормативного, финансового, инфраструктурного и кадрового обеспечения, информационной поддержки и гражданского участия. Принимая во внимание разнообразие семейных траекторий в современном обществе, можно повысить эффективность семейно-демографической политики и принимаемых управленческих решений. Сегодня в системе социальной защиты населения основной акцент сделан на решении проблемы бедности: разрабатываются программы повышения доходов (социальный контракт, пособия и т.д.), пересматриваются индикаторы нуждаемости семей в сторону увеличения (до двух прожиточных минимумов) или отменены таковых для многодетных семей (12). Однако материальное благополучие — лишь один из критериев, который далеко не всегда решает задачи семейно-демографической политики, например, если речь идет о повышении доступности высшего образования в целом (включая программы поддержки детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, детей участников СВО), доступности медицинской помощи, получении социального жилья и т.д. Программно-целевой подход позволяет преодолеть автономность, несогласованность мер государственной поддержки, увязывая их с общей повесткой семейно-демографической политики посредством единого целеполагания и мониторинга. Основная задача — выстроить межведомственное сотрудничество, наладить взаимодействие институтов исполнительной власти с системами социальной защиты, образования (в том числе для решения кадровых вопросов) и здравоохранения, гражданским обществом и работодателями (от государства до бизнеса). Конечно, индивидуальный предприниматель не может позволить себе дополнительные расходы для поддержки работников с несовершеннолетними детьми, но микро- и малое предпринимательство

могут войти в проект поддержки семейного бизнеса, способствуя, тем самым, благополучию семей. Предлагаемое сотрудничество подразумевает систематическое и целенаправленное совместное планирование в ходе межведомственного взаимодействия: объединение государства, гражданского общества и бизнеса поможет вырабатывать инновационные решения и будет способствовать укреплению партнерских отношений в рамках единой семейно-демографической политики.

Примечания

- (1) Указ Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: <http://government.ru/docs/all/144022>.
- (2) Указ Президента РФ «О проведении в Российской Федерации Года семьи» от 22.11.2023 г. № 875. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/ol7h1jN3jzDnvgTCwVT2XTokT6lI4Org.pdf>.
- (3) Письмо Минобрнауки РФ от 08.05.2007 г. № АФ-163/06 «О Концепции государственной политики в отношении молодой семьи». URL: <https://base.garant.ru/191723>.
- (4) Указ Президента РФ от 23.01.2024 г. № 63 «О мерах социальной поддержки многодетных семей». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202401230001>.
- (5) Проект Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/knigi/laws/law06.php>.
- (6) Данные за 2019 год OECD Social Expenditure Database. URL: <http://www.oecd.org/social/expenditure.htm>.
- (7) Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации до 2025 года. URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/16>.
- (8) Руководство к своду знаний по управлению проектом. URL: <https://biconsult.ru/files/datavault/PMBOK-6th-Edition-Ru.pdf>.
- (9) Социальное положение и уровень жизни населения России. 202. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Soc_pol_2023.pdf.
- (10) Минобрнауки России поддержало подготовку демографов в вузах. URL: <https://idrras.ru/news/2024/7/minobz-podderzhal-podgotovku-demografov.html>.
- (11) Координационный центр развития кадрового потенциала в области демографии. URL: <https://idrras.ru/координационный-центр-развития-кадрового-потенциала-в-области-демографии>.
- (12) В РФ 39 регионов помогают многодетным семьям без критериев нуждаемости. URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/53485>.

Библиографический список

1. Демографический понятийный словарь / Под ред. Л.Л. Рыбаковского. М., 2003.
2. Золотарева О.А., Кучмаева О.В., Ростовская Т.К. Демография России: оценка результативности стратегических мер на этапе до 2020 года // Исследование социально-экономического развития территорий в условиях санкций и угроз глобальных вызовов: материалы II Всеросс. науч.-практ. конф. с межд. уч. Т. 2. Тамбов, 2021.
3. Истомин С.В. Сравнительный анализ институционального и хозяйственного механизмов в трансформируемой экономике // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. Т. 208. № 27.
4. Кучмаева О.В. Современные проблемы оценки эффективности семейной политики в Российской Федерации // Статистика и экономика. 2017. Т. 14. № 5.

5. Кучмаева О.В., Ростовская Т.К. Дискурс о модели современной российской семьи и стратегия семейной политики // Семья в современном обществе. Серия: Демография. Социология. Экономика. Т. 4. М., 2018.
6. Лебедева Н.Н., Аверина И.С. Институциональный механизм стимулирования инновационной деятельности хозяйствующих субъектов: проблемы и пути их разрешения // Инновации региона. 2013. Т. 315. № 36.
7. Rogozinskaya I., Pshexoccka I., Litvinova S.N. Цели, стратегии и инструменты государственной семейной политики // Прикладные экономические исследования. 2014. № 4.
8. Ростовская Т.К., Золотарева О.А. Оценка значимости мер демографической политики в области рождаемости: мнения мужчин и женщин России (по результатам социологического исследования) // Женщина в российском обществе. 2021. № 3.
9. Ростовская Т.К., Золотарева О.А., Васильева Е.Н. Методология мониторинга результативности семейно-демографической политики: региональный аспект // Социальные и гуманитарные знания. 2022. Т. 8. № 2.
10. Ростовская Т.К., Кучмаева О.В., Безвербная Н.А. Состояние и перспективы семейной политики в России: социально-демографический анализ // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 6.
11. Ростовская Т.К., Рычихина Н.С. Разработка системы подготовки демографов для комплексного решения демографических проблем // Вопросы управления. 2023. № 2.
12. Чернова Ж.В. Восприятие мер семейной политики и потребности семей в государственной поддержке // Регионоведение. 2012. № 4.
13. Чернова Ж.В. Семейная политика современной России: гендерный анализ и оценка эффективности // Женщина в российском обществе. 2011. № 3.
14. Шабунова А.А., Ростовская Т.К. О необходимости разработки модели оптимальных условий для формирования и реализации демографических установок // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 4.
15. Яценко С.О. Институциональный подход к анализу экономических механизмов // Экономический анализ. Теория и практика. 2012. № 2.
16. Abela A., Dudova R., Gábos A. et al. Child and family support policies across Europe: National reports from 27 countries. 2021. URL: https://eurofamnet.eu/system/files/wg2_childandfamilysupportpoliciesacrosseurope_2.pdf.
17. Barnish M.S., Tan S.Y., Robinson S., Taeihagh A., Melendez-Torres G.J. A realist synthesis to develop an explanatory model of how policy instruments impact child and maternal health outcomes // *Social Science & Medicine*. 2023. Vol. 339.
18. Bhattacharjee A., Chikwama C., Marques J.L. Connections between research and policy: The case of fertility diffusion and regional demographic policy in Portugal // *Regional Science Policy & Practice*. 2021. Vol. 13. No 3.
19. Cavallini F. Not the right time for children: Unemployment, fertility, and abortion // *Labour Economics*. 2024. Vol. 87.
20. Churchill H., Devaney C., Abela A. Promoting child welfare and supporting families in Europe: Multi-dimensional conceptual and developmental frameworks for national family support systems // *Children and Youth Services Review*. 2024. Vol. 161.
21. Devaney C., Christiansen Ø., Holzer J. et al. The conceptualization and delivery of family support in Europe: A review of academic literature. 2021. URL: <https://eurofamnet.eu/toolbox/academic-outputs>.
22. North D.C. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge University Press, 1990.
23. Rostovskaya T.K., Sitkovsky A.M. Demographic development resources: On the unification of concepts in demographic research // *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2024. Vol. 17. No. 1.

Institutional mechanisms for a model of effective family-demographic policy*

T.K. Rostovskaya^{1,2}, O.V. Kuchmaeva¹, E.N. Vasileva¹

¹Institute of Social Demography of FCTAS RAS,
Fotievoi St., 6–1, Moscow, 119333, Russia

²RUDN University,
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

(e-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru; kuchmaeva@yandex.ru; vasilevaen@yandex.ru)

Abstract. Maintaining demographic potential is one of the basic components of national demographic security. To achieve this goal, the state should solve many tasks among which the most relevant are strengthening the family, increasing the birth rate and developing motivation for having many children. The Russian Federation has strategically outlined the course of state policy to preserve traditional family values (1) and has developed the relevant legislation. The year 2024, declared by the President of Russia as the Year of the Family (2), made it possible to emphasize at the national level the importance of the family institution and support for the prosperous large family as a significant model for solving demographic problems: such a model was declared in 2007 in the Concept of the State Policy in relation to Young Families (3); in general, the status of the large family has raised and institutionalized (4). The authors assess prospects for applying the program-targeted approach as a basis for developing and improving institutional mechanisms to support various types of families with children, which involves legislative, infrastructural, personnel and information support for the state family-demographic policy. Thus, a model describing institutional mechanisms of effective family-demographic policy in relation to different types of families and based on the authors' classification becomes an urgent research task. Application of this model would improve efficiency of those measures of the state family-demographic policy that aim at supporting traditional values and families with children. The scientific task of the conducted study was to find efficiency criteria for mechanisms of the authors' model of family-demographic policy in the context of the current Russian depopulation. The methodological basis of the study consisted of conceptual approaches of sociology of the family in the field of developing the institution of prosperous family with children, comparative-legal and historical-legal approaches.

Key words: family-demographic model; institutional mechanisms; program-targeted approach; state family-demographic policy; demography; family

For citation: Rostovskaya, T.K., Kuchmaeva O.V., Vasileva E.N. Institutional mechanisms for a model of effective family-demographic policy. *RUDN Journal of Sociology*. 2026; 26 (1): 234–248. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-1-234-248> EDN: PYTVLD

References

1. Demografichesky ponyatijny slovar [Demographic Conceptual Dictionary]. Pod red. L.L. Rybakovskogo. Moscow; 2003. (In Russ.).

*© T.K. Rostovskaya, O.V. Kuchmaeva, E.N. Vasileva, 2026

The article was submitted on 17.04.2025. The article was accepted on 15.12.2025.

2. Zolotareva O.A., Kuchmaeva O.V., Rostovskaya T.K. Demografiya Rossii: otsenka rezultativnosti strategicheskikh mer na etape do 2020 goda [Demography of Russia: Assessing the efficiency of strategic measures at the stage of up to 2020]. *Issledovanie sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya territorij v usloviyah sanktsij i ugroz globalnykh vyzovov: materialy II Vserossijskoj nauch.-prakt. konf. s mezhd. uch.* Vol. 2. Tambov; 2021. (In Russ.).
3. Istomin S.V. Sravnitelny analiz institutsionalnogo i khozyajstvennogo mekhanizmov v transformiruemoy ekonomike [Comparative analysis of institutional and economic mechanisms in a transforming economy]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta.* 2010; 208 (27). (In Russ.).
4. Kuchmaeva O.V. Sovremennye problemy otsenki effektivnosti semejnoy politiki v Rossijskoj Federatsii [Contemporary problems of assessing the efficiency of family policy in the Russian Federation]. *Statistika i Ekonomika.* 2017; 14 (5). (In Russ.).
5. Kuchmaeva O.V., Rostovskaya T.K. Diskurs o modeli sovremennoj rossijskoj semyi i strategiya semejnoy politiki [Discourse on the model of the contemporary Russian family and the strategy of family policy]. *Semiya v sovremennom obshchestve. Seriya: Demografiya. Sotsiologiya. Ekonomika.* Vol. 4. Moscow; 2018. (In Russ.).
6. Lebedeva N.N., Averina I.S. Institutsionalny mekhanizm stimulirovaniya innovatsionnoj deyatel'nosti khozyajstvuyushchih sub'ektov: problemy i puti ih razresheniya [Institutional mechanism for stimulating innovative activities of economic entities: Problems and ways to solve them]. *Innovatsii Regiona.* 2013; 315 (36). (In Russ.).
7. Rogozinska J., Pshekhotska Y., Litvinova S.N. Tseli, strategii i instrumenty gosudarstvennoj semejnoy politiki [Goals, strategies and instruments of the state family policy]. *Prikladnye Ekonomicheskie Issledovaniya.* 2014; 4. (In Russ.).
8. Rostovskaya T.K., Zolotareva O.A. Otsenka znachimosti mer demograficheskoy politiki v oblasti rozhdaemosti: mneniya muzhchin i zhenshchin Rossii (po rezultatam sotsiologicheskogo issledovaniya) [Assessing the significance of the demographic policy measures for fertility: Russian men's and women's opinions (based on the results of the sociological study)]. *Zhenshchina v Rossijskom Obshchestve.* 2021; 3. (In Russ.).
9. Rostovskaya T.K., Zolotareva O.A., Vasilieva E.N. Metodologiya monitoringa rezultativnosti semejno-demograficheskoy politiki: regionalny aspekt [Methodology for monitoring efficiency of the family-demographic policy: A regional aspect]. *Sotsialnye i Gumanitarnye Znaniya.* 2022; 8 (2). (In Russ.).
10. Rostovskaya T.K., Kuchmaeva O.V., Bezverbnaya N.A. Sostoyanie i perspektivy semejnoy politiki v Rossii: sotsialno-demograficheskyy analiz [The current state and prospects of family policy in Russia: A social-demographic analysis]. *Ekonomicheskie i Sotsialnye Peremeny: Fakty, Tendentsii, Prognoz.* 2019; 12 (6). (In Russ.).
11. Rostovskaya T.K., Richikhina N.S. Razrabotka sistemy podgotovki demografov dlya kompleksnogo resheniya demograficheskikh problem [Development of a system for training demographers for a comprehensive solution to demographic problems]. *Voprosy Upravleniya.* 2023; 2. (In Russ.).
12. Chernova Z.V. Vospriyatие mer semejnoy politiki i potrebnosti semej v gosudarstvennoj podderzhke [Perception of the family policy measures and families' needs for state support]. *Regionologiya.* 2012; 4. (In Russ.).
13. Chernova Z.V. Semejnaya politika sovremennoj Rossii: gendernyy analiz i otsenka effektivnosti [Family policy in contemporary Russia: Gender analysis and efficiency assessment]. *Zhenshchina v Rossijskom Obshchestve.* 2011; 3. (In Russ.).
14. Shabunova A.A., Rostovskaya T.K. O neobkhodimosti razrabotki modeli optimalnykh usloviy dlya formirovaniya i realizatsii demograficheskikh ustanovok [On the necessity to develop a model of optimal conditions for the formation and realization of demographic attitudes]. *Ekonomicheskie i Sotsialnye Peremeny: Fakty, Tendentsii, Prognoz.* 2020; 13 (4). (In Russ.).

15. Yashchenko S.O. Institutsionalny podkhod k analizu ekonomicheskikh mekhanizmov [Institutional approach to the analysis of economic mechanisms]. *Ekonomichesky Analiz. Teoriya i Praktika*. 2012; 2. (In Russ.).
16. Abela A., Dudova R., Gábos A. et al. Child and family support policies across Europe: National reports from 27 countries. 2021. URL: https://eurofamnet.eu/system/files/wg2_childandfamilysupportpoliciesacrosseurope_2.pdf.
17. Barnish M.S., Tan S.Y., Robinson S., Taeihagh A., Melendez-Torres G.J. A realist synthesis to develop an explanatory model of how policy instruments impact child and maternal health outcomes. *Social Science & Medicine*. 2023; 339.
18. Bhattacharjee A., Chikwama C., Marques J.L. Connections between research and policy: The case of fertility diffusion and regional demographic policy in Portugal. *Regional Science Policy & Practice*. 2021; 13 (3).
19. Cavallini F. Not the right time for children: Unemployment, fertility, and abortion. *Labor Economics*. 2024; 87.
20. Churchill H., Devaney C., Abela A. Promoting child welfare and supporting families in Europe: Multi-dimensional conceptual and developmental frameworks for national family support systems. *Children and Youth Services Review*. 2024; 161.
21. Devaney C., Christiansen Ø., Holzer J. et al. The conceptualization and delivery of family support in Europe: A review of academic literature. 2021. URL: <https://eurofamnet.eu/toolbox/academic-outputs>.
22. North D.C. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge University Press; 1990.
23. Rostovskaya T.K., Sitkovsky A.M. Demographic development resources: On the unification of concepts in demographic research. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2024; 17 (1).

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-1-249-260

EDN: PYPYXF

Sociological aspects of political support: Influencers' impact on the social media users*

Y.M. Akbar¹, N. Hayati¹, V.L. Muzykant²

¹Universitas Terbuka,
Pd. Cabe Udik, Kec. Ciputat, Kota Tangerang Selatan, Banten 15437, Indonesia

²RUDN University,
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

(e-mail: yonarismanakbar@ecampus.ut.ac.id; nurhayati1@ecampus.ut.ac.id;
muzykant-vl@rudn.ru)

Abstract. Political endorsements on social media, involving the support from influential figures, have become commonplace. As a result, political communication, which was originally limited to face-to-face interactions, develops online through social media. The article aims at identifying how effective political support changes in the technological era from the perspective of political sociology. The study is based on the qualitative approach — a review of relevant works and interviews with expert informants. The study shows that influential figures, such as celebrities, influencers, political and religious leaders, with political support ensured mainly by social media, get the ability to shape the image of candidates, increase their visibility, legitimacy and electability, and broaden the spectrum of support for their campaigns. Certainly, the success of such political endorsement depends on several factors, such as the credibility of endorsers, how actively they are involved in the campaign, how the campaign is perceived by the public, and whether the compatibility of values between the endorser and the candidate is achieved. Political endorsement faces several challenges, such as the risk of backlash, potential for public opinion manipulations, black campaigns and misinformation due to changes in the dynamics of social media that can make endorsements easily manipulated. Therefore, political endorsements on social media are not a mere means of promotion — in the digital era, they became part of political communication.

Key words: influencers; sociology of communication; digital communication; digital era; social media; political endorsements; election campaigns

For citation: Akbar Y.M., N. Hayati, Muzykant V.L. Sociological aspects of political support: Influencers' impact on the social media users. *RUDN Journal of Sociology*. 2026; 26 (1): 249–260. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-1-249-260> EDN: PYPYXF

*© Y.M. Akbar, N. Hayati, V.L. Muzykant, 2026

The article was submitted on 05.09.2025. The article was accepted on 15.12.2025.

In the digital era, political communication has undergone a significant transformation evidenced by social media as the main platform for interaction with voters. Political endorsements that involve influential figures, such as celebrities, influencers and senior politicians, are one of the most effective and widespread communication strategies, since digital influencers ensure a significant effect on voter preferences. For example, the viral video by influencer Rezo in the 2019 European Elections determined a significant drop in votes for the party he criticized [15]. This phenomenon is supported by the development of increasingly advanced digital communication technology so that political information is more accessible and widespread and social media grows rapidly and provides easy access to supporting information [29].

The phenomenon of political candidates seeking support from influential figures has become commonplace in Indonesian politics, especially in the run-up to general elections. Former President Joko Widodo, President Prabowo Subianto and former Governor of Jakarta Anies Baswedan — strong political magnets, whose popularity comes not only from their achievements but also from their symbolic attraction of masses and creating great electoral appeal [21]. The 2024 election in Indonesia is an important case for explaining how political endorsements affect campaign dynamics and voter decisions. In sociology of communication, political endorsement is a form of persuasive communication that aims at ensuring a positive image of candidates and increasing their electability. However, the efficiency of political endorsement depends not only on the popularity of supporting figures but also on how information is received and interpreted by the public. On the other hand, political endorsement also refers to the role of the media and its impact on society [12]. The media is of social-cultural nature and functions independently to regulate interactions in other social institutions or structures.

The dualistic relationship between the media and social institutions determines several conditions that influence the audience's perception and acceptance of the media content in a particular context. Social media allows influential figures to express their support directly to millions of followers in a short period of time, which allows candidates to increase their public visibility and legitimacy. Originally political communication was limited to face-to-face interaction, but the rapid development of social media made Internet-based media a channel to access various fields — education, culture, social, economic, legal and political.

Some recent examples show how endorsement from celebrities or social media influencers can change the dynamics of political campaigns and increase candidates' electability. For instance, a few celebrities and influencers endorsed certain candidates in the 2024 Indonesian presidential election, which affected voters' perceptions and decisions. The number

one choice, Anies Baswedan and Muhaimin Iskandar, received the support of public figures, while the number two choice, Prabowo Subianto and Gibran Rakabuming Raka, were supported by popular celebrities. Such support is believed to increase the popularity and electability of both among the younger generation, especially followers on social media. Ganjar Pranowo and Mahfud MD, the number three choice, also received support from social media influencers to spread their political messages. Celebrity endorsements had a significant impact on the voting behavior of new voters; the General Election Commission (KPU) of Padang City collaborated with nine community leaders as influencers at the 2020 elections to increase voter participation [10; 17].

Political communication shapes the image of candidates to ensure voters' positive perception, which can ultimately increase the candidate's electability. Political communication covers various aspects — from campaign ads, media interviews and public debates to the use of social media. Each element of political communication can make a significant contribution to the public perception of the candidate [23], combining verbal and nonverbal messages [5; 30]. Moreover, political communication can combine different strategies such as social activities, billboards and banners, radio advertisements and social media. [35] — all provide opportunities to optimize image and electability in general elections [27].

Political communication is based on several principles, the first of which is consistency [4] — what is said should be consistent with the party's platform, paradigm and response to public issues; the second is replication — information should be repeated so that the public can fully understand the party's platform; the third is that the information conveyed should be verifiable for truth.

The involvement of celebrities and artists in political campaigns is inseparable from the pros and cons of society. As citizens they have the same opportunities and rights as others in democracy to be elected and to vote; at the same time, they have popularity as a modality for competition [36]; therefore, political parties recruit celebrities as political endorsements. In addition to celebrities, political figures (like Anies Baswedan, the former presidential candidate and former governor of Jakarta) became strong candidates in the 2024 Indonesian Presidential Election. In his campaign, Anies received support from influential figures — politicians, celebrities and social media influencers, which played an important role in his positive image and increased his electability in the eyes of the public. Among his supporters was Jusuf Kalla with great influence, whose support increased Anies' legitimacy as a candidate [1] due to attracting the media and public attention and affecting their fans' political choice. The influence of celebrities in politics is known as “politainment” — a combination of politics and entertainment [3], which can increase political awareness and voter participation, especially among the younger generation. However, this

phenomenon also presents challenges such as a lack of transparency regarding sponsored content and commercialization that blurs the line between genuine advocacy and commercial interests.

From the perspective of sociology of communication, endorsement from influential figures affects public opinion through three mechanisms: (1) additional legitimacy and credibility to the candidate from respected and trusted figures; (2) the bandwagon effect — people tend to follow the choices of the respected majority, which increases voter participation and strengthens the candidate's position in the political competition; (3) social-psychological effect — endorsement from celebrities and social media influences voters' perceptions and decisions, since followers consider influencers as role models or trustworthy figures [16]. For instance, Oprah Winfrey played a role in increasing the electability of candidates in the US elections [24]; the same applies to celebrity supporters in the 2008 US Democratic Presidential Primary [8].

In Indonesia, most research of political endorsement focuses on the role of social media in political communication in the digital era [10; 17], although there are studies of the influence of celebrity endorsements on voter attitudes [3]. Thus, the article aims at explaining effective political support, including social media assistance and corresponding strategies and challenges, and is based on the qualitative approach [7; 9; 28] — to study the dynamics of digital communication and social-cultural factors of effective political endorsements — and a literature review — to identify how endorsement practices reflect broader social relations and power dynamics in contemporary political communication [31]. In-depth interviews were conducted with two key informants [26]: Anies Baswedan, an Indonesian academic, activist and politician, who served as the Governor of Jakarta from 2017 to 2022 and in 2024 was a presidential candidate (knowledge of digital political communication strategies and the role of endorsements in election campaigns), and Mohamad Hekal Bawazier, an Indonesian politician, who served as a member of the House of Representatives (strategic position in legislative politics, understanding of political communication and its influence on public policy).

According to the interviewed political experts, during elections endorsements have a significant influence on the visibility of candidates, providing them with additional legitimacy and strengthening their image, especially for voters who are still hesitant to make their choice. Political endorsements from influential figures can increase voter trust and support, changing the dynamics of campaigns by attracting media attention and making voters more likely to accept political information (from figures perceived as having moral or intellectual authority). Endorsements from religious leaders and academics have a different impact than from celebrities or influencers — provide stronger moral legitimacy than endorsements from celebrities who are more focused on popularity, but endorsements from celebrities can reach a wider group of voters, especially the younger generation more exposed to social media (table 1).

Table 1. **Political endorsement strategies and challenges**

Strategy	Expected impact	Risk/Challenge
Live discussion	Trust, real interaction	Low turnout, unengaged audience
Social media narrative	Wide reach, virality	Misinformation, backlash
Targeting opinion leaders	High trust, persuasive effect	Hard to control the message
Webinars and livestreams	Direct voter engagement	Low view rating, learning issues
Audience segmentation	Effective message targeting	Misidentification of target groups

Endorsement from figures with academic or moral background can be more influential for those who prioritize rationality when choosing candidates [24], while endorsements from celebrities are more effective in attracting voters less involved in politics and more influenced by emotional factors. This phenomenon can be explained with the concept of “opinion leader” [14]: individuals do not directly receive political information from the media — rather through intermediaries such as celebrities or public figures they trust. Thus, political endorsement can be considered a form of interpersonal communication that strengthens the effect of mass media.

In the digital era, social media has become the main means of spreading and strengthening political endorsements. Digital platforms allow candidates to reach a wider audience more quickly and directly; social media not only expands the reach of endorsement but also allows two-way interaction with voters, thus strengthening political involvement. Interactions through social media help candidates build more personal relationships with voters, which increases voters’ trust and participation level [6], which can be attributed to the “network society” theory [2] — social media becomes the main space for more interactive and community-based political communication. In addition, social media also allows for the virality of endorsement content, which is explained by “participatory culture” theory [13] which emphasizes that voters are not only passive consumers but can also producers of political information (participate in spreading campaign narratives to their own audiences). Social media functions as a virtual public space for political conversations. Such horizontal communication makes it easier for voters to discuss and evaluate the credibility of endorsement from celebrities and political figures. Therefore, effective support is determined by two factors — popularity of the endorsing figure and how political messages are received and discussed in online communities.

For endorsements to be more than just symbolic, candidates should implement specific strategies (table 2), such as holding events together by the endorsing person and ensuring his active direct involvement in the campaign (in dialogue with the public). *“In this way, the endorsement can have a real impact on the campaign and increase public participation”.*

Table 2. **Indicators to systematically measure the success of endorsement**

Indicator	Description	Example
Voter support increase	Change in electability	Pre- and post-electability surveys
Social media engagement	Likes, shares, comments, virality rate	Social media analysis
Mass sentiments	Public emotional tone	AI sentiment tools
Participation rate	Event attendance, livestream viewership	Event metrics, streaming platform statistics
Media coverage	Frequency of mentions	Media monitoring

Active engagement of endorsers can increase the credibility of campaign messages and strengthen emotional bonds with voters. Furthermore, such strategies as live streaming, webinars and discussion forums can strengthen the impact of endorsements by providing a space for interaction. The concept of symbolic interaction [20] shows that the meaning of endorsement is determined not only by who provides support but also by the type of interaction between endorsers and voters. In other words, successful endorsement creates a reciprocal relationship between the endorser and the community through meaningful communication.

In addition to direct involvement, the use of social media is key in the endorsement strategy. Candidates with strong narrative on social media can increase the effect of endorsement. According to the “agenda-setting” theory [18], the media has an important role in shaping public perception; therefore, an effective communication strategy ensures that endorsement get enough media coverage to influence public opinion. Another approach is audience segmentation based on political and social preferences: by identifying groups of voters most likely to be affected by a particular endorsement candidates can adjust their communication strategies to increase their impact. The concept of “two-step flow of communication” [14] asserts that voters often receive political information through intermediaries or opinion leaders; therefore, candidates should ensure that their endorsement reaches opinion leaders who can reinforce their political message in a particular community.

While political endorsements can provide benefits for candidates, there are some challenges to consider. One of the main ones is the risk of controversy: in some cases, endorsements from certain figures can cause negative reactions from certain voter groups, especially figures with a negative track record can lower the candidate’s credibility [8]. Another challenge is the possibility that voters would consider endorsement as an inauthentic political tactic or a form of political transaction aimed solely at gaining votes. The theory of “manufacturing consent” [11] highlights how the media and political elites can shape public opinions through various communication strategies, but not

if endorsements are considered a manipulative attempt to gain votes in the absence of any real involvement with voters [22].

To overcome these challenges, transparency in communication and the selection of the right endorsers are critical. To avoid conflicts of interest or negative effects, candidates should ensure that endorsers’ principles and visions are in line with their campaigns. Communication crisis management strategies are also needed to deal with potential controversy of political endorsements. According to theory of symbolic interactionism [20], the meaning of endorsement is determined not only by the endorser but also by how voters interpret and respond to the message in their social environment. Thus, it is important to involve the public in the endorsement to reduce the risk of backlash. Voters will be more engaged in political campaigns if allowed to speak with candidates and their endorsers, which will ultimately increase support. In addition, campaigns can encourage voters to become passive consumers of endorsement (political messages from various digital platforms), according to the “participatory culture” model [13]. An equally important challenge is the changing dynamics of social media that allows for manipulation: black campaigns and misinformation can undermine the credibility of endorsement and raise voters’ skepticism. Therefore, candidates should build a strong digital reputation (based on the relevant management strategy) to ensure that their endorsement narrative is consistent and authentic across all communication platforms. Moreover, by applying a sociology-based approach to communication, candidates can ensure that endorsements are not only a political marketing means but also a means of building deeper relationships with voters and communities they represent.

A comparison of endorsements during the election period and after the election in Indonesia shows significant differences and impacts (table 3).

Table 3. **Political communication strategies**

Aspect	2024 Election Campaign	Post-election period
Main purpose	Increasing electability	Maintaining legitimacy and long-term relationships
Message characteristics	Explicit, massive, focused on encouraging people to vote	More subtle and focused on image enhancement
Type of activity	Promotion on social media	Digital engagement
Impact on electability	Significant increase	Maintaining voter support
Impact on the public	Shaping public opinion and mobilizing voters	Maintaining trust
Endorser	Celebrities, influencers, religious leaders	Celebrities, influencers, active public figures

During the 2024 election campaign, political endorsements tended to be massive and explicit to increase the electability of presidential candidates. After the election, political endorsements were more subtle, tactful and restrained to maintain legitimacy and relationships between elected candidates. Endorsers were usually celebrities, influencers and political figures. Thus, political endorsements have evolved from a political marketing tool to part of long-term political communication. For example, endorsements from celebrities and influencers supporting certain candidates during campaigns continue to affect public and social media activities to strengthen candidates' images and boost political engagement. On the contrary, endorsements that cease after the election tend to have less impact on long-term political relationships. Thus, post-election support is an important indicator of the sustainability of political communication strategies with active participation of various parties in today's digital age.

Not all political campaigns rely on celebrity or influence endorsements — legitimacy and visibility can be ensured by alternative forms of communication, shifting political influence from symbolic charisma to collective participation and structural credibility [32-34]. Without celebrities, campaigns depend more heavily on communication networks and grassroots mobilization [19]: public trust develops through horizontal dialogical communication that emphasizes openness and interaction, which is in line with Habermas' concept of the public sphere — political legitimacy comes from rational public discourse rather than elite mediation. As a result, campaigns without endorsements have the potential to strengthen deliberative democracy by encouraging citizen participation and issue-based dialogue.

To maintain influence, candidates can use several strategies: community-based communication networks allow for spreading messages through trusted interpersonal ties, according to the theory of diffusion of innovation [25]; authenticity and transparency also become crucial — credibility is ensured by political messages perceived as sincere and consistent with lived experience [20]; digital platforms allow participatory political culture to develop — citizens can become micro-endorsers [13], voluntarily sharing campaign narratives within their social networks, which reflects the two-step flow of communication model [14]; campaign narratives that emphasize collective identity, shared values and community solidarity also play an essential role in reinforcing emotional connection and social cohesion.

Legitimacy in mediated societies depends on institutional transparency and long-term engagement rather than celebrity popularity. Sustained interaction and ethical consistency help political figures accumulate symbolic capital — a form of social trust grounded in authenticity and participation rather than popularity [12]. By prioritizing openness and genuine communication, candidates can transform the absence of endorsement into an opportunity to strengthen public trust and civic involvement. Thus, politics without celebrity endorsement redefines the nature of political communication from spectacle to substance, placing greater

value on authenticity, transparency and participatory engagement as the basis for sustainable legitimacy. Long-term credibility strengthens sustainable political relationships based on shared meaning and collective trust, while celebrity endorsements can only provide temporary visibility.

The success of political endorsements can be measured by various indicators, such as an increase in voter support, participation rates and interactions on social media. Therefore, the success of political strategies is reflected in changes in the level of political participation and public trust in candidates. Evaluation of endorsement efficiency can also use mass sentiments analysis on social media to understand the public’s response to specific endorsements. Artificial intelligence algorithms can be used to measure whether user comments, reactions and interactions are positive, negative or neutral. In addition, electability surveys before and after endorsements can show the influence of endorsement on voter preferences. Moreover, the efficiency of endorsements can be attributed to the concept of agenda-setting [18], which explains how the media and influential figures shape public perceptions of certain political issues. Successful endorsements create broader public discourse (candidates as part of the main agenda of voters) (table 4). In addition, the evaluation of the success of endorsements should consider its influence on various voter groups: endorsements from celebrities tend to be more effective for young voters active on social media, while endorsements from religious figures or academics are more influential for conservative voters or those who prioritize moral and intellectual values in the political sphere.

Table 4

Comparison of political endorsers: Key strengths and potential risks

Type of endorser	Key strength	Potential risk
Celebrities	High public visibility, appeal to young voters	Backlash from controversial figure
Influencers	Strong engagement, peer-level trust with followers	Credibility issues if perceived as inauthentic
Religious leaders	Moral authority, influence on conservative voters	Limited appeal beyond religious circles
Academics	Intellectual credibility, rational influence	Less emotional appeal for mass audiences
Political figures	Political legitimacy, policy alignment	Perceived as partisan or transactional

On social media, the efficiency of endorsements can be also measured by the number of impressions, shares, comments and discussions on various digital platforms. Voters who are more engaged in discussions around endorsements show higher levels of engagement, which can ultimately contribute to their political decisions. The analysis of endorsement success can also use the two-step flow of communication model [14], which explains that political information does

not influence voters directly but through the intermediary of opinion leaders. If an endorsement can be accepted by an opinion leader in the community, the effect is likely to be broader, because opinion leaders convey the message to their audience. However, endorsement from controversial figures generates unfavorable reactions from certain voter groups. Therefore, monitoring the media and public opinion is crucial to prevent possible negative impacts of political endorsements.

Ultimately, the success of a political endorsement is determined not only by the number of voters directly affected but also by how the endorsement shapes the candidate's image in the long run, i.e., consistent and strategically developed endorsements can strengthen the candidate's position. According to the theory of symbolic interaction of [20], the efficiency of endorsements depends on voters' efforts to interpret the support of certain figures in their social context. If candidates can direct endorsement effectively and make it part of an authentic campaign narrative, they tend to have greater appeal. In general, to evaluate the success of political endorsements, we need an explicit multifaceted approach combining an analysis of the credibility of the endorser, accuracy of the message, and dynamic interactions in digital media that shape voter perceptions and decisions. In addition, candidates should focus on the segmentation of their target audience for a more precise and effective campaign strategy. The evaluation of political endorsement should be accompanied by real-time monitoring of public responses on various digital platforms, so that the candidate would immediately change communication strategy according to the dynamics of public perception and emotional response.

References

1. Ariefin C., Herna D. The influence of “Desak Anies”, political branding and Anies' credibility on the Interest in voting for Jakarta Residents. *Kinesik*. 2024; 11 (3).
2. Castells M. *Communication Power*. Oxford University Press; 2013.
3. Dharta F.Y. The influence of celebrity support in political communication on voter attitudes in the 2024 Presidential Election. *Journal of Professional Communication*. 2024; 8 (1).
4. Dudayef F., Gumlar R.G., Kurniawati N.K. The strategic position of the mass media and its role in 2024 political communication process. *Zarathustra (Journal of Sociology and Philosophy)*. 2024; 2 (1).
5. Dumitrescu D. Nonverbal communication in politics. *American Behavioral Scientist*. 2016; 60 (14).
6. Enli G.S., Skogerbø E. Personalized campaigns in party-centered politics. *Information, Communication & Society*. 2013; 16 (5).
7. Fairclough N. *Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language*. Routledge; 2013.
8. Garthwaite C., Moore T.J. Can celebrity endorsements affect political outcomes? Evidence from the 2008 US Democratic Presidential Primary. *Journal of Law, Economics, and Organization*. 2013; 29 (2).
9. Hardani Auliya N.H., Andriani H., Fardani R.A., Ustiawaty J., Utami E.F., Sukmana D.J.S., Istiqomah R.R. *Qualitative & Quantitative Research Methods*. CV Pustaka Ilmu Group; 2020.
10. Hasfi N. Political communication in the digital era. *Politics: Journal of Political Science*. 2019; 10 (1).
11. Herman E.S., Chomsky N. *Manufacturing Consent: The Political Economy of the Mass Media*. Pantheon Books; 1988.

12. Hjarvard S. *Networks of Change: The Sociology of Network Media*. Springer; 2020.
13. Jenkins H. *Convergence Culture: Where Old and New Media Collide*. New York University Press; 2006.
14. Katz E., Lazarsfeld P.F., Roper E. *Personal Influence: The Part Played by People in the Flow of Mass Communications*. Routledge; 2006.
15. Klüver H. Social influencers and election outcomes. *Comparative Political Studies*. 2024; 58 (13).
16. Kurniawati M. The influence of celebrities, political figures and voting behavior in elections on novice voters. *Serina Journal of Social Humanities*. 2023; 1 (2).
17. Majid Moch N., Andrian E.D. Political communication strategies in general elections in the digital era. *Perceptive*. 2023; 2 (1).
18. McCombs M.E., Shaw D.L.S. The agenda-setting function of mass media. *Public Opinion Quarterly*. 1972; 36 (2).
19. McQuail D., Deuze M. *McQuail's Media and Mass Communication Theory*. Sage Publications, 2010.
20. Mead G.H. *Mind, Self, and Society from the Standpoint of a Social Behaviorist*. University of Chicago Press; 1934.
21. Moh Ali S. The endorsement phenomenon in Indonesian politics. URL: https://Kumparan.Com/Logika-Dungu/23xgd8AJmzt?Utm_source=Desktop&utm_medium=copy-to-Clipboard&shareID=g0HbcfstfMCU.
22. Muqsith M.A., Muzykant V.L., Pratomo R.R. Sociological study of cyber threats as an integrated part of the general data protection regulation. *RUDN Journal of Sociology*. 2023 23 (4).
23. Nuraliza V., Rahmadi A.N., Mubaroq A., Kristiyono K., Putri Melani A., Ifana A. The role of political communication in shaping public opinion for the 2024 Election. *Cendekia: Journal of Social Sciences, Language and Education*. 2024; 4 (1).
24. Pease A., Brewer P.R. The Oprah factor: The effects of a celebrity endorsement in a presidential primary campaign. *International Journal of Press/Politics*. 2008; 13 (4).
25. Rogers E.M., Singhall A., Quinlan M.M. Diffusion of innovations. *An Integrated Approach to Communication Theory and Research*. Routledge; 2014.
26. Rubin H.J., Rubin I.S. *Qualitative Interviewing: The Art of Hearing Data*. Sage Publications; 2011.
27. Sembada W.Y., Sadjijo P. Political actors' message strategy in social media (case study of the account of the Mayor of South Tangerang, Banten). *Journal of Communication, Society and Security (Komaskam)*. 2020; 2 (1).
28. Sundari S., Fuadi D., Hidayati Y.M. Independence of learning mathematics during the covid-19 pandemic in elementary school students. *Journal of Basic Education*. 2022; 6 (1).
29. Susanto E.H. Dynamics of political communication in general elections. *Journal of Communication Studies*. 2013; 1 (2).
30. Susanto E.H. Social media as a supporter of political communication networks. *Aspikom Journal*. 2017; 3 (3).
31. Taylor D. The literature review: A few tips on conducting it. URL: <https://Advice.Writing.Utoronto.ca/Types-of-Writing/Literature-Review>.
32. Trotsuk I.V. All power to the experts? Contradictions of the information society as both depending on and devaluating expertise. *Russian Sociological Review*. 2021; 20 (1).
33. Trotsuk I.V. Excessive faith in certainty and its public proponents in the non-linear uncertain world: Reasons and. .. more reasons. *Russian Sociological Review*. 2021; 20 (4).
34. Trotsuk I. "To trust or not to trust" is not the question; "How to study trust" is much more challenging task. *Russian Sociological Review*. 2016; 15 (4).
35. Yati H., Thasimmim S.N. Golkar Party's political communication strategy in winning the legislative government of the Karimun regency DPRD for the 2019–2024 period. *Journal of Purnama Berazam*. 2019; 1 (1).
36. Yulanda A., Fitriisia A., Ofianto O. The phenomenon of artist recruitment as legislative candidates reviewed from an axiological perspective. *Titian: Journal of Humanities*. 2023; 7 (1).

Социологический аспект политической поддержки: влияние инфлюэнсеров на пользователей социальных сетей*

Й.М. Акбар¹, Н. Хаяти¹, В.Л. Музыкант²

¹Университет Тербука,

Джалан Кабе Райя, 15418 Джакарта Бантен, Тангеранг Селатан, Индонезия

²Российский университет дружбы народов,

ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

(e-mail: yonarismanakbar@ecampus.ut.ac.id; nurhayati1@ecampus.ut.ac.id; muzykant-vl@rudn.ru)

Аннотация. Политическая поддержка в социальных сетях, включая участие лидеров общественного мнения и инфлюэнсеров, в настоящее время стала привычным явлением. Политическая коммуникация, изначально ограничивавшаяся личным взаимодействием участников политического процесса, теперь развивается в онлайн режиме — через социальные сети. Цель представленного в статье исследования — оценить эффективность политической поддержки в цифровую эпоху с позиций социологии коммуникации. Исследование сочетает качественный подход в изучении предвыборных и других политических компаний, обзор литературы и интервью с двумя экспертными информантами. Согласно результатам исследования политическая поддержка со стороны таких влиятельных фигур, как знаменитости, инфлюэнсеры, политические и религиозные деятели, пользующиеся социальными сетями, способны сформировать имидж кандидатов, повышая их узнаваемость, легитимность и избираемость, расширяя медийный охват их потенциальных избирателей, что позволяет существенно масштабировать и дифференцировать политические кампании. Безусловно, эффективность политической поддержки кандидата зависит от авторитета продвигающих его лидеров общественного мнения, их активности в медийной кампании, ее коммуникационной стратегии во взаимодействии с аудиторией, соответствия декларируемых ценностей участвующих в кампании инфлюэнсеров и продвигаемых ими кандидатов. Однако политическая поддержка инфлюэнсеров сопряжена и с рядом проблем, таких как риск негативной реакции, возможности манипулирования общественным мнением, вероятность проведения теневого кампаний и распространения дезинформации в связи с изменениями в динамике социальных сетей (сама логика их функционирования может легко превратить политическое продвижение в инструмент манипулирования). Таким образом, политическая поддержка — это не просто инструмент медийного продвижения, а неотъемлемая часть политической коммуникации в современную цифровую эпоху.

Ключевые слова: инфлюэнсеры; социология коммуникации; цифровая коммуникация; социальные сети; политическая поддержка; избирательные кампании

Для цитирования: Акбар Й.М., Хаяти Н., Музыкант В.Л. Социологический аспект политической поддержки: влияние инфлюэнсеров на пользователей социальных сетей // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2026. Т. 26. № 1. С. 249–260. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-1-249-260> EDN: PYPYXF

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-1-261-272

EDN: PXUFQI

Urban river narratives as mediators of urban practices and normative interactions*

A.V. Markov¹, O.A. Shtayn²

¹Russian State University for the Humanities,
Miusskaya Sq., 6, Moscow, 125047, Russia

²Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Mira St., 19, Yekaterinburg, 620002, Russia

(e-mail: markovius@gmail.com; shtaynshtayn@gmail.com)

Abstract. This article considers the role of urban legends and narratives centered on rivers in shaping urban practices, social interactions and normative regimes. Moving beyond the conventional view of the river as either an economic resource or a symbol, the authors conceptualize it as a complex mediator, whose agency is enacted through narratives that circulate within the urban fabric. Legends concerning the river — its founding, floods, submerged sacred sites, mythical inhabitants — are not inert folklore but active participants within networks of urban communications, narratives that materially manifest in spatial planning, daily rituals of citizens, and legislative constraints. The theoretical framework synthesizes perspectives from urban anthropology, media theory (in particular the concept of “media as environments”), and sociology of interaction. Based on cases from Russian cities (Saint Petersburg, Voronezh, Ulan-Ude, Perm, Yekaterinburg), the authors identify channels — official cultural discourse, social media, touristic guides, oral histories, through which urban river legends develop and affect urban processes — from protests against waterfront to the formulation of environmental norms and codes for the public space design. Thus, the competition between river narratives — “living history” versus “engineering object”, “sacred source” versus “threat” — lies at the heart of many contemporary urban conflicts. The capacity of municipal authorities and professional communities to interact with river narratives rather than disregard them becomes a critical factor in managing urban development and ensuring public consensus.

Key words: urban river; urban studies; urban legends; mediation; narrative; urban practices; normative interactions; social interactions; collective memory; symbolic geography

For citation: Markov A.V., Shtayn O.A. Urban river narratives as mediators of urban practices and normative interactions. *RUDN Journal of Sociology*. 2026; 26 (1): 261–272. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-1-261-272> EDN: PXUFQI

*© A.V. Markov, O.A. Shtayn, 2026

The article was submitted on 09.12.2025. The article was accepted on 30.01.2026.

Over the past two decades, Russian urban scholars have showed a growing interest in the role of symbolic and cultural factors in the organization of urban space and social life [2; 15; 16; 17]. While such aspects as memory of place, urban folklore and local identity have successfully entered the research field [13], their connection to material practices and normative regimes often remains more declarative than demonstrative. The article focuses on one of the key natural-symbolic elements of the city — the river — not as a static object but as a dynamic narrative environment.

Classical approaches consider the river either as an economic resource, determining the logic of settlement and industrial development, or as a component of urban branding and recreation, supplemented by considerations of real estate economics [1; 9]. We offer a different perspective — the river as a repository and generator of urban legends, which, in turn, act as powerful mediators shaping the city self-consciousness and its practical enactment (the term from science and technology studies). Thus, the central question is whether river narratives and legends, circulating through diverse media ecologies, affect urban practices, models of social interaction, and formal regulatory documents? The relevance of this question is determined by the intensification of conflicts over embankment spaces in Russian cities (from Saint Petersburg to Khabarovsk), when the interests of developers, municipal authorities, activists, and ordinary citizens clash. These conflicts are hardly reducible to economy or ecology; therefore, traditional urbanistic approaches seem insufficient [4; 5]. Their core is frequently constituted by competing narratives about the place and meaning of the river in city life, which is why methodology for studying conflicts [18] should be supplemented by “river semantics”. Understanding the operational logic of such narratives is a prerequisite for developing management strategies that would account for both functional and meaningful dimensions of the urban environment.

River as a narrative environment, mediator and actant

We suggest a synthesis of three complementary theoretical perspectives for interpreting the river not as a passive element of landscape but as an active participant in urban social life.

Sociology of practice and concept of enactment. Our key starting point is the turn to practice in social sciences [12]. This approach, developed in the works of Schatzki [11] and Reckwitz [10], considers social order not as a structure imposed from above or as a result of individual intentions but as the perpetually reproduced fabric of interconnected practices. Practice is a stabilized routine way of doing something (bodily actions, artefacts used, mental schemas, emotions, and knowledge of how things should be done). For instance, an evening dog walk along the embankment is a practice consisting of a route, a leash, dog’s habits, a sense of safety/danger, knowledge of when the lights are on, etc. In this logic, the city is enacted daily through myriads of such practices: commuting to work, buying

coffee, chatting on a bench, protesting against construction. The city is not a static background but a process and result of practices; thereby, to understand the city is to understand its practical order — how practices intersect to form recognizable patterns of urban life.

The river is incorporated into this order — it is not merely a geographical object but a constituent element of many practices: fishing, boat rides, jogging along, admiring a sunset, even avoiding a certain bank as unsafe. Crucially, the river enters such practices not as a neutral physical background but as endowed with meanings that prescribe how to interact with it. These meanings are the product of narratives and legends. Thus, the river becomes an actant (In the sense of Latour’s actor-network theory) — a non-human entity that, by virtue of ascribed properties (sanctity, danger, historicity), influences social networks, laws, and stories.

Sociology of narrative and urban legends as a cultural means. Studies of urban narrative landscapes [19; 20] and folklore are helpful, since people think and communicate through stories [8]. Narrative is not simply a tale about the past but a basic cognitive and cultural schema that organizes experience and cause-and-effect relationships, creates heroes, villains and morals. The city, complex and opaque, is particularly in need of narratives for its intelligibility. Unlike official history, urban legend is a living, circulating, anonymous or pseudo-authentic story perceived by community as plausible, although often with fantastic or sensational elements [21]. Its function is not to inform but to explain, warn, mark boundaries of the permissible and shape collective emotions (fear, nostalgia, pride) [22–24].

There are several archetypal plots. *The foundation myth*: the river as a cause and birthplace of the city, source of its strength and identity. An example of the myth of formation and shaping of urban historical identity is the city of Glazov in the Udmurt Republic, whose first mentions date back to the 18th century. Glazov received city status in 1780 by the decree of Catherine II. Glazov as “God’s eye” was the concept of Saint Petersburg architect Ivan Lem, who suggested the radiating scheme of streets to and from the square with the Transfiguration Cathedral (built in 1786) on the steep bank of the Cheptsa River. The cathedral was the pupil, the streets — eyelashes. To this day, this radial layout is preserved, despite the city having been “blinded” (the Cathedral was blown up in the 1960s); now the city “sees” again — the cathedral was restored. The Cheptsa River, a left tributary of the Vyatka River in the Volga basin, in the 16th–17th centuries was part of the Vyatka trade route connecting Russia with Siberia. Until the railway was built in 1897–1898, the Cheptsa remained navigable (timber was brought from Glazov for the Slobodskaya and Vyatka match factories. According to one explanation, the word is of Turkic origin, derived from the word “tepe” — “river between hills” — or from Udmurt “chupchi” — “winding water”. However, the version that inscribed small Glazov into the grand history of the country, empire, was in demand. The urban legend that the Cheptsa River got its name when Catherine

II, passing by, dropped her bonnet (chepets) into the water is reproduced by the city's inhabitants more often than other versions.

The traumatic narrative: the river as a source of danger (floods, drownings) or as an object of trauma (pollution, death of the river). Thus, townspeople living along dangerous rivers are familiar with the word *ordinär* (from Latin “corresponding to ordinary rules, usual, proper, normal”) — the average long-term water level. Saint Petersburg suffered from floods from its foundation in 1703. In the letters of Peter the Great to Alexander Menshikov (1708), there are mentions of the first river incidents, when the water rose meters above the *ordinär*. Alexander Pushkin described the flood on the Neva on November 19, 1824 in *The Bronze Horseman* (1833). On that day, the maximum rise of water reached 421 cm above the *ordinär*. Thus, the Neva is an angered river with will of its own: enraged, furious, malignantly seething — epithets conveying an atmosphere of destruction. The noise of water, collapsing buildings, people's cries — all this resembled a battlefield: “everything is heaped, swept and borne away”, “bodies lie around” as on a field after a battle.

The narrative of the hidden/mysterious: sunken churches, treasures, underground passages, mythical inhabitants (water spirits, monsters) — the river as a vertical, sacred or irrational space opposed to the horizontal rationality of streets. Myths and stories are preserved/produced by every major riverside settlement. In Yekaterinburg, there is a legend of underground passages to the Iset River from the Rastorguev-Kharitonov estate, the construction of which began in 1794 together with the Ascension Church and was completed in 1824. The city takes pride in the estate: the original project author was Tommaso Adamini, who arrived in Russia in 1796 and worked under the guidance of Giacomo Quarenghi. To this day, the house has two underground floors and a network of underground passages in different directions. The total area of its dungeons is about a thousand square meters. Another secret connected with flooded cellars is the legend of the Nevyansk (Leaning) Tower built at an angle in 1722–1732; in its cellars, silver coins were minted (Demidov's Mint). According to the legend, during an inspection by auditors from the tsar's court, the sluice gates of the dam were hastily opened and the cellars were flooded with the people inside.

The nostalgic narrative about the previously clean/wide river, which creates a benchmark for criticizing the present. Thus, the song “The Volga River Flows”, which was written in 1962 for the movie “The Volga Flows” and became popular much later in the performance of Lyudmila Zykina, turned into a personification of the river as a mother. Such an auditory mechanism of soulful personification, transforming the river from a symbol of national landscape into a source of heartfelt narratives, is precisely what made Zykina's performance a nostalgia model. Special regimes of nostalgia also include the connection between the river and labor. Thus, the factory dam in Yekaterinburg became the beginning of its construction by providing mechanical energy for mechanisms of the newly

founded Yekaterinburg Plant. The dam played a key role in creating the plant, ensuring a stable water supply for metallurgical processes, and the fact that townspeople affectionately call it Plotinka proves the emotional attachment to the river space. The Kama River is the main force for the cities of Perm and Sarapul. The Komi-Permyak legend about the origin of the Kama says that once it rained all summer, and there was not a single sunny day — all rivers overflowed, their banks collapsed. Only Kama the Bogatyr (a mythological hero) could move across the flooded area, he discovered that the flow of rivers was blocked by a mountain. The bogatyr lassoed a huge stone, dragged it, plowing ground, and made a new channel for water — the mighty Kama, named after the bogatyr, appeared. Thus, in the image of Kama, nostalgic, labor, heroic and catastrophic narratives merged, creating a narrative complex for cities on the Kama.

The described narratives compete, merge and differentiate, forming the narrative complex of the river in the perception of townspeople. This complex is the symbolic filter through which the river is perceived and which directs practices of interaction with it.

Media theory: Legends as media, city as media environment

Following McLuhan [7] and more contemporary theorists (like Drucker [3; 6]), we consider media as any technologies, artefacts or environments that shape, store and convey human experience, altering the scale, rhythm and patterns of social life. In this logic, the urban legend is a medium for the relationship between a person and the river, conveying a certain image, emotion, behavior pattern and determining urban topology; just as in the science city practical involvement in scientific production replaced urban legends and determined the use of the city and narratives, making nuclear synthesis act as a universal medium [25–27]. The legend of the water spirit at the old mill mediates the perception of that place as dangerous, which, in turn, influences the practice of visiting it. A building can act as a medium — an industrial building (a power plant on the river) or a residential one (connected with the port, like the Stevedore's House in Perm) or a complex of buildings (the Zarechensky district in many cities or a satellite city across the river, concentrating urban social imaginary — Sormovo and Bor for Nizhny Novgorod, Tolyatti for Samara, Engels for Saratov, Bataysk for Rostov-on-Don). In the case of weak development of the river area, when it represents scattered industrial and residential complexes, this is compensated symbolically, like the famous “Happiness is Just Beyond the Mountains” on the embankment in Perm or the line of the old city above the Klyazma in Vladimir.

It is critically important to identify those channels through which media narratives about the river circulate and transform, as each channel has its own logic and audience: official-ideological media — monuments, museums, memorial plaques, school textbooks, city festivals; artistic media — literature, painting, cinema, music; digital and social media — crowdsourced maps, social network

communities, blogs, neighborhood chats; bodily-oral and spatial media — stories of old-timers, family lore, parental warnings, bodily memories of the river (smell, sound, temperature) and the material form of the embankment (ceremonial granite, overgrown wild slope).

The synthesis of all three perspectives provides the following analytical model: narratives (legends), born from the experience of interaction with the river and cultural tradition, circulate through various media channels; these mediated narratives form a symbolic image of the river (meanings and agency in the collective consciousness); this symbolic image acts as a script (scenario) that directs, encourages or prohibits certain practices; the totality of such practices, their repetition and connection ultimately enact the city in its specific form, including spatial organization, rhythms of life and models of social interaction; sustainable institutionalized practices and conflicts around them produce normative regimes (laws, zoning codes, rules of use) and new narratives, thus closing the cycle. The river is not an object but a process — a continuous flow of material and symbolic interactions, in which urban legends act as key mediators, translating culture into action and action into spatial and social order.

River in action: Narratives shaping space, practice and conflict

Saint Petersburg: canonized imperial river and trauma of floods. In Saint Petersburg, the Neva is the most canonical and potent urban symbol. The dominant narrative, persistently reproduced in the school curriculum, museum exhibitions and official tourist discourse, is the imperial subjugation of the elements: the river as a sovereign flow, tamed by the genius of Peter and inscribed into the strict geometric order of ceremonial embankments. This image is materialized in the very granite of the Neva's banks, in the sweep of squares, in the prohibition of inappropriate private or high-rise development violating the panorama protected as cultural heritage. Urban planning codes literally freeze a poetic canon, turning Pushkin's lines into legal norms. However, there is a powerful and stable counter-narrative of the river-as-threat embodied in legends of floods as vengeance or wrath of the elements. This traumatic plot is typical not only for historical chronicles but for family stories, warnings from residents to newcomers, ritualized practice of monitoring the data from the Hydrometeorological Centre during autumn storms. Its material embodiment — the giant flood protection complex — an engineering response to collective anxiety, a materialized myth of safety. Everyday practices of citizens are based on the intersection of two plots: ritual walks along the Palace Embankment are an initiation into the imperial myth, strict harmonious view, while knowledge of flood districts forms deeply personal maps of risk. Thus, any planning decision on the banks of the Neva — be it the construction of a new bridge or embankment —

inevitably undergoes a test of conformity to two basic legends: will it destroy the sacralized panorama and will it increase the threat. Protests against development are often not just a dispute about aesthetics but a defense of an established narrative order for citizens' identity.

Voronezh: narrative of double loss and ambivalence. Voronezh with its reservoir demonstrates a different but no less revealing pattern of interaction between narrative and practice. Here, the key narrative is one of dual loss and ambivalence. The first, official-heroic layer, is the legend of the river as the cradle of the Russian navy under Peter I. The second, deeply traumatic layer, is the narrative of the betrayed or destroyed river which in the 1970s was turned into a technogenic reservoir, which is perceived by old-timers as an act of violence against natural landscape and memory of place. The second narrative supported in local history communities on social media and in oral stories gives rise to a specific spatial self-awareness: the city lives by an “unreal” river, which materializes in the chaotic, often indecisive policy of embankment improvement: fragmented attempts to create a recreational zone and neglected sections that seem to have no clear status — a historical place or a park. Thus, daily practices are largely compensatory: mass, sometimes wild picnics and swims on the shores of the reservoir are not just leisure but an unconscious attempt to return to the river its lost sociality, to prove its aliveness despite its engineering origin. Conflict situations are often based on the “return” of the historical river — a costly and controversial re-naturalization project. Its discussions are mainly a battle of narratives: progressivist (we have an established and functioning infrastructure) vs melancholic (we must return authenticity, the lost connection with historical landscape). Managerial decisions balance between these poles, and the instability of space is a direct consequence of the unresolved narrative conflict.

Ulan-Ude: river as mediator of global ecological and cultural agendas. The case of Ulan-Ude is illustrative, since the Selenga River acts as a powerful mediator of not only local but also global ecological and cultural agendas. Here the narrative of sacred purity and source dominates, for the Selenga flows into the Lake Baikal — a UNESCO World Heritage site and a central symbol of ecological consciousness in Russia. This legend, rooted both in the Buryat cultural tradition (veneration of water sources) and in the discourse of federal eco-activists, endows the river with a status of almost transcendent value, which is mediated through scientific reports, emotional journalism and tourist brands. However, in everyday urban life this legend meets another narrative — of peripheral neglect — typical for many industrial centers in which the river is historically perceived as a drainage ditch or transport artery. The clash of these two stories generates unique normative interactions: pressure exerted by activists appealing to the sacred-ecological narrative tightens environmental legislation and demands on enterprises; this, in turn, gives rise to a counter-narrative

of hindering development and excessive regulation, typical for part of the regional business community and authorities. Thus, protests against any development or production potentially dangerous for the river acquire not local but global scale and legitimacy, drawing strength from the meta-narrative of Baikal. The bank of the Selenga becomes both an urban planning territory and a battlefield for an ethical and cultural future — every economic practice is evaluated through the prism of its conformity to the legend of sacred purity.

Perm: battle between industrial heritage and post-industrial aspirations. Perm is a model of tense and dynamic conflict between two powerful opposing narratives. On one hand, there is an industrial-progressivist narrative of the Kama as a working river, the main transport artery and energy resource for the city's image as a mechanical engineering and chemistry center, which is materialized in cargo ports, industrial zones near water and urban-industrial identity. On the other hand, over the past two decades, a narrative of the cultural capital of the Urals has been promoted by cultural activists and part of the administration — the river should become an aesthetic and recreational framework, Permian Maelstroms (a well-known artistic allusion). This conflict is embodied in spatial battles: disputes over the fate of port territories, which some consider a logical place for prestigious residential development with views, others — as an integral part of the industrial landscape and memory; struggle for public access to the shore historically “locked” by enterprises. Daily practices of citizens are determined by these two logics: fishing or trips to the dacha as a connection with the utilitarian past and visiting new art festivals on the renovated embankment to inscribe oneself into the new creative myth. Perm shows how the river becomes a battlefield for the future image of the city, since every practice and object on riverbanks is an argument in the dispute between the narrative of industrial heritage and the narrative of post-industrial development.

Yekaterinburg: imported narrative and resistance from the margins. Yekaterinburg, located on the slope of the Urals, initially had a weaker and more mediated connection to the Iset River, long perceived more as a chain of technogenic pond-reservoirs than as a single water flow. The key narrative here is one of the river's secondary importance or oblivion, displaced in the collective consciousness by more powerful symbols — factories, railway, skyscrapers. However, it is precisely this marginality in recent years that has made the Iset and its embankments a field for experiments in producing a new narrative. The discourse of authorities and developers tries to promote the myth of a European-type urban river — with cafés, promenades, views and glamorous life by the water, materialized in development projects. But this artificial narrative encounters resistance from two forces. First, ecological activists insist on the narrative of a reviving river, fight for clean channels, against dumping and for biodiversity. Second, informal communities that use abandoned sections of riverbanks for their practices (graffiti, parkour) create grassroots, tactical

narratives of their own, unregulated river. Thus, Yekaterinburg demonstrates a complex process — a weak historical narrative about the river is being replaced by a new, project-based one, but this attempt encounters both rational ecological critique and spontaneous resistance from those who value the river for its marginality and freedom from top-down scripts.

Thus, the river in the Russian city is always an active semiotic and political field. Legends about it, be it the imperial saga of Saint Petersburg, the melancholic parable of Voronezh or the ecological sacralization of Ulan-Ude, are not decoration but operating systems of urban life. They prescribe behavioral patterns, legitimize or delegitimize power decisions, mobilize citizens to action. Their daily practices are ways for living these narratives, constantly confirming or revising them. Therefore, an urban conflict on riverbanks is rarely just a dispute about square meters, access to water or environmental risks, it is rather a conflict of interpretations, a clash of competing legends about what the river is for the city: heritage, threat, resource or forgotten channel. The success or failure of urban planning projects, efficiency of communication between authorities and residents, and the very possibility of reaching public consensus directly depend on the ability of all parties to recognize, understand and negotiate fundamental urban river stories.

River as a narrative landscape and a challenge for urban studies

The conducted analysis moved beyond utilitarian or purely symbolic interpretations of the river, presenting it as a dynamic narrative landscape — a complex multi-layered communicative field whose meanings determine the very fabric of urban life. Their materialization is not metaphoric but literal — through the granite of embankments and dams, routes of daily movement and leisure scenarios, urban planning regulations and slogans on protest posters. The urban river legend loses its status as a folklore anachronism and turns into an effective social means, a technology of the collective sense-making of space, whose power stems from its ability to connect the deep past with immediate practice, bodily experience — with normative order. The city's identity is enacted by the water, under the tension between canonical myth and traumatic memory, sacralization and oblivion, where every act of planning or protest becomes a part in the unfinished drama of interpretations.

The main theoretical framework for the analysis of this tension is the proposed three-level synthesis — sociology of practices, narrative analysis, and media theory. This synthesis allows to overcome the traditional gap between the study of the material urban environment and the analysis of its symbolic dimensions. The practical enactment of the city by the river is impossible without the constantly renewed narrativization, while narratives gain social efficiency only by being embedded in specific media environments — from the museum

display case to the messenger app chat. This approach opens a perspective for researching other key elements of the urban fabric — hills, parks, industrial zones — as similar meaning- and practice-forming complexes in which physical form and social myth are inseparable.

On a practical and political level, the research reveals a fundamental cause of chronic difficulties and conflicts in managing river spaces — the parties present different narratives, appealing to incompatible value systems rooted in different legends of place. Municipal authorities, promoting a comprehensive beautification project, appeal to the narrative of progress and functional efficiency; the developer speaks of investments and territorial development; the urban activists resist, defending not an abstract environment but a specific narrative complex — be it a historical panorama supporting identity, memory of a lost authenticity of place or sacred status of a natural object. Protests are often an attempt to protect the integrity of a story of place from a narrative perceived as alien and destructive. Failure to understand this deep narrative controversy reduces dialogues to technical disputes that ignore the essence of disagreement, while administrative and forceful methods only perpetuate the conflict.

Consequently, the key challenge for contemporary urban regulation and social design is the development of narrative competence. Development of river territories cannot be limited to functional zoning, engineering calculations or economic models and should start with a thorough narrative audit — mapping those stories, myths, fears and hopes that different urban communities associate with the river and its banks. It is necessary to recognize the legitimacy of such multiple, often contradictory narratives and create institutional platforms and communicative formats (from participatory design to public discussions) in which these stories would be compared and, possibly, synthesized into a new common narrative of the place's future. Such work requires from city managers, developers and designers not only technical knowledge but also skills in mediating meanings and understanding the logic of cultural memory and local identity.

Thus, the river is not a peripheral element but a semantic and political center of the contemporary city. Its banks are frontlines for the main dramas of post-Soviet urbanism: the search for identity between the imperial past and uncertain future, the conflict between the logic of market-driven development and the value of collective memory, the struggle for the right to the city as both meaningful and functional space. The ability of Russian cities to develop new, more inclusive models of developing river “framework” will become one of the most important criteria of their maturity, sustainability and human dimension in the 21st century. The river as a legend turns from just an object of study into a challenge and a guide for a new urbanistic thought and practice, in which design of space inevitably merges with design of meanings.

References

1. Baklazhenko E.V. Classification and zoning of riverside areas on the example of small towns in the Belgorod Region. *Bulletin of the BSTU named after V.G. Shukhov*. 2020; 8. (In Russ.).
2. Brednikova O., Zaporozhets O. Wind, tiredness and romance of the night (on the peculiarities of new residential areas). *Laboratorium*. 2016; 2. (In Russ.).
3. Bulatova E.K. Urban landscape approach in the reconstruction of embankments in the large city. *Urban Studies*. 2020; 3. (In Russ.).
4. Chernozipunnikova V.A. Rivers as a framework of public spaces in Tobolsk. *Noema (Architecture. Urbanism. Art)*. 2019; 1 (1). (In Russ.).
5. Drucker J. Performative materiality and theoretical approaches to interface. *Digital Humanities Quarterly*. 2013; 7 (1).
6. Drucker J. Writing as a machine or becoming an algorithmic subject. *Literature and Computation*. Routledge; 2024.
7. Kurochkina V.A. Water bodies as a basis for organizing open public spaces and a transformation means for urban systems. *Bulletin of Eurasian Science*. 2020; 5. (In Russ.).
8. McLuhan M. *Understanding Media. The Extensions of Man*. London; New York; 1964.
9. Mazalova N.E. “Neva is the main avenue of Saint Petersburg: Today’s mythological ideas of citizens (Part 1). *Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences*. 2019; 6. (In Russ.).
10. Orlova G.A. Data presentation, or there and back again. *Practices and Interpretations: Journal of Philological, Educational and Cultural Studies*. 2016; 1 (4). (In Russ.).
11. Orlova G.A. City of institutions: Notes on nuclear topology. *Sociology of Power*. 2017; 29 (4). (In Russ.).
12. Orlova G.A. Discursive dosing of radiation. *Laboratorium*. 2019; 11 (1). (In Russ.).
13. Reckwitz A. Affective spaces: A praxeological outlook. *Rethinking History*. 2012; 16 (2).
14. Samutina N., Zaporozhets O. Street art and the city. *Laboratorium*. 2015; 2. (In Russ.).
15. Schatzki T.R. The changing forms of social phenomena today. *Philosophy & Technology*. 2025; 38.
16. Seredkina N.N. Contemporary cultural approaches to the concept of “practice”. *Journal of the Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2024; 17 (7). (In Russ.).
17. Shabaev Yu.P., Sadokhin A.P., Labunova O.V., Sazonova N.N. Anthropological understanding of the city and methodology of urban studies. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2018; 145. (In Russ.).
18. Veselova I.S., Vorobyev V.A. Contemporary urban folklore: Bibliographical additions. *Folklore and Anthropology of the City*. 2025; 7 (1). (In Russ.).
19. Veselkova N.V. Mental maps of the city: Issues of methodology and practical use. *Sociology: 4M*. 2010; 31. (In Russ.).
20. Veselkova N.V., Gramatchikova N.B. The legacy of the “cast-iron grandmother”: Narrative versions of Kasli history. *Bulletin of the Ural Federal University. Series 2: Humanities and Social Sciences*. 2024; 26 (1). (In Russ.).
21. Veselkova N.V., Gramatchikova N.B., Enina L.V., Pryamikova E.V. *Dreams and Memory: Narrative Landscapes of the Small Soviet Town*. Yekaterinburg; 2022. (In Russ.).
22. Veselkova N.V., Pryamikova E.V. Memorative landscape of the small town: Configurations and layers. *Ethnographic Review*. 2022; 6. (In Russ.).
23. Veselkova N., Vandyshev M., Pryamikova E. Young cities: Scales of memory places. *Sociological Review*. 2017; 16 (3). (In Russ.).
24. Zaporozhets O.N. “Mobile methods”: A study of life in motion. *Sociology: 4M*. 2017; 44. (In Russ.).
25. Zaporozhets O.N., Bagina Ya.A. Power of hopes: Defending infrastructure in new urban districts. *Journal of Social Policy Studies*. 2021; 19 (2). (In Russ.).
26. Zhelnina A.A., Semenov A.V., Tykanova E.V. Methodology for studying urban conflicts: Levels of scale. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2022; 5. (In Russ.).

Городские легенды о реке как медиаторы урбанистических практик и нормативных взаимодействий*

А.В. Марков¹, О.А. Штайн²

¹Российский государственный гуманитарный университет,
Миусская пл., 6, Москва, 125047, Россия

²Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
ул. Мира, 19, Екатеринбург, 620002, Россия

(e-mail: markovius@gmail.com; shtaynshtayn@gmail.com)

Аннотация. Статья посвящена исследованию роли городских легенд и нарративов, сконцентрированных вокруг рек, в формировании городских практик, интеракций и нормативных режимов. Выходя за рамки традиционной трактовки реки как экономического или символического ресурса, авторы предлагают концептуализировать ее как комплексного медиатора, чье влияние осуществляется через циркулирующие в городе нарративы. Легенды о реке (ее основании, наводнениях, затопленных святынях, мифических обитателях) представлены в статье не как фольклорный пережиток, а как активные акторы в сетях городской коммуникации, которые материализуются в пространственном планировании, повседневных практиках горожан и законодательных ограничениях. Теоретическая рамка исследования объединяет подходы урбанистической антропологии, медиа теории (в частности, идею «медиа как окружения») и социологию повседневности (взаимодействий). На примере российских городов (Санкт-Петербург, Воронеж, Улан-Удэ, Пермь, Екатеринбург) показано, через какие каналы (официальный культурный нарратив, социальные медиа, туристические гиды, устные истории) легенды транслируются и как они влияют на конкретные городские процессы: от протестов против застройки набережных до формирования экологических норм и правил благоустройства. Авторы полагают, что конкуренция нарративов о реке («живая история» — «инженерный объект», «сакральное начало» — «природная угроза») лежит в основе многих современных городских конфликтов. Умение властей и профессиональных сообществ работать с этими нарративными средами, а не игнорировать их становится ключевым фактором в управлении городским развитием и достижении общественного согласия.

Ключевые слова: городская река; урбанистика; городские легенды; медиация; нарратив; городские практики; нормативные взаимодействия; социальные интеракции; коллективная память; символическая география

Для цитирования: *Марков А.В., Штайн О.А.* Городские легенды о реке как медиаторы урбанистических практик и нормативных взаимодействий // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2026. Т. 26. № 1. С. 261–272. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-1-261-272> EDN: PXUFQI

РЕЦЕНЗИИ

REVIEWS

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-1-273-277

EDN: PWJFGA

Типология героев-«оборотней» в первые постсоветские десятилетия*

Г.И. Козырев

Российский государственный гуманитарный университет,
Миусская пл., 6, Москва, 125047, Россия

(e-mail: genkozyr@mail.ru)

Аннотация. Статья представляет собой краткую обзорную рецензию на научно-публицистическую работу Ж.Т. Тощенко и В.С. Кожемяко «Оборотни в судьбе России. Они убили советскую страну» (М.: Родина, 2025. 444 с.), которая написана в формате диалога двух авторов. Отмечено, что их разговор сосредоточен преимущественно на социальных и личностных характеристиках ключевых акторов разрушения СССР (рассмотрены 23 персонажа), условиях и причинах их появления и мотивации их деятельности. По результатам обсуждения авторы выделяют следующие основные группы «оборотней»: организаторы геополитической катастрофы, реализаторы идей распада Советского Союза, создатели экономико-финансовой базы этого разрушения, и те, кто взял на себя идеологическое обеспечение отказа от советского прошлого. В книге постоянно подчеркивается рукотворность этой глобальной катастрофы, поскольку были проигнорированы как объективные социально-экономические условия развития страны, так и субъективные устремления большей части ее населения (76,5 % в марте 1991 года проголосовали за сохранение Советского Союза).

Ключевые слова: герои-«оборотни»; патриотизм; национальные интересы; демонтаж СССР; глобальная катастрофа; общественное мнение

Для цитирования: *Козырев Г.И.* Типология героев-«оборотней» в первые постсоветские десятилетия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2026. Т. 26. № 1. С. 273–277. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-1-273-277> EDN: PWJFGA

*© Козырев Г.И., 2026

Статья поступила в редакцию 28.07.2025. Статья принята к публикации 14.10.2025.

В этом году отмечается знаменательная дата — сорок лет назад, в апреле 1985 года, избранный на должность Генерального секретаря Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза М.С. Горбачев на апрельском пленуме ЦК КПСС объявил о предстоящих реформах под общим названием «перестройка». В этой и последующих речах Горбачев постоянно говорил об ускорении социально-экономического развития страны, гласности, вхождении в европейский дом, новом мышлении — в ходе реформ предполагалось совершенствование социалистических отношений и улучшение уровня и качества жизни советских людей. Однако в реальности апрель 1985 года стал началом целенаправленного демонтажа СССР.

За прошедшие годы вышло немало публикаций, пытающихся доказать, что Советский Союз «развалился» по причине своей неэффективности и нежизнеспособности. Опровергая эти ложные утверждения сторонников неолиберальной ориентации, Ж.Т. Тощенко и В.С. Кожемяко в своей научно-публицистической книге «Оборотни в судьбе России» показывают, что демонтаж СССР во многом стал делом рук конкретных людей, преследовавших свои эгоистические интересы. Следовательно, гибель Советского Союза была не следствием естественного социально-экономического и политического развития общественной системы, а результатом целенаправленного действия ее противников и врагов.

Книга «Оборотни в судьбе России» — своего рода творческое продолжение монографии Ж.Т. Тощенко «Фантомы российского общества» (М., 2015), в которой он рассмотрел основные причины и факторы, породившие этот уникальный феномен — фантомы как особенные, аномальные, экстравагантные формы общественной (публичной) жизни, оказывающие серьезное влияние на политические, экономические и социальные процессы. Большинство фрагментов новой книги были опубликованы на страницах газеты «Правда» в 2021–2024 годы и весьма позитивно встречены ее читателями. Однако, собранные в одном издании и объединенные единой целью и логикой изложения, они приобрели новое звучание и дополнительную актуальность, а диалоговая форма изложения (беседа, интервью, воспоминания очевидцев) придает книги живость восприятия и ощущение соучастия читателя в обсуждении излагаемых материалов и в оценке описываемых событий и поступков «героев».

Показано, что носителям этих форм поведения (героических в негативном смысле слова) присущи (в разной пропорции) гипертрофированные качества — непомерная жажда власти, неограниченное желание богатства, болезненное стремление к славе. В сочетании с личностными социально-психологическими характеристиками этими качествами обладает весьма специфический ряд государственных и общественных

деятелей и финансово-олигархических кругов, появление которых стало возможным в переломную эпоху жизни России — в условиях коренных политических и экономических преобразований. Авторы сосредоточили внимание преимущественно на социальных и личностных характеристиках ключевых персонажей великой трагедии в поисках ответа на вопрос «Кому мы обязаны тем, что сегодня, тридцать лет спустя после трагедии 1991, живем не в могучем и великом Советском Союзе, который твердо следовал курсом социальной справедливости, а в совсем иной стране?».

Этот ключевой для авторов вопрос определяет тематику книги и логику изложения материала. Авторские характеристики «оборотней» весьма точно и красочно описывают каждый тип разрушителей СССР, раскрывая мотивы и механизмы демонтажа советской системы. Описанные в книге «герои-оборотни» разделены на четыре вида — по роду их деятельности на ниве разрушения СССР. Так, среди инициаторов распада СССР это М. Горбачев, Б. Ельцин, А. Яковлев, Э. Шеварнадзе и Л. Кравчук; среди персонажей, которые воплощали в жизнь планы о ликвидации всего советского, — Е. Гайдар, Г. Бурбулис, Г. Попов, А. Собчак, А. Козырев, Б. Немцов и О. Калугин, причем у некоторых отмечается мелочная неприязнь ко всему советскому (например, Собчак убрал бюст Ленина на Московском вокзале в Санкт-Петербурге, несмотря на круглосуточные пикеты ленинградских коммунистов).

Экономико-финансовая основа демонтажа СССР представлена целым рядом деятелей во главе с А. Чубайсом, который свои непомерные амбиции пытался реализовать еще в советское время. Будучи студентом Ленинградского инженерно-экономического института, он добился принятия кандидатом в члены КПСС, а в 1977 году получил партийный билет коммуниста. И многие другие представители финансово-экономической олигархии постсоветского времени (Б. Березовский, Р. Абрамович, М. Ходорковский, М. Фридман, К. Боровой) были, как правило, активными коммунистами, пытавшимися сделать карьеру в общественных и государственных структурах СССР. Но существовавшая тогда система отношений, очевидно, не позволяла им реализоваться в полной мере, поэтому они разрушили ее в перестроечное время, сумев реализовать свои амбиции в условиях новой России. Особый интерес представляют те, кто идеологически обеспечивал демонтаж Советского Союза на государственном (Д. Волкогонов), концептуальном (А. Ципко) и публицистическом (А. Коротич и Н. Сванидзе) уровнях.

По мнению авторов, большинству «оборотней» были свойственны такие черты характера, как беспринципность, чрезмерный эгоизм, жажда личного обогащения и власти, болезненное стремление к славе. Свои не реализованные в советское время амбиции эти «экстравагантные, но, как

правило, бессодержательные, пустые люди» сумели реализовать «в процессе и в результате рукотворной геополитической катастрофы». С разрушением советского строя эти «оборотни» появились, «как в сказке чертовщина с первыми петухами». Невольно вспоминаются слова из поэмы по тому же поводу: «Так после бури, что взмутила дно, наверх всплывает разное... оно». В условиях постсоветского хаоса и вседозволенности наглость, беспринципность и бездарность получили больше шансов на успех, чем честность и порядочность, а легализация теневой экономики позволила криминалу легализовать теневой бизнес и занять самые выгодные места в нарождающейся лжерыночной экономике.

Другая важная черта «оборотней» — антипатриотизм временщиков: их подавляющее большинство относились (и относятся) к России как к оккупированной территории с чуждым им народом. «Эту» страну можно грабить, растаскивать, распродавать, а в случае опасности убежать с награбленными ресурсами за рубеж. Так, за последние годы из России за границу сбежали 11 вице-премьеров, 28 губернаторов, более 50 чиновников высокого ранга и бесчисленное число банкиров, предпринимателей и иных «оборотней». Многие из них уже канули в лету, нанеся колоссальный ущерб стране и обществу, но немало и тех, кто продолжает свою активную деятельность, пусть и в иной ипостаси. Их негативной для страны деятельности еще не дана должная общественно-государственная оценка, а некоторых из них нынешняя власть продолжает чествовать как национальных героев.

Необходимо отметить нравственный потенциал книги — она пронизана оценками происходивших событий и поступков «героев» с точки зрения добра и зла, нравственности и подлости, патриотизма и предательства. По мнению авторов, рукотворное разрушение СССР стало катастрофой не только геополитической, но также нравственной, культурной и социальной. Пришедшие к власти в период демонтажа СССР «оборотни» и их клеветы стали навязывать обществу такое видение происходящего и такие представления о будущем, которые в основном не совпадают с интересами и ценностями большинства населения, поэтому идеи социализма завоевывают все больше сторонников среди россиян, которые, устав в 1990-е годы от «либеральных реформ», все чаще выступают в защиту своей традиционной культуры и национальных интересов, ностальгируя по Советскому Союзу и по социалистическому строю. Так, по данным ВЦИОМ за 2022 год, 48 % россиян хотели бы восстановления СССР, а 58 % сожалеют, что он распался. Безусловно, книга будет интересна читателям, у которых болит сердце за крушение великой державы, и поможет понять его причины.

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-1-273-277

EDN: PWJFGA

A typology of “werewolf”-heroes” in the first post-Soviet decades*

G.I. Kozyrev

Russian State University for the Humanities,
Miuskaya Sq., 6, Moscow, 125047, Russia

(e-mail: genkozyr@mail.ru)

Abstract. The article is a brief overview of the scientific-journalistic book by Zh.T. Toshchenko and V.S. Kozhemyako *Werewolves in the Fate of Russia. They Destroyed the Soviet Country* (Moscow: Rodina, 2025, 444 p.) written as a dialogue between the two authors. Their conversation focuses primarily on social and personal characteristics of the 23 key actors in the destruction of the USSR, conditions and reasons for their emergence, and motivations for their actions. Based on the discussion, the authors identify the following main groups of “werewolves”: organizers of the geopolitical catastrophe, implementers of the ideas for the collapse of the Soviet Union, creators of the economic-financial basis for this destruction, and those who took on the ideological support for the rejection of the Soviet past. The book repeatedly emphasizes the man-made nature of this global catastrophe, referring to both objective social-economic conditions of the country’s development and subjective aspirations of most of its population (76.5% voted to preserve the USSR in March 1991).

Key words: “werewolves” heroes; patriotism; national interests; collapse of the USSR; global catastrophe; public opinion

For citation: Kozyrev G.I. A typology of “werewolf”-heroes” in the first post-Soviet decades. *RUDN Journal of Sociology*. 2026; 26 (1): 273–277. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-1-273-277> EDN: PWJFGA

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-1-278-286

EDN: PUXIYY

Старые ценности новой сельскости*

А.М. Никулин

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
просп. Вернадского, 82, Москва, 119571, Россия

(e-mail: harmina@yandex.ru)

Аннотация. Статья представляет собой рецензию на книгу «Деревня как ценность. Идеологии и практики новой сельскости» (редакторы-составители Е. Мельникова, П. Куприянов, М. Лурье. М.: Фонд поддержки социальных исследований «Хамовники»; Common Place, 2025. 512 с.). Книга посвящена феномену так называемой новой сельскости, которая рассмотрена на материалах антропологических исследований, проведенных в разных сельских поселениях в основном российского Северного Нечерноземья, но упоминаются и сельские кейсы из Словакии, Кыргызстана и Латвии. Книга представляет собой сборник статей участников долговременного исследовательского проекта «Новая сельскость», в ходе которого изучались современные российские сельские институты, практики и социальные взаимодействия, причем проекта с весьма драматической историей реализации. В предисловии редакторов-составителей описаны основные этапы исследовательского проекта, прервавшегося неожиданными эпидемиологическими и политическими событиями 2020-х годов.

Ключевые слова: деревня; новая сельскость; сельская антропология; модернизация; сельская социальность; советский и постсоветский периоды

Для цитирования: *Никулин А.М.* Старые ценности новой сельскости // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2026. Т. 26. № 1. С. 278–286. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-1-278-286> EDN: PUXIYY

*Он был человеком... с неточным широким лицом,
похожим на сельскую местность.*

Андрей Платонов

Рецензируемая книга начинается с аналитического вступления Е. Мельниковой, где представлен обзор парадигм сельской антропологии в контексте традиций изучения сельскости обществоведческими дисциплинами, а завершается послесловием О. Бредникова и Е. Никифоровой, где при-

*© Никулин А.М., 2026

Статья поступила в редакцию 10.10.2026. Статья принята к публикации 15.01.2026.

ведены итоги изучения деревни в рамках этого антропологического сельского сборника, состоящего из 13 статей, сгруппированных в пять тематических разделов: модернизация, постсоциализм, культурная колонизация, сельская социальность, биографии и траектории.

Первый раздел открывается статьей А. Соколовой о проектировании, развитии и упадка лесных поселков Карелии в советскую и постсоветскую эпохи. Автор рассматривает логику принятия решений о строительстве лесных поселков в 1940-е–1950-е годы в плановой экономике СССР. Политика лесного «поселкостроения» характеризуется как один из отраслевых и временных советских вариантов управления взаимодействием города и деревни (в статье представлены несколько таких вариантов, выполненных городскими проектировщиками сельских лесных поселков, они проиллюстрированы чертежами и фотографиями). Автор критикует замыслы и реалии лесных поселков и их жилищ, часто неблагоустроенных, несущих в себе многие дефекты бюрократического проектирования и регулирования сельской жизни, и задается вопросом о специфическом феномене лесного поселка в советской и постсоветской дихотомии город — село, фактически оставляя этот вопрос без ответа.

Вторая статья раздела, написанная Т. Ворониной, посвящена проблеме маргинализации сельской молодежи в ходе трансформации советского образования в конце 1950-х–1970-е годы. Статья начинается с биографического кейса некоего Гены С., родившегося в 1954 году в одной из деревень Вологодской области: в армии он не служил по медицинским показаниям, не обзавелся семьей, жил с мамой, работал в совхозе, расширял свое ЛПХ в трудные постсоветские времена и в итоге оказался последним жителем своей деревни, где сегодня появляются лишь дачники летом. От биографического кейса автор переходит к статистическим данным о трансформации школьного обучения в Вологодской области в 1960–1970-е годы, показывая, что для многих сельских подростков после советской восьмилетки последующее обучение представлялось излишеством, если они собирались заниматься колхозным, крестьянским трудом на своей сельской родине. Советский государственный подход к образованию сельской молодежи автор критикует с позиций идей М. Фуко — через понятие подчиненного знания показана борьба государства с местным локальным знанием посредством насаждения сверху, из центра, дисциплинирующего знания, сохраняющего иерархию сельско-городского неравенства.

Второй раздел книги «Постсоциализм» почему-то состоит из трех статей зарубежных авторов. Может показаться, что проблематика сельскости постсоциалистического периода не имеет к России отношения, что неверно. Во-первых, каждая статья книги более или менее подробно затрагивает временной интервал как до, так и после 1991 года. Во-вторых, в этом разделе в антропологических примерах из Словакии, Кыргызстана и Латвии

российский читатель обнаружит множество знакомых проблем сельских домохозяйств, миграций и опустошений, актуальных и для постсоветской сельской России. Так Ю. Бузлака проникательно описывает значение крестьянского дома в постсоциалистической Словакии, опираясь на исследования С. Гудемэна и делая обоснованный вывод об изменении «экономики дома в эпоху государственного социализма, которая заменила собой землю в качестве основного источника средств к существованию, достоинства и безопасности... посткрестьянский дом в социалистический период был главным типом инвестиции, символом престижа и активом... он представляет собой устойчивый культурно-экономический институт, выходящий за рамки доминирующих экономических идеологий» (С. 151–152).

А. Мурзакулова характеризует ценность дома в трудовой миграции сельского Кыргызстана, показывая взаимосвязь миграции и домостроительства в формировании новой постсоциалистической сельскости — ее центральными акторами становятся мигрант из села и его родные, оставшиеся дома. В отличие от сельских регионов европейского постсоциализма, в Кыргызстане не наблюдается деградации и руинизации сельской жизни, что подтверждается активным строительством и спросом на сельское жилье. Автор характеризует эти процессы как неосознанное стремление даже молодых семей, активно вовлеченных в миграционно-домоводственное разделение труда, развивать капитализм в сельском Кыргызстане.

Противопоставлена плотной наполненности центральноазиатского села проявлениями продуктивного симбиоза между сельской международной миграцией и местным сельским домостроительством картина сельской жизни в латвийских деревнях, описанная Д. Дзеновской как долговременная экономическая и демографическая депрессия и депопуляция в постсоциалистический период. Автор приводит целый ряд причин все углубляющейся пустоты латвийского сельского существования: неолиберальный курс экономических реформ, обусловивший деградацию и гибель экономического и социального наследия латвийских колхозов, политически мотивированный разрыв экономических и социальных соседских связей с Россией и, как результат, долговременный и широкомасштабный миграционный отток населения из сельской Латвии (русскоязычного населения — в Россию, латышского — в страны Европы). Причем, в отличие от сельских мигрантов из Кыргызстана, сельские мигранты Латвии редко возвращаются обратно к своим домохозяйствам. Итог — гнетущая опустошенность латвийского села, которую автор иллюстрирует фотографиями не только отдельных заброшенных домов, но целых покинутых поселений. Это подтверждает и приведенная в статье статистика: количество латвийских деревень сократилось с 8547 в 2011 году до 6314 — в 2018.

Автор размышляет о наступающей постсоциалистической пустоте не только в сельской Латвии, но, например, в деиндустриализирующихся мо-

ногородах России или «убывающих городах» Восточной Германии. Однако в статье приводятся и аргументы сторонников нормальности пустоты, как правило, действующих чиновников, заявляющих, что «опустение — это необходимая чистка после десятилетий искусственной и неэффективной экономической деятельности Советского Союза... опустение в сельской местности — это просто способ догнать Запад... в условиях капиталистической свободы “природа” (т.е. рыночная экономика) берет свое» (С. 201–202). Но у латвийских сельчан, еще остающихся в деревнях, имеется свое, несогласно пессимистическое мнение на этот счет. В заключение автор дает достаточно загадочное определение главному понятию своего исследования: «Пустота — это не аномалия, которая предваряет счастливую жизнь или приходит после ее окончания, а все более распространяющаяся форма жизни, сформированная ориентацией на еще неизвестное, но совершенно иное будущее» (С. 214).

Третий раздел составляют статьи, для которых понятие «колонизация», особенно «культурная колонизация», — главная аналитическая категория. Так, П. Куприянов рассматривает ряд культурных инициатив горожан в сельской местности как своего рода (пост) колониальные практики, выстраивая любопытные дихотомические типологии моделей деятельности горожан-сельчан — миссионерская (условно колониальная) и паломническая (условно антиколониальная), в целом отражающие модные особенности постколониального дискурса.

Другая статья раздела, написанная П. Куприяновым в соавторстве с Н. Савиной, основана на антропологическом исследовании двух достаточно успешных проектов развития ярославских сельских музеев — «Учмы музейной» и «Тыгыдыма» (до недавнего времени Учемский музей участвовал и побеждал в европейских конкурсах, а «Тыгыдым» обеспечивал аутентичность русской вышивки для парижских кутюрье). В конце статьи авторы с изрядной долей витиеватости определяют существенные особенности обследованных музеев: «При всей включенности в глобальный контекст оба музея тщательно оберегают и поддерживают свою локальность, удаленность и камерность, создавая тем самым необходимое культурное “напряжение” между разными “полюсами” большим миром и маленькой деревней... играют уникальную роль культурного медиатора, функция которого состоит не только в обеспечении взаимосвязи этих двух полюсов, но и в постоянном поддержании и воспроизводстве границы между ними» (С. 279–280).

Статья, написанная К. Гавриловой, исследует ряд противоречий вокруг трех фестивалей в поселке Териберка (прославился после выхода фильма А. Звягинцева «Левиафан», где ряд сцен снимался в Териберке). Отмечая, что туризм и фестивали часто выступают инструментами развития территорий, автор анализирует возникающие здесь противоречия

на примере культурно-идеологического соперничества трех фестивалей, деливших несколько лет (порой скандально) пространство Териберки. Фестиваль «Териберка. Новая жизнь» проходил под эгидой известного кооператива «ЛавкаЛавка»: москвичи проводили фестиваль достаточно высокомерно и бесцеремонно с точки зрения местных териберчан, поэтому они организовали собственный фестиваль «Рыбка-окунечек», а региональная администрация (Мурманск) создала фестиваль «Териберская волна». Пик «фестивальных войн» пришелся на 2017 год, что привело к учреждению в 2021 году природного парка «Териберка». «В конце концов доступ к разным частям поселения, к землям внутри поселка и побережью, “закрыли” не московские энтузиасты, стремившиеся спасти депрессивное поселение, а одобренный региональной администрацией организованный бизнес, молчаливо и эффективно инвестирующий в собственный сценарий перестройки Териберки» (С. 332).

Четвертый раздел открывается статьей А. ТUTORского, которая сначала производит странное впечатление довольно субъективным утверждением, что исследователи села слишком гомогенизируют и обобщают его жителей, создавая некий цельный образ крестьянина — будь то гигант Герасим из тургеневского «Муму», «Великий незнакомец» из хрестоматии Т. Шанина, представитель гемайншафта в концепции Ф. Тенниса и т.д. ТUTORский смотрит «на жителей деревни не как на усредненного “крестьянина”, “мужика” или “колхозника”, а как на множество людей с различными интересами, прошлым и желаниями» (С. 334). Голословно смастерив образ «обобщенного сельчанина» и приписав его творчеству Тургенева-Шанина-Тенниса и Фостера-Энгельгардта, автор собирается отбросить его ради воссоздания «агентности жителей деревни». По сути, автор зачем-то ломится в открытую дверь, сводя потрясающее богатство индивидуальных крестьянских образов, созданных автором «Записок охотника», к трогательной фигуре дворового глухонемого с собачкой, кстати, ничуть не похожей на какого-то обобщенного «мужика». То же можно сказать и про исследования сельских индивидуальностей, воссозданные и проанализированные в хрестоматии Т. Шанина и других работах его школы [3].

Далее на протяжении довольно эмоционально и методологически спутанной статьи, комбинирующей рассказ Д. Буцати «Забастовка телефонов» с полевыми материалами из отдаленных архангельских районов — Пинежского, Мезенского и Лешуконского, нареченных автором Запинежьем, ТUTORский обосновывает и применяет понятие сингулярности. Автор достаточно подробно показывает и тщательно интерпретирует поведение и высказывания своих сельских респондентов, стараясь разобраться в проявлениях их личностных особенностей в контексте пространственного взаимодействия локальных социумов. Сумбурное и эмоциональное заключение статьи

автор вновь строит на отрицании некоего не дающего ему покоя незнакомца: «В деревне “таинственный незнакомец” не нужен. Изначального конфликта не возникает, а случай поговорить не вдвоем, а вчетвером-вшестером представляется как дополнительная возможность получить больше информации, чем в результате двухстороннего разговора. Более того, разговор воспринимается как эмоционально положительный, во время которого... все “повеселились”» (С. 354).

Вторая статья раздела о сельской социальности, написанная Т. Щепанской, ставит вопрос о том, что такое сельская идентичность, и автор ищет ответ на него на основе своих полевых исследований в деревнях Новгородской, Костромской, Вологодской, Нижегородской и Ленинградской областей. Понятие сельскости в статье характеризуется как прежде всего (ускользающее) социальное пространство, на которое оказывает значительное влияние сезонная и периодическая миграция. Автор предлагает иерархию сельскости — социализация, кооперация и моральная оценка, подчеркивает особое значение переходов современной сельскости от кооперации к коммеморации, выделяет так называемое дистанцированное сельское (ретроидентификация) и характеризует сельский туризм как прежде всего коммодификацию ностальгии по сельскости.

Последняя статья раздела о сельской социальности А. Захаровой посвящена локальной сельской бюрократии: место действия-службы бюрократов имеет существенное значение для их характеристики, например, можно выделить «пригородных» бюрократов, но в центре внимания статьи оказываются бюрократы сельские с собственным пониманием сельскости, связанной с ее бюрократической риторикой и прагматикой. Как правило, они апеллируют к образам сельской «традиционно-советской» коллективности, на практике искусно регулируя сельскую сплоченность в зависимости от ситуации. Сельская бюрократия предпочитает комбинировать бюрократические и патримониальные стили управления местным населением, «продолжает в своих нарративах и негодующих репликах отсылать к утопическому образу села, который как будто воссоздается в реальности через действие низовых управленцев. Называя определяющим... смыслом своей работы помощь односельчанам, сельские бюрократы, на контрасте с “безучастными” и “отчужденными” жителями поселения, словно пытаются сохранить размывающуюся сельскость, заключающуюся во взаимопомощи и сострадании друг другу» (С. 428).

Пятый, заключительный раздел открывается обширной статьей Е. Мельниковой, где автор, исследуя биографические истории горожан, переехавших в деревню, обращается к идеям и идеологиям рурализации, сосредоточившись на процессах обретения горожанами себя в деревне. Вторая статья раздела написана Т. Щепанской и основана на использовании метода нетнографии как этнографического наблюдения социальных ком-

муникаций в интернете. В центре исследования находятся интернет-сети выживальщиков и преперов — анализируются особенности их идентичности, субкультурного капитала и дискурсивных сообществ, в частности русскоязычная нетнография о выживании в деревне. В итоге автор приходит к вполне обоснованному выводу: «Рассматривая прагматику представлений о селе как о спасении, можно определить их как одну из форм идеологического обоснования дезурбанизации... Спецификой субкультурной идеологии выживания/преперства является ориентация на конструирование автономного социального мира, оборачивающегося утопией при попытке его реализации» (С. 485).

Заключительная статья сборника написана О. Бредниковой и Е. Никифоровой — специально приглашенными авторами. Отталкиваясь от собственных, ранних, первых, порой еще детских сельских впечатлений, часто незабываемо трогательных, они обращаются к своему опыту изучения сельскости, который 12 лет назад был представлен в коллективной монографии «Вдали от городов. Жизнь постсоветской деревни» [1], которая для своего времени была значимым явлением в исследованиях путей постсоветской трансформации сельской жизни. Авторы проводят своеобразное сравнение двух коллективных монографий — давней и нынешней, где они не участвовали в исследовательском проекте. В целом положительно оценивая рецензируемую книгу, они отмечают и ее ограничения, например: в ней почти не рассматриваются вопросы аграрного производства; ее составители сосредоточились преимущественно на некоторых районах Северного Нечерноземья, оставив без внимания сельскость Черноземья, Юга России, Сибири и т.д.; кейсы основаны на разнообразных теоретико-методологических подходах, почти никак не согласованных меж собой. Все это фактически признается во введении к книге, написанной от имени всего авторского коллектива Е. Мельниковой, П. Куприяновым и М. Лурье: они поясняют, что применили в композиции статей принцип мозаики или лоскутного одеяла, чтобы представить разные дисциплинарные традиции и подходы, но самокритично подчеркивают: «Основные недостатки такой конструкции вполне предсказуемы. Книга, написанная авторами, не разделяющими теоретических оснований и смотрящими на сельскость каждый из своего методологического окошка, не может служить формой аргументации общего тезиса и не позволяет увидеть целостную картину ни сельскости, ни сельской антропологии» (С. 9).

Что же тогда может эта книга? Как ни странно прозвучит, но книга в значительной степени подтвердила многие старые ценности деревенско-городской жизни. Например, хотя в ряде статей ее авторы призывают уйти от всем известных дихотомий (как город — село), отчасти преодолеваемых в концепциях сельско-городского континуума,

они сами продолжают использовать сельско-городские дихотомии этого континуума (см., напр.: [4; 7]). Стараясь найти новые смыслы в новой сельскости, они, несмотря на различия теоретико-методологических подходов, по-прежнему наполняют сельскость XXI века размышлениями о безопасности деревенской жизни, покое, уединенных поисках смысла человеческого бытия, ностальгии, семейственности сельского дома, спасении от городской суеты и т.д. почти в духе описаний прелестей деревенской жизни и ее ограничений в «Евгении Онегине».

Пожалуй, новое в книге — некоторое тревожно критическое осмысление дальнейшей агрессивно-высокомерной эксплуатации городами сельской жизни, что приводит к новой сельской опустошенности в Прибалтике, культурно-фестивальным конфликтам и проблематичным музейным проектам в российской глубинке, драматичным миграционным сельско-городским процессам от России до Кыргызстана. Эту тему можно было бы более систематически развить и обобщить, используя ряд новых концепций, которые, к сожалению, не нашли отражения в книге [5]. В то же время книге не хватает описаний и анализа обыденных, отнюдь не единичных практик положительного участия горожан в сельской жизни [2; 6].

В любом случае концепция новой сельскости, введенная в научный оборот латиноамериканскими исследователями села и подхваченная европейскими учеными, сегодня разрабатывается во всем мире, включая Россию (С. 11–12). Изучение новой неопределенности и подвижности границ между городом и селом, безусловно, способствует новому витку оригинальных исследовательских проектов новых/старых ценностей деревни, свидетельство чему — рецензируемая книга.

Информация о финансировании

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Библиографический список

1. Вдали от городов. Жизнь постсоветской деревни / Под ред. Е. Богдановой, О. Бредниковой. СПб., 2013.
2. *Виноградский В.Г., Виноградская О.Я., Никулина Е.С.* Экология сельского мира как предмет социологического исследования // Крестьяноведение. 2020. Т. 5. № 1.
3. Рефлексивное крестьяноведение: десятилетие исследований сельской России / Под ред. Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова. М., 2002.
4. *Троцук И.В.* Сельский человеческий капитал в концептуальной оптике: континуум и/или пост-изм? // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2023. Т. 23. № 2.
5. *Форбруг А.* Этнографии медленного насилия: исследование последствий разрушения сельской инфраструктуры // Крестьяноведение. 2020. Т. 5. № 1.
6. *Averkieva K.V.* Rural gentrification: City dwellers in rural areas of Russia's non-chernozem region // Russian Peasant Studies. 2023. Vol. 8. No. 4.
7. *Trotsuk I.V.* A few methodological notes based on the field observations of rural human capital in the Russian Non-Black Earth Region // Russian Peasant Studies. 2024. Vol. 9. No. 2.

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-1-278-286

EDN: PUXIYY

Old values of the new rurality *

A.M. Nikulin

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Vernadskogo Prosp., 82, Moscow, 119571, Russia

(e-mail: harmina@yandex.ru)

Abstract. The article is a review of the book *Village as a Value. Ideologies and Practices of New Rurality* (editors-compilers E. Melnikova, P. Kupriyanov, M. Lurye. Moscow: Khamovniki Foundation for the Support of Social Research; Common Place, 2025. 512 p.). The book considers the phenomenon of the so-called new rurality based on anthropological studies conducted in various rural settlements, mainly in the Russian Northern Non-Black Earth Region, but also mentions rural cases from Slovakia, Kyrgyzstan and Latvia. The book is a collection of articles by participants of the long-term research project “New Rurality”, focusing on contemporary Russian rural institutions, practices and social interactions, and this project has a rather dramatic history. The editors’ preface describes the main stages of the research project interrupted by unexpected epidemiological and political events of the 2020s.

Key words: village; new rurality; rural anthropology; modernization; rural sociality; Soviet and post-Soviet periods

For citation: A.M. Nikulin. Old values of the new rurality. *RUDN Journal of Sociology*. 2026; 26 (1): 278–286. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-1-278-286> EDN: PUXIYY

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-1-287-294

EDN: PKOURI

Самостоятельность и взросление в школьном и социальном контекстах*

Р.Р. Ишмухаметов

Институт развития образования Республики Башкортостан,
ул. Мингажева, 120, Уфа, Республика Башкортостан, 450005, Россия

(e-mail: rustish@list.ru)

Аннотация. Статья представляет собой рецензию на книгу «Самостоятельность: благо или бремя?» (под научной редакцией К.Н. Поливановой. М.: ВШЭ, 2025. 416 с.), которая заявлена в аннотации как результат поисков авторским коллективом ответа на вопрос о сути, специфике и востребованности самостоятельности школьника в современном обществе. Авторы справедливо отмечают серьезное изменение прежнего восприятия детской самостоятельности: ранее она воспринималась как формируемая естественно, в ходе повседневной жизни и типичных для нее практиках взаимодействия, и потому школа буквально опиралась на «естественную» самостоятельность, сформированную в ходе взросления, не ставя задачу ее специального развития при поддержке и во взаимодействии образовательных и семейно-воспитательных практик. Сегодня ситуация радикально изменилась, и авторы представляют читателю масштабную панораму практик развития самостоятельности у школьников, в том числе опираясь на междисциплинарный подход и понятие саморегулируемого обучения, реконструируя представления школьников о самостоятельности и описывая контексты взросления (город как пространство для развития автономии и медийное воздействие на общественное мнение).

Ключевые слова: (детская) самостоятельность; взросление; родительство; школа; представления школьников и школьных учителей; мобильность; (медиа) репрезентации самостоятельности; образовательные и родительские практики

Для цитирования: *Ишмухаметов Р.Р.* Самостоятельность и взросление в школьном и социальном контекстах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2026. Т. 26. № 1. С. 287–294. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-1-287-294> EDN: PKOURI

В последние годы публикуется все больше нормативных регламентов и проводится все больше исследований о роли и значении семьи и школы в становлении новых поколений. Однако в контексте ценностных приоритетов российской государственной политики (все социальные и медийные ин-

*© Ишмухаметов Р.Р., 2026

Статья поступила 11.10.2025 г. Статья принята к публикации 15.01.2026 г.

ституты призваны способствовать формированию определенной ценностно-мировоззренческой модели) складывается впечатление, что в предлагаемой «сверху» концепции «нового детства» и «новой взрослости» теряется понятие самостоятельности, которую нельзя сводить лишь к такому очевидному свойству (взрослого в смысле не только биологического возраста, но и отсутствия социальной инфантильности) индивида, как способность делать все самому. Сегодня, причем даже в большей степени, чем в прежние эпохи, речь идет о «способности делать осмысленный выбор, ориентируясь в быстро меняющемся мире, готовности к изменениям, умению брать на себя ответственность за собственную жизнь» (С. 5) в условиях влияния и даже давления внешних обстоятельств.

Несмотря на сильный (для читателя-социолога) психологический крен и не самый очевидный выбор в качестве основы «упорядочивания многочисленных эмпирических и теоретических исследований, проведенных в рамках проекта», экологической модели У. Бронфенбреннера, уточняющей и конкретизирующей идеи Л.С. Выготского о «зоне ближайшего развития» (С. 8), книга будет интересна социологам, специализирующимся на изучении вопросов образования, детства, взросления, институтов социализации и многих других, поскольку составляющие работу материалы можно читать выборочно — как по разделам, так и по главам, причем каждый раздел снабжен внушительным библиографическим списком на русском и английском языках (с перекосом в зарубежную исследовательскую традицию).

Первый раздел книги — теоретический, здесь представлены основные трактовки самостоятельности, в том числе в контексте особенностей взросления. Справедливо отмечая сложную структуру понятия самостоятельности как сочетания личностных составляющих и поведенческих проявлений, авторы констатируют и объясняют ее неоднозначный статус и в психолого-педагогической интерпретации: «с одной стороны, учебная и бытовая самостоятельность является безусловной ценностью для специалистов и родителей... с другой стороны, чтобы самостоятельность развивалась, ребенку необходимо иметь пространство для экспериментирования и опыт встреч с неудачами, ошибками... позитивными и негативными последствиями своей деятельности» (С. 13). Второй аспект формирования самостоятельности вызывает у окружающих не просто сомнения относительно детской инициативы и активности, но уверенность в высоких рисках таковых (скажем, для сотрудников школ, официально ответственных за безопасность детей), а потому порождает и усиливает формы «инструментального (с помощью технических средств), поведенческого (ограничения) и манипулятивного (через эмоциональную сферу) контроля», несмотря на отчетливый «социальный запрос на сопровождение подросткового самоопределения и развитие автономии как на уровне стратегии — в выстраивании собственного жизненного

пути, так и на уровне тактики — самообслуживания, решения повседневных задач и принятия повседневных решений» (С. 14).

В первой главе охарактеризованы разные концепции детской самостоятельности в контексте взросления, в том числе в рамках компетентностного подхода ОЭСР, и последовательно описаны произошедшие в современном обществе изменения в трактовках взрослости с точки зрения ее обязательных атрибутов (возраст вступления в брак, ожидания от супружеских ролей, формы романтических отношений, «экономика знаний» и многое другое) (см. подробнее в: [1; 5; 6; 8; 9; 11; 12]). Авторы делают вывод, что сегодня «понятные модели взрослости как тотальной самостоятельности все менее валидны, но исчезают и сложившиеся пространства становления самостоятельности — пробы независимого неподконтрольного поведения» (С. 25).

Вторая глава уточняет различия двух научных полей изучения самостоятельности в новых условиях «становящейся взрослости»: социологический макровзгляд сосредоточен на понятии агентности в дихотомии «(социальная) структура–действие» (см. подробнее в: [2; 3; 7]), психологический микровзгляд — на субъектности (рефлексивно-практическое отношение к жизни) и автономии (результат удовлетворения потребности в самодетерминации) в рамках традиции, начало которой заложили работы С.Л. Рубинштейна и А.Н. Леонтьева. Объединяет два подхода идея социальной зрелости как «обретения человеком свойств самостоятельности и самодостаточности... вследствие процессов обучения и воспитания, осуществляемых семьей, школой, социальным окружением, социумом в целом... состояние личности, характеризующееся целостностью, предсказуемостью, социальной направленностью поведения» (С. 39).

Второй раздел посвящен семейным практикам поддержания детской самостоятельности в нынешней ситуации, когда позиция родителей принципиальным образом изменилась — «трансформировались два ее взаимосвязанных компонента: социальная роль родителя и используемые им практики воспитания» (С. 53). В качестве основного фактора трансформации социальной роли родителя в третьей главе выступает переход с конца XIX века от расширенной семьи к нуклеарной (двухпоколенный состав семьи, количество детей определяется личным желанием, а не диктуется социально-экономической необходимостью), а с середины XX века — к «проницаемой» (открытость и разнообразие жизненных стилей, передача заботы о ребенке социальным институтам, сближение «функционала» матери и отца в распределении семейных обязанностей и принятии решений, отказ от директивной модели родительства в пользу оптимально-эмпатичной подстройки воспитательных практик). Авторы отмечают, что «родительство сегодня отличается качественным своеобразием — расширяется ландшафт выборов родителей во многих сферах, растет и количество трудностей, с которыми ему придется сталкиваться по мере воспитания самостоятельности ребенка», и что

подобные изменения не универсальны, а зависят от уровня урбанизации, социального статуса семьи и т.д. (С. 60).

В четвертой главе родительские представления (определения полезной и вредной самостоятельности, описания несамостоятельного ребенка/подростка/взрослого) и практики развития детской самостоятельности (воспоминания о таковых в родительской семье и собственные предпочтения) реконструированы на основе качественного исследования, реализованного методом полуструктурированных интервью с родителями младших школьников — данный «возрастной период наиболее сензитивен в процессе формирования самостоятельности и гармоничных отношений с семьей» (С. 69). Упрекать авторов в недостаточной выборке для весьма широких обобщений не следует, потому что опрос заявлен как разведывательно-уточняющий. В частности, отмечены такие тенденции изменения родительских практик формирования детской самостоятельности: отказ от запугивания, чрезмерных требований, жестких санкций и гиперопеки в пользу выстраивания доверительных и «договорных» отношений; неоднозначное восприятие делегирования детям большого количества бытовых и учебных задач (опасения их перегрузки), но позитивное восприятие «практик предоставления свободы, личного пространства, эмоциональной поддержки... как оптимальных и полезных» (С. 91).

Третий раздел раскрывает понятие самостоятельности в контексте современной образовательной системы и начинается с постановки в пятой главе интересного с социологической точки зрения исследовательского вопроса: все же современная школа — тотальный институт (метафорически-условная отсылка к идеям Э. Гоффмана о тотальности как жестко регламентированной институциональной закрытости формируемого внутри института жизненного мира [4] и концепции М. Фуко [10]) или образовательное пространство (возможности выбора, проектная деятельность, конкуренция образовательных предложений, широкий репертуар взаимодействий за пределами школы)? Казалось бы, ответ на этот вопрос сегодня вполне очевиден, но в шестой главе авторы его уточняют, отмечая наличие в современном школьном укладе («среде обитания») и образовательном процессе некоторой «скрытой/невидимой» части, которая конституируется следующими компонентами (С. 113–116): организационная структура школы (ценности и стратегии их воплощения, правила и рутина, регламенты и документы, распределение ролей и модель управления), качество отношений внутри школы (между учителями и учениками, между администрацией и учителями, между школой и родителями/сообществом); непосредственно обучение (содержание и организация учебного процесса, климат ошибки и система оценивания).

Соответственно, возможны «два школьных климата — поддерживающий автономию (опора на внутренние мотивационные ресурсы учеников, информирующий стиль общения, право на негативные эмоции и сопротив-

ление) и основанный на контроле» (С. 119). В шестой главе описаны показательные иллюстративные кейсы школьного климата, хотя авторы все же предпочитают «метафору школы как живого организма... с уникальным способом адаптироваться к окружающей среде», поскольку «уклад школы, по всей видимости, штучный продукт, и едва ли можно разработать технологию создания уклада, которая была бы универсально эффективна» (С. 136).

Седьмая и самая объемная глава книги решает интересную задачу. Сначала в ней систематизированы требования федеральных государственных образовательных стандартов в части поддержки самостоятельности (в табулированной форме приведены цитаты-выдержки) — как некий декларируемый ориентир. Затем по материалам трех эмпирических исследований реконструированы представления школьных учителей о реальных возможностях поддержки и формирования самостоятельности: «(1) восприятие школьными учителями изменений института школы в связи с самостоятельностью» (на основе теории структуриации Э. Гидденса и метода полуструктурированных интервью; выделены ритуалы, практики и правила в континууме сценариев дисциплинирования, а типы отношений «учитель–ученик»); (2) «убеждения учителей относительно самостоятельности и практики поддержки того или иного ее типа» (смешанный дизайн исследования — сочетание полупоформализованного интервью на выборке максимальной вариации с анкетированием учителей в четырех российских регионах); (3) «динамика изменений учительских убеждений в результате участия в практическом экспериментальном проекте по целенаправленной поддержке самостоятельности детей и определению ограничений практик такой поддержки» (целевая выборка из участников проекта и сочетание опросных и дневниковых методик) (С. 142). Дополняет три исследования кратко охарактеризованный в восьмой главе опрос подростков и молодежи о том, как они воспринимают свою самостоятельность в дополнительном образовании (30 респондентов 11–24 лет из 15 городов были опрошены методом полупоформализованного интервью, что вряд ли дает систематическое представление об объекте и предмете изучения).

Четвертый раздел фокусируется на роли городского пространства в развитии личностной автономии взрослеющего человека: «город содержит множество ресурсов — социальных, информационных, материальных и других, предлагает многообразие возможностей, которые существенно расширяют представление о себе и о мире... Освоение города поначалу вместе со взрослыми, а затем самостоятельно и со сверстниками дает возможность получить разнообразный опыт и постепенно интериоризировать его через осмысление и обсуждение» (С. 224–225). В девятой главе роль города как пространства для формирования самостоятельности продемонстрирована на примере независимых перемещений детей (по материалам воспоминаний студентов о детстве), которые претерпели значительные исторические изменения с точки зрения

своего содержания и соотношения разных видов, но, как и прежде, включают в себя игры, обследование и проектирование территорий, наблюдения за природой, общение со сверстниками и формы рискованного поведения (С. 231–235).

В десятой главе акцент сделан на «родительской лицензии на независимую мобильность», без которой самостоятельные перемещения детей по городу невозможны, и справедливо отмечено, что в последние десятилетия «наблюдается устойчивое снижение детской независимой мобильности в разных странах (повешение возраста получения лицензии, сокращение разнообразия видов деятельности, которые сопутствуют независимой мобильности, и выделяемого на них времени)» (С. 247). В целом «если раньше выход детей на улицу был очевидным и неизбежным элементом взросления, то сейчас уличный досуг становится предметом особого внимания: с одной стороны беспокойства из-за сопряженных с ним рисков, с другой — беспокойства из-за отсутствия уличного досуга и связанных с этим рисков (дефицит физической активности и проблемы со здоровьем, одиночество и недостаточно развитые социально-коммуникативные навыки)» (С. 256).

Пятый раздел описывает широкий социальный контекст, в котором сегодня формируется детская самостоятельность, подчеркивая роль медийных репрезентаций взрослости как источника наших представлений о социальной зрелости. Раздел состоит из шести глав, в большинстве своем очень коротких: приведены результаты анализа литературы по разным аспектам медиаисследований детской самостоятельности (недооценка роли отцов, ответственность матерей за «статус» идеального родителя и др.); на этой основе были сформулированы гипотезы для серии авторских исследований, посвященных фреймингу самостоятельности детей в новых и старых медиа, репрезентациям родительства и родительского контроля (в подкастах и научно-популярной литературе), источникам представлений детей о самостоятельности. В последнем случае использовалась целевая выборка из 30 «детей в возрасте от 10 до 25 лет», которая рекрутировалась через социальные сети, но столь широкий диапазон детства «сверху» и столь узкий «снизу» выглядит по крайней мере странно.

Многие методические решения авторов вызывают серьезные вопросы с социологической точки зрения, поэтому не всегда убедительны и выводы на основе эмпирических данных. Например, сомнительно, что сегодня доминирующий медийный образ и нарратив самостоятельности ребенка акцентирует «независимость от других, но не волевое действие», хотя, бесспорно, в медийных репрезентациях родительства превалирует материнство и совместный опыт родителей (таковы объективные российские реалии), и в медийной сфере (и общественном мнении) «поощряется организационный родительский контроль, ослабевающий с возрастом, а перманентный и сопровождающий ребенка на протяжении всей жизни, в особенности психологический, порицается» (эти и другие выводы авторов очевидны и пред-

сказуемы — столь тривиальные заключения не требовали столь масштабной эмпирической работы); (С. 323). Впрочем, авторы честно признают многие, хотя не все и преимущественно методические, ограничения эмпирической базы книги, в частности, говоря о невозможности экстраполяции результатов на соответствующие социальные сегменты российского общества в силу незначительных объемов выборок, но подчеркивают, что «полученные результаты могут стать отправной точкой при изучении самостоятельности в разных возрастных периодах» (С. 398).

Заключительный шестой раздел книги несколько нарушает общую логику повествования (от теории к эмпирии, от конкретики к контекстам), возвращая читателя к уровню «микросистемы» — возможностям индивида в организации собственного обучения (подразумевается учебная самостоятельность/саморегуляция): здесь обзор теоретических подходов и имеющихся исследований сочетается с собственным эмпирическим материалом, собранным с помощью качественных (интервью с родителями, выбравшими семейную форму образования для своих детей, с подростками и «становящимися взрослыми») и количественных (анкетирование первоклашек и четвероклашек через их родителей) методик. Авторы обосновывают возвращение к «микросистеме» тем, что «самостоятельность субъекта конституирует всю логику книги: именно самостоятельность в обучении, возрастная динамика как своеобразная линза собирают воедино все предыдущие рассуждения, поскольку обучение — одно из главных занятий подростков и молодежи, с которым они связывают свое будущее, а возрастные особенности позволяют проанализировать, как меняются представления и практики взросления» (С. 9). С этим сложно не согласиться, но только если понимать «обучение» предельно широко — не только как учебу в школе и внешкольные занятия, но и как практическое усвоение принципов поведения в разных сферах жизнедеятельности современного общества.

Библиографический список

1. Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. М.-СПб., 2004.
2. Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуриации. М., 2005.
3. Гидденс Э., Саттон Ф. Основные понятия в социологии. М., 2018.
4. Гоффман Э. Тотальные институты: очерки о социальной ситуации психически больных пациентов и прочих постояльцев закрытых учреждений. М., 2019
5. Нарбут Н.П., Троцук И.В. Счастье и его детерминанты в представлении россиян: результаты опроса // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2021. № 4.
6. Ростовская Т.К., Кучмаева О.В. Трансформация образа желаемой модели семьи у разных поколений: результаты всероссийского социологического исследования // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2020. Т. 20. № 3.
7. Сорокин П.С. «Трансформирующая агентность» как предмет социологического анализа: современные дискуссии и роль образования // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 1.

8. Троцук И.В. (Не) любовь и другие последствия (не) свободы и (не) выбора в эпоху «эмоционального (пост) модерна (что бы таковой ни значил) // Социологическое обозрение. 2025. Т. 24. № 3.
9. Троцук И.В., Савельева Е.А. «Статус» дружбы в мировоззренческом комплексе российской молодежи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Всероссийский научный журнал. 2014. № 9.
10. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999.
11. Trotsuk I.V. All power to the experts? Contradictions of the information society as both depending on and devaluating expertise // *Russian Sociological Review*. 2021. Vol. 20. No. 1.
12. Yefanov A.A., Muzykant V.L. Transformation of social structure in the neo-information society // *RUDN Journal of Sociology*. 2025. Vol. 25. No. 3.

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-1-287-294

EDN: PKOURI

Independence and growing up in school and social contexts*

R.R. Ishmukhametov

Education Development Institute of Republic of Bashkortostan,
Mingazheva St., 120, Ufa, Republic of Bashkortostan, 450005, Russia

(e-mail: rustish@list.ru)

Abstract. The article is a review of the book *Independence: Blessing or Burden?* (edited by K.N. Polivanova. Moscow: HSE, 2025. 416 p.) presented in the annotation as the result of its authors' search for answers to the question of the essence, features, and relevance of schoolchildren's independence for contemporary society. The authors rightly note a significant change in the perception of children's independence: previously, it was considered as developing naturally, in the course of everyday life and typical interaction practices; therefore, the school literally relied on this "natural" independence formed during adolescence, without setting the task of specifically developing it with the support of educational and family-upbringing practices. Today the situation has changed radically, and the book presents a comprehensive panorama of practices for developing schoolchildren' independence, relying on an interdisciplinary approach and the concept of self-regulated learning, reconstructing schoolchildren's ideas about independence and assessing the external contexts of growing up (the city as a space for developing autonomy and the media's influence on public opinion).

Key words: (children's) independence; growing up; parenting; school; schoolchildren' and teachers' perceptions; mobility; (media) representations of independence; educational and parenting practices

For citation: Ishmukhametov R.R. Independence and growing up in school and social contexts. *RUDN Journal of Sociology*. 2026; 26 (1): 287–294. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-1-287-294> EDN: PKOURI

*© R.R. Ishmukhametov, 2026

The article was submitted on 11.07.2025. The article was accepted on 14.10.2025.

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-1-295-302

EDN: PJWXWV

Переживая пространство ночного города: ночь как источник социологического воображения*

Ф.Д. Поляков

Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

(e-mail: dieuxph@mail.ru)

Аннотация. Статья представляет собой рецензию на книгу Ника Данна «Темные материи: манифест ночного города» (Пермь: Гиле Пресс, 2024. 128 с.) как вариант социологической рефлексии о пространстве города. В рецензии предпринята попытка соотнести работу Данна с широким кругом исследовательских традиций, по-разному описывающих связь между физическим, социальным и смысловым измерениями городского пространства. Особое внимание уделено тем формам городского опыта, которые слабо артикулированы в исследованиях повседневного, функционально организованного и предсказуемого городского пространства. Обращение к ночному городу позволяет сместить исследовательский фокус с устойчивых режимов использования пространства на его телесно-аффективные «проживания». Автор отмечает эссеистский характер книги и связанное с ним напряжение между описанием опыта ночных прогулок в формате автоэтнографии и его последующей рефлексией. Для исследователей городского пространства значение «Темных материй» заключается не столько в разработке теоретико-методологических принципов анализа ночного города, сколько в развитии социологического воображения и переосмыслении возможностей научного описания городского пространства.

Ключевые слова: социология пространства; социология города; урбанистическая теория; ночной город; городское пространство; телесно-визуальный опыт; повседневность; социологическое воображение

Для цитирования: Поляков Ф.Д. Переживая пространство ночного города: ночь как источник социологического воображения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2026. Т. 26. № 1. С. 295–302. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-1-295-302> EDN: PJWXWV

*© Поляков Ф.Д., 2026

Статья поступила в редакцию 21.09.2025. Статья принята к публикации 15.01.2026.

Благословенная ночь. Ночью разум спит и вещи предоставлены самим себе. То, что действительно важно, вновь обретает цельность после разрушительного дневного анализа.

А. де Сент-Экзюпери [7. С. 388]

Разговор о городском пространстве редко начинается с самого города — гораздо чаще он разворачивается вокруг того, каким образом городское пространство может быть описано и что в нем будет считаться значимым. В социологической теории давно сосуществуют разные стратегии анализа, по-разному связывающие материальную протяженность города с его социальными и смысловыми измерениями: от интерпретации пространства как производного социальных структур до подходов, настаивающих на активной роли пространства в формировании социального порядка и индивидуальности горожанина. Эти концептуальные различия хорошо известны и подробно описаны (см., напр.: [6; 10; 11; 12]), однако на их фоне все чаще возникает вопрос не столько о «правильности» той или иной теоретической оптики, сколько о том, какие формы городского опыта в принципе доступны для социологического изучения.

В зависимости от выбранной аналитической стратегии может по-разному интерпретироваться связь городского времени и пространства, а также факторов, эту связь определяющих. Это могут быть социальные, экономические и культурные процессы или же более конкретные, частные взаимодействия, имеющие временную протяженность и происходящие в контексте заданных городских пространств/мест. Однако в обоих случаях город предстает преимущественно в дневном амплуа. Редкое исключение из этого правила — практики исследования ритманализа города [15], предложенные еще А. Лефевром [14]. Выбор «бодрствующего» города вполне оправдан, поскольку в таком «виде» город предсказуем и удобен для концептуализации. Однако подобная удобочитаемость нередко оборачивается утратой «плотности» переживания: город становится инфраструктурой повседневных задач или отражением конкретной эпохи (например, постмодерна), но никак не средой переживающего человеческого присутствия. Телесные и аффективные измерения городского опыта либо выносятся за рамки пространственного анализа, либо рассматриваются совершенно отдельно, что в обоих случаях ведет к утрате пространства (объекта изучения) как среды проживания (см., напр.: [7; 16]).

Именно в таком концептуальном контексте следует воспринимать книгу «Темные материи: манифест ночного города» Ника Данна. Этот сборник эссе был впервые опубликован в 2016 году, а в 2024 году был переведен на русский язык. Уже само издательское оформление текста и обозначенный жанр должны ориентировать читателя на то, что его ждет: это не академическая монография и не научное исследование в строгом/классическом смысле слова, а скорее своеобразный манифест, обращенный к широкой аудитории.

Потому, с одной стороны, книгу сложно охарактеризовать как социологическое чтение [9], но, с другой стороны, учитывая те теоретические фреймы, к которым апеллирует Данн, можно «позиционировать» его работу как часть социологического дискурса о городском пространстве. Данн, профессор урбанистики, сознательно отказывается от привычных форматов научного письма, выбирая такой «язык», в котором описание города сближается с литературным наблюдением и дополняется автоэтнографическими вставками (самоощущения гуляющего по ночному городу исследователя).

Результирующая некоторая поэтичность «Темных материй» может вызвать у читателя с классической академической подготовкой настороженность. Так, Предисловие начинается с обращения к творчеству А. де Сент-Экзюпери, а ночной город представлен как насыщенный ассоциациями и образами, отсылающими к традиции фланерства и бодлеровским метафорам. Улицы, окраины (хинтерланды) и пустоты предстают здесь не объектами анализа, а элементами повествования о личном опыте ночных прогулок «ускользающей, прозрачной и порой мимолетной природы», в котором город раскрывается через движение, паузы, запахи, свет и цвета, общую атмосферу. «Города — своеобразные конструкторы, агломерации мириад элементов. Но они и ре-конструкции. Города создаются, формируются и сохраняются в нашем воображении не меньше, чем в отвердевших материальных фактах» [3. С. 11].

Такая романтизация ночного пространства может быть воспринята как стилистический выбор, но Данн настоятельно и последовательно подчеркивает, что представленная в книге форма повествования не была самоцелью [3. С. 12–13]. Напротив, он стремится развести описание ночного города и рассуждения о нем, разделяя текст каждого эссе на две части: описательную и рефлексивную. Кроме того, и сами ночные прогулки не задумывались автором как специальная исследовательская практика, а были попыткой справиться с личным психологическим состоянием и трудным жизненным периодом — аналитическая перспектива сформировалась постфактум и потому в книге представлены описания нескольких городов [3. С. 7]. В итоге описанные в книге ночные маршруты по Манчестеру не оформлены как исследовательский метод и не подвержены строгому анализу, а остаются личным и во многом спонтанным опытом, на основе которого строится авторская рефлексия о городском пространстве, его переживании и освоении.

Соответственно, «Темные материи» занимают некоторое пограничное положение между урбанистическим эпосом, социологическим эссе (сочетание социально-феноменологической и автоэтнографической ориентаций) и критическим высказыванием в адрес культуры позднего капитализма. Книга не предлагает систематической теории ночного города и не стремится вписать ночной опыт в готовые концептуальные модели городского пространства. Цель автора иная — показать, почему город начинает восприниматься и прожи-

ваться иначе, когда выходит из-под власти дневной визуальной прозрачности, контроля и функциональной предсказуемости. Этот осторожный, поэтический и в то же время крайне рефлексивный подход определяет всю логику авторских рассуждений, превращающих ночной город не в «экзотический» объект анализа, а исследовательский контекст, позволяющий поставить под вопрос привычные режимы отношения к пространству и возможности его описания.

Выбор ночного времени суток в качестве отправной точки размышлений о городе не случаен и не сугубо эстетичен. Ночной город выступает тем пространственно-временным режимом, в котором перестают работать привычные способы ориентации в городской среде, меняется ее интерпретация и ослабляется установившийся над ней социальный контроль. Снижение визуальной доступности, почти полное отсутствие людей на улице, неопределенность источников звуков и движений нарушают тот тип уверенного присутствия в пространстве, который характерен для дневного города. Ночью его пространство не воспринимается как прозрачное и самоочевидное, оно требует внимания, замедления и телесного участия, а чтобы понять это, достаточно заметить фигуру человека,двигающуюся нам на встречу в темном переулке. «Полное отсутствие людей производит жутковатый опыт городской ночи. Странное ощущение их нехватки становится все сильнее, особенно когда кто-то все-таки появляется рядом: каковы их намерения, почему они здесь, может быть, они такие же, как я, вдруг я в опасности — двойная спираль тревоги и облегчения от осознания того, что ты больше не один, что ты все время связан с кем-то нахождением на улице» [3. С. 55].

Описываемые Данном ночные прогулки можно рассматривать как особую форму городской практики, отчасти восходящую к традиции фланерства, но принципиально отличающуюся от нее. Классический фланер был фигурой наблюдения и дистанции, свободно растворяющейся в городском потоке, а ночной ходок лишен этой привилегии: он вынужден соотносить себя с пространством, прислушиваться к нему, реагировать на его неоднозначность. Ночной город не всегда предлагает готовые маршруты и смыслы, напротив, он сопротивляется движению, прерывает его, заставляет останавливаться и сомневаться, и это сопротивление ночного города не преодолевается, а переживается как неотъемлемая часть опыта нахождения в пространстве.

Данн явно опирается на идеи А. Лефевра, для которого пространство никогда не сводилось к геометрической протяженности или совокупности социальных функций, а понималось как производимое в практиках и ритмах повседневной жизни [3. С. 52]. Однако, в отличие от Лефевра, Данн не стремится концептуализировать эти ритмы или распределить их во времени. Его интересуют моменты сбоя ритмов — ситуации, в которых производство пространства перестает быть незаметным и вновь становится ощутимым для тела. Ночь — не столько время альтернативных ритмов городской жизни, сколько условие, при котором всякие ритмы могут быть нарушены.

Поэтому особую роль в переживании ночного города играет телесность — он не столько видится, сколько ощущается. Потеря визуального (мы плохо видим в темноте) не обедняет опыт, а делает его более плотным и напряженным — пространство начинает проявляться через звуки, запахи, температуры, поверхности. В ночи зрение перестает быть доминирующим посредником между субъектом и средой и уступает место другим чувствам. Размышляя о телесном столкновении с городом, Данн обращается к критике современного урбанизма Р. Сеннета, отмечая, что городское пространство все чаще становится «функцией движения» [3. С. 100]. Для Сеннета это структурная проблема проектирования и планирования города [5], для Данна — внутреннее переживание (утрата возможности чувствовать пространство через тело). Ночной город в этом смысле не столько иллюстрирует сеннетовскую критику, сколько обнажает ее последствия: город, лишенный сопротивления, перестает быть проживаемым.

Критика городской среды у Данна тесно связана с более широкой критикой капиталистической организации пространства: «городские ландшафты — это динамические сущности, разнообразные пространства и потоки, где культура, коммерция и сообщества с легкостью могут взаимодействовать и производить; купол капитализма, защищающий эту деятельность, также и омертвляет ее» [3. С. 33]. Дневной город насыщен предписывающими знаками, маршрутами и экранами, направляющими движение и распределяющими внимание, он буквально становится зарегулированным «городом-крепостью» [3. С. 98]. В этом режиме пространство подчиняется логике эффективности и потребления, а пребывание в нем оказывается фрагментированным и рассеянным. Описывая эти особенности современного города, Данн использует аргументацию, близкую к описанию «текучей современности» З. Баумана, однако смещает акцент с макросоциального описания на уровень переживаний [3. С. 37, 78]. Его интересует не столько структура позднего капитализма, сколько то, как он поменял пространство города и опыт пребывания в нем: ссылаясь на Ж. Бодрийяра, Данн отмечает, что даже ночной город постепенно лишается ночи и становится все более освещенным, т.е. речь вновь идет о регулировании пространства.

Во многом современные городские процессы связаны с цифровизацией, поэтому, например, смартфон и социальные сети у Данна выступают инструментами рассинхронизации между телесным присутствием и вниманием. Днем эта рассинхронизация почти незаметна, так как вписана в логику «потока» и «функций» городского пространства. Ночью же она может подменять собой реальность, так как экран становится единственным фокусом внимания, подменяя собой пребывание и ощущение пространства. Здесь Данн апеллирует к критике технокультуры П. Вирильо, но не как к концептуальной основе собственных рассуждений, а как способу очерчивания пределов цифровой медиации пространства [3. С. 53]. Ночной город демонстрирует,

что не всякий опыт может быть делегирован устройствам и что пространство все еще требует переживания физического присутствия, которого становится все меньше в современных городах.

Таким образом, ночной город в «Темных материях» предстает не альтернативой себе дневному, а ситуацией разрыва, в которой становятся видимыми границы привычных режимов восприятия и использования пространства. Ночь не отменяет дневной город, но выявляет то, что обычно сокрыто — зависимость опыта от телесных усилий, ритмов и форм внимания. Однако декларируемая в книге продуктивность ночного города как аналитической оптики неизбежно сопряжена с рядом ограничений, которые Данн честно фиксирует, чтобы избежать романтизации описываемого им исследовательского опыта. Во-первых, ночная прогулка требует определенного субъекта и определенных условий для самой своей возможности: «не всем по душе долгие, холодные, а порой и мокрые ночные прогулки, но они и не для всех» [З. С. 104]. Возможности бесцельно и относительно безопасно перемещаться по ночному городу распределены неравномерно и зависят от множества факторов — гендера, возраста, телесной уязвимости, социального статуса и конкретного городского контекста. То, что для одного субъекта — форма возвращения к проживанию пространства, для другого может стать источником постоянного напряжения или угрозы.

Во-вторых, Данн отмечает временную хрупкость ночного опыта проживания города и невозможность его воспроизведения [З. С. 105, 114]: с первыми лучами солнца «сценарий стремительно стирается», и город возвращается в рамки жесткой конфигурации дневных задач и стандартизированного движения, т.е. обретаемая ночью свобода — лишь «передышка», а не постоянное изменение городской структуры.

В-третьих, опыт ночного города укоренен в конкретных урбанистических контекстах и потому не может рассматриваться как универсальный [З. С. 12, 113]. Описываемые Данном маршруты, пустоты, окраины и переходные зоны характерны для европейских и американских городов с их историей модернизации, определенными типами уличной инфраструктуры, режимами освещения и представлениями о публичной безопасности (Сеул и Бразилиа упоминаются в книге лишь для более полного раскрытия особенностей западной городской культуры и западной организации городского пространства). Но и в пределах этого пространства ночной опыт будет радикально различаться в разных городах, не говоря уже о его переносе за пределы западной урбанистики (в реальном и аналитическом смыслах).

Данн не игнорирует эти исследовательские проблемы, а, наоборот, подробно раскрывает их суть и причины, но все же подчеркивает, что читать его книгу «как руководство по встречам с городской ночью — значит неверно понимать ее посыл» [З. С. 113], тем самым уточняя как эвристическую ценность книги, так возможные риски ее слишком увлеченного социологическо-

го прочтения. Эссеистская форма повествования позволяет зафиксировать хрупкость и неоднозначность переживания, но одновременно затрудняет его соотнесение с более широкими социальными процессами. Конкретный опыт конкретного ночного города не претендует на объяснение всеобщих закономерностей телесно-визуального освоения городского пространства, и любая попытка превратить его в эмпирический материал или теоретическую модель неизбежно привела бы к утрате того, что составляет его основную ценность, — фиксировать опыт в моменте.

И все же «Темные материи» занимают особое место в пространственных исследованиях: они не расширяют и не уточняют их теорию или методологию в строгом смысле слова, не вводят новые понятия в множество дисциплинарных «языков» описания пространства города, но меняют исследовательскую «чувствительность». Данн обращает внимание на те измерения городского опыта, которые редко становятся предметом систематического анализа, — телесные усилия, сенсорные сбои, моменты неопределенности и уязвимости, показывает, что пространство может становиться социально значимым не только через структуру, символы или функции, но и через проживание, не сводимое к визуальному восприятию и когнитивному контролю. Иными словами, книга — не методологическое предложение и не альтернатива существующим подходам в описании городского пространства, а напоминание об их границах. В этом смысле ночной город становится не столько объектом исследования, сколько источником социологического воображения — позволяет на время выйти за пределы привычных аналитических «оптик», в которых пространство мыслится как прозрачное, функциональное и управляемое. Ночь обнажает зависимость социальности пространства от телесного присутствия, внимания и времени, напоминая, что город не только воспринимается и используется, но переживается и проживается, и это неполное, нестабильное и не универсальное возвращение в проживаемость — главная ценность «Темных материй» для социологического знания.

Библиографический список

1. Бауман З. Текущая современность. СПб., 2008.
2. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М., 2000.
3. Данн Н. Темные материи: манифест ночного города. Пермь, 2024.
4. Лефевр А. Производство пространства. М., 2015.
5. Поляков Ф.Д. Гуманистическая интерпретация городского пространства в постмодернизме // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 4.
6. Прокофьева А.В. О возможности использования субстанциональной, реляционной и эпистемологической концепций пространства в социологическом анализе города // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Т. 32. № 4.
7. Сеннет Р. Плоть и камень: тело и город в западной цивилизации. М., 2016.
8. Сент-Экзюпери А. де. Военный летчик // Малое собрание сочинений. СПб., 2020.
9. Троцук И. Нарративность визуального, или о пользе несоциологического чтения // Социологическое обозрение. 2014. Т. 13. № 1.

10. Троцук И.В. Справедливость как критерий оценки «качества» городского пространства (и счастья его жителей) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2020. Т. 20. № 3.
11. Филиппов А.Ф. Элементарная социология пространства // Социологический журнал. 1995. № 1.
12. Чернявская О.С. Социальное пространство: обзор теоретических интерпретаций // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2008. № 5.
13. Davis M. *City of Quartz: Excavating the Future in Los Angeles*. New York, 2006.
14. Lefebvre H. *Rhythmanalysis: Space, Time, and Everyday Life*. New York, 2017.
15. Lyon D. *Rhythmanalysis: Research Methods*. New York, 2021.
16. Thrift N. Movement-space: The changing domain of thinking resulting from the development of new kinds of spatial awareness // *Economy and Society*. 2004. Vol. 33. No. 4.
17. Virilio P. *The Big Night. A Landscape of Events*. Cambridge, 2000.

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-1-295-302
EDN: PJWXWV

Experiencing the space of the nocturnal city: Night as a source of sociological imagination*

F.D. Polyakov

RUDN University,
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

(e-mail: dieuxph@mail.ru)

Abstract. The article is a review of Nick Dunn's *Dark Matters: A Manifesto for the Nocturnal City* (Perm: Gile Press, 2024. 128 p.) as a sociological reflection on urban space. The review attempts to relate Dunn's work to a wide range of research traditions that have variously described the relationship between the physical, social and semantic dimensions of urban space. Particular attention is paid to those forms of urban experience that are poorly articulated in studies of the everyday, functionally organized and predictable urban space. The focus on the nocturnal city allows to shift the analytical perspective from stable modes of spatial use to the bodily and affective dimensions of spatial experience. The author notes the essayistic nature of the book and the tension between the description of experience of night walks in the format of autoethnography and its subsequent reflection. For researchers of urban space, the significance of *Dark Matters* lies not so much in the development of theoretical-methodological principles for analyzing the nocturnal city as in the development of sociological imagination and the rethinking of possibilities of scientific description of urban space.

Key words: sociology of space; sociology of the city; urban theory; night city; urban space; bodily-visual experience; everyday life; sociological imagination

For citation: Polyakov F.D. Experiencing the space of the nocturnal city: Night as a source of sociological imagination. *RUDN Journal of Sociology*. 2026; 26 (1): 295–302. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-1-295-302> EDN: PJWXWV

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-1-303-309

EDN: PJBXOT

Социологические аспекты в истории общественного здравоохранения*

Л.В. Пашигорова

Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

(e-mail: l.v.pashigorova@mail.ru)

Аннотация. Статья представляет собой краткую рецензию-рекомендацию в отношении несоциологической книги [см.: 5], которая будет полезна читателю, занимающемуся исследованиями в сфере социологии медицины — для расширения общего кругозора за счет обращения к смежным и междисциплинарным источникам и для развития социологического воображения благодаря пониманию сложного сочетания объективных исторических, (гео)политических и дискурсивных факторов, определивших особенности организации медицины и здравоохранения как ключевых социальных институтов современного общества. Книга «Общественное здоровье и модернизация: история общественного здравоохранения в Европе и Азии в XIX–XX вв.» (авторы — Д.В. Михель и И.В. Михель; М.: ИНИОН РАН, 2025. 501 с.) реконструирует часть, «некоторые сюжеты» из истории общественного здравоохранения как «одного из захватывающих направлений современной историографии» и адресована «историкам, специалистам в области истории здравоохранения и всем, кто интересуется проблемами всеобщей истории» (С. 2), но можно рекомендовать ее и социологам по причинам, которые обозначены в рецензии.

Ключевые слова: общественное здоровье; модели здравоохранения; модернизация; санитария; реформирование; здравоохранительные теории и практики; кейсы

Для цитирования: Пашигорова Л.В. Социологические аспекты в истории общественного здравоохранения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2026. Т. 26. № 1. С. 303–309. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-1-303-309> EDN: PJBXOT

Рецензируемая книга — историческая работа, посвященная моделям эволюции общественного здравоохранения в ряде страновых «кейсов» в течение последних двух столетий, и потому требует обоснования своей необходимости для социологов. Эта необходимость не следует из названия или Содержания, где в развернутом Введении, одиннадцати главах и номинальном Заключении не обнаруживаются социологические тематики: публичная

*© Пашигорова Л.В., 2026

Статья поступила в редакцию 24.10.2025. Статья принята к публикации 15.01.2026.

гигиена во Франции и санитарные реформы в Англии в XIX веке, колониальное здравоохранение и введение санитарии в Британской Индии, Гонконге и Шанхайском международном поселении в соответствующие исторические периоды, модернизация общественного здравоохранения в Китае и Индии, а также забота о детском здоровье в этих странах и ряд других сюжетов. Однако социолог обнаружит на страницах монографии много интересных сюжетов, даже если не специализируется на изучении общественного здоровья, медицинских аспектов социальной жизни, организации системы здравоохранения и пр. Перечислим эти важные для читателя-социолога исследовательские, а не чисто исторические сюжеты.

Во-первых, начиная книгу с уточнения, что «не существует общественного здоровья без общественного здравоохранения — научно-практической системы, включающей в себя специалистов, учреждения, методы и оборудование, способной оценить то, что называется “общественным здоровьем”, и оказать воздействие на те или иные его параметры — смертность, продолжительность жизни, рождаемость, масштабы распространения различных заболеваний» (С. 7), авторы вводят в повествование системно-институциональный и социально-управленческий акценты — элементы предметного поля социологии как междисциплинарной науки. Например, «тот факт, что западные подходы к сфере здравоохранения со временем получили распространение, означал, что здравоохранение было еще одной силой, которая участвовала в колонизации Индии, силой, взламывающей ее традиционные культурные ценности и расширяющей свой контроль над ее населением... При этом история оздоровления Калькутты показывает, что реформы общественного здравоохранения никогда не сводятся лишь к изменениям в сфере социально-медицинского знания» (С. 207, 246). Или: для Китая в начале XX века «стать современной страной означало не только вернуть себе национальный суверенитет, но и избавиться от отсталости, невежества и болезней... что требовало модернизации имперской системы здравоохранения» (С. 324).

Во-вторых, задавая хронологические рамки исследования — два последних столетия, авторы связывают сравнительно поздний интерес к общественному здоровью с теми же обстоятельствами, что объясняют историческое отставание социологии от других наук: «целый ряд западных стран встали на путь модернизации своих общественно-политических институтов, превратив вопросы общественного благополучия и эффективного управления обществом в важнейшие вопросы общественного развития». Первыми стали Франция, Англия и Германия (последняя лишь упоминается, не став объектом специального раздела), где «сложились соответствующие исторические условия и появилась политическая воля, чтобы использовать часть имеющихся ресурсов для воздействия на процессы, ход которых вызывал особое беспокойство властей и представителей политической элиты, — не-

прекращающиеся эпидемии, бесконтрольные урбанизация и индустриализация, а также появились и соответствующие средства или технологии для взятия этих процессов под контроль» (С. 8). Читатель-социолог может увидеть, в каких институциональных и повседневных условиях выкристаллизовывались объективные (рационализация и секуляризация) и субъективные (концептуализация) факторы становления социологии как самостоятельной науки с со своим предметным полем.

В-третьих, книга предлагает интересный исторический обзор в контексте социологии профессий [см., напр.: 1; 2], показывая, как «врачи — или, во всяком случае, люди, связанные с медицинским ремеслом, — постепенно стали играть ведущую роль в формулировании проблем общественного здоровья... серьезным образом укрепили свой профессиональный авторитет и в эпоху, когда еще не было возможности отличить их от так называемых “шарлатанов”, смогли установить прочный союз с государством... им был поручен целый ряд административных функций... появились врачи-чиновники, предшественники современных санитарных врачей, что серьезно изменило ситуацию в медицинской профессии и побудило всех остальных ее представителей к развитию профессиональных навыков, а также к консолидации и образованию профессиональных ассоциаций» (С. 8–9).

В-четвертых, в книге отмечены проявления дискурсивного и нарративного поворотов [см. подробнее в: 7], о которых много написано применительно к исторической науке и к конфликтным интерпретациям разных социальных феноменов в общественном сознании и медийных репрезентациях, но в данном случае речь идет о разных версиях развития общественного здравоохранения [см. пример такой множественности в: 6]: «модель административной истории господствовала всю первую половину XX века... ее представители, прежде всего, смогли подчеркнуть тот факт, что подлинный прогресс в сфере охраны общественного здоровья в Европе начался тогда, когда делом здравоохранения занялись профессиональные администраторы и мобилизованные ими врачи» (С. 11). Однако в 1960–1970-е годы «прививка критического подхода... изменила интеллектуальную моду в истории общественного здравоохранения... Повествования о длительном прогрессе... постепенном подъеме цивилизации... героической деятельности некоей группы профессионалов (что не отменяет возможности называть врачей героями в экстремальных ситуациях [см., напр.: 8])... вышли из моды, уступив место мысли о том, что вклад в обеспечение общественного здоровья вносится различными группами» (С. 13). Например, в последней четверти XVIII века к деятельности Королевского медицинского общества во Франции наряду с врачами-экспертами привлекались представители других научных областей: химики (качество воздуха, воды и почвы), ветеринары (здоровье скота), архитекторы и инженеры (реорганизация городского пространства, создание санитарно-гигиенической инфраструктуры) и многие другие.

По мнению авторов, за «критическую прививку» исторической науке отвечали представители «левых» взглядов, рассматривавшие здравоохранение как элемент противоречивого развития рационального знания, отношений власти и социальных институтов (Франкфуртская школа [11] и особенно М. Фуко [9; 10]), и приверженцы концепции постмодерна, утверждавшие, что должны звучать все голоса и все точки зрения (на историю общественного здравоохранения и ее участников). Поэтому история здравоохранения должна быть представлена как коллективная деятельность профессионалов (врачей и администраторов) и непрофессионалов, им помогавших вольно или невольно (военные, духовенство, интеллектуалы, представители рабочих классов и пр.), и должна решать задачу сравнения, будучи совокупностью множества «маленьких историй» о разных эпизодах и периодах в становлении современной системы здравоохранения. Свою книгу авторы называют «еще одним маленьким рассказом об истории общественного здоровья в странах, ставших на путь модернизации в XIX–XX веках» (С. 16).

В книге упоминается и «борьба дискурсов» на уровне общественного сознания, например сосуществование интерпретаций здоровья как преимущественно мирской ценности, а ряда факторов нездоровья — как результата отказа от христианских добродетелей. Или: наличие в Западной Европе двух моделей охраны общественного здоровья до середины XVIII века, когда вторая, более поздняя, оформившаяся в XV веке, вытеснила первую. Первая модель определяла характер социальной реакции на проказу на основе ветхозаветных норм защиты общества от жертв болезни, а вторая — восприятие чумы на основе светского и гуманистического принципа защиты всего общества от любого смертельно опасного врага (С. 29). Или: постепенное превращение заботы о здоровье из частного дела в государственную задачу обеспечения выживания и благополучия всего социального организма, причем нездоровый образ жизни определялся западными социальными реформаторами XIX века как проявление «народного варварства», а здоровый образ жизни — как признак общественного порядка и цивилизованности.

В-пятых, книга демонстрирует вариативность кейс-стади как исследовательского подхода. Реконструированные авторами национальные истории общественного здравоохранения — это по сути, страновые «кейсы», изучение которых позволяет увидеть общее (логика модернизации и становления современных социальных институтов) и особенное (факторы и темпы, субъекты и объекты модернизации), типичное (логика институционализации и огосударствления общественного здравоохранения на Западе) и специфичное (частичное воспроизводство этой логики в колониальных владениях западных империй) в моделях формирования нынешних систем здравоохранения. В книге встречаются «кейсы» разного типа: страны (Англия, Франция, Китай и Индия), города (Париж и Лондон, Гонконг и Шанхай, Калькутта), институты — науки, здравоохранения, государства — и общественные объ-

единения, направления развития общественного здравоохранения (забота о детском здоровье во Франции и Англии и борьба с проблемой венерических заболеваний в Китае) и даже персоналии (яркие представители национальной и международной истории здравоохранения).

Многие авторские описания «кейсов» не могут не вызвать у читателя ассоциации с днем сегодняшним. Например, в ходе недавней пандемии коронавируса государства вспомнили и вели современные аналоги тех карантинных мер, включая «медицинскую полицию», которые помогли почти полностью свести на нет «инциденты с проказой и чумой во Франции к середине XVIII века» (С. 30), причем в Китае выработанные властями в относительно недавнем прошлом инструменты «массовой мобилизации населения перед лицом эпидемической опасности» лишь «обрели более технологический характер» (С. 406) [см., напр.: 3]. Как и в прошлом, многие восприняли пандемийные ограничения как нарушение общественного договора [см., напр.: 4; 12] и протестовали против прививок, считая вакцинацию «медицинским деспотизмом и прямым посягательством на сферу личной свободы» (С. 142). Однако недовольство вакцинацией сегодня утратило бурный протестный формат, перейдя в медийное поле, и представители антивакцинаторского движения все чаще предпочитают судебные разбирательства с государственными институциями открытым формам протеста и, как ни странно, высказывают менее рациональные (и даже конспирологические) аргументы, чем их предшественники в прошлом. Другой пример: многие болезни и сегодня стигматизируются в логике «санитарного императива» французских гигиенистов первой половины XIX века: они требовали не только переустройства физической среды городской жизни — «избавления от физических нечистот», но и изменения моральных устоев общества — «избавления от моральной скверны» (С. 71).

Учитывая ее несоциологический характер, вряд ли читатель-социолог может высказать в адрес книги критические замечания, но они могут возникнуть у любого читателя, независимо от его научной подготовки. Многие основания для критики авторы отвергают сразу, подчеркивая, что тема охраны общественного здоровья даже только в Европе и Азии на протяжении двух последних столетий «поистине безбрежна», и ей посвящено множество исследований, число которых с каждым годом возрастает. Авторы ставили перед собой задачу «хотя бы в первом приближении обобщить уже существующий научный материал»: «дать исчерпывающую картину того, как общественное здоровье стало предметом особой заботы со стороны общества, в особенности его наиболее деятельных представителей — политиков, правительственных чиновников, активистов общественных движений и прежде всего врачей — и к чему им удалось прийти, будет практически невозможно», поэтому авторы сфокусировались на нескольких сюжетах и «взяли для примера две европейские страны — Францию и Англию — и две самые

крупные азиатские страны — Китай и Индию, а также колониальный мир, который стал своеобразным местом встречи Европы и Азии» (С. 7). Но и выбранный фрагмент исторического ландшафта оказался «столь обширным полем для работы», что авторы постоянно «сомневались в правомерности сделанных выводов», учитывая «нескончаемый поток информации», «все новые ориентиры» и «изобилие существующих оценок по поводу того или иного сюжета» (С. 453).

Авторы отмечают, что были вынуждены себя ограничивать как в освещении представленных стран и городов (невозможно осветить в одной книги все связанные с ними здравоохранительные концепции и практики), так и в выборе тематических линий, потому что критерии «хорошего» здравоохранения исторически подвижны: «К началу XX века невозможно было иметь “хорошее” здравоохранение, не занимаясь младенческим и детским здоровьем... и не избавившись от бремени венерических болезней... В начале XXI века “хорошее” здравоохранение выглядит уже по-другому: оно предполагает наличие средств и методов, позволяющих бороться с опасными вирусными инфекциями и т.д.». Соглашаясь с обоснованностью такой избирательности, все же нельзя не отметить, что читателю не всегда понятна логика структурирования разделов, например, почему глава о модернизации и санитарных улучшениях в Индии оказалась заключительной, а не пятой — после главы о колониальном здравоохранении в Британской Индии; почему упоминаемая для каждой страны проблема венерических заболеваний в случае Китая оказалась вынесена в отдельную главу, а не включена в соответствующие разделы других глав, посвященных Гонконгу, Шанхаю и КНР. В Заключении авторы подчеркивают, что отказ от обращения к истории российского здравоохранения — их «сознательный шаг», учитывая сколь много про него уже написано и сколь мало в отечественной традиции представлен зарубежный опыт. Однако в книге все же мельком упоминается российский и немецкий опыт (например, «бактериологической революции»), что заставляет читателя задаваться вопросом о причинах отказа авторов от описания буквально напрашивающихся аналогий между этими страновыми «кейсами» с подробно описанными.

Библиографический список

1. *Абрамов Р.Н.* Социология профессий и занятий в России: обзор текущей ситуации // Социологические исследования. 2013. № 1.
2. *Абрамов Р.Н., Быков А.В.* Профессиональная этика как объект социологического исследования: между социологией морали и социологией профессий // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 4.
3. *Гнатик Е.Н.* «Новая нормальность» эпохи covid-19: возможности, ограничения, риски // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 4.
4. *Горшков М.К., Тюрина И.О.* Состояние и динамика массового сознания и поведенческих практик россиян в условиях пандемии COVID-19 // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 4.

5. Троцук И. Нарративность визуального, или о пользе несоциологического чтения // Социологическое обозрение. 2014. Т. 13. № 1.
6. Троцук И.В. Дискурсивные репрезентации (капиталистических) итогов «китайского экономического чуда» // Социологическое обозрение. 2020. Т. 19. № 2.
7. Троцук И.В. Теория и практика нарративного анализа в социологии. М., 2006.
8. Троцук И.В., Субботина М.В. Представления россиян о героях и героизме: устойчивые и изменчивые компоненты (по материалам опросов общественного мнения) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2023. Т. 23. № 3.
9. Фуко М. Рождение биополитики. СПб., 2010.
10. Фуко М. Рождение социальной медицины. М., 2006.
11. Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. М.; СПб., 1997.
12. Ястребов О.А. Обязательная вакцинация: социальное благо или нарушение индивидуальных прав // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 4.

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-1-303-309
EDN: PJBXOT

Sociological aspects in the history of public health*

L.V. Pashigorova

RUDN University,
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

(e-mail: l.v.pashigorova@mail.ru)

Abstract. The article is a brief review-recommendation of a non-sociological book that will be useful to any researcher in the field of sociology of medicine — for broadening general horizons by reading related and interdisciplinary sources and for developing sociological imagination through understanding a complex combination of objective, historical, (geo) political and discursive factors that determined organization of medicine and healthcare as key social institutions in contemporary society. The book *Public Health and Modernization: History of Public Health in Europe and Asia in the 19th and 20th Centuries* (authors — D.V. Mikhel and I.V. Mikhel; Moscow: INION RAS, 2025. 501 p.) reconstructs just a part of the history of public health as “one of the exciting areas in contemporary historiography” and is intended for “historians, specialists in the field of healthcare history and everyone interested in the issues of general history” (p. 2), but it can also be recommended to sociologists for the reasons outlined in the review.

Key words: public health; healthcare models; modernization; sanitation; reform; healthcare theories and practices; cases

For citation: Pashigorova L.V. Sociological aspects in the history of public health. *RUDN Journal of Sociology*. 2026; 26 (1): 303–309. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-1-303-309> EDN: PJBXOT

*© L.V. Pashigorova, 2026

The article was submitted on 24.10.2025. The article was accepted on 15.01.2026.

НАШИ АВТОРЫ

Акбар Йонарисман Мухаммад — преподаватель факультета права, социальных и политических наук Университета Тербука (Индонезия) (e-mail: Yonarismanakbar@ecampus.ut.ac.id).

Бабинцев Валентин Павлович — доктор философских наук, профессор кафедры социальных технологий и государственной службы Белгородского государственного национального исследовательского университета (e-mail: babintsev@bsuedu.ru).

Барков Сергей Александрович — доктор социологических наук, заведующий кафедрой экономической социологии и менеджмента социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (e-mail: barkserg@live.ru).

Ван Бин — аспирантка кафедры социологии Российского университета дружбы народов; преподаватель института Центрально-Восточно-Европейских языков Цзилиньского университета иностранных языков (e-mail: 1321666299@qq.com).

Васильева Екатерина Николаевна — доктор социологических наук, главный научный сотрудник Центра изучения рождаемости, брачности и семьи Института социальной демографии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: vasilevaen@yandex.ru).

Вербицкая Анна Кирилловна — ассистент кафедры социологии, психологии и социального менеджмента Московского авиационного института (e-mail: a.verbitskaya@gmail.com).

Волкова Ольга Александровна — доктор социологических наук, главный научный сотрудник Центра истории, теории и методологии Института социальной демографии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: volkovaoa@rambler.ru).

Гудкова Яна Александровна — кандидат социологических наук, ассистент кафедры социологии Российского университета дружбы народов; специалист по работе с базами исследовательских данных Аналитического центра Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) (e-mail: gudkova-yaa@rudn.ru).

Данилов Александр Николаевич — доктор социологических наук, член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, заведующий кафедрой социологии Белорусского государственного университета (e-mail: a.danilov@tut.by).

Иванов Вилен Николаевич — доктор философских наук, член-корреспондент и советник Российской академии наук; главный научный сотрудник Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук; профессор кафедры социологии Российского университета дружбы народов (e-mail: vilen_ivanov@bk.ru).

Ишмухаметов Рустам Рифатович — кандидат социологических наук, доцент кафедры управления современным образованием Института развития образования Республики Башкортостан (e-mail: rustish@list.ru).

Киреева Ольга Феликсовна — кандидат социологических наук, доцент кафедры управления информационными процессами факультета журналистики Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: kireeva-of@ranepa.ru).

Козырев Геннадий Иванович — доктор социологических наук, профессор кафедры политической социологии Российского государственного гуманитарного университета; профессор кафедры социологии Российского химико-технологического университета имени Д.И. Менделеева (e-mail: genkozyr@mail.ru).

Колодезникова Инна Валентиновна — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической социологии и менеджмента социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (e-mail: inna0105@yandex.ru).

Кравченко Сергей Александрович — доктор философских наук, профессор кафедры социологии Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации (e-mail: sociol7@yandex.ru).

Кучмаева Оксана Викторовна — доктор экономических наук, главный научный сотрудник Центра изучения рождаемости, брачности и семьи Института социальной демографии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: kuchmaeva@yandex.ru).

Ларина Татьяна Игоревна — доктор социологических наук, доцент кафедры социологии Российского университета дружбы народов (e-mail: larina-ti@rudn.ru).

Маркеева Анна Валерьевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры экономической социологии и менеджмента социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (e-mail: anna_markeeva@mail.ru).

Марков Александр Викторович — доктор филологических наук, профессор кафедры кино и современного искусства Российского государственного гуманитарного университета (e-mail: markovius@gmail.com).

Мамедов Агамали Кулам-оглы — доктор социологических наук, заведующий кафедрой социологии коммуникативных систем социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (e-mail: akmnauka@yandex.ru).

Медведев Максим Максимович — старший инспектор Координационного центра и магистрант кафедры социологии Кубанского государственного университета (e-mail: maxim.med2002@gmail.com).

Мещерякова Наталия Николаевна — доктор социологических наук, заведующая кафедрой политической социологии и социальных технологий Российского государственного гуманитарного университета (e-mail: natalia.tib@mail.ru).

Музыкант Валерий Леонидович — доктор социологических наук, профессор кафедры массовых коммуникаций Российского университета дружбы народов (e-mail: muzykant-vl@rudn.ru).

Нарбут Николай Петрович — доктор социологических наук, заведующий кафедрой социологии Российского университета дружбы народов (e-mail: narbut-np@rudn.ru).

Носкова Антонина Вячеславовна — доктор социологических наук, профессор, и.о. заведующего кафедрой социологии Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации (e-mail: a.noskova@inno.mgimo.ru).

Пашигорова Любовь Владимировна — соискатель кафедры социологии Российского университета дружбы народов (e-mail: lp5526425@outlook.com).

Поляков Федор Денисович — аспирант кафедры социологии Российского университета дружбы народов (e-mail: dieuxph@mail.ru).

Проказина Наталья Васильевна — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (e-mail: nvprokazina@mail.ru).

Пузанова Жанна Васильевна — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Российского университета дружбы народов (e-mail: puzanova-zhv@rudn.ru).

Ростовская Тамара Керимовна — доктор социологических наук, директор Института социальной демографии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук; директор Института современных языков, межкультурной коммуникации и миграций Российского университета дружбы народов (e-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru).

Силкин Владимир Владимирович — доктор политических наук, декан факультета журналистики Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: vv.silkin@igsu.ru).

Субботина Мария Владимировна — кандидат социологических наук, ассистент кафедры социологии Российского университета дружбы народов (e-mail: subbotina-mv@rudn.ru).

Темнова Лариса Витальевна — доктор психологических наук, профессор кафедры современной социологии социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (e-mail: temnova.larisa@yandex.ru).

Тощенко Жан Терентьевич — доктор философских наук, член-корреспондент Российской академии наук, научный руководитель социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета; главный научный сотрудник отдела теоретического анализа социальных трансформаций Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: zhantosch@mail.ru).

Троцук Ирина Владимировна — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Российского университета дружбы народов; ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации и Центра фундаментальной социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (e-mail: irina.trotsuk@yandex.ru).

Хагуров Темыр Айтчевич — доктор социологических наук, заведующий кафедрой социологии и проректор по учебной работе, качеству образования – первый проректор Кубанского государственного университета (e-mail: khagurov@mail.ru).

Хайяти Нур — преподаватель факультета права, социальных и политических наук Университета Тербука (Индонезия) (e-mail: nurhayati1@ecampus.ut.ac.id).

Черныш Михаил Федорович — доктор социологических наук, член-корреспондент Российской академии наук, директор Института социологии и научный руководитель Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: mfche@yandex.ru).

Шарков Феликс Изосимович — доктор социологических наук, заведующий кафедрой общественных связей и медиаполитики факультета журналистики Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: sharkov-fi@ranepa.ru).

Штайн Оксана Александровна — кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии департамента философии Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (e-mail: shtaynshtayn@gmail.com).

Юдина Татьяна Николаевна — доктор социологических наук, главный научный сотрудник и руководитель Центра исследования миграционных процессов, трудовых ресурсов и рынков труда Института социальной демографии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: ioudinatn@mail.ru).

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

В журнале публикуются статьи по методологии, истории и теории социологии, статьи по результатам социологических и междисциплинарных исследований по широкому кругу вопросов социально-гуманитарного знания на русском и английском языках, а также реферативные обзоры и рецензии.

Редакция принимает к рассмотрению статьи, оформленные в строгом соответствии со следующими правилами:

1. **Объем рукописи** — от 30 до 50 тысяч знаков (с пробелами) для статей, от 20 до 30 тысяч знаков — для рецензий. Формат страницы — А4, шрифт — Times New Roman, размер шрифта — 12, межстрочный интервал — полуторный, нумерация страниц не проставляется. Отступ первой строки абзаца — 1,25, поля на странице — 30 мм слева, 20 мм справа, сверху и снизу. Ссылки даются в тексте в квадратных скобках, внутри которых первая цифра указывает на номер источника в библиографическом списке, вторая, стоящая после прописной буквы «С», — на номер страницы в источнике (например, [1. С. 26]; ссылка на несколько источников — [1. С. 126; 4. С. 43]). Ссылки на примечания даются в круглых скобках, например, (1).
2. **Все таблицы, схемы, графики и рисунки** встраиваются непосредственно в текст статьи. Они должны быть пронумерованы и озаглавлены. Таблицы должны иметь заголовки, размещаемый над табличным полем, рисунки — подрисуночные подписи. При использовании в статье нескольких таблиц и/или рисунков их нумерация обязательна.
3. **Формулы** размечаются, поясняются и снабжаются библиографическими ссылками.
4. В рукописях необходимо приводить два списка ссылок на использованные в работе источники — «**Библиографический список**» и «**References**». Ссылки на источники в Библиографическом списке следует оформлять в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008; References — в стиле Vancouver в версии АМА. Требования к оформлению Библиографического списка и References приведены на сайте журнала: http://journals.rudn.ru/index.php/index/pages/view/References_guidelines.
5. К статье обязательно прилагаются:
 - ♦ **аннотация** (резюме) объемом 250–300 слов на русском и английском языках;

- ◆ **список 7–8 ключевых слов** на русском и английском языках; каждое ключевое слово или словосочетание отделяется от другого точкой с запятой;
- ◆ **авторская справка** на русском и английском языках, где указываются: Ф.И.О. (полностью), официальное наименование места работы, должность, ученая степень, а также **данные для связи с автором** — адрес места работы, включая почтовый индекс, номер телефона (служебный, мобильный), электронный адрес; **в статье допускается не более четырех соавторов.**

Срок рассмотрения и принятия решения о публикации составляет не менее **шести** месяцев со дня регистрации рукописи в редакции. Материалы, не принятые к изданию, не возвращаются. Редколлегия не вступает с авторами в переписку в случае отказа от публикации их материалов.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений.

Публикуемые материалы могут не отражать точки зрения редколлегии.

Представляя в редакцию рукопись, автор берет на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редколлегии.

С содержанием вышедших номеров и аннотациями статей можно ознакомиться на сайте журнала в сети Интернет: <http://journals.rudn.ru/sociology/index>.

Для отправки статьи в редакцию необходимо заполнить форму на сайте журнала <http://journals.rudn.ru/sociology/information/authors>, где также приведена подробная информация для авторов.

AUTHORS' GUIDELINES

The journal publishes articles on the methodology, history and theory of sociology, articles on the results of sociological and interdisciplinary studies covering a wide range of issues in social sciences and humanities written in Russian and English, as well as brief surveys and book reviews.

The editors will consider articles strictly complying with the following standards:

1. **The size of the manuscript** — from 30 to 50 thousand symbols for articles; from 20 to 30 thousand symbols for reviews. References are to be given in the text in square brackets, inside of which the first figure indicates the number of the source in the references list, the second one, following the capital letter “P”, indicates the page number in the source (for example, [1. P. 126]; references to several sources — [1. P. 126; 4. P. 43]). References to footnotes are to be given in round brackets, for example, (1).
2. All the **tables, diagrams, graphs, and drawings** are to be incorporated in the text of the article. They are to be numbered and supplied with a title. Tables are to be given a title placed above the table, drawings are to have captions. When several tables and/or drawings are used in the article, their numeration is obligatory.
3. **Formulas** are to be marked out, explained and provided with references.
4. The manuscript must include a list of references submitted in accordance with the Vancouver style of the AMA version. Requirements to ‘References’ can be found on the journal’s website: http://journals.rudn.ru/index.php/index/pages/view/References_guidelines.
5. **It is obligatory to attach** the following to the manuscript:
 - ◆ **abstract (summary)** of 250–300 words in Russian and English;
 - ◆ **a list of 7–8 key terms** in Russian and English; each key term or word-combination is to be separated from another one with a semicolon;
 - ◆ **information about the author** in Russian and English, including: the author’s full name, the official name of the place of employment, position, scientific degree, as well as the **author’s contact data** — mailing address, telephone number (office, mobile), electronic address; **the number of co-authors cannot be more than four.**

The decision as to publication is made no less than within **six** months from the day the manuscript is registered at the editorial office. Materials which are not accepted for publication will not be returned. The editors will not enter into correspondence with the authors in case of refusal to publish the articles submitted by them.

The authors will bear full responsibility for the selection and authenticity of the given facts, quotations, statistical and sociological data, proper names, geographical names and other information.

The published materials may not reflect the viewpoint of the editorial board and the editors.

The author, submitting a manuscript to the editors, undertakes not to have it published, either in full or partially, in any other publication without the editors' consent.

The published issues and abstracts of the articles are available on the website of the journal: <http://journals.rudn.ru/sociology/index>.

To send the article to the editors the author need to fill in a form on the website <http://journals.rudn.ru/sociology/information/authors>, which also provides the detailed information for authors.

ДЛЯ ЗАМЕТОК
